ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Кожевников Сергей Александрович

Развитие методологии стратегирования пространственной интеграции региональных социально-экономических систем

Специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(региональная экономика)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Ускова Тамара Витальевна

Вологда – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……4

ГЛАВА 1. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ……...19

1.1. Интеграция как ключевое свойство социально-экономических систем……19

1.2. Эволюция концептуальных основ исследования пространственной интеграции регионов……..38

1.3. Предпосылки, факторы и инструментальное обеспечение пространственной интеграции: зарубежный и отечественный опыт……60

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ……..93

2.1. Научные основы кумулятивно-конвергентного методологического подхода к исследованию пространственной интеграции……93

2.2. Методический инструментарий стратегической оценки развития пространственной интеграции регионов……...105

2.3. Теоретико-методологический базис и концептуальная схема стратегирования пространственной интеграции……121

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ……139

3.1. Тенденции пространственного развития Европейского Севера России в контексте активизации интеграционных процессов……139

3.2. Формы, методы и инструменты обеспечения пространственной интеграции: анализ практики северных территорий……..169

3.3. Стратегические приоритеты и ограничения развития пространственной интеграции Европейского Севера России……..191

ГЛАВА 4. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТРАТЕГИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИЕРАРХИЧЕСКИ-ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА……...211

4.1. Иерархически-полицентрическая модель социально-экономического пространства: особенности и приоритеты обеспечения……...211
4.2. Методический инструментарий идентификации опорных узлов в социально-экономическом пространстве…….222
4.3. Регионально-отраслевые стратегические приоритеты развития опорных узлов……..234
ГЛАВА 5. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ……...249
5.1. Проектное управление в контексте реализации стратегических приоритетов интеграции пространства регионов России……...249
5.2. Институционально-инструментальное обеспечение интеграции на основе удлинения цепочек создания добавленной стоимости…….263
5.3. Концептуальная модель организации межмуниципального сотрудничества с позиции стейкхолдерского подхода……...281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….296
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ……300
ПРИЛОЖЕНИЕ…….345

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Для России, как самого большого по площади территории государства в мире, эффективное использование и интеграция национального пространства являются важнейшими задачами федерального уровня. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) укрепление единства экономического пространства рассматривается в качестве ключевого условия экономической безопасности страны. В свою очередь в Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208) одним из целевых ориентиров обозначен уровень экономической интеграции субъектов РФ[1].

При этом высокая социально-экономическая дифференциация регионов и проблемы пространственной дезинтеграции обострились в ходе рыночных реформ 90-х гг. XX в. Ключевыми причинами ослабления межтерриториальных связей стали снижение роли государства в регулировании пространственного развития; возрастание конкуренции регионов за финансовые ресурсы федерального центра; переориентация предприятий на глобальный формирующийся рынок[2] в ущерб сложившимся, но зачастую уже неэффективным внутренним связям.

Всё это изменило характер территориального разделения труда[3], привело к утрате потенциала и конкурентных преимуществ значительных территорий (прежде всего периферийных), сокращению стимулов для их сотрудничества, росту межрегиональной дифференциации[4,5]. Так, в 1995–2023 гг. отношение среднедушевого валового регионального продукта (ВРП) 10 субъектов-лидеров к

---

[1] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[2] Квинт В. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке: монография. М.: Бизнес Атлас, 2012. 626 с.

[3] Некипелов А.Д. Экономическое развитие в условиях глобальной рыночной системы // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 1–16. EDN: HRTOHF.

[4] Гранберг А.Г. Регионы в экономическом пространстве России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 1999. № 2. С. 4–12.

[5] Шамахов В.А., Межевич Н.М. Территориальное управление в 2021 году: новые подходы к традиционным решениям // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 10–16. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-7-10-16.

ВРП 10 субъектов-аутсайдеров выросло с 4,9 до 14,1 раза[6]; в 1990–2023 гг. по инвестициям в основной капитал на душу населения отмечался рост дифференциации с 6,9 до 17,7 раза; по среднедушевым денежным доходам населения – с 1,9 до 3,6 раза. На внутрирегиональном уровне различия могут быть на порядок выше. В результате рост дифференциации выступает одной из причин, ограничивающих возможности пространственной интеграции регионов.

Россия является северной страной, поскольку к Северу относится 2/3 площади её территории[7]. Северные регионы характеризуются огромным природно-ресурсным, производственным, геостратегическим потенциалом, но при этом разреженностью, форсированными темпами сжатия освоенного пространства[8], что затрудняет обеспечение пространственной интеграции как необходимого условия эффективного использования данного потенциала[9].

Вопросы использования пространства как эндогенного фактора развития являются особенно важными в условиях геополитического противостояния, в которых оказалась Россия. Как свидетельствуют исследования и мировой опыт, эндогенная модель развития опирается на использование потенциала внутреннего рынка, сетевого сотрудничества экономических агентов[10], формирование новых полюсов роста за пределами городских агломераций, транспортную доступность периферийных территорий и др.[11]

---

[6] В статистике по большинству субъектов РФ ВРП представлен с 1995 г.

[7] Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР».

[8] Новикова И.В., Алимурадов М.К. Инструменты ресурсного обеспечения стратегических приоритетов развития Арктической зоны России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 4. С. 42–52. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2024.86.003.

[9] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[10] Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. Санкт-Петербург: Ассоциация «Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований «Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте», 2021. 351 с.

[11] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

Таким образом, в условиях обострения современных вызовов возникает насущная потребность в развитии методологии стратегирования пространственной интеграции регионов, ориентированной на придание данным процессам управляемого характера за счёт проактивной роли государства в реализации стратегических приоритетов развития, использования широкого спектра инструментов и институционального обеспечения, что способствует раскрытию потенциала, конкурентных преимуществ территорий и стейкхолдеров интеграции. Эти обстоятельства обусловили *актуальность* диссертационной работы.

Степень разработанности рассматриваемой проблемы и изученности темы научного исследования.

Для понимания сущности пространственной интеграции регионов, выявления предпосылок и инструментария её обеспечения были исследованы положения теории центральных мест (В. Кристаллер (W. Christaller), А. Лёш (A. Lösch)); штандортных теорий размещения (И. фон Тюнен (J.H. von Thünen), В. Лаундхарт (W. Launhardt), А. Вебер (A. Weber), Р. Уокер (R.Walker) и др.); теорий кумулятивного роста («центр – периферия»: Г. Мюрдаль (G. Myrdal), Дж. Фридман (J. Friedmann)); полюсов и центров роста: Ф. Перру (F. Perru), Ж. Будвилль (J. Boudeville); осей развития П. Потье (P. Pottier)); промышленных районов/округов (А. Маршалл (A. Marshall), Дж. Бекаттини (G. Becattini), Д. Майа (D. Maillat)); промышленного (М. Портер (M. Porter)) и регионального кластеров (М. Энрайт (M. Enright)); новой экономической географии (П. Кругман (P. Krugman), М. Фуджита (藤田 昌久), Э. Венаблс (A.J. Venables)); диффузии инноваций (Т. Хегерстранд (T. Hägerstrand), П. Хаггет (P. Haggett)) и др.

Ближе всего к пониманию глубинных закономерностей интеграции на международном уровне подошли теория глобального формирующегося рынка (В. Л. Квинт, В. А. Шамахов, А. М. Либман, Б. А. Хейфец), школы международной экономической интеграции (рыночная: В. Рёпке (W. Roepke), Р. Арон (R. Aron), Г. Кассель (G. Cassel); рыночно-институциональная: Б. Баласса (B. Balassa), М. Бийе (M. Byee), Дж. Вайнер (J. Viner); неокейнсианская: Я. Тинберген (J. Tinbergen), Р. Купер (R. Cooper), Дж. Пиндер (J. Pinder)), положения которых

были использованы при разработке авторского подхода к исследованию и инструментария оценки пространственной интеграции регионов.

Социальным, институциональным, когнитивным факторам углубления интеграции посвящена теория «близости» (Р. Бошма (R. Boschma), А. Торре (A. Torre), К. Комтуа (C. Comtois), П. Маркузе (P. Marcuse)); влиянию факторов цифровизации и научно-технологического развития на консолидацию потенциала органов власти, бизнеса и науки в контексте реализации совместных стратегических приоритетов, развитию кластеров посвящены работы Д. М. Журавлева, И. В. Шацкой, Р. А. Мусаева, Н. В. Смородинской.

Поскольку данные процессы зарождаются на микроуровне, необходимо понимание закономерностей развития интеграции хозяйствующих субъектов (теория OLI Дж. Даннинга (J. H. Dunning); вертикальной интеграции (Р. Коуз (R. Coase), О. Уильямсон (O. Williamson)); платформенных компаний (Дж. Паркер (G. Parker), С. Чаудари (S. Choudary), Д. Йоффе (D. Yoffie)).

Для формирования авторской позиции относительно особенностей, проблем, инструментария пространственного развития и интеграции регионов России были изучены работы ведущих научных школ пространственной экономики: московской (А. Г. Аганбегян, В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, С. Н. Растворцева, О. В. Кузнецова, Н. Н. Михеева, А. Н. Пилясов, С. С. Артоболевский, Т. Г. Нефедова, А. И. Трейвиш, Е. М. Бухвальд, А. В. Одинцова и др.), петербургской (В. В. Окрепилов, В. А. Шамахов, С. В. Кузнецов, В. Е. Рохчин, Б. С. Жихаревич, Н. М. Межевич и др.), дальневосточной (П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко, Б. Х. Краснопольский, О. М. Прокапало, Д. А. Изотов, А. Б. Бардаль и др.), сибирской (А. Г. Гранберг, Т. И. Заславская, В. А. Крюков, В. В. Кулешов, В. И. Суслов, В. Е. Селиверстов, А. Н. Буфетова, К. П. Глущенко, Е. А. Коломак, В. И. Блануца, А. Я. Троцковский и др.), уральской (А. И. Татаркин, В. Н. Лаженцев, В. В. Акбердина, Ю. Г. Лаврикова, Е. Г. Анимица, И. А. Антипин, С. Г. Важенин, С. Г. Пьянкова и др.). Фокус на исследовании специфики развития и интеграции пространства Севера и Арктики характерен для авторов советской школы (теория экономического районирования (И. Г. Александров,

Н. Н. Баранский, Ю. Г. Саушкин и др.); территориально-производственных комплексов (Н. Н. Колосовский, М. К. Бандман и др.)), современных работ (В. Н. Лаженцев, В. А. Ильин, А. А. Шабунова, Т. В. Ускова, О. В. Толстогузов, А. Н. Пилясов, А. М. Фадеев, А. В. Мясков, С. Ю. Козьменко, С. М. Никоноров, П. В. Дружинин, В. В. Фаузер).

Одной из ведущих теоретических платформ изучения закономерностей, обоснования стратегических приоритетов развития регионов, положения которой были использованы в диссертации, является общая теория и методология стратегирования, разрабатываемая академиком, иностранным членом РАН, д.э.н., профессором Владимиром Львовичем Квинтом и представителями его научной школы (И. В. Новикова, Н. И. Сасаев, И. В. Манаева, Л. И. Власюк и др.).

Вместе с тем наблюдается достаточно слабый уровень развития теоретико-методологических основ стратегирования пространственной интеграции регионов. Не сложилось единого понимания сущности данной категории, предпосылок и факторов, обеспечивающих интеграцию социально-экономического пространства. Актуальной является разработка научно обоснованного подхода к стратегированию интеграции, ориентированному на согласование ценностей, интересов и стратегических приоритетов развития государства, бизнеса, населения, консолидацию потенциала различных территорий при реализации совместных проектов. Понимание данных вопросов позволит сформировать подход к выявлению движущих сил, развитию ключевых положений теории и методологии, комплексно исследующих интеграцию как развивающийся процесс. Эти обстоятельства предопределили тему, цель, задачи исследования и его структуру.

Целью исследования является развитие теоретико-методологических положений стратегирования пространственной интеграции региональных социально-экономических систем для последующей их имплементации в практику обеспечения интеграции регионов России.

Достижение цели предусматривает решение следующих **задач**:

– провести критический анализ эволюции концепций и теорий пространственной, региональной экономики, а также мирового опыта для

понимания сущности пространственной интеграции регионов, выявления предпосылок и факторов её обеспечения;

– разработать и апробировать методологический подход к исследованию, включающий методический инструментарий оценки пространственной интеграции регионов;

– разработать теоретико-методологический базис и концептуальную схему стратегирования пространственной интеграции регионов;

– по результатам диагностики и OTSW-анализа выявить и провести типологизацию стратегических ограничений, создающих потенциальные риски реализации стратегических приоритетов пространственной интеграции регионов;

– предложить организационно-экономический механизм обеспечения пространственной интеграции на основе формирования институтов и инструментов активизации интеграционных процессов при реализации проектного управления;

– разработать научно-методическое обеспечение пространственной интеграции регионов на основе соразвития опорных узлов пространства;

– разработать концептуальные основы и инструменты стратегирования пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне посредством развития межмуниципального сотрудничества.

Объектом исследования являются региональные социально-экономические системы, функционирующие на основе вертикальных («центр – регионы») и горизонтальных (меж- и внутрирегиональных) взаимодействий.

Предмет исследования − совокупность организационно-экономических и управленческих отношений, возникающих в процессе стратегирования пространственной интеграции регионов России.

Теоретической и методологической основой исследования выступили работы нобелевских лауреатов по экономике (Р. Коуз (R. Coase), П. Кругман (P. Krugman), Г. Мюрдаль (G. Myrdal), Б. Олин (B. Ohlin), Э. Остром (E. Ostrom), Дж. Стиглиц (J. Stiglitz), Э. Фелпс (E. Phelps)), положения теории систем,

международной экономической интеграции, региональной и пространственной экономики. Критическое осмысление их содержания позволило обосновать авторский подход к исследованию пространственной интеграции регионов.

Обоснованные автором теоретико-методологические положения стратегирования и инструментарий пространственной интеграции базируются на положениях общей теории и методологии стратегирования, разрабатываемых академиком В. Л. Квинтом и представителями его научной школы.

Достоверность результатов подтверждается использованием широкого спектра общенаучных (дедукция, индукция, анализ, синтез, системный, структурно-функциональный анализ, классификация) и специальных (монографический, ретроспективный, экономико-статистический анализ, пространственная эконометрика, OTSW-анализ, анализ стратегических документов) методов исследования.

Информационной базой диссертации являются данные Росстата, ведомственная статистика (Росавтодор, Росморречфлот, Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики и др.); стратегические документы федерального и регионального уровней СССР, России, зарубежных стран; отчёты международных организаций (Европейский фонд регионального развития, ЕЭС, ESPON и др.), институтов межрегионального развития; соглашения и проекты межрегионального сотрудничества субъектов Европейского Севера России; финансовые отчёты компаний; интернет-источники.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертация выполнена в соответствии с паспортом специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика): Теории пространственной и региональной экономики; Факторы устойчивости региональных экономических систем; Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов; Экономическое районирование; Региональные и локальные рынки. Проблема обеспечения единства экономического пространства; Экономические и социальные проблемы местного самоуправления. Межмуниципальное сотрудничество.

Научная новизна диссертационного исследования связана с получением новых теоретико-методологических и прикладных результатов в области стратегирования пространственной интеграции регионов. Наиболее значимые научные результаты, отражающие личный вклад автора в развитие темы, заключаются в следующем:

1. Предложен теоретический подход к пониманию сущности пространственной интеграции регионов, который в отличие от существующих обеспечивает комплексное понимание особенностей, закономерностей её развития, требующих учёта в процессе стратегирования, и в соответствии с ним:

– разработана теоретическая платформа исследования пространственной интеграции с точки зрения эволюции форм общественной организации хозяйства регионов как многофункциональных систем;

– выявлены родовые признаки пространственной интеграции, отличающие её от других форм взаимодействия регионов (межрегионального сотрудничества, межрегиональной кооперации, экономической интеграции и др.);

– показано, что пространственную интеграцию необходимо исследовать с позиции дуализма «процесс–результат» и диалектики «интеграция–конвергенция», что позволяет перейти к более глубокому пониманию стадийности её развития;

– развит понятийный аппарат и представлена авторская трактовка пространственной интеграции регионов, отражающая родовые признаки данной категории.

С учётом этого обосновано, что пространственная интеграция представляет собой управляемый полифакторный процесс, который характеризуется ростом связности, синхронизацией развития и конвергенцией социально-экономического пространства регионов при реализации ими совместных проектов, в результате чего возникает качественно новая пространственная система.

2. Расширено понимание факторов обеспечения пространственной интеграции регионов, а именно:

– выявлено, что углубление интеграционных процессов обеспечивается не столько за счёт эффективного совместного использования регионами в стратегировании их естественных (выгодное экономико-географическое положение, наличие общего пула «структурирующих» природных объектов межрегионального или межмуниципального значения и др.), сколько приобретённых конкурентных преимуществ (агломерационный/районный эффект, развитая инфраструктура, институты координации развития и др.);

– показано, что возрастает роль неэкономических факторов обеспечения «мягких» форм интеграции пространства, отличающихся добровольным характером сотрудничества открытого типа; стратегической интеграционной перспективой; наличием структур, координирующих деятельность участников.

3. Разработаны и апробированы авторский кумулятивно-конвергентный методологический подход к исследованию и методический инструментарий стратегической оценки пространственной интеграции, которые в отличие от существующих позволяют выявить предпосылки, провести диагностику состояния и стадийности её развития как объекта стратегирования, в том числе:

– предложены модели организации национального социально-экономического пространства, отличающиеся пониманием движущих сил, стратегических приоритетов и инструментов обеспечения пространственной интеграции;

– определены условия идентификации интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве, описано их содержание с позиции углубления связности пространства и обеспечения его конвергенции;

– обоснованы этапы расширения и углубления пространственной интеграции регионов;

– выявлены предпосылки и особенности развития пространственной интеграции регионов России.

4. На основе методологии В. Л. Квинта разработаны теоретико-методологический базис и концептуальная схема стратегирования

пространственной интеграции регионов с целью поддержки интеграционных процессов во всех сферах социально-экономического пространства за счёт придания им управляемого характера, проактивной роли государства в реализации стратегических приоритетов, использования широкого спектра инструментов и институционального обеспечения; это способствует раскрытию потенциала, конкурентных преимуществ территорий и стейкхолдеров интеграции. С учётом этого:

– определено место макрорегиональных и субрегиональных стратегий в общей системе стратегий;

– обоснована специфика территориальных и секторальных (отраслевых) аспектов развития пространственной интеграции на внутри- и межрегиональном уровнях, которые необходимо учитывать в стратегировании;

– обоснованы направления сопряжения ключевых положений теории и методологии стратегирования В. Л. Квинта и авторского методологического подхода к исследованию пространственной интеграции регионов.

5. По результатам стратегической диагностики и OTSW-анализа выявлены и типологизированы стратегические ограничения (естественные, социальные, экономические, институционально-управленческие), являющиеся рисками реализации стратегических приоритетов пространственной интеграции, что обусловливает необходимость развития институционально-инструментального обеспечения расширения и углубления интеграции на всех уровнях иерархии.

6. Разработан организационно-экономический механизм функционирования Центра проектирования вертикальной (сетевой) интеграции, направленный на обеспечение комплементарности интересов основных стейкхолдеров, эффективную реализацию ими базовых процессов и функций инновационно-инвестиционной деятельности, что позволяет регионам инициировать и эффективно реализовывать совместные экономические проекты, ориентированные на капитализацию конкурентных преимуществ территорий для достижения стратегических приоритетов развития и пространственной интеграции.

7. Предложен авторский методический инструментарий, основанный на применении методов пространственной автокорреляции (глобальный и локальный индексы Морана) и в отличие от существующих позволяющий провести анализ социальной, экономической и инфраструктурной «плотности» локальных территорий с учётом их взаимной транспортной связанности, что способствует идентификации различных типов опорных узлов, соразвитие которых в иерархически-полицентрической модели интегрирует социально-экономическое пространство регионов.

В этом контексте разработана матрица регионально-отраслевых стратегических приоритетов развития данных узлов, основанная на центр-периферийном и отраслевом подходах и направленная на усиление «центральностей» в пространстве региона с учётом капитализации существующих и формирования новых конкурентных преимуществ, расширения экономико-социальных функций узлов различных типов.

8. Разработаны концептуальные основы развития пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне посредством модернизации социально-экономических связей по линии «крупный город–малый город–село», в том числе:

– предложена структурно-функциональная модель организации социально-экономического пространства региона с позиции теории центральных мест, что позволяет обосновать функции каждого элемента пространства и направления их взаимосвязанного развития в контексте обеспечения пространственной интеграции;

– показана стратегическая роль малых городов в обеспечении пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне, предложены ключевые направления и приоритетные проекты модернизации их экономики;

– обоснована роль и разработана концептуальная модель организации межмуниципального сотрудничества с позиции стейкхолдерского подхода, которая в отличие от существующих позволяет консолидировать интересы участников такого взаимодействия, вовлечь потенциал кооперации бизнес-

структур для достижения стратегических приоритетов совместного развития муниципальных образований и обеспечения пространственной интеграции.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследование пространственной интеграции регионов с позиции эволюции форм общественной организации их хозяйства, дуализма «процесс – результат», а также диалектической взаимосвязи интеграционных процессов и конвергенции позволяет выявить родовые признаки данной категории, отличающие её от других форм взаимодействия регионов, что обеспечивает более комплексное и глубокое понимание ключевых особенностей, закономерностей развития такой интеграции, которые необходимо учитывать в процессе её стратегирования.

2. Расширенное понимание факторов обеспечения пространственной интеграции региональных социально-экономических систем, включающее в себя естественные и приобретённые в ходе хозяйственной деятельности конкурентные преимущества, в том числе неэкономические, и их эффективное совместное использование регионами в стратегировании способствуют углублению интеграции во всех сферах социально-экономического пространства.

3. Разработанный методологический подход к исследованию, определяющий условия идентификации и особенности развития интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве, а также методический инструментарий оценки пространственной интеграции как процесса, развивающегося во времени и углубляющегося по сферам регионального пространства, позволяют выявить предпосылки, провести комплексную диагностику состояния и стадийности развития интеграции, обогатить информационно-аналитическое обеспечение последующих этапов её стратегирования.

4. Стратегирование пространственной интеграции регионов предполагает проактивную роль государства в реализации стратегических приоритетов, использование широкого спектра инструментов и институционального обеспечения, а также учёт специфики территориальных и секторальных аспектов развития интеграции, что способствует раскрытию потенциала и конкурентных

преимуществ различных территорий, основных стейкхолдеров, развитию интеграционных процессов на меж- и внутрирегиональном уровнях.

5. Выявленные по результатам стратегической диагностики и OTSW-анализа естественные, социальные, экономические, институционально-управленческие стратегические ограничения являются потенциальными рисками реализации обоснованных стратегических приоритетов пространственной интеграции, что обусловливает необходимость развития институционально-инструментального обеспечения расширения и углубления интеграции на всех уровнях иерархии.

6. Организационно-экономический механизм функционирования Центра проектирования вертикальной (сетевой) интеграции, направленный на обеспечение комплементарности интересов основных стейкхолдеров, эффективную реализацию ими базовых процессов и функций инновационно-инвестиционной деятельности, позволяет регионам инициировать и эффективно реализовывать совместные экономические проекты, ориентированные на капитализацию конкурентных преимуществ территорий для достижения стратегических приоритетов развития и пространственной интеграции регионов.

7. Идентификация опорных узлов в социально-экономическом пространстве с использованием методического инструментария, позволяющего провести анализ социальной, экономической и инфраструктурной «плотности» локальных территорий с учётом их взаимной транспортной связанности, а также обоснование регионально-отраслевых стратегических приоритетов развития данных узлов, будет способствовать усилению «центральностей» в пространственном каркасе и интеграции регионов в формирующейся иерархически-полицентрической модели организации их пространства.

8. Пространственная интеграция на внутрирегиональном уровне обеспечивается посредством модернизации социально-экономических связей по линии «крупный город – малый город – село» на основе развития межмуниципального сотрудничества с позиции стейкхолдерского подхода, что позволяет обеспечить комплементарность интересов участников такого

взаимодействия, вовлечь потенциал кооперации бизнес-структур для достижения стратегических приоритетов совместного развития муниципальных образований.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теоретических подходов к пониманию сущности, родовых признаков, закономерностей обеспечения пространственной интеграции на меж- и внутрирегиональном уровнях; методологических подходов к её исследованию и инструментария оценки интеграции как процесса, развивающегося во времени и углубляющегося по сферам пространства; методологии стратегирования, развиваемой академиком В. Л. Квинтом и представителями его научной школы, в части расширения и углубления теоретико-методологических положений, институционально-инструментального обеспечения стратегирования пространственной интеграции регионов в условиях современных вызовов.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть использованы органами власти и управления, хозяйствующими субъектами при разработке и реализации стратегий развития, направленных на использование потенциала межтерриториального взаимодействия; научными сотрудниками при проведении исследований по проблематике пространственного развития регионов. Отдельные результаты нашли применение в деятельности органов власти и управления, в образовательных курсах в магистратуре Вологодского научного центра РАН, в программе ДПО «Проектное управление в органах государственной и муниципальной власти». Предлагаемые подходы могут быть использованы в учебных курсах «Региональная экономика», «Муниципальная экономика», «Экономика общественного сектора», а также «Стратегическое управление».

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов обусловлена применением широкого перечня методов исследования, обширной статистической и иной эмпирической базы. Основные выводы обнародованы в форме статей в ведущих рецензируемых журналах, индивидуальной монографии, апробированы на конференциях, семинарах: VIII Международная научно-практическая конференция «Теория и практика стратегирования» (сессия «Московский Университариум стратега»),

г. Москва, 2025 г., сессия «Арктический Университариум стратега», г. Мурманск, 2025 г.), VIII Международный симпозиум по региональной экономике «Стратегии пространственного развития: вызовы и перспективы» (г. Екатеринбург, 2025 г.), IV международная научно-практическая конференция «Экономические и социальные тренды устойчивого развития современного общества» (г. Санкт-Петербург, 2023 г.), Всероссийская конференция с международным участием «II Лавёровские чтения – Арктика: актуальные проблемы и вызовы» (г. Архангельск, 2023 г.), III Всероссийская конференция с международным участием «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность» (г. Новосибирск, 2023 г.), Международный симпозиум «Государство. Политика. Социум» (г. Екатеринбург, 2022 г.), Академический Стратегический Форум «Азиатская Россия – пространство прорывного развития» (г. Новосибирск, 2022 г.), V научный семинар «Инновационное развитие экономики стран и регионов: международные сравнения» (г. Москва, 2022 г.), IX Международная научно-практическая конференция «Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения» (г. Апатиты, 2018 г.) и др.

Цикл работ в области изучения механизмов обеспечения пространственной интеграции регионов удостоился премии имени академика РАН А. И. Татаркина, а также получил поддержку в форме персональных грантов (РФФИ, Президента РФ).

Публикации. Основные идеи и положения диссертации изложены в 30 научных работах, в том числе 22 статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика), в иных изданиях – 8 работ, включая 1 индивидуальную монографию.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения. Научная работа изложена на 347 страницах печатного текста, содержит 34 рисунка, 28 таблиц, список литературы из 605 наименований.

ГЛАВА 1. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

1.1. Интеграция как ключевое свойство социально-экономических систем

В представлениях современной науки мир трактуется как бесконечная иерархическая совокупность биологических, технических, социальных (подкласс – социально-экономических) и прочих систем[12,13], а свойство системности рассматривается как всеобщее свойство материи.

При этом понятие «система» получило широкое распространение в целом ряде наук: *теории систем* (Л. фон Берталанфи (L. von Bertalanffy), А.А. Богданов, Дж. ван Гиг (J. van Gigch), М. Месарович, В. Г. Афанасьев, А. И. Уёмов, Ю. А. Урманцев), *кибернетике* как науке об управлении в живых организмах и технических системах (Н. Винер (N. Wiener), У. Эшби (W. Ashby), А. Берг, Л. Крайзмер, Н. Кобринский, Е. Майминас).

Так, обобщающее направление научной мысли, получившее название теории систем, зародилось в 30-е гг. XX в. в философии[14]. Один из её родоначальников – австрийский биолог Л. фон Берталанфи (L. von Bertalanffy) – представил универсальную трактовку системы как совокупности элементов, находящихся в определённых отношениях друг с другом и со средой[15]. Любая система имеет структуру (пространственное измерение), которая отражает определённое взаиморасположение и взаимосвязи её составных частей.

В ходе эволюции научной мысли исследователи наряду с элементами системы начинают отдельно выделять и наблюдателя, «представляющего объект

---

[12] Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.
[13] Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ: учеб. пособ. М.: Высшая школа, 1997. 389 с.
[14] Калужский М.Л. Общая теория систем: учеб. пособ. Омск: Омский гос. тех. ун-т, 2001. 178 с.
[15] Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

или процесс в виде системы при их исследовании или принятии решений»[16]. При этом на этапе перехода от классической теории к т.н. «новой системности» наблюдалось смещение вектора с эндогенного восприятия системы к *экзогенному («извне»)* – как некоторому фрагменту реальности, выделяемому в пространственно-временном континууме.

Сложное взаимодействие системы с окружающей средой, по мнению авторов[17], заключается в следующем: система образует особое единство с этой средой, а также представляет собой э*лемент системы более высокого порядка;* её элементы выступают как системы более низкого порядка.

Эти особенности отражают закономерность *коммуникативности* сложных систем, которая предполагает, что любая из них не изолирована от внешней среды, а связана с ней множеством связей. Среда также представляет сложное образование, содержащее надсистему (систему более высокого порядка), подсистемы (нижележащие), а также системы одного уровня.

Причём любая из них обладает рядом свойств. Ключевые свойства систем различной природы представлены в таблице 1. Одним из статических свойств систем является *интегративность*, которая зачастую употребляется в качестве синонима свойства целостности. Вместе с тем следует согласиться с В.Г. Афанасьевым, что с позиции свойства интегративности б*о*льший акцент обычно делается на *внутренних и глубоких системообразующих факторах обеспечения целостности системы*[18].

---

[16] Теория систем и системный анализ в управлении организациями: справочник: учеб. пособие / под ред. В.Н. Волковой и А.А. Емельянова. М.: Финансы и статистика, 2006. 848 с. ISBN 5-279-02933-5.

[17] Исследования по общей теории систем: сб. переводов / общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

[18] Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра философии. М.: Мысль, 1964. 416 с.

К таким факторам относят неоднородность, противоречивость элементов и их стремление вступать в коалиции[19,20,21].

Таблица 1 – Ключевые свойства систем различной природы

Статические	Динамические	Синтетические
1. *Интегративность (целостность)*: система представляет собой единое целое, обособленное от окружающей среды. 2. *Внутренняя неоднородность:* элементы системы отличаются друг от друга по целому ряду признаков. 3. *Структурированность:* элементы системы имеют определённое взаимное расположение и связаны между собой комплексом различного рода взаимодействий. 4. *Открытость*: обмен системы с окружающей её средой ресурсами и энергией.	1. *Интеграция*: процесс объединения и повышения *связности*[22] элементов системы, ведущий к появлению у неё новых свойств. 2. *Функциональность*: система продуцирует результаты, осуществляет изменения в окружающей среде. 3. *Стимулируемость:* подверженность системы воздействиям извне. 4. *Изменчивость* во времени: изменяться могут значения внутренних параметров системы (состав, структура и др.).	*1.Эмерджентностъ (интегративный эффект):* свойства системы не могут быть объяснены и выражены через свойства отдельно взятых её элементов; система всегда больше, чем совокупность её элементов. *2. Целесообразность*: цель, ради которой формируется система, что в конечном счёте определяет её состав и структуру. *3. Неразделимость на части:* при изъятии отдельных элементов (сегментов) изменяются состав системы и её структура. *4. Ингерентность:* характеризует отношение системы с окружающей средой по реализации конкретной её функции; чем более совместима система с внешней средой, тем полнее раскрывается её потенциал по реализации этой функции.

Источник: составлено автором на основе [23,24]

[19] Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн.: Кн. 1. / ред. кол.: акад. Л.И. Абалкин и др. / Отделение экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. 304 с.

[20] Малиновский А.А. Механизмы формирования целостности систем // СПб. Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 52–62.

[21] Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973. 344 с.

[22] В научной литературе для описания данного явления используются категории «связанность» (от англ. «coupling») и «связность» («cohesion»), которые, несмотря на различия по своей сущности, зачастую используются в качестве синонимов. Однако, как справедливо отмечают академик В.А. Крюков и В.Е. Селивёрстов, категория «связанность» ассоциируется с внешним воздействием на систему, ведущим к формированию различных связей между её элементами; в свою очередь «связность» рассматривает развитие связей с внутренней потребностью системы к углублению интеграции, а сами связи исследуются не только с точки зрения наличия, но и их качества, степени развитости. Источник: Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Экономика Сибири: трудный путь к синергии природного и человеческого потенциала, связности пространства и интересов федерального центра и регионов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2022. 124 с.

[23] Теория систем и системный анализ в управлении организациями: справочник: учеб. пособие / под ред. В.Н. Волковой и А.А. Емельянова. М.: Финансы и статистика, 2006. 848 с. ил.; ISBN 5-279-02933-5.

[24] Древаль А.Н. Методы исследований в МЕН / Томский политехнический университет. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/d/DREVAL/forstudents/Methods/2.2._Lecture_Module_SYSTEMS.pdf (дата обращения: 31.03.2025).

Если рассматривать систему с процессной точки зрения как развивающуюся во времени и пространстве, то одним из её главных свойств, характеризующих взаимодействие частей системы, является *интеграция* (лат. *integratio* – восстановление), под которой понимают «процесс и механизм объединения и связности элементов системы»[25].

Эта категория получила широкое распространение в различных областях научного знания (экономике, социологии, политике и т.д.). Так, согласно «Философскому энциклопедическому словарю», под интеграцией понимается *развитие, связанное с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов*[26]. Данные процессы имеют место как в процессе развития существующей системы и могут вести *к повышению уровня её целостности и организованности*, так и при формировании новой системы из ранее несвязанных элементов[27].

В «Современном экономическом словаре» под *интеграцией* понимается «объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними»[28]. При этом экономическими субъектами могут быть национальные хозяйства, регионы, хозяйствующие субъекты. Общее, по мнению авторов, состоит в том, что интеграция проявляется «*как в расширении и углублении производственно-технологических связей, совместном использовании ресурсов, объединении капиталов, так и в создании друг другу благоприятных условий осуществления экономической деятельности, снятии взаимных барьеров*»[29].

---

[25] Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учеб. пособ. К.: МАУП, 2003. 368 с. ISBN 966-608-290-X.

[26] Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

[27] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

[28] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.

[29] Там же.

В результате возникает *интегративный эффект* как синтетическое свойство, которое заключается в появлении у системы новых качеств[30].

Данный подход справедлив и для общества, которое академиком П. А. Минакиром, А. Н. Демьяненко и А. Н. Пилясовым рассматривалось как «комплекс взаимодействующих пространственных структур»[31].

Академик П. Я. Бакланов под интеграцией понимал «объединение и налаживание устойчивых связей и зависимостей в социально-экономической, политической и геополитической сферах на региональном, межрегиональном и межгосударственном уровнях». Интеграция является процессом, *охватывающим разнообразные связи, возникающие на территории*[32].

Академик Л. И. Абалкин рассматривал интеграцию как «объединение экономических субъектов, *углубление их взаимодействия*, развитие связей между ними»[33]. Г. С. Вечканов и Г. Р. Вечканова представляли интеграцию как состояние связанности частей в целое и процесс, ведущий к подобному состоянию[34]. В качестве основы таких процессов выступают *экономические интересы* хозяйствующих субъектов. С. Растворцева и Д. Усманов рассматривают категорию «интеграция» в трех аспектах: как процесс, состояние и форма, т.е. со статической и динамической точек зрения[35]. Следовательно, интеграция – имманентное свойство любых систем, в том числе экономических, социальных.

Одним из ключевых элементов любой страны как сложной социально-экономической системы является *регион* – исторически сложившееся и устойчивое

---

[30] Кожевников С.А. Проблемы обеспечения пространственной интеграции регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 4 (230). С. 339–345. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-339-345.

[31] Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Пилясов А.Н. Концептуальные основы пространственного подхода // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / под. ред. В. М. Котлякова. М.: Медиа-Пресс, 2013. Гл. 1. С. 31–43. ISBN 978-5-901003-40-4.

[32] Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19. EDN: RVPCKJ.

[33] Абалкин Л.И. Логика экономического роста. М.: ИЭ РАН, 2002. 228 с. ISBN 5-201-03286-9.

[34] Современная экономическая энциклопедия / Г.С. Вечканов, Г.Р. Вечканова. СПб.: Лань, 2002. 879 с. ISBN 5-8114-0450-6.

[35] Растворцева С., Усманов Д. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России. Белгород: Константа, 2015. 260 с. ISBN 978-5-9786-0373-6.

территориальное образование. Системная парадигма исследования национальной экономики, сформулированная академиком А. Г. Гранбергом, рассматривает её с позиции «многорегионального организма», который функционирует на основе вертикальных («центр – регионы») и межрегиональных взаимодействий[36].

При этом для региона как развивающейся социально-экономической системы, по мнению Д. М. Журавлева и В. К. Чаадаева, характерна эволюция внутренних и внешних связей: «Сначала формируются простейшие экономические и социальные формы взаимоотношений и взаимодействий, а на их базе более сложные процессы, отношения и взаимосвязи»[37].

В условиях обострения современных вызовов в России развитию межрегиональных связей уделяется особое внимание. Так, в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208) в качестве одного из ключевых показателей состояния экономической безопасности страны обозначен *уровень экономической интеграции субъектов РФ.*

На национальную значимость проблематики обращается особое внимание и в научном сообществе. Так, член-корреспондент РАН В. Н. Лаженцев отмечает, что актуализируется «необходимость усиления внутрироссийской пространственной интеграции, в том числе в рамках новых формирующихся макро- и мезоэкономических структур»[38].

В этом контексте важными и фундаментальными становятся вопросы о том, что же подразумевается под *регионом* как ключевым структурным элементом страны, каким образом его выделять и управлять им. При этом регион обычно

---

[36] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с. ISBN 5-7598-0104-X.

[37] Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Моделирование процессов сложной социально-экономической системы при выборе стратегических приоритетов развития // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 1. С. 1–20. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-1-1-20.

[38] Лаженцев В.Н. Оценка уровней социально-экономического развития регионов (на примере Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 6 (18). С. 54–65. EDN: OMTYFP.

выделяется исходя из задач, которые ставит перед собой исследователь или управленец (регион как объект анализа; площадка для действия и т.п.)[39,40].

В числе критериев идентификации региона обычно выделяют природно-географические условия, пространственно-расселенческие, экономические, социальные характеристики[41,42].

С учётом этого в отечественной региональной науке сложился ряд *методологических подходов* к выделению региона:

а) *территориально-хозяйственный* (А. Г. Александров, Н. Н. Некрасов, Э. Б. Алаев, Т. Г. Морозова и др.), согласно которому регион трактуется как территория со схожими условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе использования природных ресурсов, материально-технической и производственной базы, навыков населения[43]; характеризуется специализацией в системе национального разделения труда;

б) *территориально-административный* (Г. В. Гутман, В. Н. Лексин, А. Н. Швецов, В. И. Бутов, Л. Н. Коган, А. А. Мироедов, О. П. Звягинцева и др.), где под регионом понимается территориальное образование, имеющее чётко очерченные административные границы (субъект РФ), в пределах которых происходят воспроизводство социально-экономических процессов, обеспечение жизнедеятельности населения и т.п.[44];

в) *экономико-географический* (Л. С. Васильева, Б. О. Гомбоев, И. И Сигов, В. А. Долятовский, В. П. Орешин, Л. В. Потапов и др.), трактующий регион как территорию/часть страны, отличающуюся от других естественными и исторически

---

[39] Dziewoński K. Teoria regionu ekonomicznego // Przegląd Geograficzny. 1967. Т. 39. № 1. P. 33–50.
[40] Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
[41] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с. ISBN 5-7598-0104-X.
[42] Секушина И.А. Развитие малых и средних городов северного региона: диссертация ... кандидата экономических наук. Апатиты, 2021. 171 с.
[43] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием субъектов Федерации в составе макрорегиона: диссертация ... доктора экономических наук. Тюмень, 2021. 440 с.
[44] Региональное управление и территориальное планирование: учебник и практикум для вузов / под редакцией Ю. Н. Шедько. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 576 с. ISBN 978-5-534-15585-3.

сложившимися экономико-географическими условиями и признаками, национальным составом населения и др.;

г) *воспроизводственный* (А. И. Добрынин, О. С. Пчелинцев, В. Я. Любовный, И. В. Арженовский), делающий акцент при выделении региона на наличии единства и целостности именно воспроизводственного процесса;

д) *пространственный* (А. Г. Гранберг, Л. С. Тарасевич и др.), рассматривающий регион как часть социально-экономического пространства страны, формируемую с учётом взаимосвязи природы, населения и хозяйства[45].

Существуют также *социальный* (регион как социальная система), *системный*[46] подходы к выделению региона.

В связи с этим и исходя из замысла исследования в диссертации регион рассматривается в качестве пространственной социально-экономической системы. Целесообразность использования данного подхода к выделению и исследованию регионов подтверждается также мировым опытом, положениями новой экономической географии, свидетельствующими о том, что на современном этапе драйвером развития территорий является уже не столько обеспеченность их природными ресурсами, сколько вовлечение в процесс стратегического развития конкурентных преимуществ, созданных в процессе хозяйственной деятельности и позволяющих повысить эффективность использования традиционных факторов развития за счёт активизации межтерриториальных связей.

Несколько регионов могут входить в крупную систему более высокого уровня иерархии – *макрорегиона,* под которым академик Б. Н. Порфирьев и В. Н. Лексин понимают «выделенные для достижения конкретной общегосударственной цели (геополитической, внешнеэкономической, природоохранной и др.) часть или несколько частей территории страны, выходящие за границы одной административно-территориальной единицы»[47].

---

[45] Растворцева С.Н., Лебедев А.О. Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции. М.: ЭконИнформ, 2016. 213 с. ISBN 978-5-9909188-5-6.

[46] Однако данный подход слабо исследует связи региона с другими территориями страны.

[47] Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Организация статистических исследований и системного мониторинга развития макрорегионов // Регион: экономика и социология. 2016. № 3. С. 3–27. DOI: 10.15372/REG20160301.

Территории макрорегиона обладают общностью проблем[48], стратегических целей и задач развития при реализации национальных интересов[49].

В такой ситуации для России повышается значимость усиления эффективности использования *пространственного потенциала* как интегрированной категории, представляющей собой «пространственные характеристики территории, наполненность её природными и рукотворными богатствами, реальный и возможный уровень их использования, население с его историческим опытом, традициями»[50]. В свете этого справедливо высказывание В. Е. Рохчина о том, что «стала очевидной невозможность игнорировать пространственную компоненту экономического развития, ибо пространственные диспропорции выступают фактором торможения социального и экономического прогресса, замедления темпов роста качества жизни населения»[51].

Пространственный подход к пониманию протекающих в мире процессов ещё с древних времён стал определяющим в большинстве наук. Уже в работах античных философов и учёных пространство рассматривалось как всеобщая форма бытия материи, неотделимая от времени.

При этом сложились два ключевых подхода к интерпретации сущности данной категории, согласно которым пространство трактуется как:

1) пустота, пассивное вместилище для взаимодействия атомов, рассматриваемые отдельно от материального мира (Демокрит, Эпикур);

2) единое целое с материальными предметами, находящимися в нём; место, в котором существуют тела (Аристотель).

---

[48] Кузнецова О.В. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4. С. 112–125. DOI: 10.21686/10.21686/2073-1051-2019-4-112-125.

[49] Орлов С.Л., Строев П.В. Стратегическое значение макрорегионов в пространственном развитии экономики России // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 2. С. 63–68. URL: https://vestnykeps.ru/0223/13.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

[50] Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 51–64. EDN QCHEU.

[51] Рохчин В.Е. Основные задачи научного обеспечения пространственного экономического развития регионов (отклик на статью П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология») // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 163–167. DOI: 10.14530/se.2010.4.163-167.

Учёные относили к характеристикам пространства трёхмерность, непрерывность, изотропность, протяжённость, симметричность.

При этом в дальнейшем именно второй подход получил наибольшее распространение, и пространство (топос, «*place*») стало рассматриваться как «начало активное и наделённое специфической силой». Например, И. Ньютон трактовал пространство как вместилище всех объектов, «состоящее из совокупности точек, каждая из которых лишена структуры и является малейшей частью физического мира»[52]. Такой подход к пониманию природы пространства получил распространение в географии.

В свою очередь, согласно Г. Лейбницу, пространство относительно, зависит от расположения объектов и явлений, т.е. представляет собой *порядок сосуществования и взаимного расположения вещей, систему отношений*. Этот подход к трактовке пространства («*space*») со времён И. Г. фон Тюнена получил развитие и в экономической мысли.

В общей теории относительности А. Эйнштейна пространство воспринималось уже в четырёхмерном измерении (длина, ширина, высота и время). Последующее развитие идей пространства в естествознании тесно связано с квантовой механикой и *теорией многомерности*, главным выводом которых стало *рассмотрение пространства как многомерной конструкции*[53].

Как справедливо отмечал академик П. А. Минакир, несмотря на длительную эволюцию научной мысли, «общая проблема заключается в том, что пространственная экономика до настоящего времени не в состоянии сформулировать основную гипотезу – что такое экономическое пространство как предмет исследования и как объект экономической политики»[54]. Похожую позицию занимают и зарубежные исследователи Р. Экелунд (R. Ekelund) и

---

[52] Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В.М. Полтерович; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с. ISBN 978-5-906118-09-7.

[53] Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности / Рос. акад. Наук; Ин-т философии; редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.) и др. М.: ИФРАН, 2014. 108 с. ISBN 978-5-9540-0262-1.

[54] Минакир П.А. Пространственный анализ в экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 176–180. EDN: PZEQLN.

Р. Хёберт (R. Hébert), отмечая, что идея экономического пространства – это в основном аналитическая абстракция, хотя экономическая и другая деятельность всегда происходила в пространственном измерении[55].

При этом в науке сложился ряд подходов к пониманию сущности категории «социально-экономическое пространство», развитие которых связано с изменением доминирующей на том или ином этапе развития общенаучной парадигмы мира. Особенности данных подходов представлены на рисунке 1[56,57].

С позиции *территориально-географического подхода* (А. Г. Гранберг, Е. Е. Лейзерович, Е. Г. Анимица, Н. Е. Яценко, Ф. Н. Рянский) социально-экономическое пространство рассматривается как насыщенная территория, являющаяся базой для размещения объектов, условием протекания экономических процессов и взаимодействий, воспроизводства жизнедеятельности человека. При этом академик А. Г. Гранберг представлял пространство более широко, как *геоторию*, т.е. вместе взятые территорию, акваторию и аэроторию[58].

Трактовка пространства с точки зрения данного подхода с позиции «*place»* позволяет учитывать значительное влияние географической среды на развитие и функционирование социально-экономических процессов. Однако в таком случае, как отмечал О. А. Бияков, пространство подменяется некоторыми географическими ареалами[59]. Причём в постиндустриальную эпоху развития (в отличие от до- и индустриальных), цифровизации и развития ИКТ-технологий, усиливается независимость формирующихся общественных отношений и процессов от географического фактора; наблюдается «стирание» значительной части границ для перетока информации, труда и капитала.

---

[55] Ekelund R., Hébert R. Cycles in the Development of Spatial Economics. In: Ohta H., Thisse JF. (eds) Does Economic Space Matter? Palgrave Macmillan, London, 1993. P. 21–37.

[56] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9961-1928-8.

[57] Экономическое пространство: теория и реалии / ред. кол.: А.И. Татаркин (рук.) и др.; Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т и др. М.: Экономика, 2011. С. 9–11. ISBN 978-5-282-03153-9.

[58] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с. ISBN 5-7598-0104-X.

[59] Бияков О.А. Экономическое пространство региона: процессный подход. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 244 с. ISBN: 5-202-00715-9.

В контексте *ресурсного подхода* (В. В. Радаев, В. И. Пефтиев, Я. В. Круковский, А. Е. Лебедев) социально-экономическое пространство рассматривается как система отношений с позиции распределения и использования экономических ресурсов[60] с учётом их расположения и конъюнктуры рынков. Иными словами, акцент здесь делается не на экономических агентах, а преимущественно на ресурсах. Однако практически вне фокуса исследования оказывается роль человеческого потенциала, перетоков знаний и иных нематериальных активов во взаимоотношениях экономических субъектов.

Рисунок 1 – Методологические подходы к пониманию природы социально-экономического пространства

Источник: составлено автором на основе критического анализа научной литературы

[60] Бардаль А.Б. Транспортное обеспечение социально-экономического развития макрорегиона: на примере Дальнего Востока: диссертация ... доктора экономических наук. Хабаровск, 2022. 302 с.

Более широким является *процессный подход* (О. А. Бияков, А. Куклински и др.), рассматривающий пространство как процесс формирования результатов экономической деятельности с точки зрения воспроизводственного подхода. Как его частные случаи выделяются также:

– *информационный подход* (П. Кругман, Г. Хакен, Г. Шибусава, Е. Иванов, С. Паринов и др.), исследующий пространство с позиции информационных аспектов осуществления экономического процесса; ограничениями его являются потенциальная закрытость и возможность искажения информации о действиях экономических агентов;

– *инновационный подход* (А. Куклински, С. Парк, К. Гусева, А. Бандурин и др.), рассматривающий социально-экономическое пространство как инновационную составляющую воспроизводственного процесса, основой которого выступает трансфер знаний.

Преимущество данных подходов над территориальным состоит в том, что социально-экономическое пространство рассматривается не с географической позиции, а *с точки зрения различных граней воспроизводственного процесса и взаимодействия между экономическими агентами*. Однако здесь по-прежнему экономическое пространство первично по отношению к другим и включает технологическое, финансовое, социальное, информационное и др.[61]

Как видится, современные реалии развития производительных сил, геоэкономических процессов в мировой экономике наиболее полно отражает *системно-сетевой подход* (П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко, В. Н. Княгинин, В. В. Чекмарев и др.), согласно которому социально-экономическое пространство трактуется как *система взаимодействий экономических агентов в процессе реализации их интересов и сложившихся на данном уровне системы институтов*. Согласно этому подходу, пространство начинает рассматриваться с позиции дуализма «пространство-квант (совокупность мест)» – «пространство-волна

[61] Бияков О.А. Экономическое пространство региона: процессный подход. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 244 с. ISBN 5-202-00715-9.

(система отношений)»[62]. Однако б*о*льший акцент здесь делается на второй составляющей пространства как поля взаимодействий/коммуникаций. В свете вышесказанного справедливым видится мнение Ю. Г. Лавриковой, предлагающей рассматривать экономическое пространство с двух взаимосвязанных позиций:

1) как *территорию размещения и взаимодействия хозяйствующих субъектов*, отношения между которыми складываются в определённой социально-экономической среде;

2) *социально-экономическую среду взаимодействия хозяйствующих субъектов*, формируемую применяемыми на территории механизмами регулирования экономики.

С учётом этого «по форме экономическое пространство предстаёт как *сетевая структура взаимодействий*, возникающих в процессе экономической деятельности субъектов хозяйствования»[63].

Фактически этой же точки зрения придерживается коллектив авторов, когда отмечает процессы «в смещении исследовательского интереса от проблем природного и географического районирования и проблем размещения производительных сил к исследованию проблем формирования единого экономического пространства в трансформируемой экономике, разработке механизмов и факторов формирования, инструментов его преобразования…»[64].

Иными словами, придерживаясь этой логики[65], а также позиции, обозначенной в работе[66], можно сделать вывод о том, что на аграрном и индустриальном этапах развития экономики пространство рассматривалось как «место», «территория для размещения процессов производства, распределения и

---

[62] Минакир П.А. Институциональные отображения пространственного развития // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 7–12. DOI: 10.14530/se.2016.4.007-012.

[63] Лаврикова Ю.Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2009. 358 с.

[64] Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Комаров А.Г. Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 196–200. EDN: TJHWVV.

[65] Меньчиков Г.П. Фрактальность – всеобщее свойство бытия // Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 4. С. 85.

[66] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9961-1928-8.

потребления материальных благ». В позднеиндустриальный и постиндустриальный периоды социально-экономическое пространство стало трактоваться как «сфера взаимодействия экономических агентов между собой и внешней средой»[67]. При этом в контексте системно-сетевого подхода *экономическое пространство уже рассматривается в качестве важного элемента социального (общественного) пространства*[68].

Как отмечалось выше, в основе системно-сетевого подхода к исследованию пространства лежит система коммуникаций и сетей, функционирующих на основе обмена веществом, энергией[69] и информацией[70,71]. В то же время В. И. Блануца, разделяющий социально-экономические сети на информационные (главная функция – передача информации между узлами) и неинформационные (передача материальных объектов: сырья, материалов и т.д.), отмечает, что исследовательский интерес смещается в сторону первых[72].

Таким образом, современная трактовка категории социально-экономическое пространство базируется на *системно-сетевой парадигме*. Сетевым образованиям и их месту в территориальной организации экономики, «сетевому» феномену

---

[67] Демьяненко А.Н., Минакир П.А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / по ред. В. М. Котлякова. М.: Медиа-Пресс, 2013. Гл. 6. С. 191–198. ISBN 978-5-901003-40-4.

[68] Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с. ISBN 5-89329-761-X.

[69] Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.

[70] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9961-1928-8.

[71] Попов Е.В., Макаров В.Л. Сетевые экономические взаимодействия: монография / 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2019. 167 с. ISBN 978-5-534-11270-2.

[72] Блануца В.И. Развертывание информационно-коммуникационной сети как географический процесс (на примере сетевой структуры сибирской почты) [Рукопись]: дис. … д-ра геогр. наук: 25.00.24; ФГБУН Ин-т географии им. В. Б. Сочавы. Москва, 2015. 42 с.

посвящён ряд работ отечественных авторов[73,74,75]. При этом следует отметить, что в процессе эволюции производительных сил и производственных отношений данный подход начинает рассматривать пространство не только с позиции системы, но и *экосистемы*, которая формируется, управляется и развивается «снизу» на основе активизации горизонтальных кооперационных связей агентов (в отличие от «жёстких» иерархических систем с регулированием «сверху»).

В процессе эволюции научной мысли и практики хозяйствования социально-экономическое пространство всё сильнее «отрывается» от территории в географическом смысле этого слова. В результате такие регионы и макрорегионы выделяются и проектируются в пространстве развёртывания цепочек создания добавленной стоимости, а не административных границах. В свою очередь территории начинают специализироваться уже не на каком-то виде продукции в целом, а на выполнении отдельных бизнес-функций или задач в системе международного и национального разделения труда (концепция умной специализации – «smart specialization»)[76].

Несмотря на наличие разных подходов к пониманию природы социально-экономического пространства, следует отметить наличие у него базовых свойств, наиболее важные среди которых представлены в таблице 2. С позиции исследования интеграционных процессов необходимо обратить внимание на свойство *фрактальности*, означающее структурную неоднородность и иерархичность (принцип «матрёшки», «вложения системных пространств»)[77,78]. С

---

[73] Демьяненко А.Н., Минакир П.А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / по ред. В. М. Котлякова. М.: Медиа-Пресс, 2013. Гл. 6. С. 191–198. ISBN 978-5-901003-40-4.

[74] Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г. Промышленная политика России: кто оплатит издержки глобализации. М.: Европа, 2005. 160 с. ISBN 5973900223, 9785973900229.

[75] Влияние «сетевого феномена» на функционирование хозяйственных структур / А.Н. Демьяненко, В.Н. Украинский, Н.А. Демьяненко, В.В. Еремеев // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 17–25. EDN: LPAEHR.

[76] Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015. 344 с. ISBN 978-5-9940-0536-1.

[77] Субетто А.И. Системогенетическая парадигма теории времени и пространства: монография / А.И. Субетто; под научной ред. д.т.н., д.псих.н., д.пед.н., проф. В.В. Лукоянова. Санкт-Петербург: Астерион, 2016. 60 с. ISBN 978-5-00045-388-9.

[78] Isard I. Inter-regional and regional input-output analysis: a model of a space economy // The Review of Economics and Statistics. 1951. Vol. 33. No. 4. P. 318–328.

учётом этого выделяются мега-, макро-, мезо-, микро- и наноуровень пространства[79]. В такой логике страна представляет собой систему, состоящую из регионов; последние – система, включающая пространства локальных территорий.

Таблица 2 – Ключевые свойства социально-экономического пространства

Свойство	Содержание
1. Фрактальность	*Структурная неоднородность* и *иерархичность*, когда одно пространство, являясь самостоятельным образованием, «вложено» в другое, и оба они представляют собой единую целостность. Примером может являться социально-экономическое пространство страны, состоящее из пространств регионов.
2. Многомерность	Пространство представляет собой совокупность *полей деятельности акторов, сфер пространства, стратифицированных по типам коммуникаций* (экономическое, социальное, институциональное, информационное и др.).
3. Двойственность ландшафта	*Географическая и социально-экономическая характеристики* пространства *различаются качественными и количественными параметрами*, но являются важными в создании полной картины о пространстве.
4. Способность к трансформации	Эволюция и деградация пространства под влиянием экзогенных и эндогенных факторов.
5. Самоорганизация	Способность без специфического воздействия извне *обретать некоторую пространственную структуру, с течением времени изменяясь*.
6. Разобщённость, определённая замкнутость	*Возникает по причине местных различий в условиях ведения хозяйственной деятельности*, нормативно-правовой базе, обычаях, неразработанность и сложность которых ведёт к росту трансакционных издержек.
7. Наличие разрывов	Формирование разрывов в пространстве обусловлено *как сокращением сети расселения, так и сжатием производств*.
8. Гетерогенность	Существование *неоднородного пространства (например, центр-периферийного)*, объективно обусловленного *неоднородностью размещения природных, человеческих и иных ресурсов на территории*, различной скоростью синхронизации протекающих процессов и т.д.
9. Анизотропность	*Способность проявлять разные свойства разной интенсивности во всех направлениях* по причине исходной, объективно существующей неоднородности пространства.

Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы:[80,81,82,83,84]

---

[79] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9961-1928-8.

[80] Isard I. Inter-regional and regional input-output analysis: a model of a space economy // The Review of Economics and Statistics. 1951. Vol. 33. No. 4. P. 318–328.

[81] Perru F. Les techniques quantitatives de la piar Economic et societe. Paris: Economic, 1969. 25 p.

[82] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с. ISBN 5-7598-0104-X.

[83] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. – Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN: 978-5-9961-1928-8.

[84] Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.

Кроме того, современная наука рассматривает социально-экономическое пространство региона как многомерное, т.е. имеющее целый ряд измерений и включающее в себя другие пространства. В частности, О. А. Бияков трактовал *экономическое пространство* как закономерный результат взаимодействия *финансового, социального, технологического и информационного пространств*; при этом они полностью включены в состав пространства экономического[85].

В то же время К. Комтуа (C. Comtois), наоборот, рассматривает экономическое пространство как часть пространства *социального* в широком смысле этого слова, т.е. пространства общества[86]. Коллектив авторов считает, что содержание экономического пространства определяется именно зоной взаимодействия и пересечения *социального, технологического, информационного и финансового пространств*[87]. По типам коммуникаций (связей) Е. В. Курушина разделяет пространство на *материальное, институциональное и ментальное*[88].

В процессе развития пространство постоянно трансформируется, изменяя своё качество, оценку которого, по мнению академика А. Г. Гранберга, следует осуществлять через призму следующих ключевых параметров:

– *плотность* (характеризуется плотностью экономической деятельности, населения, автомобильных, железных дорог и др.);

– *размещение* (определяется через показатели равномерности, дифференциации, концентрации населения, субъектов экономической деятельности, наличие хозяйственно освоенных и неосвоенных территорий);

---

[85] Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск: КузГТУ, 2004. 151 с. ISBN 5-7511-1832-4.

[86] Comtois C. Spatial Integration and Geographic Modernization: Review of Theories and Synthesis. Cahiers de géographie du Québec. 1986. Vol. 30. No 79. P. 41–51.

[87] Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. 216 с. ISBN 978-5-9908721-8-9.

[88] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9961-1928-8.

– *связанность* (определяется интенсивностью связей между элементами пространства, условиями мобильности товаров и услуг, людей, развитием транспортных и коммуникационных сетей)[89].

Подводя промежуточные итоги, следует сделать следующие выводы. Одним из ключевых статических свойств системы выступает интегративность, с позиции которого она представляет собой единое целое входящих в состав такой системы частей, обособленное от окружающей среды. Причём с такой точки зрения акцент делается на внутренних связях, т.е. глубоких системообразующих факторах обеспечения целостности системы. Если же рассматривать её с процессной точки зрения, как развивающуюся во времени и пространстве, то одним из главных свойств является интеграция, под которой в самом общем виде понимается процесс обеспечения связности элементов системы. При этом термин «интеграция» иногда используется и в статике как состояние, характеризующее целостность системы.

Основными структурными элементами стран как сложных социально-экономических систем являются регионы. С учётом проведённого анализа методологических подходов к их выделению и исследованию в работе за основу был взят пространственный, в соответствии с которым регион рассматривается как часть социально-экономического пространства страны, т.е. открытая и динамическая социально-экономическая система[90], функционирующая в границах национального (мирового) пространства на основе вертикальных («центр – регионы») и горизонтальных (меж- и внутрирегиональных) коммуникативных связей. При этом современный этап эволюции социально-экономического пространства свидетельствует о повышении роли именно горизонтальных (сетевых) связей, поэтому системно-сетевая парадигма исследования регионального пространства является наиболее релевантной действительности.

---

[89] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с. ISBN 5-7598-0104-X.

[90] Дорошенко С.В. Саморазвитие региона в контексте экономического эволюционизма кризис // Журнал экономической теории. 2009. № 3. С. 21–30. EDN: LLZDPT.

1.2. Эволюция концептуальных основ исследования пространственной интеграции регионов

Интеграция является имманентным свойством любой системы (природной, социальной, экономической) и подразумевает под собой процесс формирования, развития связей между её элементами для повышения как их индивидуальной устойчивости, так и устойчивости системы в целом[91].

На глобальном уровне вопросы развития интеграционных процессов концептуально были разработаны в ряде геополитических, культурологических и иных концепций. Здесь следует обратить внимание на теорию глобализации И. Валлерстайна (I. Wallerstein), концепцию глокализации Р. Робертсона (R. Robertson) и др. Так, И. Валлерстайн трактует современный мир как систему, состоящую из ядра (в роли которого у него выступают США), полупериферии и периферии. Последняя обеспечивает сырьём ядро и опирается на его дорогие продукты. Полупериферия, как и периферия, эксплуатируется ядром; в то же время она сама эксплуатирует периферию[92]. В результате капитализм поддерживает ядро и препятствует развитию полупериферии и периферии. Р. Робертсон расширил теорию модели мир-системного подхода вторым аспектом, согласно которому глобальное сознание индивидов является не менее важным для превращения мира в «единое социокультурное место». При этом глобальное и локальное у него находятся в тесной взаимозависимости[93].

Применительно к социально-экономическим системам исследователи сходятся во мнении, что движущей силой развития интеграционных процессов выступают отношения *разделения и кооперации труда*[94]*, базирующиеся на*

---

[91] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[92] Wallerstein I. The Rise and Future Demise of the of the World-Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis // Comparative Studies in Society and History. 1974. Vol. 16. No. 4. P. 387–415.

[93] Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London; Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1992. 211 p.

[94] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

конкурентных преимуществах территории[95]. Схожей позиции придерживается член-корреспондент РАН В. Н. Лаженцев, считая, что интеграция является высшей формой организации общественного производства[96].

При этом интеграция является *пространственной*[97], если участники системы, разделённые в пространстве, имеют единую систему координат для совместной деятельности. Сложность исследования данных процессов связана с тем, что в науке не сложилось единой концепции, которая бы комплексно объясняла развитие интеграционных процессов в системах пространственного типа, т.е. объединяла в себе анализ внутри- и межрегиональных связей[98] с объяснением пространственной организации регионов и хозяйствующих субъектов. Однако отдельные грани данной проблематики нашли отражение в теориях размещения производства и его факторов, межрегионального обмена и пространственного развития[99,100].

Более комплексно и многоаспектно рассмотреть этот вопрос будет возможно, если обратиться к сформировавшимся в науке парадигмам региона как многофункциональной системы, основные характеристики которых представлены на рисунке 2. Так, при исследовании межрегиональных интеграционных процессов с позиции парадигмы региона как квазигосударства целесообразно рассмотреть основные положения теорий международной экономической интеграции (МЭИ); с точки зрения парадигмы региона-квазикорпорации – теории, описывающие процессы развития вертикально, горизонтально интегрированных, сетевых бизнес-структур; эклектическую теорию Дж. Даннинга (J.H. Dunning) и др.

---

[95] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9961-1928-8.

[96] Лаженцев В.Н. Оценка уровней социально-экономического развития регионов (на примере Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 6 (18). С. 54–65. EDN: OMTYFP.

[97] Проведённый анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что применительно к теориям региональной и пространственной экономики термины «пространственная интеграция», «интеграция пространства» можно считать синонимами, в содержательном плане они одинаково полно отражают суть данного явления.

[98] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспеения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[99] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с. ISBN 5-7598-0104-X.

[100] Колодина Е.А. Регулирование межрегиональной экономической интеграции в России: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Иркутск, 2004. 316 с.

Развитие интеграционных процессов региона как рынка могут объяснить теории, описывающие интеграцию товарных и иных рынков (закон единой цены); в социальном пространстве – теории социальной интеграции (Г. Спенсер (H. Spencer), Э. Дюркгейм (E. Durkheim)).Следует согласиться с позицией академика П.Я. Бакланова о том, что в чистом виде межрегиональных связей не существует, поскольку они первоначально складываются между хозяйствующими субъектами, географически локализованными в разных регионах. Именно они интегрируются в форме межотраслевых и межтерриториальных связей[101].

I. Регион-квазигосударство В связи с нарастанием в мире процессов децентрализации и федерализации регион представляет относительно обособленную систему государства, которая имеет свои органы управления социально-экономическим развитием на основе взаимодействий с другими системами по вертикали («центр – регион») и горизонтали («регион – регион»).	**ПАРАДИГМЫ РЕГИОНА**	**III. Регион-рынок** Регион рассматривается как рыночный ареал. Акцент делается на общих условиях ведения экономической деятельности, особенностях функционирования региональных рынков товаров и услуг, факторов производства, информации, знаний, имеющих определенные географические границы.
II. Регион-квазикорпорация Регион представляет собой крупный субъект собственности и экономической деятельности, являющийся участником конкурентной борьбы на рынках товаров, услуг, капитала; он может взаимодействовать с отечественными и транснациональными компаниями. В связи с этим регионы, как и хозяйствующие субъекты, обладают значительным потенциалом для саморазвития.		**IV. Регион-социум** Регион рассматривается как общность людей, живущих на определённой территории. При этом акцент делается на вопросах воспроизводства социальной жизни (образовательные, культурные, социально-психологические, политические и иные аспекты). В связи с этим данный подход шире экономической (хозяйственно-воспроизводственной) парадигмы региона.

Рисунок 2 – Современные парадигмы региона как многофункциональной социально-экономической системы

Источник: составлено автором на основе[102]

В связи с этим изучение вопросов развития пространственной интеграции регионов следует начать с микроуровня (хозяйствующих субъектов) и

[101] Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19. EDN: RVPCKJ.

[102] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с. ISBN 5-7598-0104-X.

рассматривать её как *высшую стадию коэволюции региональных пространств*[103] *на основе развития форм совместной организации их общественного хозяйства*.

Поэтому остановимся на концепциях и теориях, которые в наибольшей степени соответствуют представленной логике и отражают эволюцию научной мысли в вопросах пространственной интеграции. Основные из них представлены на рисунке 3. Базовые аспекты данной проблематики нашли отражение ещё в *штандортных теориях* начала XX в., в которых исследовались размещение и специализация сельскохозяйственных предприятий с учётом издержек по доставке товара на рынок[104]; осуществлялся поиск оптимального расположения промышленного предприятия относительно сырья и рынков сбыта с учётом фактора транспортных[105], общих издержек[106]; представлены два типа локализации экономических агентов (по И. Тюнену (J.H. von Thünen), точечный – в центральном городе; пространственный – его окружение)[107]. В динамических моделях[108,109,110] акцент делался на роли фирм, устанавливающих хозяйственные взаимосвязи.

Таким образом, в этих теориях зародились представления о *концентрации* в пространстве хозяйствующих субъектов, их производственных, логистических связях. Однако здесь *рассматривалась деятельность предприятия одной отрасли в однородном пространстве*, что ограничивало возможности объяснять размещение и интеграционные процессы в условиях развития разделения труда, взаимозависимости субъектов различных отраслей.

---

[103] Под коэволюцией в самом общем виде понимается взаимосвязанное, взаимообусловленное, совместное и согласованное развитие систем. Источник: Кудряшев А.Ф. Развитие, эволюция, коэволюция: соотношение понятий // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1 (I). С. 640–644. EDN: PEGUPT.

[104] Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии / пер. с нем. А.А. Рыбникова. М.: Экон. жизнь, 1926. Т. 1. 219 с.

[105] Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage. Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure. 1882. V.26 (Mar). P. 106–115.

[106] Вебер А. Теория размещения промышленности. Л.; М.: Книга, 1926. 220 с.

[107] Некипелов А.Д. О пространственном измерении общего равновесия // Экономика и математические методы. 2022. Т. 58. № 3. С. 5–18. DOI: 10.31857/S042473880019631-3.

[108] Walker R., Storper M. Capital and Industrial Location. Progressive Human Geography. 1981. P. 473–509.

[109] Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. №39(153). P. 41–57. DOI: 10.2307/2224214.

[110] Vernon R. International Investment and International Trade in the Product Cycle, // The Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol. 80. Iss. 2. P. 190–207. DOI: 10.2307/1880689.

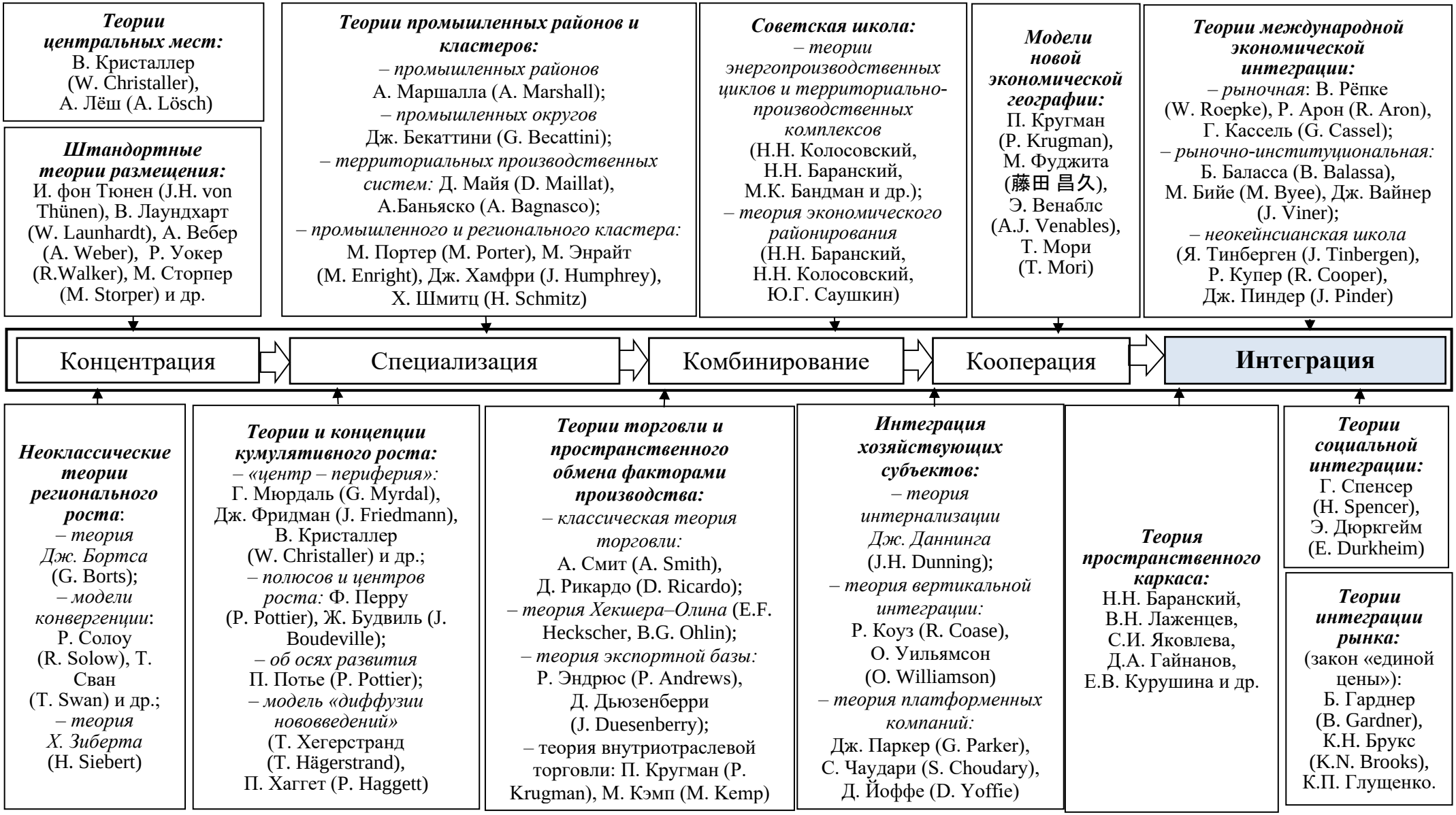

Рисунок 3 – Теории пространственной и региональной экономики в ракурсе исследования интеграционных процессов

Источник: составлено автором

В определённой степени устранила эти недостатки *теория центральных мест* (В. Кристаллер (W. Christaller), А. Лёш (A. Lösch)), описывающая особенности развития субнациональных экономических комплексов. В работе А. Лёша[111] был осуществлён переход от анализа на микроуровне к проблемам формирования экономических районов; последние рассматривались как рыночная среда, в которой фирмы принимают решение о размещении с учётом ряда факторов (налоги, конкуренция и пр.), а также как часть системы более высокого уровня с акцентом на межрегиональных взаимодействиях.

Значительный вклад в исследование вопросов концентрации и специализации внесла *теория промышленных районов*. В частности, А. Маршалл (A. Marshall) объяснял концентрацию малых промышленных фирм в определённом месте (т.н. промышленные районы) их стремлением получить преимущества за счёт *внешней* экономии от доступа к общему рынку труда, общественным благам (инфраструктура, образовательные институты и пр.), снижения транспортных и трансакционных издержек ввиду близости фирм, расположенных вдоль производственной цепочки, а также перетока знания[112].

Д. Майя (D. Maillat), как один из ключевых представителей *школы территориальных производственных систем,* занимался исследованием причин и последствий территориальной концентрации производства. Им были выделены два типа промышленных районов как интегрированных систем: 1) районы «гибкой» специализации; 2) «маршалловы» районы, базирующиеся на использовании территориальных «ноу-хау», местных научных и технических ресурсах[113]. Эти идеи также нашли отражение в *теории малых промышленных районов Дж. Бекаттини* (G. Becattini)[114].

---

[111] Лёш А. Пространственная организация хозяйства: пер. с нем. М.: Наука, 2007. 663 с. ISBN 978-5-02-035367-1.
[112] Marshall A. Principles of Economics. Variorum edition overseen be C. Guillebaud, L.: McMillan Press. 1961. 450 p.
[113] Maillat D. Globalização, meio inovador e sistemas territoriais de produção // Revista Internacional de Desenvolvimento Local, 2002. Vol. 3. No. 4. P. 9–16.
[114] Becattini G. Industrial Sectors and Industrial Districts: Tools for Industrial Analysis / European Planning Studies. 2002. Vol. 10. No. 4. P. 483–493. DOI: 10.1080/09654310220130194.

Советскими учёными (М. К. Бандман, Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский и др.) для объяснения путей повышения эффективности использования потенциала территорий в контексте обеспечения пространственной интеграции была разработана *теория территориально-производственных комплексов (ТПК)*, объясняющая механизмы развития межрегионального взаимодействия отраслей, их специализации и кооперирования в условиях плановой экономики. ТПК как сложные структуры объединяли в себе отрасли специализации, комплексирующие производства, инфраструктуру, местные природные ресурсы и население[115,116]. Данные структуры в период СССР являлись основой пространственного каркаса крупного экономического района[117,118,119]. Фактически в несколько ином виде, но некоторые из них сохранились и сейчас, поэтому актуальным является обоснование эффективных инструментов управления этими структурами в условиях рынка.

В контексте данного исследования важную объясняющую роль играет концепция *пространственного каркаса* как механизма интеграции пространства на национальном, макро- и региональном уровнях[120]. Как отмечал известный отечественный учёный Г. М. Лаппо, использование данной концепции стимулирует развитие «каркасного мышления», позволяющего мыслить стратегически, видеть крупные проблемы, оперировать обширными территориями (макрорегионами, странами)[121].

---

[115] Колосовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с. ISBN 5-93520-015-5.
[116] Бандман М.К., Ларина Н.И. Использование моделей ТПК для оптимизации размещения производства в экономическом районе // Вопросы географии. 1970. Вып. 80: Территориальные производственные комплексы. С. 59–66.
[117] Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. М., 1960. 235 с.
[118] Александров И.Г. Экономическое районирование России. М., 1921. 15 с.
[119] Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 204–254.
[120] Luchnikov A.S., Nikolaev R.S. Economic framework optimization as an instrument for regional development // R-Economy. 2017. № 3 (4). P. 213–230. DOI: 10.15826/recon.2017.3.3.024.
[121] Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. № 5. С. 16–28.

При этом в советских работах встречались упоминания о «каркасе территорий»[122], «опорном каркасе расселения»[123], «опорном каркасе народного хозяйства»[124]. Современные авторы, интегрируя данные категории, развивают теорию пространственного каркаса, под которым понимается исторически сложившаяся и развивающаяся линейно-узловая структура территории, являющаяся основой организации её социально-экономического пространства. Пространственный каркас включает расселенческий, производственный, инфраструктурный, экологический каркасы[125].

В качестве *узловых элементов (опорных узлов)* каркаса обычно рассматриваются города и агломерации различного уровня иерархии, посёлки городского типа, концентрирующие население, производство, инфраструктуру и др.[126] При этом ведущий польский исследователь Р. Доманьски выделил четыре класса узлов пространственного каркаса[127]; член-корреспондент РАН В. Н. Лаженцев обосновал критерии данных узлов с точки зрения численности в них экономически активного населения для городов Европейского Севера России[128]. Узловые элементы формируют зоны, ареалы тяготения, выступают основой узлового района (по Б.Б. Родоману)[129], субрегиона[130] или экономического

---

[122] Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз. 1956. С. 168.

[123] Хорев Б.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). М.: Мысль, 1975. 428 с.

[124] Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. № 5. С. 16–28.

[125] Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Trends in the Spatial Development of Regions in the Northwest of Russia in the 21st Century // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. Iss. 5. P. 266–293. DOI 10.15838/esc.2024.5.95.15

[126] Кудрявцев О.К. Каркас расселения в СССР: генезис и форма // Известия АН СССР. Серия географическая. 1982. № 2. С. 12–23

[127] Доманьски Р. Экономическая география: динамический аспект / Ришард Доманьски: пер. с пол. М.: Новый хронограф, 2010. 376 с. (Серия «Социальное пространство»).

[128] Лаженцев В.Н. Территориальная организация населения и хозяйства Европейского Севера России // Регион: экономика и социология. 2015. № 2 (86). С. 3–28. DOI: 10.15372/REG20150601.

[129] Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети: Очерки теоретической географии. Смоленск, 1999. 256 с.

[130] Под субрегионом обычно понимается крупная часть пространства региона, обладающая чертами социально-экономической системы более низкого уровня иерархии, т.е. отличающаяся от других территорий по природным, экономическим, культурным и иным особенностям и при этом характеризующаяся устойчивыми внутренними хозяйственными взаимодействиями, консолидацией потенциала и ресурсов для комплексного решения социально-экономических

микрорайона (по Е. Е. Лейзеровичу) как территориальной хозяйственной микросистемы внутри субъекта РФ[131].

В качестве *линейных элементов* рассматриваются дороги и магистрали, соединяющие узлы друг с другом, таким образом «сшивая» социально-экономическое пространство за счёт межтерриториальной интеграции.

В зарубежных исследованиях данные взгляды получили развитие в *теориях кластеров* (М. Портер (M. Porter), М. Энрайт (M. Enright)), где обосновывается, что экономически эффективное пространственное развитие обеспечивается преимущественно на основе формирования кластерных структур, базирующихся на углублении специализации, конкуренции и кооперации при производстве продукта между сетью независимых, но географически соседствующих агентов различного профиля[132,133,134,135]. При этом, адаптируясь к условиям глобализации (и даже макрорегионализации, начавшейся в последние несколько лет), возросшего динамизма среды, мир перешёл к сетевому порядку, а экономика и её подсистемы оказались стратифицированы в *кластерно-сетевые структуры* – более гибкие, чем модель иерархии, и интегрированные, чем традиционная модель рынка.

Дж. Хамфри (J. Humphrey) и Х. Шмитц (H. Schmitz) при объяснении процессов повышения конкурентоспособности стран и регионов, интеграции их социально-экономического пространства соединили концепцию кластера (связи на

проблем развития данных территорий. Источники: 1. Бухвальд Е.М., Бессонов И.С. Субрегионы в пространственной организации регионов Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 7–27. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_7_27. 2. Тажитдинов И.А. Субрегион как особое звено территориально-экономической системы: сущность, особенности функционирования и управления // Вестник УГАТУ. 2013. Т. 17. № 1 (54). С. 191–197. EDN: QISWBJ.

[131] Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 14–28.

[132] Porter M. On Competition. Harvard Business School Publishing. 2008. P. 544.

[133] Porter M. Clusters and the new economics of competition // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76. No. 6. P. 77–90.

[134] Enright M. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results. Working Paper // Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program University of Hong Kong. 2000. 21 p.

[135] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

локальном уровне) и цепочки добавленной стоимости (глобальный уровень)[136,137]. По их мнению, локальные кластеры могут быть успешны, если они будут интегрированы в глобальные производственные и сбытовые сети, т.е. в практике стратегирования необходимо обеспечение взаимосвязи локального и глобального контекста развития региональной экономики.

Особенности развития международных интеграционных связей хозяйствующих субъектов рассматриваются также в *теории интернализации*. Здесь подчёркивается, что ввиду несовершенства рынка компаниям становится затруднительно вступать в отношения с фирмами других стран, а выгоднее создавать организационную структуру, при которой они сами аккумулируют активы. В результате международные операции начинают осуществляться внутри подразделений одной фирмы, что позволяет снизить издержки. *Теория OLI Дж. Даннинга* (J. Dunning) исходит из единства территориальной, организационной, институциональной структуры и собственности компании как интегрированной системы[138].

В этом контексте нобелевские лауреаты по экономике Р. Коуз (R. Coase)[139] и О. Уильямсон (O. Williamson)[140] обосновывали, что вертикальная интеграция фирм обеспечивает снижение издержек, себестоимости производства, расширение рынков сбыта. Эти позитивные эффекты достигаются за счёт снижения административных барьеров их взаимодействия, наличия единых органов управления производственной и иной деятельностью, которые распределяют эффекты по звеньям цепочки[141].

---

[136] Humphrey J., Schmitz H. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? // Regional Studies. 2002. No. 36(9). P. 1017–1027. DOI: 10.1080/0034340022000022198.
[137] Акбердина В.В. Методология исследования процессов формирования и развития экономико-технологической реальности в промышленности: диссертация ... доктора экономических наук. Екатеринбург, 2010. 331 с.
[138] Dunning J. Multinationals, technology, and competitiveness. London; Boston: Unwin Hyman. 1988. 280 p.
[139] Coase R. The nature of the firm // Economica. New Series. 1937. Vol. 4. No. 16. P. 386–405.
[140] Williamson O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. N.Y.: Free Press, 1975. 286 p.
[141] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

В процессе эволюции мирового хозяйства на смену концепциям транснациональных компаний приходят теории, описывающие функционирование *платформенных компаний*, представляющих собой *открытую экосистему* с новыми механизмами разделения и кооперации труда, что зачастую делает их более эффективными по сравнению с традиционной моделью организации производственной деятельности. В работе зарубежных исследователей (Дж. Паркер (G. Parker), М. ван Альстин (M. Van Alstyne.), С. Чаудари (S. Choudary), Д. Йоффи (D. Yoffie)) был обстоятельно проведён критический анализ мирового опыта развития платформ[142], выявлены ключевые особенности их организации как новой модели бизнеса[143]. Следует также отметить работу Ф. Саймона (P. Simon)[144], который анализирует платформенные стратегии крупных компаний, а также исследование[145], где были представлены многочисленные примеры такой организации бизнеса в производственной сфере.

Большой вклад в исследование проблематики интеграции уже не хозяйствующих субъектов, а регионов внесли *теории регионального роста*[146]. Так, в неоклассических теориях развитие регионов объясняется установлением между ними взаимосвязей и равновесием на рынках факторов производства, приводящих к сближению цен на них[147], выравниванию уровней развития территорий (Р. Солоу (R. Solow), Т. Сван (T. Swan))[148]. Однако слабой стороной этих теорий является то, что они игнорируют пространственные аспекты; на практике зачастую не соблюдаются условия мобильности факторов производства, что выступает базовой предпосылкой моделей.

---

[142] Паркер Дж., Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику – как заставить их работать на вас; [пер. с англ.]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с. ISBN 978-5-00100-723-4.

[143] Yoffie D., Cusumano M. Strategy rules: Five timeless lessons from Bill Gates, Andry Grove and Steve Jobs. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 2016. 272 p.

[144] Simon Phil. The Age of the Platform: How Amazon, Apple, Face-book, and Google Have Redefined Business. Paperback, 2011. 312 p.

[145] Gawer A., Cusumano M. Industry platforms and ecosystem innovation // Journal of Product Innovation Management. 2014. Vol. 31. No. 3. P. 417–433.

[146] Гаджиев Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. № 2. С. 45–62. EDN: KNVZHD.

[147] Borts G.H., Stein J.I. Economic Crowth in a Free Market. New York, London. 1964. 235 p.

[148] Нуреев Р. Теории развития: новые модели экономического роста (вклад человеческого капитала) // Вопросы экономики. 2000. № 9. С. 126–145. EDN: WKHMBR.

Вопросы пространственных взаимодействий на внутри- и межрегиональном уровнях получили также развитие в *теориях кумулятивного роста*[149], являющихся синтезом неоклассических, институциональных и экономико-географических моделей и делающих акцент на характере рыночных взаимоотношений между элементами пространства. Так, Дж. Фридман (J. Friedmann) обосновал, что центр и периферия связаны между собой потоками информации, товаров и факторов производства; показал *слабую интегрированность периферии и её ограниченное участие в территориальном разделении труда*[150]. *Концепция полюсов и центров роста* исследует развитие профилирующих отраслей, обусловливающих активизацию экономической деятельности в зоне влияния и процессы интеграции пространства[151]. Ж. Будвиль (J. Boudeville) ввёл понятие межрегиональных «полюсов интеграции», охватывающих несколько городских систем и определяющих эволюцию пространственных структур[152,153]. П. Потье (P. Pottier) обосновал важнейшую роль транспорта, формирующего интеграционное пространство («ось развития»)[154].

Более обстоятельно эволюцию исследований межтерриториальных связей можно проследить в *теориях торговли и обмена факторами производства*. Так, согласно А. Смиту (A. Smith), основой международной торговли служат различия в абсолютных издержках между странами[155]. Д. Рикардо (D. Ricardo) объяснял специализацию стран различиями в производительности факторов производства (сравнительные преимущества). Эти классические теории исходили из допущения

---

[149] Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 308 с. ISBN 5-8360-0440-4.
[150] Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press. 1966. 279 p.
[151] Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения / пер. А.П. Горюнова // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.
[152] Boudeville J. Problems of Regional Economic Planning / The University Press; First Edition Edinburg, 1966. 192 p.
[153] Казаченко Л.Д. Теоретический анализ кумулятивного экономического роста экономики региона // Вестник-Экономист ЗАБГУ. 2017. № 15. С. 15–28.
[154] Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. Vol. 14. P. 58–132.
[155] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / [вступ. статья и коммент. канд. экон. наук В.С. Афанасьева]. М: Соцэкгиз, 1962. 684 с.

о немобильности факторов производства и не исследовали торговые отношения между регионами страны.

Однако в XX в. возник иной взгляд на причины, определяющие направления и структуру торговых потоков между странами и регионами. Так, развитая лауреатом Нобелевской премии по экономике Б. Олиным (B. Ohlin) *теория Хекшера – Олина* обосновывала, что государство должно экспортировать продукты, производимые на основе использования избыточных факторов производства, а ввозить – получаемые на основе дефицитных[156,157]. Отсюда следует, что наиболее интенсивная торговля складывается между непохожими странами и рассматривается как средство, с помощью которого можно сократить разрыв в уровне развития территорий.

В отличие от классической школы основой развития товарных потоков с позиции *теории международной и межрегиональной торговли* (П. Кругман (P. Krugman), М. Кэмп (M. Kemp))[158] являются не сравнительные преимущества, а экономия на масштабе; углубление внутриотраслевой, а не межотраслевой специализации[159]. При этом обосновывается, что *отношения между регионами движутся теми же силами, что и между странами*.

Новая экономическая география (НЭГ) объясняет региональную специализацию и пространственные взаимодействия возрастающей отдачей и агломерационной экономикой[160]. Как отмечает А.Н. Пилясов[161], НЭГ можно рассматривать как «новую теорию размещения в эпоху растущей экономической интеграции и в условиях несовершенной конкуренции». Однако для объяснения

---

[156] Ohlin B. Interregional and International Trade, Harvard University Press, 1933. 617 p.
[157] Хекшер Э. Влияние внешней торговли на распределение дохода // Вехи экономической мысли. Международная экономика / Гос. ун-т ВШЭ; сост. и общ. ред. А. П. Киреева. М.: ТЕИС, 2006. С. 154–173.
[158] Kemp M. The Gain from International Trade and Investment: A Neo-Heckscher-Ohlin Approach // The American Economic Review. 1966. Vol. 56. No. 4. Part 1. P. 788–809.
[159] Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pat-tern of Trade // American Economic Review. 1980. Vol. 70. No. 5. P. 950–959.
[160] Krugman P. Complex Landscapes in Economic Geography. American Economic Association // Papers and Proceeding. 1994. No. 84. P. 412–416.
[161] Пилясов А.Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 4. С. 7–17. EDN: OBUKVD.

вопросов пространственной интеграции новая экономическая география имеет определённые ограничения, поскольку исследует особенности перемещения факторов производства только между городами[162].

Ближе всего к пониманию закономерностей протекания процессов интеграции открытых территориальных социально-экономических систем подошли теории *международной экономической интеграции,* зародившиеся в середине XX в. и в дальнейшем развивающиеся в целом ряде научных школ. Основными отличиями данных теорий является разное понимание роли государства в регулировании интеграционных процессов; сфер, где развитие интеграции целесообразно и эффективно, механизмов её обеспечения[163].

Так, если представители *рыночной школы* (В. Рёпке (W. Roepke), Р. Арон (R. Aron), Г. Кассель (G. Cassel) и др.) главным условием интеграции считали полную свободу действия рыночных сил и конкуренции[164,165,166], то уже начиная с *рыночно-институциональной школы* (Б. Баласса (B. Balassa), М. Бийе (M. Byee), Дж. Вайнер (J. Viner)) пришло осознание необходимости государственного вмешательства в данные процессы в части устранения дискриминации в движении товаров и факторов производства[167,168,169,170].

Интеграция стала трактоваться не только в статике, но и в динамике, т.е. как процесс; учёные выделили ряд последовательных *стадий её развития*. Так,

---

[162] Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. № 3 С. 123–160. DOI: 10.14530/se.2013.3.123-160.

[163] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[164] Roepke W. International Order and Economic Integration. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1959. 276 p.

[165] Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle. Paris: Gallimard. 1941. 375 p.

[166] Cassel G. Some Leading Propositions for an International Discussion of the World's Monetary Problem // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1920. Vol. 89. P. 259–267.

[167] Byee M. Unions douanieres et donnees nationals // Economie appliquée. 1950. Vol. 3. P. 121–157.

[168] Viner J. The Customs Union Issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. 221 p. DOI: 10.1017/S0003055400060755.

[169] Кожевников С. А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[170] Васильева Е.Э. Теории региональной интеграции: развитие и значение в формировании основ трансграничного сотрудничества // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2009. № 3. С. 72–75.

Б. Баласса (B. Balassa) обосновал этапы углубления интеграционных процессов, сначала зарождающихся на товарных рынках, потом разворачивающихся на рынках факторов производства, в социальной, институциональной, политической сферах, что ведёт к формированию единого пространства, *конвергенции*[171] территорий по ключевым показателям развития[172,173,174]. Такой вектор в целом может быть использован и для объяснения развития пространственной интеграции регионов одной страны.

В то же время данные либеральные теории исследовали интеграцию весьма поверхностно, концентрировались преимущественно на необходимости устранения барьеров в сфере обращения, но практически не изучали сферу производства интегрирующихся стран[175,176]. Лишь представители *неокейнсианской школы* (Р. Купер (R. Cooper), Дж. Пиндер (J. Pinder), Я. Тинберген (J. Tinbergen) и др.) начали рассматривать интеграцию в контексте формирования оптимальной международной экономической структуры, концентрируясь не только на необходимости устранения барьеров, но и на целесообразности принятия специальных законов, формирования институтов, инструментов развития

[171] Конвергенция – процесс сближения уровней социально-экономического развития регионов во времени (противоположный процесс называется дивергенцией). Научной платформой данной категории в экономике являются неоклассические теории (Р. Солоу (P. Solow), Р. Барро (R. Barro), Х. Сала-и-Мартин (X. Sala-i-Martin) и др.), которые рассматривают обеспечение конвергенции регионов за счёт перемещения факторов производства, товаров и др. Источник: Янжимаева Ю.И., Холодилин К.А. Конвергенция региональной плотности населения в России за 120 лет: препринт; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (1 Мб). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. (Серия WP2 «Количественный анализ в экономике»). 46 с.

[172] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[173] Balassa B. The Theory of Economic Integration. London Routledge. 1961. 304 p.

[174] Шумилова Ю.А. Методологические аспекты исследования категории «экономическая интеграция» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2014. № 4. С. 77–86. EDN: TFNPMP.

[175] Максимова М. Экономическая интеграция: некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. 1969. №5. С. 21.

[176] Тимофеев А.В. Теоретические аспекты и тенденции развития региональной экономической интеграции // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 3 (42). С. 58–63. EDN: PJHUCV.

интеграционных процессов (т.н. «позитивная» интеграция)[177,178]. Наряду с этим *функциональная школа* (Д. Митрани (D. Mitrany)[179], Э. Хаас (E. Haas)[180] и др.) обосновывала необходимость формирования наднациональных структур управления интеграцией и передачи им властных полномочий государств[181,182]. В дальнейшем эти положения получили развитие в неофункционализме, теории «крепкого ядра», концепции «конфедерации» и др.

Несомненным достоинством советской школы исследования МЭИ (М. Максимова, В. Шмелев, Ю. Шишков) является акцент на изучении всех стадий воспроизводственного процесса интегрирующих стран[183], межотраслевого и внутриотраслевого разделения труда[184]. Однако интеграция рассматривалась с позиции обобществления производств, прочие её аспекты (интеграция в социальной, инновационной, культурной сферах) изучались недостаточно.

Таким образом, в представленных школах международной экономической интеграции зародились научные основы исследования интеграционных процессов на межгосударственном уровне. Вместе с тем многие их положения применимы и для объяснения интеграционных процессов между регионами одной страны[185].

На основе анализа научных публикаций можно сделать вывод о том, что предмет исследования в большинстве из них составляют вопросы формирования единого социально-экономического пространства на наднациональном уровне (ЕС,

---

[177] Cooper R. Integration and disintegration. The post-cold war world // Journal of democracy. Wash. 1999. Vol. 10. No. 1. P. 8–21.
[178] Pinder J. Problems of European Integration, In: G. Denton (eds.) Economic Integration in Europe. London, Weidenfeld and Nicolson. 1969. P. 143–170.
[179] Mitrany D. The Functional Theory of Politics, London: Martin Robertson, 1975. 294 p.
[180] Haas E. The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces 1950–57., Ann Arbor, MI: UMI Books on Demand. 1996. 552 p.
[181] Дульский И.В. Федерализм и функционализм в теории европейской интеграции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 18 (194). С. 10–14. EDN: MUFAFH.
[182] Воронина Т.В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции // Terra Economicus. 2010. № 3. С. 208–215. EDN: NCCUZH.
[183] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.
[184] Семак Е.А. Теоретические основы международной экономической интеграции // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. научн. ст. 2009. Вып. 6. С. 117–134.
[185] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

НАФТА, ЕЭС и т.п.). Причём *пространственная интеграция* рассматривается с позиции формирования единого «поля» всех форм хозяйствования и процессов развития (рисунок 4).

Однако слабо исследуются проблемы пространственной интеграции на внутри- и межрегиональном уровнях. Вместе с тем именно стратегирование развития таких устойчивых социально-экономических связей служит основой обеспечения интеграции на более высоком уровне иерархии.

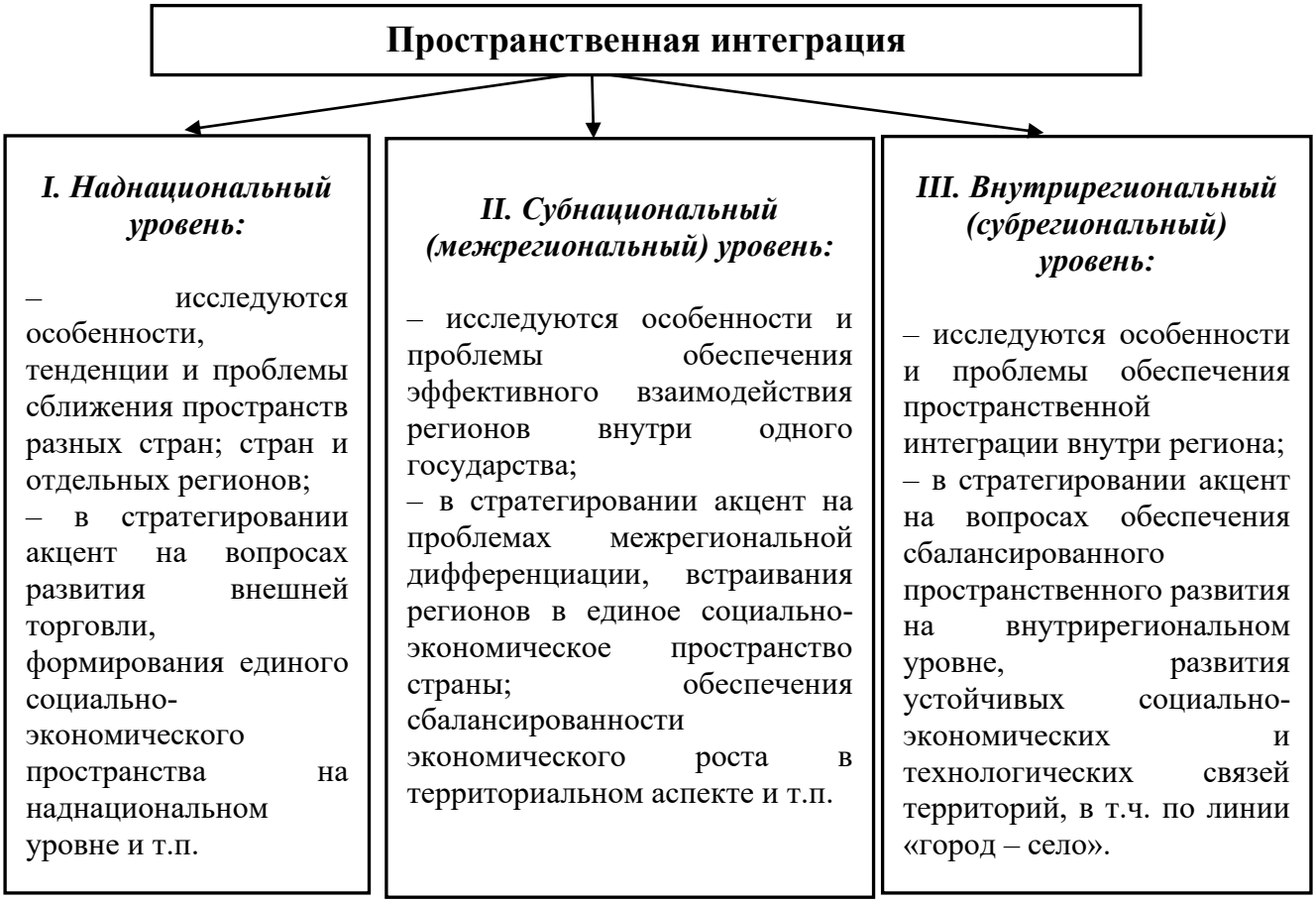

Рисунок 4 – Специфика исследования проблем и стратегирования пространственной интеграции на различных уровнях иерархии

Источник: составлено автором

По итогам критического анализа существующих теорий и концепций можно сделать вывод о том, что по своей природе пространственная интеграция регионов является *не столько результатом, сколько процессом (дуализм «процесс – результат»), развивающимся во времени и углубляющимся по сферам социально-экономического пространства*. Наличие торговых и производственно-кооперационных связей территорий представляет лишь одну из предпосылок

интеграции, которая постепенно разворачивается на факторных рынках, институциональном пространстве и других сферах. Углубление интеграции невозможно без наличия центра, координирующего данный процесс (в иерархических пространственных системах – это специальные структуры управления, в горизонтальных – какой-либо элемент сети участников) и придающего ему управляемый характер[186].

При этом в исследованиях сложилась дискуссия относительно *взаимосвязи и взаимообусловленности процессов конвергенции* (т.е. сокращения различий) *и пространственной интеграции регионов* – зачастую они трактуются в качестве синонимов. Вместе с тем следует признать справедливой позицию о том, что *интеграция и конвергенция находятся в диалектических отношениях*: схожесть территорий выступает предпосылкой интеграции, углубление которой ведёт к конвергенции элементов социально-экономической системы[187]. Однако, как показывают опыт развития регионов (прежде всего приграничных) и исследования, взаимосвязь между интеграцией и конвергенцией не автоматическая[188,189].

В целом пространственная интеграция является более ёмкой и сложной категорией, чем *«межрегиональное сотрудничество», «межрегиональная кооперация», «экономическая интеграция».* Так, *межрегиональное сотрудничество* обычно рассматривается через призму широкого спектра экономических («горизонтальные» межбюджетные субсидии, инвестиционное сотрудничество и др.) и иных форм (информационное сотрудничество, взаимодействие при формировании нормативно-правовой базы субъектов РФ и др.) совместного участия регионов в решении их общих задач/проблем. Одной из них

---

[186] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[187] Челнокова О.Ю. Взаимосвязь и взаимообусловленность конвергенции и интеграции в экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. № 2. С. 154–158. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-154-158.

[188] Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. М.: Экономика, 2011. 332 с. ISBN 978-5-282-03147-8.

[189] Topaloglou L., Kalliora D., Manetos P., Petrakos G. A Border Regions Typology in the Enlarged European Union // Journal of Borderlands Studies. 2005. Vol. 20. No. 2. P. 67–89. DOI: 10.1080/08865655.2005.9695644.

является *межрегиональная кооперация*, которая обычно трактуется с позиции воспроизводственного подхода как форма совместной организации производственно-экономической деятельности регионов для решения их общих задач, реализации совместных проектов с учётом разделения функций, ресурсов и ответственности. При сотрудничестве и кооперации, как правило, сохраняется полная самостоятельность субъектов.

Экономическую интеграцию регионов, как более зрелую форму совместной организации их общественного хозяйства, как правило, рассматривают с точки зрения взаимопроникновения, «сращивания» и сближения экономик территорий на основе расширения спектра и усложнения форм их *хозяйственно-производственных взаимодействий*.

В свою очередь *пространственная интеграция* проявляется в нарастании масштабов, усложнении форм и направлений *не только хозяйственно-производственных, но и других связей регионов* (социокультурных[190,191], научно-инновационных и др.), ведущих *к конвергенции, синхронизации развития территорий и* формированию новой социально-экономической системы (этого не наблюдается при межрегиональной кооперации)[192,193]; при этом взаимодействующие регионы рассматриваются как пространственные системы[194].

С учётом вышесказанного, а также каркасного подхода к исследованию пространства, существующих парадигм региона пространственную интеграцию целесообразно рассматривать с позиции её углубления и расширения по

---

[190] Heller W. Identities and conceptions of border area populations in East-Central and South-East Europe. Thematic aspects and questions of an actual research field. Journal of Urban and Regional Analysis. 2011. Vol. III, no. 1. P. 5–12.

[191] Boe D., Grasland, C., Healy A. Spatial integration / Study Programme on European Spatial Planning. 1999. 153 p.

[192] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[193] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[194] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

следующим ключевым секторам (сферам) многомерного социально-экономического пространства, представленным на рисунке 5.

Подчеркнём, что именно на развитие «мягких» связей, как ключевых факторов углубления пространственной интеграции на современном этапе развития производительных сил, обращают большее внимание зарубежные исследователи. К числу немногочисленных работ отечественных учёных в данном направлении следует отнести работы С. Д. Бодрунова и его коллег, где внимание авторов уделяется изучению феномена *нооинтеграции как интеграции нового типа* (например, БРИКС+), базирующейся в первую очередь на единстве ценностей участников такого объединения, интеграции научно-образовательных, социальных пространства стран. При этом, по их мнению, сам интеграционный процесс развивается не линейно, а имеет спиралевидный характер[195].

Рисунок 5 – Интеграционные процессы в многомерном социально-экономическом пространстве

Источник: составлено автором

[195] Бодрунов С.Д., Архипова В.В. Построение нооинтеграции на примере БРИКС: теория и практическая реализация // Экономическое возрождение России. 2024. № 4 (82). С. 5–18. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-5-18.

Таким образом, пространственная интеграция является пространственным выражением социальной интеграции в широком смысле этого слова[196] и обеспечивается на основе *развития социально-экономической связности, взаимодополняемости и сбалансированности различных элементов пространства взаимодействующих регионов*[197,198]. Именно эти *родовые признаки*, представленные на рисунке 6, отличают интеграцию от других форм взаимодействия регионов.

Рисунок 6 – Родовые признаки пространственной интеграции
Источник: разработано автором

С учётом этого под ***пространственной интеграцией*** регионов будем понимать ***управляемый полифакторный процесс, который характеризуется ростом связности, синхронизацией развития и конвергенцией пространства регионов при реализации ими совместных проектов, в результате чего возникает качественно новая пространственная система.***

---

[196] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[197] Marcuse P. Enclaves yes, ghettos no: Segregation and the state. In Varady, D. P. (Ed.), Desegregating the city: Ghettos, enclaves, and inequality. Albany, NY: State University of New York Press. 2005. P. 15–30.

[198] Lee R. Integration. In Gregory, D., Johnston, R., Pratt, G., Watts, M. J., Whatmore, S. (eds). The Dictionnary of Human Geography (ed. Gregory D). Chichester: Wiley-Blackwell. 2009. 1071 p.

Данное определение по смысловому наполнению схоже с трактовкой коллектива под руководством академика П. А. Минакира, в работе которых под интеграцией экономики страны понималось «объединение экономических систем выделяемых в ней регионов, на базе которого возникает общая система с новым качеством»[199]. При этом интеграция и дезинтеграция, по мнению авторов, являются противоположными процессами, находящимися в тесной связи, и на разных этапах исторического развития страны преобладает либо первый, либо второй вектор.

Следует согласиться с позицией авторов о том[200], что пространственную интеграцию следует рассматривать в двух аспектах: как результат действия рыночных механизмов и объект политики со стороны государства, результат его усилий по формированию правовой базы, институтов пространственного развития, межрегиональных связей. При этом по степени *жёсткости таких связей между элементами системы* обычно выделяют следующие виды интеграции: «жёсткая» (связи регулируются правительственными документами/внутрикорпоративными регламентами); «средняя» (экономическими соглашениями), «мягкая» (наличие социокультурных, исторических связей без юридических обязательств) [201,202].

Таким образом, пространственная интеграция регионов представляет собой высшую стадию коэволюции региональных социально-экономических пространств на основе развития и усложнения форм совместной организации их общественного хозяйства, что ведёт к формированию системы с новым качеством в результате развития как хозяйственно-производственных, так и иных связей между её элементами[203].

---

[199] Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Рос. акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т экон. исследований. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 352 с. ISBN 5-282-02453-5.

[200] Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 5. С. 7–32. EDN: VEACGL.

[201] Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. № 2. Т. 3. С. 62-73. EDN: OYUWOZ.

[202] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

[203] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

1.3. Предпосылки, факторы и инструментальное обеспечение пространственной интеграции: зарубежный и отечественный опыт

Как свидетельствуют исследования, конкуренция в процессе эволюции претерпевает определённые изменения: в ней возрастает роль институтов сотрудничества[204], горизонтальной кооперации[205,206] как в бизнес-среде[207], так и между территориальными системами различных уровней[208].

Об этом свидетельствует и мировой опыт. В частности, развитие мировой экономики в XX в. характеризовалось активизацией процессов интеграции. Так, если в 1948–1994 гг. были нотифицированы 124 региональных торговых соглашения (РТС), то после создания Всемирной торговой организации в 1995 году – уже более 600 РТС[209].

Одним из самых ярких примеров пространственной интеграции на наднациональном уровне является опыт *Европейского союза (ЕС)*. Формирование входящих в его состав *еврорегионов*[210] произошло в процессе активизации интеграционных трансграничных процессов «снизу» при реализации совместных

---

[204] Князев Ю. О конкуренции и сотрудничестве в современной экономике // Общество и экономика. 2018. № 4. С. 31–42. EDN: XNSBGP.

[205] Крюков В.А. О взаимосвязи и взаимодействии экономической, промышленной и научно-технологической политик // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 15–46. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.1.

[206] Важенин С.Г., Важенина И.С. Доверие и сотрудничество территорий в конкурентной экономике // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 336–345. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.8.

[207] Зудин А.Ю. Ассоциации – бизнес – государство. «Классические» и современные формы отношений в странах Запада: препринт WP1/2009/05. М.: Гос. уни-т – ВШЭ, 2009. 68 с.

[208] Deutsch M. A theory of Cooperation-Competititon and Beyond. London: Sage Publications Ltd. 2012. Vol. 2. No. 40. P. 275–306. DOI: 10.4135/9781446249222.

[209] WTO Regional Trade Agreements Gateway. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (date of access: 27.02.2024).

[210] Под международным регионом (еврорегионом) обычно понимаются территориальные образования внутри двух или более стран, обладающие необходимым набором целостнообразующих характеристик. Источник: Барыгин И.Н. Международное регионоведение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2009. 384 с. ISBN 9785388006882.

проектов, инициированных регионами, опираясь на исторически длительные межтерриториальные связи между ними[211,212].

В результате активизации проектов регионализации к 2012 году в Европе уже насчитывалось 156 еврорегионов[213,214]. В целях развития интеграционных процессов, сближения территорий внутри еврорегионов по ключевым параметрам развития особое внимание органы власти уделяют развитию *совместных систем транспорта*, поддержке межрегиональных культурных мероприятий, студенческому обмену и т.п.

Инструментом развития проблемных регионов и их интеграции в пространство ЕС выступает формирование специальной схемы территориальных единиц NUTS (стандарт территориального деления для статистических целей). Формирование таких пространственных структур происходит в соответствии с *политикой экономического, социального и территориального сплочения ЕС*, одним из принципов которой является обеспечение определённого единообразия стран, их *конвергенции* в различных областях социальной жизни. Как отмечает автор[215], «общеевропейская региональная политика ставит целью «сшить» территориальные структуры хозяйства, сети городов и всю систему расселения разных стран».

Подобное сплочение достигается путём расширения экономического потенциала всех участников Союза за счёт инвестиций в *современную межрегиональную инфраструктуру* (линейную, рыночную и «мягкую»:

---

[211] Галазова С.С., Панфилова Е.А., Биганова М.А. Сравнительный анализ европейского и российского трансграничного регионализма // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–9. С. 2003–2009. EDN: SZUINP.

[212] Буданова И.А. «Акторность» еврорегионов // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 57–63. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-3-30-57-63.

[213] Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. № 2. С. 48–59. EDN: MVYCJL.

[214] Буданова И.А. «Акторность» еврорегионов // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 57–63. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-3-30-57-63.

[215] Дунаев И.В. Ключевые принципы политики пространственного развития и модернизации региональных экономик в Евросоюзе // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 2 (8). С. 222–228. EDN: SCAGIP.

информационные сети, консалтинг, образование, сектор R&D), поддержку сетевых форм коллаборации экономических агентов[216,217].

Наряду с этим ключевыми приоритетами региональной политики ЕС до 2020 года в контексте обеспечения интеграционных процессов являлись полицентричное и сбалансированное развитие (формирование развитой сети взаимодействующих крупных, средних и малых городов); развитие различных видов территориальной интеграции[218,219].

Институциональная основа политики сплочения – деятельность *Европейского фонда регионального развития и Европейского социального фонда*, за счёт средств которых финансировались программы регионального развития Союза. При этом с 2014 года в зоне ЕС для целей регулирования выделялись три группы регионов по уровню развития, которые получали ассигнования из данных фондов. Так, наибольший объём финансирования был предназначен для менее развитых государств Центрально-Восточной и Южной Европы с ВВП на душу населения по паритету покупательной способности ниже ¾ от среднего по ЕС[220].

Вместе с тем исследователи признают, что евроинтеграция имеет ряд «узких мест», особенно активно показавших себя в последние годы. В частности, зарубежный исследователь В. Соколовски отмечает, что «самое крупное в истории Евросоюза территориальное расширение (восточное) в 2004 и 2007 гг. обернулось

---

[216] Современная политика сплочения в ЕС: замыслы и итоги / Б.Л. Лавровский, Е.А. Горюшкина, И.В. Позднякова, Е.В. Спиридинова, А.А. Федеров // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 1. С. 96–113. DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-1-96-113

[217] European regional policy: a source of inspiration for countries that are not part of the EU? Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/international/external_ru.pdf (date of access: 23.06.2024).

[218] European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_ en.pdf. Territorial. Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_ agenda_2020.pdf (date of access: 23.06.2024).

[219] Дунаев И.В. Ключевые принципы политики пространственного развития и модернизации региональных экономик в Евросоюзе // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 2 (8). С. 222–228. EDN: SCAGIP.

[220] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А.В. Кузнецов, О.В. Кузнецова, К.В. Слесарева [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. 137 с. ISBN 978-5-9535-0427-0.

возникновением целого ряда существенных диспропорций как социального, так и экономического характера внутри новой межгосударственной организации регионального сотрудничества»[221].

О необходимости обеспечения дальнейшего углубления интеграционных процессов в Европе свидетельствуют разработанные в литературе и практике статичные и динамичные модели («Голубой банан», «Красный осьминог» и др.)[222]. Согласно им, активность сосредоточена в центре европейского пространства, а северные и другие периферийные территории находятся вне тесных связей с этим ядром[223]. Это привело к необходимости пересмотра приоритетов пространственной политики не в административно-территориальных границах, а в отдельных транснациональных макрорегионах, имеющих общие возможности и вызовы развития. Иными словами, государственная политика стала фокусироваться на *макрорегионализации*, что нашло закрепление в стратегии развития ЕС «Европа 2020 – стратегия разумного, устойчивого и инклюзивного роста»[224].

При этом, как отмечали Э. Остром (E. Ostrom)[225] и некоторые отечественные авторы[226], макрорегионы можно рассматривать как развивающиеся поверх административных границ кластерно-сетевые системы, *«определяемые потребностью кооперации вокруг общего пула ресурсов (совместных морских акваторий, речных бассейнов, горной гряды) для согласованного решения общих проблем – экологических, транспортных, инфраструктурных и др.».* В результате в ЕС были приняты четыре трансграничные стратегии макрорегионов: а) региона Балтийского моря (2009 г.); б) Дунайского региона (2011 г.); в) Адриатического и Ионического регионов (2014 г.); г) Альпийского региона (2015 г.).

---

[221] Соколовски В. «Вишеградская» стратегия развития Карпатского региона // Современная Европа. 2018. № 7. С. 86–95. DOI: 10.15211/soveurope7201890100.

[222] Geza T., Kincses A., Nagy Z. The changing economic spatial structure of Europe // Norsk Geografisk Tidsskrift. 2014. Vol. 65(5). P. 1–9. DOI: 10.1080/00291951.2014.963665.

[223] Патракова С.С., Кожевников С.А. Пространственная организация экономики северных регионов: зарубежный опыт // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 2 (68). С. 37–48. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.68.004.

[224] EUROPE 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/?uri=celex%3A52010DC2020 (date of access: 02.06.2024).

[225] Ostrom E. Governing the Commons. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 280 p.

[226] Малыгин В., Смородинская Н. Сетевой формат в управлении экономическим развитием: европейский макрорегионализм // Экономические стратегии. 2018. № 8. С. 82–87. EDN: YTHDJJ.

Опыт Балтийского и других макрорегионов ЕС свидетельствует о том, что *проектно-сетевой формат кооперации*, *усиленный горизонтальными взаимодействиями координирующих центров* и неформальным характером связей, обеспечивает наиболее быструю интеграцию сегментированных рыночных пространств. Реализуя такие проекты и связанные инициативы, макрорегион развивается в режиме системного коллаборативного управления, основанного на тройных спиралях (государство, бизнес, наука) и формировании совместного стратегического видения[227].

В соответствии с приоритетами политики ЕС и других европейских стран по обеспечению территориального сплочения и интеграции стали широко распространяться различные формы *«мягкого» территориального сотрудничества*, получившие также название «сообщества намерений»[228].

Ключевые особенности такого сотрудничества:

1) добровольный характер взаимодействия, которое основывается на *ценностях, интересах и целях*, разделяемых ключевыми стейкхолдерами;

2) ориентировано *на решение специфических, но общих для участников задач*;

3) имеет *средне- и долгосрочную интеграционную перспективу*, т.е. на практике не ограничивается реализацией одного проекта;

4) имеет «открытые» границы, *ориентацию на расширение круга действующих игроков*, что позволит укрепить сотрудничество для поддержки функциональных отношений и *извлечения выгоды из сближения интересов*;

5) сформированы соответствующие рамки для диалога, координирующие деятельность участников[229].

---

[227] Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015. 344 с. ISBN 978-5-9940-0536-1.

[228] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[229] Гнездова Ю.В. Мягкое территориальное сотрудничество: принципы и особенности // Цифровое пространство: экономика, управление, социум: сб. науч. стат. IV Всероссийской научной конференции. Смоленск, 2022. С. 36–41.

6) сложились две модели организации, управления и координации данных процессов: «*сверху вниз*» и «*снизу вверх*»[230].

Существуют различные механизмы финансирования такого сотрудничества. Это прежде всего схемы софинансирования мероприятий партнёрами (активно применяется в Швеции), их членские взносы, а также привлечение средств из других национальных (Ирландский специальный фонд для финансирования реализации стратегии пространственного развития) и наднациональных источников финансирования (например, фондов ЕС). При этом большинство проектов сотрудничества практически полностью финансируется за счёт государственных средств[231,232].

Каждая страна имеет специфические приоритеты и инструменты интеграции своего пространства на внутри- и межрегиональном уровнях, которые определяются рядом факторов различной природы.

Так, целью региональной политики Германии является создание равноценных условий жизни на всей территории[233]. Система федерализма базируется на принципах *взаимодействия, сотрудничества и солидарной ответственности* между землями[234]. В 1949–1960 гг. в ФРГ было заключено 339 межземельных договоров и административных соглашений; образовано более 80 межземельных организаций, координирующих выполнение территориями различных задач, возложенных на них федерацией[235]. Объектами соглашений

---

[230] ESPON ACTAREA: Thinking and planning in areas of territorial cooperation European Atlas of Soft Territorial Cooperation / Final Report. URL: https://www.researchgate.net/publication/332354299_ESPON_ACTAREA_Thinking_and_planning_in_areas_of_territorial_cooperation_European_Atlas_of_Soft_Territorial_Cooperation_Final_Report/link/5cafdac8299bf120975f7b38/download (date of access: 18.06.2024).

[231] Там же.

[232] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[233] Романова Е.В. Региональные кластеры и конкурентная экономика (на примере Восточной Германии) // Современная Европа. 2008. № 2 (34). С. 90–104. EDN: MVYCKP.

[234] Ефимов Н.В. Межсубъектное взаимодействие федеральных земель Германии и надрегиональные органы исполнительной власти как его составная часть // Символ науки. 2016. № 10–1. С. 183–191. EDN: WXDEM.

[235] Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма / М.А. Крутоголов, Б.С. Крылов, И.А. Ледях, Е.Ф. Леонюк и др.; отв. ред.: Б.С. Крылов, И.Д. Левин. М.: Наука, 1966. 335 с.

являются вопросы школьного образования, правоохранительной деятельности, здравоохранения, культуры и т.д.[236].

Активно применяются механизмы межрегионального финансового выравнивания, которые предусматривают горизонтальное перераспределение доходов бюджетов между землями. Эти средства регионы используют для решения проблем их социально-экономического развития. Выделяются также дополнительные нецелевые федеральные гранты; отстающие земли (прежде всего восточные) получают средства на строительство инфраструктуры.

Политика межрегионального сотрудничества и обеспечения пространственной интеграции в ФРГ реализуется в двух проекциях: это реализация региональной политики ЕС и общей стратегии развития регионов страны. Оба эти направления сфокусированы на создании инфраструктурного каркаса и раскрытии потенциала регионов[237, 238]. Финансирование реализации стратегии осуществляется из бюджета федерации и земель. В соответствии с ней разрабатываются *межрегиональные программы и планы* (Объединённая программа развития регионов Рур и Саар[239]; План регионального развития Северного Рейна – Вестфалии, Гессена и Нижней Саксонии; Программа стратегического развития «Программа действий в Руре и Тюрингии» на 2010–2020 гг.; Региональная система создания инновационной программы (Бранденбург, Саксония, Саксония – Анхальт); План развития нового кластера – Центр эколого-экономических

---

[236] Ефимов Н.В. Межсубъектное взаимодействие федеральных земель Германии и надрегиональные органы исполнительной власти как его составная часть // Символ науки. 2016. № 10–1. С. 183–191. EDN: WXDEM.

[237] Котов А.В. Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александрова «Экономическое районирование России») // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034

[238] Котов А.В. Модель управления пространственным развитием Германии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 6–2 (76). С. 66–72. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-6-2-66-72.

[239] Мусаев Р.А., Урумова И.О. Инвестиционные стратегии регионов России и европейский опыт региональной политики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 4. С. 203–208. EDN: TIVVOV.

технологий»; Межрегиональная программа «Экологическое развитие Эмшерпарка»)[240,241,242,243].

Активное стратегирование интеграционных процессов на межрегиональном уровне в Германии обусловлено тем, что в стране были созданы благоприятная институциональная среда и инструментальное обеспечение. При этом движущей силой становятся инициативы «снизу» (межземельные государственные договоры; совместные решения конференций отраслевых премьер-министров, министерств земель)[244].

Пространственная интеграция на внутрирегиональном уровне обеспечивается за счёт *межмуниципального сотрудничества*, а именно:

1) взаимодействия территорий для совместного отстаивания интересов и ведения диалога с вышестоящими уровнями власти (объединения в союзы/ассоциации: сельских и городских поселений; городов, районов);

2) кооперация для совместного решения вопросов местного значения в сферах управления и экономики (водоснабжение и водоотведение, обращение с отходами, туризм, благоустройство).

Сотрудничество обеспечивается использованием как неформальных, так и формальных форм управляемой координации деятельности (совместные администрации, муниципальная рабочая группа, целевой союз).

Похожие процессы протекают и во *Франции*, где существует ряд публично-правовых структур, на базе которых организуется межмуниципальное

---

[240] Zablodska I., Sieriebriak K., Kolomytseva O., Dzhumageldiyeva G., Rohozian Y. Interregional Partnership as a Back-ground for the Sustainable Development: European Facet // European Journal of Sustainable Development. 2019. № 8 (2). P. 365–378. DOI: 10.14207/ejsd.2019.v8n2p365.

[241] Budde, R. et al: Innovationsbericht 2006: Zur Leistungsfähigkeit des Landes Nordrhein-Westfalen in Wissenschaft, Forschung und Technologie. Endbericht – Oktober 2006, RWI Projektberichte, Rheinisch-Westfälisches Institut für Wirtschaftsforschung (RWI), Essen. 2006. 685 p.

[242] Halbzeitbewertung des Ziel 2-Programms des Landes Nordrhein-Westfalen- Abschlussbericht, Gelsenkirchen, Wien und Strathclyde. Zur Leistungsfähigkeit des Landes Nordrhein-Westfalen in Wissenschaft, Forschung und Technologie, IAT, ÖIR, EPRC. Essen. 2003. 35 p.

[243] Zablodska I., Sieriebriak K., Kolomytseva O., Dzhumageldiyeva G., Rohozian Y. Interregional Partnership as a Back-ground for the Sustainable Development: European Facet // European Journal of Sustainable Develop-ment. 2019. №8(2). P. 365-378. DOI: 10.14207/ejsd.2019.v8n2p365.

[244] Ежегодно в ФРГ проходят 4–5 конференций премьер-министров земель, около 10–13 конференций глав родственных министерств. Источник: Геймбух Н.Г. Эволюция финансовых взаимоотношений федерации и земель в современной Германии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 38–44. EDN: OPVJHD.

сотрудничество: *сообщества агломераций* (*communauté d'agglomération*, непрерывный урбанизированный район с населением более 50 тыс. чел.); *городские сообщества* (*communauté urbaine*). Их цель – обеспечение сотрудничества между городом и пригородами, а также более удалёнными территориями. Существуют *сообщества малых и средних городов* (сплошная урбанизированная территория с населением от 500 чел. до 50 тыс. чел.), *коммун* (*communauté de communes*), основной задачей которых является разработка документов пространственного планирования и экономического развития; реализации совместных проектов[245].

В целях пространственной интеграции реализуются инициативы и создаются соответствующие институты. В частности, на федеральном уровне функционирует Национальная комиссия по пространственному развитию и планированию; на региональном – Региональная конференция, разрабатывается региональная схема управления и развития территорий, региональные директивы пространственного планирования и устойчивого развития для уязвимых регионов (морские, горные, с сильной миграцией). На муниципальном уровне разрабатывается Схема территориальной сплочённости – документ развития сообщества коммун, согласованный со многих точек зрения (географической, экономической, социальной)[246].

Приоритеты пространственной политики в *Польше* на 2020–2030 гг.[247] обозначены в трёх *стратегиях надрегионального социально-экономического развития*: «Восточная Польша», «Южная Польша» и «Западная Польша»[248]. Согласно им, в стране предполагается формирование ряда региональных центров притяжения, альтернативных столице (гг. Катовице, Вроцлав, Познань, Гданьск, Краков). Именно социально-экономические связи этих городов создадут т.н. *«шестиугольную» модель интеграции страны*.

---

[245] Цыкалов В.А., Кузьменков К.И. Особенности межмуниципального сотрудничества во Франции // Мир новой экономики. 2016. 10 (3). С. 131–138. EDN: WMIGNX.
[246] Там же.
[247] Context of integrated territorial development strategies in Poland / ECP Poland, 2011. URL: www.espon-interstrat.eu/admin/attachments/20110526141146_POLAND_FIN.pdf. (date of access: 31.05.2024 г.).
[248] Соколовски В. «Вишеградская» стратегия развития Карпатского региона // Современная Европа. 2018. № 7. С. 86–95. DOI: 10.15211/soveurope7201890100.

В *Испании* значительное внимание уделяется развитию инфраструктурных и кооперационных связей между центральными и периферийными регионами. В частности, *развитие густой транспортной системы* радиального типа, высокоскоростного движения обеспечивает коммуникационное сжатие социально-экономического пространства, препятствует обособлению периферийных регионов с традиционно сильными центробежными тенденциями (в частности, Каталонии). На всей территории страны функционирует *Сеть предпринимательской кооперации*, направленная на развитие связей между хозяйствующими субъектами из разных регионов. К числу институтов развития можно отнести также Фонд сотрудничества и Фонд конкурентоспособности, деятельность которых направлена на сокращение разрыва между доходами граждан в богатых и бедных регионах, а также внутри этих групп регионов[249].

В *Италии* для устранения диспропорций в социально-экономическом развитии (прежде всего по линии «Север – Юг») на базе Министерства экономического развития был создан Департамент развития и экономического сплочения. Для поддержки отсталых территорий были сформированы *Фонд для слаборазвитых территорий,* Межведомственный комитет экономического планирования, а также Фонд выравнивания, наполняемость которого осуществляется за счёт ежегодных взносов регионов страны.

К числу ключевых программ и мероприятий, направленных на стимулирование межрегионального сотрудничества, следует отнести «Программные направления и приоритеты в области содействия развитию на 2009–2019 гг.», «Программу инноваций и инвестиций для развития Умбрии, Тосканы, Базиликаты и Венето», «План эффективной помощи районам» и др.[250,251].

---

[249] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А.В. Кузнецов, О.В. Кузнецова, К. В. Слесарева [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. 137 с. ISBN 978-5-9535-0427-0.

[250] Zablodska I., Sieriebriak K., Kolomytseva O., Dzhumageldiyeva G., Rohozian Y. Interregional Partnership as a Back-ground for the Sustainable Development: European Facet // European Journal of Sustainable Development. 2019. Vol. 8(2). P. 365–378. DOI: 10.14207/ejsd.2019.v8n2p365.

[251] JESSICA 2014-2020. MultiRegion Study for Italy (Marche, Emilia-Romagna, Lazio, Veneto) / The European Investment Bank. Final Report. 2013. URL:

В *США* реализуются программы развития отсталых территорий. Например, в 30-х гг. XX в. реализовывалась федеральная программа развития долины реки Теннеси, в которую вошли 12 штатов; был создан орган управления её реализацией – Администрация долины реки Теннеси. Программа показала свою результативность – из аграрных территории превратились в мощный гидроэнергетический кластер, увязанный в единое социально-экономическое пространство страны. Такой подход в дальнейшем был тиражирован – принята программа развития Аппалачей и др.

В США значительное внимание уделяется созданию округов экономического развития, зон предпринимательства, технопарков или кластеров. Широкое развитие получили региональные и межрегиональные кластерные формы организации производительных сил, которые позволяют весьма эффективно использовать природный, кадровый и финансовый потенциал территории и хозяйствующих субъектов[252].

Среди стран Южной Америки интересным является опыт Бразилии и Мексики, весьма близкий условиям рыночных реформ России 90-х гг. XX в.

Для решения задач сбалансированного пространственного развития в *Бразилии* был создан специальный государственный орган – *Министерство национальной интеграции*. В пространстве страны были выделены 13 мезорегионов и 9 *субрегионов,* созданы государственные структуры, занимающиеся развитием отдельных крупных регионов – агентства развития Северного, Северо-Восточного и Центрально-Западного регионов. В региональной политике фокус был направлен на развитие в регионах инфраструктуры, обеспечение их кредитами, технологиями для максимально полного использования потенциала территорий.

Региональная политика *Мексики*, ориентированная на обеспечение внутренней интеграции пространства на основе сокращения регионального неравенства, берет своё начало с первой половины XX в. В период до 1940 г. в

---

http://www.eib.org/attachments/documents/jessica_italy_multi_region_en.pdf. (date of access: 31.05.2024).

[252] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 137 с. ISBN 978-5-9535-0427-0.

государственной политике акцент делался на внутреннем рынке, формировании институтов развития инфраструктуры. В 1947 г. была создана Комиссия бассейна реки Папалоапан, а позже аналогичные комиссии для бассейнов других рек. Таким образом, было охвачено более 20% территории страны[253].

В дальнейшем была создана Национальная комиссия регионального развития, которая разрабатывала *планы развития регионов, включавших в себя более двух штатов*. Как и в Бразилии, в 2000–2006 гг. были сформированы мезорегионы для координации деятельности правительств штатов и институциональное обеспечение (5 региональных трастов для реализации планов и проектов регионального развития; президентский офис стратегического планирования и регионального развития)[254].

В *Колумбии* функционировала Корпорация развития долины реки Кауки. Таким образом, имела место практика тиражирования успешного проекта США на ряд государств Латинской Америки.

Через призму форсированного развития *Китая* в последние три десятилетия интересным является опыт страны по обеспечению единства социально-экономического пространства[255]. Это особенно актуально с учётом того, что ускоренное развитие экспортно ориентированных восточных и юго-восточных провинций на фоне отстающих западных и центральных привело к нарастанию дезинтеграции пространства Поднебесной[256,257].

Приоритетами государственной пространственной политики в Китае в последние десятилетия являются форсированное бюджетное инвестирование в

---

[253] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А.В. Кузнецов, О.В. Кузнецова, К.В. Слесарева [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. 137 с. ISBN 978-5-9535-0427-0.

[254] Там же.

[255] Chen C., LeGates R., Fang C. From coordinated to integrated urban and rural development in China's megacity regions // Journal of Urban Affairs. 2019. Vol. 41(2). P. 150–169. DOI: 10.1080/07352166.2017.1413285/

[256] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[257] Guo R. China's spatial (dis)integration as a multiethnic paradox: what do the interprovincial data say? // China Finance and Economic Review. 2016. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–21. DOI: 10.1186/s40589-015-0025-4.

проекты инфраструктуры; формирование режима максимального благоприятствования для иностранных инвестиций, особая налоговая политика. Финансовой основой этих программ выступает дотирование из центрального бюджета, кредитование по льготным ставкам[258].

Для решения проблемы дезинтеграции западных и восточных провинций в Китае была создана *Межпровинциальная сеть поддержки*. Она инициировала раунды *партнёрских программ помощи*, чтобы объединить богатые прибрежные провинции с отсталыми внутренними. В частности, с 1980-х годов было проведено пять раундов партнёрских программ для оказания помощи Тибету, где несколько провинций и муниципалитетов провинциального уровня участвовали в *программах проектного строительства и инвестиций*. Кроме того, была установлена система *горизонтального перевода бюджетного финансирования между провинциями*. Помимо развития приграничных регионов и районов проживания меньшинств, партнёрская помощь использовалась для поддержки крупных национальных проектов, оказания помощи при стихийных бедствиях, борьбы с бедностью[259].

Важным механизмом развития экономики регионов Китая, который позволяет распространить инновационные импульсы к развитию сопредельных территорий, является система свободных экономических зон (СЭЗ). В состав СЭЗ включены обширные регионы, что способствовало активизации их взаимодействия с остальной территорией; активно расширялись границы таких зон, формировались «экономические пояса».

Вместе с тем в последние пару десятилетий наметилась смена вектора модели развития с экспортоориентированной на приоритет внутреннего рынка и потребительского спроса. В 2000-е гг. в Китае осуществлялась реализация

---

[258] Экономическая интеграция регионов за рубежом: государственная политика и академические рекомендации. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/ekonomicheskaya_integraciya_regionov_za_rubezhom_gosudarstvennaya_politika_/ (дата обращения: 01.09.2024).

[259] Zhou N. Partner assistance among China’s provinces (i): an overview / Singapore: East Asian Institute, National University of Singapore, 2019. URL: https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2019/02/BB1431.pdf (date of access: 31.05.2024).

программ развития отстающих регионов: западных провинций, промышленной базы Северо-Восточного, Центрального Китая[260].

К числу крупных проектов при практической реализации данных инициатив можно отнести сотрудничество *8 западных провинций* (муниципалитет Чунцин, провинции Гуйчжоу, Ганьсу, Цинхай и Юньнань; Гуанси-Чжуанский, Синьцзян-Уйгурский, Нинся-Хуэйский автономные районы) в рамках строительства нового международного сухопутно-морского торгового коридора[261]. Данный проект позволит соединить «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI в.», а также ускорит развитие западной части Китая[262].

Другие примеры сотрудничества и обеспечения пространственной интеграции включают мегапроекты в дельте реки Янцзы (*YRD*), Жемчужной реки (*Pan-PRD*) и края Бохайского моря.

В частности, мегапроект в дельте Жемчужной реки (*Pan-PRD*) представляет собой проект сотрудничества 11 провинциальных юрисдикций на юге Китая. Это крупнейший в стране проект регионального сотрудничества, охватывающий 20% её территории, треть населения, 40% ВВП и порядка 60% прямых иностранных инвестиций[263]. Потенциал развития интеграции здесь раскрывается за счёт преодоления административных барьеров, *использования взаимодополняющих функций между участниками*.

Pan-PRD не является жёсткой и формальной правительственной организацией. Скорее, это неформальная коалиция и союз, однако между территориями было заключено *Соглашение о региональном сотрудничестве,* целью которого стало формирование региона как единой идентичности путём

---

[260] Михеева Н.Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 32–52. DOI: 10.29003/m252.sp_ief_ras2018/32-52.

[261] Guihai Yu, Deyan He, Wenlong Lin, Qiuhua Wu, Jianxiong Xiao, Xiaofang Lei, Zhongqun Xie, and Renjie Wu China’s Spatial Economic Network and Its Influencing Factors // Hindawi Complexity. 2020. P. 1–13. DOI: 10.1155/2020/6352021.

[262] Li Xia 8 western Chinese provinces cooperate to build new int'l land-sea trade corridor / Xinhua. [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-01/07/c_137726678.htm (date of access: 31.05.2023).

[263] Yeung, Yu. Emergence of the Pan-Pearl River Delta. Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2005. 87. P. 75–79. DOI:10.1111/j.0435-3684.2005.00179.x

развития взаимодействия в таких областях, как инфраструктура, промышленность и инвестиции, коммерция и торговля, туризм, сельское хозяйство, наука и культура, информационные технологии и др.

Для управления процессами пространственной интеграции была сформирована *трёхуровневая институциональная структура.* На верхнем уровне находятся губернатор Pan-PRD (исполнительный директор) и Совместная конференция, которая собирается ежегодно для обсуждения стратегических региональных вопросов. Затем следует Координационная конференция Генерального секретаря, целью которой является реализация стратегических инициатив, согласованных на высшем уровне. Должностные лица профильных конференций должны отчитываться о ходе своей работы перед конференцией верхнего уровня. Повседневной работой Генерального секретаря занимаются отделы, созданные на базе провинциальных комиссий по развитию и реформам провинций-членов. Отраслевые отделы должны работать вместе, чтобы сформулировать планы сотрудничества[264].

Между членами Pan-PRD было подписано 85 соглашений, охватывающих различный спектр секторов сотрудничества. Однако такая широта сфер, по мнению исследователей[265], может стать причиной упадка интеграционного пространства, потому что, как свидетельствует мировой опыт, усилия по сотрудничеству наиболее успешны, когда проекты относительно просты и на начальном этапе имеют ограниченную направленность. Кроме того, сотрудничество со слабой организационной структурой, отсутствием законодательства и поддержки не всегда достаточно для достижения стратегических целей[266].

Другим примером является мегапроект в *дельте реки Янцзы (YRD).* В YRD существуют два процесса интеграционного строительства: «сверху вниз»,

[264] Anthony G.O. Yeh, Jiang Xu Regional Cooperation in the Pan-Pearl River Delta: A Formulaic Aspiration or A New Imagination? // Built Environment. 2008. № 34 (4). P. 408–426.
[265] Scott J.W. European and North American contexts for cross-border regionalism. Regional Studies. 1990. № 33. P. 605–617.
[266] Rusk D. Inside game/outside game: Winning strategies for saving urban America. Bibliovault OAI Repository, the University of Chicago Press. 1999. 402 p.

инициированный центральным правительством, и «снизу вверх», созданный посредством сотрудничества между местными органами власти[267].

В дальнейшем политика на углубление интеграции получила развитие. В марте 2019 г. премьер КНР Ли Кэцян на Второй сессии Китайского собрания народных представителей 13-го созыва предложил содействовать скоординированному региональному развитию, повышать качество новой урбанизации, сосредоточить внимание на решении проблемы несбалансированного развития, содействовать выравниванию доступа к общественным услугам, интеграции между городом и деревней[268].

Особенно ярко эти идеи проявились в *политике «двойной циркуляции»*, реализуемой в соответствии с приоритетами XIV пятилетнего плана Китая на период 2021–2025 гг. Эта политика ориентирована, в том числе, на развитие городской системы: предусматривается развитие мегаполисов как центров высокотехнологических и капиталоёмких производств, сферы услуг, а также средних и малых городов – центров трудоёмких производств. Предполагается, что к 2030 г. в малых и средних городах будет проживать 200–300 млн чел., 500–600 млн – в крупных городах с населением более 3 млн чел.[269]

Поскольку *Россия* – северная страна, то весьма важным является исследование опыта других стран Севера по обеспечению интеграции их пространства. Вместе с тем, как справедливо отмечает Т. П. Скуфьина, данный опыт следует критически осмыслить и переносить на российскую действительность лишь с учётом специфических особенностей страны (огромные расстояния, особая институциональная среда и т.п.)[270].

---

[267] Yi Li, Fulong Wu Understanding city-regionalism in China: region-al cooperation in the Yangtze River Delta // Regional Studies. 2017. № 52 (3). P. 1–12. DOI:10.1080/00343404.2017.1307953.

[268] Guihai Yu, Deyan He, Wenlong Lin, Qiuhua Wu, Jianxiong Xiao, Xiaofang Lei, Zhongqun Xie, and Renjie Wu China's Spatial Economic Network and Its Influencing Factors // Hindawi Complexity. 2020. P. 1–13. DOI: 10.1155/2020/6352021.

[269] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А.В. Кузнецов, О.В. Кузнецова, К.В. Слесарева [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. 137 с. ISBN 978-5-9535-0427-0.

[270] Скуфьина Т.П. Многофакторные вызовы развития Арктической зоны Российской Федерации // Экономика и управление. 2019. № 3 (161). С. 17–22. EDN: DUOBDG.

В частности, в региональной и пространственной политике *Норвегии* второй половины XX – начала XXI в. условно можно выделить четыре этапа.

I. Политика ускоренной модернизации Севера (1950 – начало 1970 гг.).

В 1951 г. была разработана и начала реализовываться Программа развития Северной Норвегии, приоритетами которой стали ускоренная индустриализация, поддержка крупных проектов освоения этих территорий и их интеграции в пространство страны[271]. Для этого был создан Фонд экономического развития Северной Норвегии. Однако результаты реализации политики оказались весьма неоднозначными, поскольку к числу негативных последствий можно отнести активный миграционный отток в южные регионы.

II. Политика государственного протекционизма (1970 – сер. 1980-х гг.).

Политика была направлена на стимулирование развития локальных центров за счёт активного строительства дорог, повышения качества социально-бытовых условий жизни населения. Осуществлялась финансовая поддержка провинциальных предприятий в сельском хозяйстве, крупных горно-металлургических компаний. Однако по-прежнему происходил отток населения, который не перекрывался естественным приростом.

III. Политика эпохи либерализма (сер. 1980-х – начало 2000-х гг.).

В этот период наблюдалась либерализация экономической деятельности, снижение прямого участия государства. Акцент делался на косвенных инструментах управления, интеграции в мировые рынки, что в определённой мере привело к снижению интеграции пространства страны. Однако в результате закрытия убыточных предприятий на их месте открывались новые наукоёмкие производства, развивалось рыбоводство и др.

IV. Политика с 2005 г.: Заполярье – главный приоритет.

Крайний Север становится зоной особого государственного влияния, повышается созидательная роль национальных органов власти, направленная на сохранение пространственного каркаса. Происходит рост государственного

[271] Фаузер В.В., Назарова И.Г. Формирование населения и человеческих ресурсов: опыт северных стран. URL: https://koet.syktsu.ru/vestnik/2010/2010-3/10/10.htm (дата обращения: 02.08.2025).

финансирования региона в части *инфраструктуры, НИОКР, образования*. Наблюдается повышение финансовой и иной самостоятельности местных органов власти. Принимаются территориальные налоговые льготы для Севера, осуществляется поддержка *кластеров как сетевых форм организации пространства*, перевооружение производств.

По схожему пути шла и *Финляндия*, в каркас расселения которой входят один мегаполис – г. Хельсинки (с населением порядка 1 млн чел. в составе агломерации) и несколько городов с населением более 100 тыс. чел. (Оулу, Тампере, Лахти). При этом огромная часть территории страны малонаселена, а удалённые районы сталкиваются с изменением возрастной структуры населения, «утечкой мозгов» в ключевые образовательные центры и др.[272,273].

Так, в 50-е–70-е гг. XX в. региональная политика была направлена на индустриализацию Северной Финляндии. В законодательстве было закреплено понятие «развивающегося» региона как территории, требующей активной государственной поддержки (к таким территориям были отнесены Северная и Восточная Финляндия). Основными инструментами поддержки их развития и интеграции в национальное социально-экономическое пространство за счёт развития производственно-экономических связей стали налоговые льготы, субсидирование процентной ставки по кредитам.

В период середины 70-х – конца 80-х гг. политика была ориентирована на использование дифференцированного инструментария управления развитием территорий с учётом специфики каждого типа регионов. Созданный в 1971 г. Государственный фонд развивающихся регионов оказывал поддержку малым и средним предприятиям с трудоёмкими производствами. Были подписаны соглашения между властями и бизнес-сообществом об управлении размещением производства, о мерах по его рассредоточению по территории страны; выделялись

---

[272] Патракова С.С., Кожевников С.А. Пространственная организация экономики северных регионов: зарубежный опыт // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 2 (68). С. 37–48. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.68.004.

[273] Widgren M., Alho K., Kotilainen M., Nikula N., Kaitila V. Avau-tuva talous ja aluekehitys – suhteellinen et uja kasautumisvoimat tuotannon sijoittumisen ohjaajina Suomessa // ETLA Keskusteluaiheita. 2007. 1113 p.

субсидии на поддержку предприятий, осуществлялись обучение и поддержка рабочей силы. Применительно к северным коммунам акцент делался на улучшении качества их трудовых ресурсов и уровня жизни.

В период с конца 80-х по начало 2000-х гг. в приоритеты госполитики входили укрепление среднего уровня планирования в крупных регионах (Северная и Восточная Финляндия): разработка комплексных программ развития проблемных территорий, села. Акцент делался *на использовании внутреннего потенциала территорий*[274]*, развитии сетевых форм организации социально-экономического пространства*.

В 2000-х гг. данная политика была продолжена. Дифференцированный подход к поддержке территорий обеспечивал благоприятные условия для развития интеграционных связей в пространстве страны. В крупных городах реализовывались стратегии инновационного развития в целях формирования перспективных специализаций территорий в национальном и мировом разделении труда[275]. Разрабатывались комплексные программы развития села, реализовывались программы внешнеэкономического сотрудничества[276].

При этом выделялись *пять типов средних/малых городов и посёлков*, которые на национальном уровне признавались как имеющие разносторонний потенциал развития и играющие различную роль в национальной городской сети: а) столичный район Хельсинки; б) универсальные университетские города; в) провинциальные центры; г) специализированные промышленные районы; д) небольшие региональные центры[277].

---

[274] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

[275] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

[276] Бурнаева Е. Региональная политика Финляндии // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5. С. 64–73. EDN: HAPCPP.

[277] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

Одним из важных аспектов пространственной организации современной Финляндии является *доступность периферийных районов*: считается необходимым, чтобы более мелкие центры были подключены к национальной автодорожной и железнодорожной сети. Наличие общественного транспорта выступает ключевой задачей развития периферийных районов.

В ходе пространственного планирования были разработаны *зоны регионального развития* вдоль основных транспортных маршрутов на основе разнообразных потоков продукции, рабочей силы и формирования *партнёрств муниципалитетов,* схематично представленные на рисунке 7. В соответствии с последними планами развития Финляндии до 2030 года можно выделить порядка 10 таких зон развития, узлами которых являются уже действующие центры экономической и политической жизни страны[278].

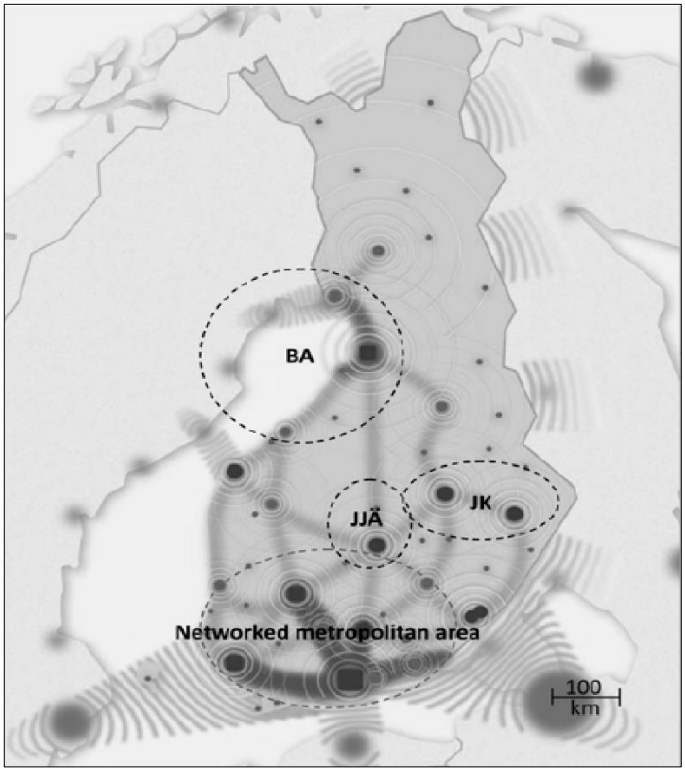

Рисунок 7 – Зоны регионального развития в пространственном каркасе Финляндии
Источник:[279]

[278] Патракова С.С., Кожевников С.А. Пространственная организация экономики северных регионов: зарубежный опыт // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 2 (68). С. 37–48. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.68.004.
[279] Jauhiainen J., Kalliomäki H. Towards Fluid Territories in European Spatial Development: Regional Development Zones in Finland // Environment and Planning C Government and Policy. 2011. Vol. 29(4). P. 728–744. DOI: 10.1068/c10162r.

Проблемы обеспечения межрегиональной пространственной интеграции весьма актуальны и для *Швеции*, население которой сконцентрировано преимущественно внутри треугольника «Стокгольм – Гетеборг – Мальме» и вдоль части побережья Норрланда[280]. На этих 30% площади территории страны проживает порядка 80% её населения[281].

В 1965 году в Швеции была введена политика региональной помощи, направленная на поддержку северных территорий и остановку процессов миграционного оттока населения в южные регионы страны с опорой на мобилизацию доступных местных и региональных ресурсов с целью достижения межрегионального баланса. В 70–80-х гг. XX в. активно претворялась в жизнь политика индустриализации севера страны.

В Национальной стратегии на 2007–2013 гг. была обоснована необходимость укрепления связей между городской и сельской местностью; развитие этих территорий должно осуществляться в широкополосной интернет-среде, в условиях расширения возможностей для развития региональных базовых отраслей (в т.ч. связанных с наукой, технологиями и развитием услуг). При реализации данной стратегии разработан *План преобразования больших периферийных малонаселённых территорий в сеть городов среднего размера с хорошей транспортной доступностью*[282]. Постепенно расширялось сотрудничество между муниципалитетами в развитии *инфраструктуры* (строительство автомобильных дорог и железнодорожных путей). Международное сотрудничество Швеции реализуется обычно через ряд транснациональных программ (только в 2000–2006 гг. их было три: Балтийское море, Северное море и Северная периферия).

---

[280] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

[281] Холявко С.И. Шведская модель пространственного планирования: функции, проблемы и решения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2014. № 7. С. 159–168. EDN: SIZKIP.

[282] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

Региональная политика *Дании* в части повышения межрегиональной связности ещё с 1962 года сфокусирована на формировании осей национальной магистральной железной и автомобильной дороги («Big H»). Среди внешних проектов можно назвать международный мост Эресунн, открытый в 2000 году; проект развития «Fehmarn Belt Fixed Link», который будет маршрутом, соединяющим Швецию, Данию и Германию.

В *Канаде* уже в 1950–60-е гг. разрабатывались планы развития и финансирования атлантического побережья страны, поскольку этот регион обладал высоким уровнем безработицы. Были созданы *6 агентств по региональному развитию*, которые охватывали всю территорию страны, основной задачей их деятельности стала координация политики федерального и регионального уровней власти[283]. *В их деятельности наблюдался вектор к переходу от поддержки предприятий к формированию и развитию инфраструктуры сетевых инноваций, освоению новых знаний и навыков*[284]. Постепенно правительство перешло от реализации фрагментарных мероприятий к выработке *комплексных программ* («Лицом к Северу», «Дорога к ресурсам» и др.), относящихся ко всем северным территориям.

Определённый успех в реализации канадской политики был связан также с тем, что основной первичной единицей регионального планирования являлась *интегрированная система «город – регион»,* трактуемая как симбиоз города и окружающей его местности в радиусе 80–100 км. Причём такие первичные регионы могли иметь как моноцентрическую структуру, так и полицентрическую. Более крупные таксономические единицы планирования – провинция, группы провинций (например, степные: Манитоба, Альберта и Саскачеван), специфические регионы

---

[283] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

[284] Шкуропат А.В. Возможности использования опыта Канады для совершенствования региональной политики // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. С. 107–118. EDN TCBWLL.

речных бассейнов и отдалённые северные регионы с экстремальными природными условиями[285,286].

По итогам критического анализа зарубежного опыта можно отметить, что общими чертами государственной региональной политики в данных странах, направленной на обеспечение их пространственной интеграции, являются: активное участие федерального уровня в части регулирования межбюджетных отношений по вертикали и горизонтали; прямые бюджетные ассигнования на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов; развитие финансовой, магистральной и иной инфраструктуры, позволяющей активизировать социально-экономические связи между территориями. Для решения этих задач создаются специальные институциональные структуры.

Реализация государственной политики, направленной на обеспечение пространственной интеграции регионов *России* (СССР), развивалась в несколько этапов, каждый характеризовался своими принципами и особенностями. В начальный период СССР главным мегапроектом была реализация Плана Государственной комиссии по электрификации России (1920 г.). План являлся основой для формирования сетки экономических районов, которые рассматривались как комплекс взаимодействующих хозяйственных единиц, социально-экономические связи между которыми планировалось развивать при помощи межрайонной инфраструктуры.

В дальнейшем в условиях плановой экономики межрегиональная интеграция обеспечивалась за счёт усиления *межрайонного разделения труда в форме территориально-производственных комплексов (ТПК)* и использования районного и отраслевого подходов к размещению производительных сил. При этом следует отметить, что в процессе эволюции системы пространственного развития в Советском Союзе происходило постоянное противоборство, приведшее к

---

[285] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

[286] Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики: учебник. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. 659 с. ISBN 5-8016-0032-9.

преобладанию на различных исторических этапах развития отраслевого либо территориального принципов планирования народного хозяйства[287,288].

Распад СССР и либерализация экономики страны привели к ослаблению межрегиональной интеграции, сворачиванию технологических связей России с бывшими республиками СССР[289]. Наличие существенной дифференциации регионов по уровню развития затрудняло проведение единой общероссийской политики социально-экономических преобразований[290].

На данном этапе был принят ряд документов, регламентирующих вопросы регионального развития. Первый из них – Указ Президента РФ по основным положениям региональной политики в РФ (1996)[291], где акцент был сделан на совершенствование экономико-правового механизма федеративных отношений. 17 декабря 1999 г. был принят Федеральный закон № 211-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов РФ». В соответствии с этим законом данные структуры создавались «*на добровольной основе в целях межрегиональной интеграции и социально-экономического развития субъектов Российской Федерации*». Одним из принципов их деятельности выступало содействие формированию единого экономического и правового пространства РФ (ст. 3).

Основными задачами ассоциаций на данном этапе являлись:

---

[287] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

[288] Межевич Н.М., Шамахов В.А., Хлутков А.Д. Между отраслью и пространством: опыт управления российской экономикой и его имплементация на Западе // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 56–65. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-2-56-65.

[289] Савельева С.Б. Отечественный и зарубежный опыт региональной интеграции // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2005. Вып. 3. С. 70–75. EDN: RTTQE.

[290] Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 «О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)» // Гарант. URL: http://base.garant.ru/183843/ (дата обращения: 02.08.2025). Действие программы прекращено Постановлением Правительства РФ от 22.06.2006 № 388).

[291] Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Zaki.ru законы и право. Гарант. URL: http://zaki.ru/pagesnew.php?id=2716 (дата обращения: 02.08.2025). Действие документа официально было прекращено лишь 20 лет спустя в связи с принятием Указа Президента РФ от 16.01.2017 № 3.

– обеспечение взаимодействия субъектов РФ по организационному, экономическому, научно-техническому и социальному развитию;

– участие в установленном порядке в разработке и реализации совместных программ[292] и проектов, в т.ч. федерального значения;

– содействие заключению соглашений между субъектами РФ и др.

Высшим коллегиальным органом ассоциации являлся Совет, состоящий из руководителей законодательной и исполнительной власти субъектов РФ. Каждая ассоциация имела собственный бюджет, формируемый за счёт взносов регионов-участников ассоциации, поступлений от уставной деятельности. В 1990-х гг. в России были образованы следующие ассоциации экономического взаимодействия: «Северо-Запад», «Центральная Россия», «Черноземье», «Большая Волга», «Северный Кавказ», «Большой Урал», «Сибирское соглашение», «Дальний Восток и Забайкалье»[293].

Следует отметить, что практическая значимость и эффективность деятельности ассоциаций, по мнению учёных, были недостаточно высокими по целому ряду причин: размытость их функций, правового статуса, порядка взаимодействия с органами государственной власти (полпредами); отсутствие реальных инструментов регулирования процессов интеграции[294]. Однако необходимо согласиться с мнением О. В. Кузнецовой[295] о том, что формирование таких ассоциаций является наглядным примером самоорганизации и интеграции «снизу», оказавшим определённый позитивный эффект на социально-экономическое развитие регионов.

---

[292] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

[293] Региональная экономика. Федеральные округа России: учебник / Е.Л. Плисецкий, В.Г. Глушкова, И.Н. Ильина [и др.]. Москва: Издательство «КноРус», 2023. 328 с. ISBN 978-5-406-10602-0.

[294] Воробьева Е.А., Логинова А.Д., Нененко Ю.А. Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия как наиболее эффективные формы проведения федеральной региональной политики // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1 (32). Ч. 2. С. 103–104. EDN: TIJJKT.

[295] Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. 392 с. ISBN 9785971014300.

С 1999 г. обсуждался вопрос о возможности создания *Совета Белого моря,* в состав которого должны были войти Архангельская и Мурманская области, Республика Карелия и Ненецкий автономный округ. В 2010–2013 гг. начались процессы по формированию Арктического союза регионов России, а также транспортного коридора «Белкомур», вместе с тем до конкретных практических результатов значительная часть данных инициатив фактически не дошла.

В этом же периоде были созданы *парламентские ассоциации регионов в округах*. Кроме того, муниципалитеты РФ объединялись в такие органы, как Союз российских городов, Конгресс муниципальных образований РФ, Ассоциация малых и средних городов России, межрегиональные муниципальные ассоциации (Ассоциация сибирских и дальневосточных городов, Союз городов Центра и Северо-Запада России и др.)[296].

Указом Президента РФ от 13.05.2000 № 849[297] и формированием сетки федеральных округов стала создаваться альтернативная форма межрегионального сотрудничества. Новый закон преследовал задачи унификации взаимодействия федеральной власти с регионами. Согласно документу, федеральные округа (8 единиц, не являющихся, по мнению автора[298], образованиями ни отраслевого, ни функционального типа) следует рассматривать в качестве территорий, в пределах которых подразделения федеральных органов проводят политику главы государства на местах[299].

В 2000-е гг. действовала федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации

[296] Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.
[297] Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. №849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (с изменениями и дополнениями).
[298] Долгалев О.В. Федеральные округа: правовая природа, проблемы и перспективы // Бизнес в законе. 2010. № 3. С. 17–19. EDN: MWFTTR.
[299] Рубцов Г.Г., Литвиненко А.Н. Роль межрегионального сотрудничества в системе современной региональной экономики РФ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 1. С. 97–110. DOI: 10.18721/JE.12108.

(2002–2010 гг. и до 2015 г.)»[300], нацеленная на уменьшение дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ. В структуре её финансирования выделялись два приоритетных направления: 1) поддержка социальных проектов (образование, здравоохранение, строительство жилья для переселенцев); 2) поддержка строительства объектов инженерной инфраструктуры (энерго-, водо-, тепло-, газоснабжения и др.)[301].

Однако в 2006 году программа была досрочно прекращена, в т.ч. в связи с изменением механизмов государственной инвестиционной политики. Вместе с тем программа даже в случае реализации не смогла бы в полной мере решить поставленные задачи в связи с ограниченным объёмом финансирования, явно не соотносившимся с масштабом проблем (66,3 млрд рублей), слабым инструментальным обеспечением и др.

В свою очередь существующая система «финансового выравнивания» за счёт дотаций из федерального в региональные бюджеты, компенсируя в определённой степени социальные последствия пространственной неоднородности экономики страны, по мнению В. Н. Лексина и А. Н. Швецова, саму эту неоднородность лишь консервировала, так как не создавала стимулов для экономического роста и финансовой самодостаточности субъектов РФ[302].

В дальнейшем был принят ряд документов стратегического планирования («Концепция 2020», Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года и др.)[303], а также госпрограмм, в которых обращалось внимание на проблему

---

[300]Постановление Правительства РФ от 11.10.2001 № 717 «О Федеральной целевой программе “Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)”».

[301] Ворошилов Н.В. Оценка и регулирование внутрирегиональной социально-экономической дифференциации: диссертация ... кандидата экономических наук. Вологда, 2018. 225 с.

[302] Лексин В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. 5-е изд. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 366 с. ISBN 978-5-397-00799-3.

[303] Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7.

несбалансированного пространственного развития страны[304], однако они не базировались на сложившихся глобальных и отраслевых трендах, конкурентных преимуществах различных территорий и не содержали действенных механизмов создания институтов и мер по достижению цели выравнивания регионов. Более того, отсутствует единый орган, координирующий комплексное и устойчивое развитие регионов.

В 2011 г. распоряжениями Правительства РФ были утверждены стратегии социально-экономического развития всех федеральных округов и в ряде из них созданы корпорации развития (Северного Кавказа, Дальнего Востока и Арктики), задачами которых стали поддержка межрегиональных кластерных и иных проектов, развитие инфраструктуры и т.п. В дальнейшем для реализации проектов на приоритетных территориях создавались специализированные фонды развития (например, Дальнего Востока), целью деятельности которых являются поиск, структурирование и реализация проектов, обладающих значительным мультипликативным эффектом, создание новых возможностей для привлечения инвестиций в макрорегион.

В работе[305] проводится сравнение «Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года»[306] и ранее действовавшего Указа Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации»[307], на основе которого можно сделать вывод о том, что со второй половины 1990-х гг. государственная региональная политика в России характеризуется в определённой степени

---

[304] Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.

[305] Бухвальд Е.М. Эволюция основ региональной политики в Российской Федерации // Федерализм. 2017. № 1. С. 7–20. DOI: 10.21686/2073-1051-2017-1-7-20.

[306] Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/71587690/ (дата обращения: 17.08.2025).

[307] Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/1548326/ (дата обращения: 17.08.2025).

сосуществованием двух начал: экономического выравнивания регионов, а также приоритетного развития территорий, имеющих стратегическое значение.

В Основах до 2025 г. уже фокусируется внимание на *дифференцированном подходе* к реализации мер государственной поддержки не только регионов, но и муниципальных образований. Вместе с тем одним из существенных недостатков документа является отсутствие представлений о системе инструментов политики регионального развития.

Следует также согласится с исследователями, что роль особых «региональных» министерств (Министерство по развитию Дальнего Востока РФ, Министерство по делам Северного Кавказа РФ и др.) в пространственном развитии этих субъектов требует объективной оценки и переосмысления[308].

Иными словами, проведя анализ отечественного опыта управления пространственной интеграцией регионов России, можно констатировать, что с переходом к рынку произошло разрушение сложившихся ещё во времена СССР технологических, кооперационных, социальных и иных связей между регионами, а также между бывшими республиками Союза[309], которые в полной мере не удаётся воссоздать и при формировании единого Евразийского экономического пространства[310]. Всё это потребовало поиска новых механизмов оптимального сочетания государственного регулирования и самоорганизации «снизу» при развитии межрегиональных интеграционных процессов[311]. Здесь важную роль могли бы сыграть межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия, однако целый ряд нерешённых проблем их функционирования, а также усиление вертикали власти существенно ограничили возможности эффективного

---

[308] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А.В. Кузнецов, О.В. Кузнецова, К.В. Слесарева [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. 137 с. ISBN 978-5-9535-0427-0.

[309] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. Iss. 2. P. 193–208.

[310] Некипелов А.Д. Комментарии по теме «Единое Евразийское экономическое пространство: возможности, ограничения, риски» // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 202. № 5. С. 186–188. EDN: XHRJPN.

[311] Артоболевский С.С. Территориальные проблемы и государство: трансформация или деформация пространства? // ЭКО. 2013. № 1 (463). С. 23–41. EDN PUILPP.

использования их потенциала. Именно поэтому они уступили главенствующую роль округам, которые больше ориентированы на прямые (административные) механизмы налаживания взаимосвязей между федеральными и региональными органами власти и по факту не имеют реальных «хозяйственных» инструментов развития межрегионального сотрудничества (например, бюджета). Тем самым были минимизированы возможности для активизации интеграции «снизу».

По итогам проведённого в 1 главе исследования можно сделать следующие ключевые выводы:

1. Одним из ключевых статических свойств систем любой природы выступает интегративность, которая позволяет рассматривать её как единое целое, обособленное от внешней среды. Причём с данной точки зрения акцент делается именно на внутренних связях элементов, входящих в состав системы. В свою очередь при рассмотрении системы с динамической точки зрения, т.е. развивающейся во времени и пространстве, ключевым её свойством является интеграция, под которой в самом общем виде понимается процесс объединения, обеспечения связности элементов системы.

2. Регионы являются основными элементами пространственно-хозяйственной организации любой страны как сложной социально-экономической системы. С учётом проведённого анализа существующих методологических подходов к исследованию данной категории в диссертации за основу был взят пространственный, с позиции которого регион рассматривается как часть социально-экономического пространства страны, его «клетка»; открытая социально-экономическая система, функционирующая в границах национального/мирового пространства на основе вертикальных («центр – регионы») и горизонтальных (меж- и внутрирегиональных) социально-экономических связей, активизация которых служит необходимым условием обеспечения пространственной интеграции региональных систем.

При этом современный этап эволюции социально-экономического пространства свидетельствует о повышении роли именно горизонтальных

(сетевых) связей, в связи с чем системно-сетевая парадигма исследования региона и его пространственной интеграции является наиболее релевантной.

3. В свою очередь пространственная интеграция является более сложной и ёмкой категорией, чем «межрегиональная кооперация», «межрегиональное сотрудничество», «экономическая интеграция», поскольку представляет собой высшую стадию коэволюции социально-экономического пространства, характеризующуюся «сращиванием» хозяйственных комплексов регионов и формированием системы с новым качеством в результате развития не только производственно-экономических, но и социальных, культурных, научно-инновационных и иных связей, ведущих на зрелых стадиях к конвергенции и синхронизации развития территорий.

4. Формирование и развитие пространственной интеграции предполагает наличие объективных предпосылок. На основе анализа научной литературы и мирового опыта следует отметить, что ими являются:

а) территориальная близость регионов, которая, согласно теории международной экономической интеграции (Б. Баласса (B. Balassa), Дж. Вайнер (J. Viner), Я. Тинберген (J. Tinbergen)), выступает одним из базовых условий развития пространственной интеграции;

б) относительно схожий уровень социально-экономического развития территорий (Г. Мюрдаль (G. Myrdal)[312], Д. Майлз (D. Miles)[313] и др.)[314];

в) формирование и развитие территориально-производственных связей в системе общественного разделения труда. Специализация ведёт к кооперации[315]; в случае стратегического управления кооперация может завершиться интеграционными процессами, как это описано в теориях кластеров (М. Портер

[312] Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. London, 1957. 167 p.
[313] Miles D. Macroeconomics: understanding the global economy / David Miles, Andrew Scott and Francis Breedon. 3rd ed. Chichester: Wiley, 2012. XIX, 597 p. ISBN 978-1-119-99571-5.
[314] Буфетова А.Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 38–56. DOI: 10.14530/se.2016.3.038-056.
[315] Lucas R. On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. Iss.1. P. 3–42. DOI: 10.1016/0304–3932 (88) 90168–7.

(M. Porter)) и территориально-производственных комплексов (Н. Н. Колосовский, Н. Н. Баранский и др.);

г) общая инфраструктура*:* транспортная, энергетическая, финансовая, информационная (П. Потье (P. Pottier), Р. Эндрюс (P. Andrews) и др.);

д) ресурсное взаимодополнение регионов (ресурсы в широком смысле: природные, человеческие, кадровые, инвестиционные, экономико-географическое, геостратегическое положение)[316];

е) схожесть социально-экономических проблем стимулирует развитие интеграционных связей для совместного решения их регионами[317,318];

ж) высокая ёмкость рынков регионов, стимулирующая развитие производственных и торговых связей;

з) наличие социокультурных и прочих связей регионов.

Совместная эксплуатация регионами их естественных конкурентных преимуществ, представленных на рисунке 8, обеспечивает базовые условия пространственной интеграции. Однако углубление и расширение интеграционных процессов обеспечивается на основе формирования и эффективного использования конкурентных преимуществ, создаваемых в процессе хозяйственной деятельности и способствующих «сращиванию» ранее сегментированных пространств за счёт развития единых объектов инфраструктуры, эксплуатации позитивных агломерационных эффектов, функционирования институтов координации развития регионов.

---

[316] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. Iss. 2. P. 193–208.
[317] Там же.
[318] Фролов Д.П., Мирзоев Р.С., Горшкова Н.П. Институционализация межрегиональных взаимодействий в контексте пространственных трансформаций экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 8. С. 28–36. EDN: GOLGQV.

Рисунок 8 – Миссия, видение и конкурентные преимущества в обеспечении пространственной интеграции регионов

Источник: разработано автором на основе теории и методологии стратегирования академика В. Л. Квинта

При этом на современном этапе развития наряду с хозяйственно-экономическими возрастает роль неэкономических факторов обеспечения «мягких» форм интеграции пространства, отличающихся добровольным характером сотрудничества открытого типа, стратегической интеграционной перспективой, т.е. реализацией пула проектов в различных сферах, ориентированных на совместное решение проблем территорий.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ

2.1. Научные основы кумулятивно-конвергентного методологического подхода к исследованию пространственной интеграции

Методология исследования пространственной интеграции регионов базируется на основных положениях теорий международной экономической интеграции, региональной и пространственной экономики, интеграции хозяйствующих субъектов. При этом, как отмечают лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман (P. Krugman) и М. Обстфельд (M. Obstfeld), интеграция на международном и мезоуровне имеет схожие движущие силы[319]. Однако инструментарий её углубления зависит от выбранных моделей организации пространства на всех иерархических уровнях.

В процессе эволюции в мировой науке и практике управления сложились две основные и в определённой степени конкурирующие *модели организации* национального *социально-экономического пространства*:

а) модель рыночной организации пространства: в её основе лежат концепции поляризованного роста (Ф. Перру (F. Perru), Ж. Будвиль (J. Boudeville)), «центр – периферия» (Дж. Фридман (J. Friedmann)), теория конкурентных преимуществ (М. Портер (M. Porter));

б) модель сохранения пространства базируется на концепциях эндогенного роста (П. Ромер (P. Romer), Р. Лукас (R. Lucas), Ф. Агийон (P. Aghion))[320,321]. Они имеют принципиальные различия в базовых установках относительно

---

[319] Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика / пер. с англ.; под. ред. В.П. Колесова, М.В. Кулакова. М.: Экономический факультет МГУ. ЮНИТИ, 1997. 769 с. ISBN 5-85173-062-5.

[320] Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.

[321] Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А.В. Кузнецов, О.В. Кузнецова, К.В. Слесарева [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. 137 с. ISBN 978-5-9535-0427-0.

стратегических приоритетов и инструментов обеспечения пространственной интеграции, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Приоритеты и инструменты обеспечения пространственной интеграции в моделях организации национального пространства

Характеристика	Модель рыночной организации пространства	Модель сохранения («удержания») пространства
1. Идеологи и теоретическая платформа	Всемирный банк; теории поляризованного роста, «центр – периферия», теория конкурентных преимуществ, новой экономической географии	ЕС, ОЭСР; концепции эндогенного экономического роста
2. Стратегические приоритеты и инструменты обеспечения: а) пространственного развития	Целесообразно оказывать поддержку «регионам-локомотивам», которые имеют конкурентные преимущества в глобальной экономике. В отношении остальных территорий предлагается концепция управляемого сжатия. Госполитика должна быть ориентирована на стимулирование активности бизнеса в «городах-лидерах»; стимулирование мобильности труда, капитала. Приоритет отдаётся сглаживанию различий в качестве жизни населения за счёт межрегиональных перераспределений, а не деловой активности (они рассматриваются как объективные).	Пространство как специфическая система социально-экономических отношений само рассматривается как фактор экономического роста. Госполитика должна быть нацелена на экономический рост и развитие всех регионов (в т.ч. санацию территорий, утративших конкурентные преимущества), сглаживание их дифференциации по ключевым показателям на основе развития и повышения эффективности использования потенциала территорий и различного рода мест. Приоритет должен отдаваться инновациям и модернизации региональных активов.
б) пространственной интеграции регионов	Обеспечивается за счёт институтов, инфраструктуры, а также стимулов, позволяющих улучшать возможности коммуникаций, доступа к рынкам, переселения жителей в более динамичные регионы.	Обеспечивается за счёт модернизации экономики и развития социально-экономических связей территорий, формирования институтов, инфраструктуры развития взаимодействия.

Источник: составлено автором с опорой на[322,323,324]

[322] Доклад о мировом развитии – 2009. Новый взгляд на экономическую географию / ред. А.В. Бондаренко, О.Н. Зимарин, Т.В. Кирсанова; пер. Н.В. Заборин [и др.]. Москва: Весь Мир. 2009. 404 с.

[323] Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики // Всемирный банк. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities (дата обращения: 20.10.2025).

[324] Проект Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: https://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

С учётом этих особенностей, а также в условиях обострения для России геополитических и иных вызовов внешней и внутренней среды приоритетной с позиции обеспечения национальной безопасности является модель сохранения («удержания») пространства как эндогенного фактора развития.

При этом в науке сложились два ключевых ***методологических подхода к исследованию пространственной интеграции регионов***: *конкурентный* (Дж. Бортс (G. Borts), Р. Солоу (R. Solow), Т. Сван (T. Swan), Р. Барро (R. Barro), Х. Сала-и-Мартин (X. Sala-i-Martin)) и *кумулятивный*[325] (Г. Мюрдаль (G. Myrdal), Т. Хегерстранд (T. Hägerstrand), Ф. Перру (F. Perroux), Дж. Фридман (G. Friedman)), которые развивают основные положения модели рыночной организации социально-экономического пространства[326,327,328,329].

В частности, с позиции ***конкурентного подхода*** пространственная интеграция рассматривается с позиции динамики диспропорций в социально-экономическом пространстве страны или её регионов. Равенство или сближение (конвергенция) территорий по ключевым параметрам развития (ВРП на душу населения, доходы населения, уровень безработицы, инфраструктурная обеспеченность) трактуется в качестве проявления интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве[330,331]. В этом случае будет достигаться абсолютная (общая) конвергенция; при схождении траекторий развития регионов не к одному, а нескольким иерархическим уровням – относительная (клубная) конвергенция.

---

[325] В литературе кумулятивный подход получил также название «органической интеграции», а конкурентный – «механической интеграции».
[326] Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 334 p.
[327] Хаггет П. География: синтез современных знаний. М., Прогресс, 1979. 684 с.
[328] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.
[329] Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4 (47). С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54.
[330] Ratzel F. Politische Geographie oder Geschichte der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Munchen-Berlin, 1903. 838 p.
[331] Кожевина О.В. Теория управления (в понятиях и категориях). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2008. 169 с. ISBN 978-5-7904-0804-5.

Следует отметить, что в научных работах исследуется конвергенция не только абсолютных показателей развития регионов, но и *темпов их роста*, что свидетельствует о синхронизации деловых циклов, общей направленности социально-экономических и институциональных преобразований интегрирующихся территорий[332]. В свою очередь «расхождение» по этим показателям интерпретируется в качестве дезинтеграции пространства. Наряду с этим исследователи выделяют конвергенцию в институциональной сфере, под которой понимают «сближение экономических и политических институтов, “правил игры”, существующих в интеграционном сообществе»[333].

Таким образом, в позиции конкурентного методологического подхода конвергенция является результатом расширения/углубления интеграционных процессов и обеспечивается за счёт пространственного перераспределения ресурсов между конкурирующими за них регионами[334,335,336].

Ориентация на конвергенцию участников является определяющей и в целом ряде сложившихся в мире крупных интеграционных объединений. В частности, главной целью политики «сплочения» ЕС выступает обеспечение конвергенции территорий по ключевым параметрам развития (например, подушевой ВРП регионов не должен отличаться более чем на ¼ от среднего по блоку уровня). Использование при анализе интеграционных процессов конвергенции/дивергенции активно применяется и на уровне ЕАЭС[337].

При этом в науке сложились две ключевые концепции*: σ- и β-конвергенция*, которые учитывают различные аспекты проявления пространственной

---

[332] Islam N. What Have We Learnt From the Convergency Debate? // Journal of Economic Surveys. 2003. Vol. 17. Iss. 3. P. 309–362. DOI: 10.1111/1467-6419.00197.

[333] Либман А.М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ // Проблемы прогнозирования. 2006. № 5. С. 58–72. EDN: HZKOFD.

[334] Михеева Н.Н. Региональная экономики и управление. Хабаровск: РИОТИП. 2000. 399 с. ISBN 5-88570-200-4

[335] Глущенко К.П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 4 (16). С. 26–44. EDN: PRYRAB.

[336] Экономическая интеграция: пространственный аспект / под общ. ред. П.А. Минакира. М.: Экономика, 2004. 352 с. ISBN 5-282-02453-5.

[337] Система индикаторов евразийской интеграции II. ЦИИ ЕАБР, 2014. 110 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/410/edb-centre_report-22_siei-ii_rus_1.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

интеграции[338]. Так, исследование *σ-конвергенции* регионов основано на методах статистики с использованием индикаторов дисперсии, коэффициента вариации, среднеквадратического отклонения, индекса Тейла. Авторами[339] отмечается, что при отсутствии σ-конвергенции региональные группировки ограничены в своём развитии. Проверка гипотезы о *β-конвергенции* основана на использовании инструментария регрессионного моделирования, при котором исследуется зависимость между средними темпами роста показателя за период и логарифмом его базового уровня[340]. Если в модели знак коэффициента перед переменной логарифма начального уровня меньше 0, то наблюдается конвергенция регионов.

Однако, как свидетельствуют исследования[341,342,343] и практика, *конвергенция и интеграция находятся в диалектических отношениях*: экономическая, социокультурная, институциональная схожесть территорий является базовым условием развития и углубления интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве[344]; при этом на более «зрелых» стадиях интеграции наблюдаются конвергенция сегментов социально-экономической системы[345], повышение их схожести, взаимозависимости и взаимовлияния. В связи с этим справедливым представляется высказывание авторов о том[346], что «*конвергенция*

---

[338] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[339] Захаров А.Н., Серединская К.С. Оценка эффективности региональной политики в Испании с помощью методов сигма- и бета-конвергенции // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 3. С. 29–40. EDN: TLOMPY.

[340] Barro R., Sala-I-Martin X. Convergence // Journal of Political Economy. 1992. № 100. P. 223–251.

[341] Челнокова О.Ю. Взаимосвязь и взаимообусловленность конвергенции и интеграции в экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. № 2. С. 154–158. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-154-158.

[342] Armstrong H.W, Vickerman R.W. Convergence and Divergence Among European Regions. London: Pion. 1995. 232 p.

[343] Либман А.М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ // Проблемы прогнозирования. 2006. № 5. С. 58–72. EDN: HZKOFD.

[344] Экономическая интеграция: пространственный аспект / под общ. ред. П.А. Минакира. М.: Экономика, 2004. 352 с. ISBN 5-282-02453-5.

[345] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[346] Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. М.: Экономика, 2011. 332 с. ISBN 978-5-282-03147-8.

может выступать как необходимым условием интеграции, так и её результатом», а сама она – проявление коэволюции региональных пространств.

В конкурентном методологическом подходе исследователи исходят из убеждения, что интеграционные процессы могут наблюдаться между регионами, территориально удалёнными друг от друга, т.е. географическое расстояние не выступает фактором, способствующим/препятствующим пространственной интеграции[347]. Однако данные тезисы несколько упрощают и ограничивают возможности комплексного исследования интеграционных процессов на внутри- и межрегиональном уровнях.

С позиции ***кумулятивного подхода*** к исследованию интеграции пространственные факторы и активизация межрегиональных взаимодействий являются ключевыми условиями развития экономики регионов[348]. Причём именно взаимодействие экономических агентов выступает предпосылкой, фундаментальной основой развития интеграционных процессов в пространстве, а потоки товаров, людей, инвестиций между регионами являются материальным отражением таких взаимодействий.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Г. Мюрдаль (G. Myrdal) при объяснении природы возникновения и углубления интеграционных процессов утверждал, что в социально-экономической системе различные факторы (экономические, культурные, политические) так связаны между собой, что изменения одного из них ведёт к обязательному изменению других, в результате чего система получает значительный импульс к развитию. При этом в экономиках взаимодействующих территорий происходят структурные преобразования, в результате чего возникает сбалансированная хозяйственная система. Важную роль в этих процессах играют институты[349].

---

[347] Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4 (47). С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54.

[348] Михеева Н.Н. Региональная экономики и управление. Хабаровск: РИОТИП. 2000. 399 с. ISBN 5-88570-200-4.

[349] Myrdal G. Economic Theory and Under-Developed Regions / G. Myrdal. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 1957. 167 p.

Иными словами, в соответствии с данным подходом *пространственная интеграция рассматривается как результат усложнения и нарастания масштабов различных взаимодействий регионов, повышения связности их социально-экономических пространств*. В свою очередь ослабление социально-экономических связей интерпретируется в качестве дезинтеграции (фрагментации) межрегионального пространства.

В такой ситуации ключевым показателем, на основе анализа динамики которого обычно делается вывод о наличии или отсутствии интеграционных процессов, является объём потоков товаров, факторов производства, инвестиций и т.п.[350,351]. Так, А. Я. Троцковский и коллеги рассматривают межрегиональную торговлю и миграцию в качестве механизмов формирования интегрированного пространства регионов[352,353,354]. Последнее выражается в формировании результатов деятельности каждого из них как за счёт собственных факторов, так и генерируемых регионами-«партнёрами».

Однако в кумулятивном методологическом подходе *не любые межрегиональные потоки идентифицируются с процессами развития пространственной интеграции*. По мнению исследователей, ключевым критерием является *устойчивость* трансакций, определённая степень *сбалансированности и сопряжённости*[355] *межрегионального обмена*, в результате чего они начинают

---

[350] Белоусова А.В. Методологические аспекты исследования межрегиональной экономической интеграции (на примере ДФО) // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. Т. 1. С. 20–25. EDN: SEJCEH.

[351] Белоусова А.В. Оценка эффектов торговой интеграции Хабаровского края с дальневосточными субъектами Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 6 (333). С. 13–19. EDN: RUZCTL.

[352] Троцковский А.Я., Каплинская И.Е., Родионова Л.В. Понятие и подходы к исследованию интеграции территориальных социально-экономических систем: к постановке вопроса // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 2. С. 114–125. DOI: 10.14258/epb202229.

[353] Троцковский А.Я., Супонина И.В., Быкова В.А. Возможности и ограничения исследования межрегиональной торговли как механизма пространственной интеграции // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2021. № 8. С. 239–243. EDN: SLAPTM.

[354] Родионова Л.В., Троцковский А.Я. Миграция населения как механизм формирования интегрированного социально-экономического пространства // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 3. С. 107–114. DOI: 10.14258/epb202244.

[355] Сопряжённый – взаимно связанный, сопровождаемый чем-нибудь. Источник: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29874 (дата обращения: 10.10.2025).

оказывать влияние на результаты социально-экономического развития каждого из взаимодействующих регионов[356,357].

Следует отметить, что значительная часть ведущих исследователей интеграционных процессов придерживаются именно кумулятивного методологического подхода. В частности, как отмечал классик Б. Баласса (B. Balassa) ещё в 1961 г.[358], на практике интеграция означает явления, ведущие к укреплению *связей* в экономике страны, региона или между экономиками территорий таким образом, чтобы результатом было гармоничное целое. То есть её обычно рассматривают как *процесс*, при котором формируется единая социально-экономическая структура в результате изменений в реальной и регуляторной сферах. Интеграционные процессы в первой связаны со свободным потоком товаров и услуг, факторов производства, информации; во второй – с корректировкой институтов, правовых норм.

Согласно П. Маркузе (P. Marcuse), интеграция отражает «создание и поддержание интенсивных и разнообразных моделей взаимодействия», прежде всего за счёт устранения барьеров *свободной мобильности* и установления позитивных и *неиерархических отношений*[359]. Пространственная интеграция позволяет использовать преимущества разделения труда и кооперации (совместное использование ресурсов, создание условий для экономической деятельности)[360].

Большинство существующих методов оценки пространственной интеграции регионов также базируются на анализе различного рода связей,

---

[356] Бакланов П.Я. Экономико-географические и геополитические факторы различия интеграционных процессов на Дальнем Востоке России // Дальний Восток России: плюсы и минусы экономической интеграции: матер. междунар. науч. конф. Хабаровск: РИОТИП, 2004. С. 47–52.

[357] Белоусова А.В. Интеграционные процессы в межрегиональной торговле Магаданской области // Журнал правовых и экономических исследований. 2013. № 4. С. 157–158. EDN: RNDVNH.

[358] Balassa B. The Theory of Economic Integration. London Routledge. 1961. 304 p.

[359] Marcuse P. The enclave, the citadel, and the ghetto: what has changed in the post-Fordist US city. Urban Affairs Review. SAGE Social Scence Collections. 1997. Vol. 33. No. 2. P. 228–264.

[360] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

межтерриториальных потоков[361,362,363], в связи с чем данный подход к оценке интеграции В. Хоутум (V. Houtum) назвал «*потоковым*»[364].

Как считают А.М. Либман и Б.А. Хейфец, наиболее распространённым методом является оценка интеграции по абсолютным и относительным показателям потоков товаров и факторов производства, а также по соотношению между внутренними и внешними потоками территории[365]. Вместе с тем следует согласиться с суждением Б. Баласса (B. Balassa)[366] и других современных исследователей о том[367], что подобный взаимообмен регионов может характеризовать *лишь начальные этапы, материальное измерение интеграции*, но не даёт информации об её институциональном измерении, что в стратегической перспективе наиболее важно для расширения и углубления интеграционных процессов[368,369]. При этом исследование опыта развития регионов (прежде всего приграничных) свидетельствует о том, что взаимозависимость между активизацией связей, конвергенцией и интеграцией не автоматическая, поскольку рост объёмов потоков часто не обусловлен повышением взаимозависимости, а *гомогенизация может быть результатом внутренней динамики регионов под влиянием ряда иных факторов*[370].

---

[361] Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19. EDN: RVPCKJ.
[362] Белоусова А.В. Межрегиональные взаимодействия: влияние на экономику региона (Хабаровский край) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 127–137. EDN: RTDVTP.
[363] Topaloglou L., Kalliora D., Manetos P., Petrakos G. A Border Regions Typology in the Enlarged European Union // Journal of Borderlands Studies. 2005. Vol. 20. No. 2. P. 67–89. DOI:10.1080/08865655.2005.9695644
[364] Houtum Van H. An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions // Journal of Borderlands Studies. 2000. Vol. 15. No. 1. P. 57–83. DOI: 10.1080/08865655.2000.9695542
[365] Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. М.: Экономика, 2011. 332 с. ISBN 978-5-282-03147-8.
[366] Balassa B. The Theory of Economic Integration. London Routledge. 1961. 304 p.
[367] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9961-1928-8.
[368] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.
[369] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Т. 13. № 2. P. 193–208.
[370] Там же.

Наша позиция также состоит в том, что *межрегиональные потоки формируются и развиваются в системе географического разделения труда и их наличие является обязательным, но недостаточным условием идентификации процессов пространственной интеграции* как высшей стадии коэволюции региональных социально-экономических пространств.

На основе вышесказанного следует сделать вывод о том, что конкурентный и кумулятивный подходы не могут в полной мере адекватно объяснить процессы зарождения и развития интеграционных процессов в пространстве. Исходя из этого, наиболее релевантным видится предлагаемый нами ***кумулятивно-конвергентный*** методологический подход к исследованию пространственной интеграции регионов как процесса, развивающегося во времени и углубляющегося по сферам социально-экономического пространства[371]. В отличие от предыдущих двух он идентифицирует развитие интеграционных процессов лишь *в случае одновременного выполнения двух условий,* которые представлены на рисунке 9**:**

1) наличие устойчивых, сбалансированных и сопряжённых социально-экономических связей регионов;

2) интенсивность таких связей приводит к конвергенции территорий по ключевым параметрам развития, «сращиванию» их хозяйственных комплексов и формированию системы с новым качеством.

[371] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

I. Конкурентный:	II. Кумулятивный:	III. Кумулятивно-конвергентный:
а) пространственная интеграция регионов рассматривается с позиции их конвергенции по ключевым параметрам развития, обеспечиваемой за счёт пространственного перераспределения ресурсов между регионами; б) пространственная интеграция может наблюдаться между регионами, не имеющими географического соседства.	а) интеграция регионов рассматривается с позиции динамики связности их пространства на основе активизации межрегиональных взаимодействий в различных сферах; б) территориальная близость регионов выступает как одна из ключевых предпосылок их интеграции.	а) развитие интеграции можно идентифицировать лишь в случае одновременного выполнения двух условий: – наличия устойчивых, сбалансированных и сопряжённых социально-экономических связей между территориями; – интенсивность таких связей приводит к конвергенции территорий по ключевым параметрам развития, «сращиванию» их пространства и формированию системы с новым качеством; б) территориальная близость и схожесть территорий по уровню социально-экономического развития как ключевые предпосылки их интеграции.

Рисунок 9 – Методологические подходы к исследованию пространственной интеграции регионов
Источник: разработано автором

В соответствии с этим подходом можно выделить следующие ключевые особенности расширения и углубления пространственной интеграции регионов, раскрытые на рисунке 10. Так, на начальных стадиях развитие интеграционных процессов наиболее явно проявляется через формирование и дальнейшую активизацию межрегиональных потоков товаров, инвестиций, факторов производства при реализации совместных экономических, социальных или экологических проектов в системе географического разделения труда.

Далее для придания таким процессам управляемого характера происходят изменения в институциональном пространстве[372]. В результате на «зрелых» стадиях происходят конвергенция и появление *синхронизирующего эффекта*, представляющего собой совпадение во времени восходящих или нисходящих трендов социально-экономического развития взаимодействующих регионов[373].

[372] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием субъектов Федерации в составе макрорегиона: диссертация ... доктора экономических наук. Тюмень, 2021. 440 с.
[373] Курушина Е.В. Об интеграции и синхронизации экономического развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2015. № 3 (32). С. 145. DOI: 10.15688/jvolsu3.2015.3.15.

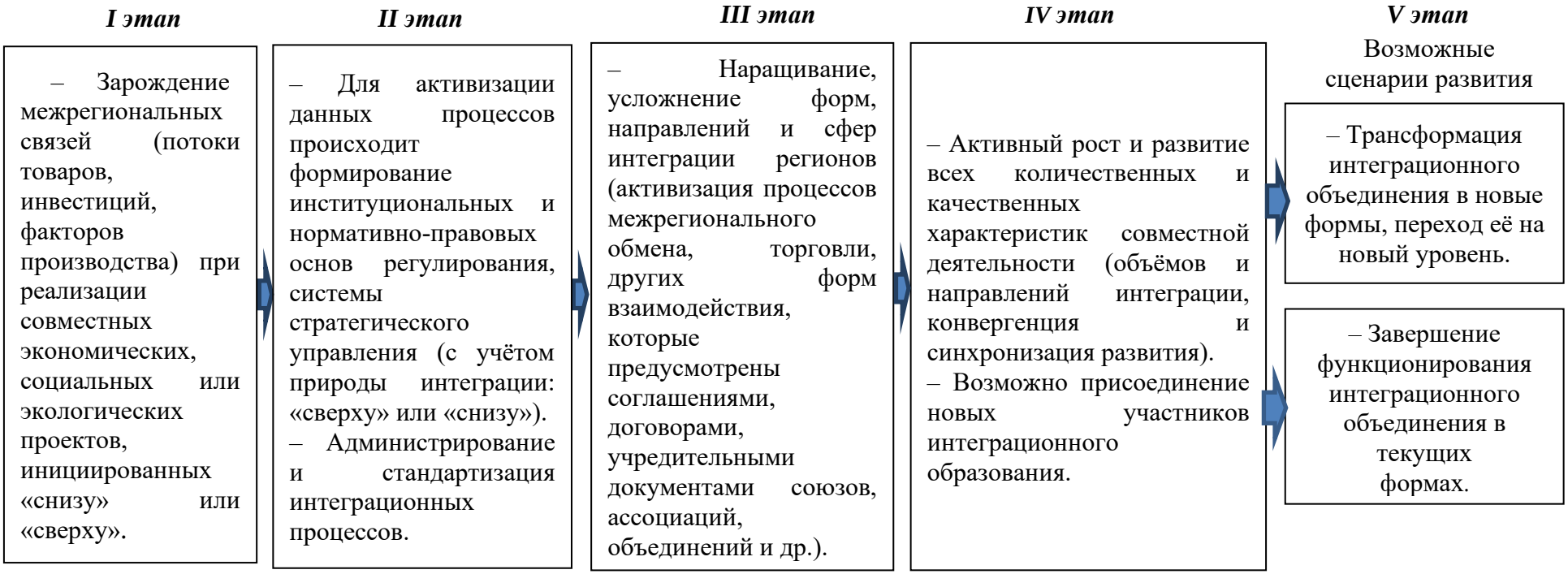

Рисунок 10 – Особенности развития интеграционных процессов регионов как пространственных социально-экономических систем

Источник: составлено автором с опорой на[374,375]

[374] Губин А.М. Экономическая интеграция региональных систем: состояние и перспективы развития в условиях трансформации мировых экономических связей // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 10. С. 3751–3770. DOI: 10.18334/ce.16.10.116400.

[375] Троцковский А.Я., Каплинская И.Е., Родионова Л.В. Понятие и подходы к исследованию интеграции территориальных социально-экономических систем: к постановке вопроса // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 2. С. 114–125. DOI: 10.14258/epb202229.

2.2. Методический инструментарий стратегической оценки развития пространственной интеграции регионов

В соответствии со Стратегией экономической безопасности РФ на период до 2030 г. (утв. указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208), уровень межрегиональной интеграции является одним из ключевых индикаторов экономической безопасности страны. Вместе с тем следует отметить, что в данном и прочих связанных с ним документах не приводятся ни методический подход к оценке уровня такой интеграции, ни её пороговые значения.

В то же время в современных зарубежных и отечественных научных исследованиях был разработан ряд методических подходов и инструментов количественной и качественной оценки интеграции, так или иначе связанных с обозначенными нами *конкурентным и кумулятивным* подходами к её исследованию. Однако по-прежнему дискуссионными остаются вопросы относительно того, что же считать результатом интеграции и как её оценивать.

На наднациональном (международном) уровне подобные оценки связаны с анализом и прогнозом *изменения состояния ключевых индикаторов социально-экономического развития стран-участниц интеграционного объединения* с учётом внешних и внутренних эффектов от интеграции[376,377]. К числу наиболее известных подходов к оценке и мониторингу интеграционных процессов на наднациональном уровне можно отнести следующие.

1. Internal Market Scoreboard – информационно-справочный бюллетень, который измеряет результаты развития внутреннего рынка ЕС в различных областях. Публикуется Европейской комиссией с 1997 г. с периодичностью два раза в год и позволяет проводить мониторинг хода реализации стратегии развития интеграции, учитывать экономико-политические последствия принимаемых

---

[376] Подкина К.Ю., Андреева Е.Л. Обзор методических подходов к оценке международной экономической интеграции // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 598–605.

[377] Ломовцева О.А., Шкромада В.И., Лебедев А.О. Методические аспекты оценки интеграционных возможностей региона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Информатика, прикладная математика и управление. 2014. Т. 32. № 21–1 (120). С. 12–21. EDN: WAEDUP.

соглашений в развитии т.н. «четырёх свобод»: свободное перемещение товаров, капитала, услуг и рабочей силы (людей). Бюллетень включает в себя большой спектр количественных и качественных показателей для проведения оценки уровня интеграции: доля торговли страны с другими государствами ЕС в её валовом внутреннем продукте (ВВП); средняя стоимость импорта и экспорта в процентах от ВВП; коэффициент вариации индексов уровней цен для ЕС по паритету покупательной способности[378].

2. Economic Community Scorecard (бюллетень экономического сообщества Ассоциации государств Юго-Восточной Азии – АСЕАН) включает в себя набор показателей для анализа в основных областях деятельности интегрирующихся государств: торговле, инвестиционной деятельности, инфраструктуре, стандартах, соглашениях о взаимном признании и для оценки соответствия и др.[379,380]

3. Система индикаторов экономической интеграции Евразийского банка развития (ЕАБР), разработанная авторским коллективом учёных Центра интеграционных исследований ЕАБР[381]. Исследование, носящее мониторинговый характер, позволяет проводить комплексную оценку динамики и векторов евразийской интеграции в широком спектре областей. В основе расчётов лежат данные национальной и международной статистики.

Уровень и динамика интеграции рассчитываются с помощью системы индикаторов, которая включает в себя два блока индексов: 1) *интеграция рынков; 2) конвергенция экономических систем.* В основе исследования интеграции лежит «потоковый» подход к оценке на основе анализа показателей, характеризующих масштабы трансграничной торговли, миграции, взаимных инвестиций и др. Конвергенция экономик исследуется в контексте анализа макроэкономических

---

[378] Single Market Scoreboard / European Commission. URL: https://single-market-scoreboard.ec.europa.eu/competitiveness/integration_en (date of access: 29.06.2024).

[379] Asean economic community scorecard. URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/documents/scorecard_final.pdf (date of access: 29.06.2024).

[380] Подкина К.Ю., Андреева Е.Л. Обзор методических подходов к оценке международной экономической интеграции // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 598–605. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.26

[381] Система индикаторов евразийской интеграции II. ЦИИ ЕАБР, 2014. 110 с.. URL: https://eabr.org/upload/iblock/410/edb-centre_report-22_siei-ii_rus_1.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

(ВВП на душу населения, темп роста ВВП) и финансовых показателей (среднегодовой уровень инфляции, средняя ставка по депозитам, кредитам; доля внешнего долга в ВВП)[382,383].

На национальном (межрегиональном) уровне таких исследований весьма мало. На рисунке 11 представлен сложившийся инструментарий оценки пространственной интеграции регионов, соотнесённый с конкурентным и кумулятивным подходами к её исследованию.

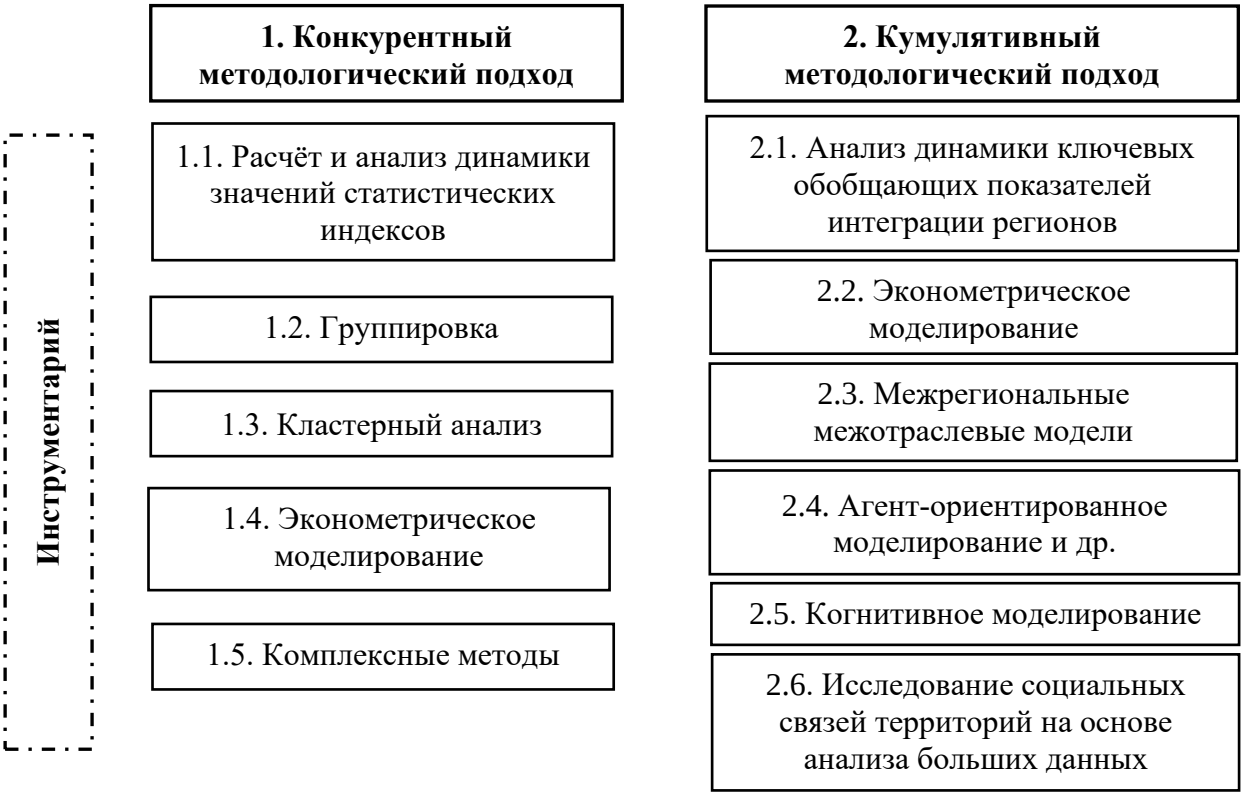

Рисунок 11 – Методический инструментарий оценки пространственной интеграции регионов страны

Источник: составлено автором с опорой на[384]

К числу наиболее распространённых методов оценки пространственной интеграции регионов с позиции конкурентного методологического подхода можно

[382] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием субъектов Федерации в составе макрорегиона: диссертация ... доктора экономических наук. Тюмень, 2021. 440 с.

[383] См., напр.: Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/iblock/85a/EDB_2022_Report-1_Integration-Business-Barometer_rus.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

[384] Белоусова А.В. Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве: количественные методы анализа // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 45–49. EDN: XIEXBF.

отнести расчёт и анализ динамики ряда абсолютных показателей и статистических индексов. Например, *размах вариации* позволяет оценить «разрыв» между максимальным и минимальным значениями исследуемого показателя[385] в системе интегрирующихся регионов. Кроме того, широко используется *коэффициент вариации*, показывающий отношение среднего квадратического отклонения к среднему значению показателя в системе интегрирующихся регионов. Если фиксируется снижение значений данных показателей, то можно отметить усиление процессов пространственной интеграции, а повышение свидетельствует о дезинтеграции (фрагментации) пространства. Плюсом такого рода показателей является достаточная простота в использовании и интерпретации результатов. Однако их ограниченность видится в том, что интеграция представляет собой сложный процесс, и оценить её по какому-либо одному показателю проблематично.

Метод *группировки* предполагает ранжирование и выделение групп регионов по значению выбранного для анализа показателя. Далее проводится оценка изменений в числе и размерности данных групп с течением времени. Если наблюдается уменьшение числа групп регионов, то имеет место интеграция пространства (при дезинтеграции/фрагментации – их увеличение); в случае постоянства числа групп при увеличении размерности части из них за счёт межгрупповых переходов регионов можно говорить о *σ-конвергенции* (в противном случае – *σ-дивергенции*). Как и в предыдущем методе, сложность получения объективной оценки здесь заключается в проблематичности оценки наличия интеграционных/дезинтеграционных процессов в пространстве при опоре на анализ одного показателя. В свою очередь расширение их спектра ведёт к сложностям с формированием группировок регионов[386].

---

[385] Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.

[386] Белоусова А.В. Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве: количественные методы анализа // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 45–49. EDN: XIEXBF.

Кластерный анализ является частным случаем метода группировки, предполагающим выделение кластеров регионов на базе матрицы дистанций. Регионы из одного кластера, как правило, характеризуются «близкими» величинами подобия (причём они обычно резко отличаются от регионов из других кластеров), что трактуется как факт достижения ими состояния интеграции. При этом идентификация интеграционных/фрагментационных процессов в пространстве определяется динамикой численности кластеров и входящих в их состав регионов. В отличие от предыдущих методов здесь допускается исследование процессов интеграции и фрагментации уже не по одному, а одновременно по совокупности ряда показателей. Вместе с тем кластерный анализ не позволяет в полной мере выявить, за счёт какого рода движущих сил происходит сближение регионов в один кластер (такая динамика может быть следствием не только активизации между ними взаимодействия как базового условия развития интеграционных процессов).

С позиции конкурентного методологического подхода широкое распространение получило использование *методов эконометрического моделирования*. Они позволяют провести исследование и оценку пространственной интеграции путём количественного анализа диспропорций в развитии регионов по ряду ключевых показателей. Идентификация интеграции осуществляется по оценке коэффициентов модели.

Здесь широкое распространение получил анализ *σ- и β-конвергенции регионов.* Если наблюдается такая конвергенция, то это свидетельствует о наличии в многорегиональной системе интеграционных процессов; σ- или β-дивергенция говорят о дезинтеграционных (фрагментационных) процессах.

Для исследования процессов интеграции рынков активно используется *закон единой цены* (Б. Гарднер (B. Gardner), К.Н. Брукс (K.N. Brooks), Д. Берковиц

(D. Berkowitz) и др.)[387,388], выполнение которого в одной из двух форм рассматривается в качестве критерия интеграции:

1. *Строгая форма*: в результате интеграции региональных рынков мобильных товаров их цены становятся одинаковыми. При этом базовым условием интеграции является отсутствие препятствий для торговли (протекционизм, местное регулирование цен, несовершенство локальных рынков), которые ведут к межрегиональным издержкам торговли[389].

2. *Слабая форма*: региональные рынки считаются интегрированными, если различие цен товаров на них не превышает издержки по их транспортировке из одного региона в другой.

Иными словами, в соответствии с этим законом, *конвергенция цен рассматривается в качестве признака усиления интеграции рынков*. Данный подход нашёл широкое применение при анализе процессов межрегионального схождения цен на рынках сырья, продуктов питания, процентных ставок и др. Вместе с тем в некоторых исследованиях доказывается, что соблюдение данного критерия на практике не обязательно означает наличие торговли между регионами и интегрированности их рынков[390]. Определённые сложности возникают и с формированием массива данных; имеют место искажения в региональных ценах. Кроме того, полного выравнивания цен на практике не происходит, а имеет место лишь тенденция к их сближению.

Следует отметить, что интеграция рынков является только одной из граней развития пространственной интеграции как сложного процесса, и данные методы не позволяют оценить её другие аспекты, например интеграцию в институциональном пространстве. Допущения и определённая некорректность в

---

[387] Gardner B., Brooks K.N. Food Prices and Market Integration in Russia: 1992–1994 // American Journal of Agricultural Economics. Vol. 994. No. 76. P. 641–666.

[388] Berkowitz D., DeJong D.N. Regional Integration: An Empirical Assessment of Russia // Journal of Urban Economics. 2003. No. 53. P. 541–559.

[389] Глущенко К.П. Пространственная интеграция региональных рынков Сибири // Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века: сб. статей в 6 томах / под редакцией В.И. Клисторина, О.В. Тарасовой; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск, 2018. С. 64–76.

[390] См., напр.: Akhmedjonov A., Lau C.K. Do energy prices converge across Russian regions? // Economic Modelling. 2012. Vol. 29. No. 5. P. 1623–1631.

использовании β-конвергенции в исследовании интеграции рынков достаточно обстоятельно рассмотрены в литературе[391,392,393,394].

Таким образом, комплекс инструментов оценки пространственной интеграции, сложившихся в соответствии с ключевыми положениями конкурентного методологического подхода к её исследованию, *позволяет выявить лишь факт сближения регионов по ключевым социально-экономическим показателям, но не может объяснить движущие силы таких процессов*. Вместе с тем интеграция всегда обеспечивается за счёт усиления связей, что приводит к формированию системы с новым качеством.

Именно поэтому крайне важно использовать для анализа методический инструментарий оценки интеграции, сложившийся в контексте реализации *кумулятивного методологического подхода*, который акцент делает на исследовании различных связей между системами.

Наиболее распространён здесь *анализ динамики обобщающих показателей интеграции регионов с позиции исследования межрегиональных потоков* (товаров, капитала, труда). Данный подход нашёл широкое применение в школах международной экономической интеграции и в практике исследования деятельности региональных интеграционных блоков. К числу наиболее популярных показателей относятся:

а) доля межрегионального товарооборота интегрирующихся регионов в их совокупном ВРП, внешнеторговом обороте блока;

б) индекс интенсивности региональной торговли;

---

[391] Глущенко К.П. Долгосрочная динамика интеграции российского рынка // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1 (184). С. 119–130. DOI: 10.47711/0868-6351-184-119-130.
[392] Глущенко К.П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 4 (16). С. 26–44. EDN: PRYRAB.
[393] Глущенко К.П. Моделирование и оценка динамики интегрированности российского рынка // Информация и экономика: теории, модели технологии: сб. научн. тр. / под ред. Е.Ю. Иванова, Р.М. Нижегородцева. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. С. 200–206.
[394] Gluschenko K. Market integration in Russia during the transformation years // Economics of Transition. 2003. Vol. 11. No. 3. P. 411–434.

в) соотношение товарооборота между интегрирующимися регионами и с остальными территориями страны (например, в работе[395] предлагается показатель интенсивности торговли внутри интеграционного блока);

г) рост концентрации товарного экспорта на основе индекса Херфиндаля – Хиршмана[396];

д) объём взаимных прямых инвестиций между интегрирующимися регионами в сравнении с объёмом в другие регионы[397,398,399].

Достоинством подхода является простота его применения и наглядность; недостатком – ограниченность статистики. В частности, информационной базой изучения межрегиональной торговли служит статистическая отчётность предприятий, представляемая в Росстат по форме № 1 – «Сведения о вывозе продукции (товаров)». Однако методология сбора этих показателей постоянно меняется, что затрудняет проведение оценки межрегиональных потоков. Такие же сложности возникают и при анализе межрегиональных миграционных потоков (более обстоятельно данный факт раскроем в работе далее). Кроме того, могут возникнуть завышенные оценки интеграции, поскольку товар учитывается как транзитный, а также данные методы не исследуют вопросы взаимовлияния экономик.

Распространено и использование методов *эконометрического моделирования*, с помощью которых исследуются вопросы взаимодействия регионов и эффектов, получаемых каждым из них. Именно наличие такого рода положительных эффектов является индикатором интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве.

---

[395] Гурова И.П. Измерение глобальной и региональной торговой интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 60–72. EDN: RQPEBV.

[396] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием субъектов Федерации в составе макрорегиона: диссертация ... доктора экономических наук. Тюмень, 2021. 440 с.

[397] Беляевская-Плотник Л.А., Сорокина Н.Ю. Подходы к оценке уровня экономической интеграции регионов в системе национальной экономической безопасности // Экономические науки. 2017. № 151. С. 39–42. EDN: ZXQUJB.

[398] Растворцева С.Н., Лебедев А.О. Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции. М.: ЭконИнформ, 2016. 213 с. ISBN 978-5-9909188-5-6.

[399] Растворцева С.Н., Бондарева Я.Ю., Лебедев А.О. Методика оценки экономической интеграции: макро- и мезоуровни // Современная экономика: проблемы и решения. 2016. Т. 5. № 77. С. 145–151. DOI: 10.17308/meps.2016.5/1428.

В *гравитационных моделях* осуществляется оценка потенциала взаимодействия регионов, определяемого их фундаментальными структурными характеристиками, которые сложились исторически и слабо подвержены изменению (размер экономики, расстояние между ключевыми экономическими центрами регионов и т.д.). При этом критерии идентификации интеграционных и фрагментационных процессов в пространстве вводятся экспертным путём (например, превышение потенциальным показателем межрегиональных взаимодействий его фактического уровня)[400]. Одним из ограничений данных моделей является акцент на изучении лишь пары интегрирующихся стран или регионов.

Исследователями активно применяется *моделирование межрегиональных торговых потоков*[401]. Как уже отмечалось, ключевой проблемой являются ограничения статистики, а именно[402]:

а) наблюдение за межрегиональной торговлей проводится на крупных, средних и малых предприятиях, при этом не учитываются микропредприятия и индивидуальные предприниматели (в начале 2000-х гг. вне наблюдения оказывались также малые оптово-посреднические организации);

б) в системе статистического наблюдения не отражается торговля сельхозпродукцией (она отслеживается в продовольственных балансах);

в) Росстатом не учитывается перемещение продукции между подразделениями одного юридического лица;

г) имеет место неоднократный пересмотр номенклатуры наблюдаемых видов продукции и методологии учёта (1990–2000 гг. – 100 видов продукции производственно-технического назначения и 90 видов потребительских товаров;

---

[400] Могилат А.Н., Сальников В.А. Оценка потенциала взаимной торговли стран Единого экономического пространства при помощи гравитационной модели торговли между регионами России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3 (27). С. 80–108. EDN: UKWDDL.
[401] Растворцева С.Н., Лебедев А.О. Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции. М.: ЭконИнформ, 2016. 213 с. ISBN 978-5-9909188-5-6.
[402] Троцковский А.Я., Супонина И.В., Быкова В.А. Возможности и ограничения исследования межрегиональной торговли как механизма пространственной интеграции // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2021. № 8. С. 239–243. EDN: SLAPTM.

натуральное изменение; 2001–2016 гг. – рост охвата наблюдением: 240 видов промышленной продукции и товаров, стоимостная оценка в фактических ценах; 2017–2023 гг. – сокращение видов продукции почти в 2 раза, закрытие информации по ряду товаров, нет стоимостной оценки).

Со времён советской экономической школы для исследования интеграционных процессов активно применяются *межрегиональные межотраслевые модели*, позволяющие исследовать связи регионов на основе решения типовых задач модели «затраты-выпуск». В соответствии с ними идентификация интеграции (фрагментации) социально-экономического пространства связывается с наличием/отсутствием определённого рода устойчивых зависимостей[403]. Например, выявляются объёмы выпуска отраслей одного региона, обеспечивающие изменяющиеся объёмы конечного спроса в другом регионе; объёмы конечного спроса одного региона исходя из изменений объёмов выпусков в другом; производится расчёт объёмов конечного спроса со смешанным составом переменных. Достоинства метода – прозрачность, относительная доступность данных, способность в явном виде оценить прямые, косвенные и иные эффекты взаимодействия[404]. Вместе с тем он позволяет оценить преимущественно экономические аспекты интеграции, оставляя вне фокуса внимания другие сферы (социальная, культурная, институциональная и др.).

Академик РАН В. Л. Макаров и член-корреспондент РАН А. Р. Бахтизин в Центральном экономико-математическом институте РАН развивают инструментарий *агент-ориентированного моделирования,* который в мире широко применяется при исследовании проблем функционирования транспортных систем, миграционных процессов, пространственной интеграции городских агломераций и др.[405].

---

[403] Белоусова А.В. Региональный вывоз в экономике Хабаровского края: шоки и эффекты. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2011. 128 с. ISBN 978-5-88570-310-9.

[404] Подкина К.Ю., Андреева Е.Л. Обзор методических подходов к оценке международной экономической интеграции // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 598–605. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.26

[405] Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Современные инструменты моделирования социально-экономических процессов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1 (76). С. 21–32. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-21-32.

В литературе есть ряд работ, где используются *методы когнитивного моделирования сложных социально-экономических процессов и систем*[406,407]. В них разрабатывается имитационная когнитивная модель системы межрегиональных социально-экономических отношений; осуществлена разработка методики оценки уровня интеграции на основе нечётких моделей, которая позволяет получить формализованное описание межрегиональной пространственной интеграции как системы взаимосвязанных причинно-следственных отношений. Однако такие модели сложны для использования и не дают возможности в полной мере оценить направленность развития пространственной интеграции во всей широте её проявления.

Для изучения неэкономических аспектов пространственной интеграции активно применяется *исследование социальных связей*. Здесь можно привести работы, посвящённые изучению сетевой связности городов, анализу данных виртуальных сетей как «цифрового следа» реальных социальных взаимодействий и др. Особое внимание к этим вопросам обусловлено тем, что современные исследования свидетельствуют о повышении роли неэкономических факторов обеспечения интеграции пространства, к которым относятся преимущественно сложившиеся социальные связи территорий[408,409].

В целом исследование социальной «близости»[410,411] и социальных связей регионов стало широко использоваться в последние полвека. Так, в 1969 г. на

---

[406] Нурутдинова И.Н., Борисова Д.В. Нечёткое моделирование оценки межрегиональной экономической интеграции // Kant. 2017. № 4 (25). С. 226–231. EDN: ZXNMIN.

[407] Борисова Д.В. Использование инструментарно-функционального потенциала аппарата теории нечётких множеств при оценке уровня межрегиональной экономической интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2018. № 4 (230). С. 59–65.

[408] Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015. 344 с. ISBN 978-5-9940-0536-1.

[409] Мельникова Т.Б. Модель экономической интеграции субъектов Российской Федерации: структура и критерии эффективности // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 1063–1076. DOI: 10.17059/2019-4-8.

[410] Boschma R. Proximity and Innovation: A Critical Assessment // Regional Studies. 2005. Vol. 39. Iss. 1. P. 61–74. DOI: 10.1080/0034340052000320887.

[411] Torre A., Rallet A. Proximity and Localization // Regional Studies. 2005. Vol. 39. Iss. 1. P. 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842.

основе эксперимента был выявлен феномен «маленького мира» [412]. В свою очередь М. Грановеттер (M. Granovetter) показал особенности формирования групп и существование различного рода социальных связей между их участниками. Слабые связи, по его мнению, свойственны сетевым организациям, рыночным обществам и способствуют информационному обмену и влиянию. Сосуществование слабых и сильных внутренних связей региона с сильными внешними позволяет не только обеспечить интеграцию регионального пространства, но и облегчает развитие инновационного процесса на территории за счёт импорта новых идей и знания[413].

Повсеместная цифровизация общественной жизни привела к тому, что исследование онлайн-взаимодействий особенно хорошо подходит для понимания сложившихся в обществе реальных социальных связей[414]. В отечественных публикациях для этого используются в основном данные ресурса «ВКонтакте». Так, среди наиболее известных работ по анализу больших данных отметим публикацию Н. Ю. Замятиной и А. Д. Яшунского, где исследованы миграционные установки молодёжи, влияние на них фактора наличия на территории региона крупных университетов[415]. При непосредственном участии авторов в 2015 г. был разработан аналитический ресурс «Виртуальное население России», представляющий картографические материалы о социальных связях регионов и муниципалитетов.

О. Д. Ивлиева и А. Д. Яшунский исследуют межрегиональные социальные связи в России и показывают наличие обратной зависимости между силой и масштабом таких связей от географического расстояния между населёнными пунктами[416]. Авторы анализируют миграционные установки населения отдельных

---

[412] Milgram S, Travers J. An Experimental Study of the Small World Problem // Sociometry. 1969. Vol. 32. No. 4. P. 425–443. DOI: 10.2307/2786545.

[413] Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78. Iss. 6. P. 1360–1380.

[414] Рыцарев И.А., Кирш Д.В., Куприянов А.В. Кластеризация медиаконтента из социальных сетей с использованием технологии BigData // Компьютерная оптика. 2018. Т. 42. № 5. С. 921–927. DOI: 10.18287/2412-6179-2018-42-5-921-927.

[415] Замятина Н.Ю., Яшунский А.Д. Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07.

[416] Ивлиева О.Д., Яшунский А.Д. О расстояниях, которых не знает дружба // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 1 (14). С. 64–76. DOI: 10.17323/usp41201964-76.

регионов России[417]; И. П. Смирнов, Д. М. Виноградов, Д. М. Алексеев показывают роль Москвы, Санкт-Петербурга и Твери как центров миграционного притяжения населения Тверской области[418]. Большие данные соцсетей активно используются при исследовании социальных связей малых народов Севера[419], Европейского Севера России[420] и др.

О. Васильева и В. Удовенко проанализировали основные демографические показатели нескольких сельских поселений Ленинградской области с помощью данных, представленных в группах этих поселений в социальной сети. На основе данной информации ими охарактеризована пространственная активность населения, в т.ч. мобильность жителей населённых пунктов, являющихся участниками социальной сети[421].

Для изучения социальных связей территорий распространение получило проведение *опросов населения*[422,423]. Однако, несмотря на накопленный опыт, проблематика оценки социальных связей территорий в контексте обеспечения пространственной интеграции требует дальнейшей проработки с точки зрения объективной оценки уровня и направленности их трансформации[424].

---

[417] Лебедкина Н.С., Александрова Ю.К., Орлова В.В. Анализ миграционных потоков молодежи на территории субъектов Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2 (41). С. 57–72. DOI: 10.18799/26584956/2021/2(41)/1099.

[418] Смирнов И.П., Виноградов Д.М., Алексеев А.И. К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте» // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151. Вып. 6. С. 69–80. DOI: 10.31857/S0869-6071151669-80.

[419] Сулейманова О.А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Вып. 21. Т.12. № 4. С.141–153. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.010.

[420] Кожевников С.А. «Мягкие» факторы обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Регионология. 2023. Т. 31. № 1. С. 87–106. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106.

[421] Васильева О.Е., Удовенко В.С. Социально-географический анализ сельских поселений на основе данных социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 6. С. 26–33. EDN: YVUJNB.

[422] Бызов Л.Г., Петухов В.В. Постсоветское пространство: культурные и социальные связи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 3 (87). С. 79–92. EDN: NRBHWJ.

[423] Маркин В.В., Силин А.Н., Малинина К.О. Воспроизводство человеческого капитала в арктических регионах России: социокультурный контекст // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 220–243. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.13.

[424] Кожевников С.А. «Мягкие» факторы обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Регионология. 2023. Т. 31. № 1 (122). С. 87–106. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106.

Преодолеть недостатки исследования различного рода потоков, связанные со слабым уровнем развития российской статистики по межрегиональному взаимодействию, а также оценить более зрелые стадии развития интеграционных процессов позволяет *моделирование эффектов взаимопроникновения и взаимовлияния региональных социально-экономических систем (т.н. метод «передачи шоков»)* [425]. Этот метод может успешно применяться при исследовании процессов пространственной интеграции. Иными словами, чем более интегрированы между собой регионы, тем более явно прослеживается «передача шоков» между ними.

Данный подход нашёл применение в ряде работ, посвящённых исследованию волатильности на фондовых рынках[426]; темпов инфляции и стоимости импортируемых ресурсов торгующих друг с другом стран[427]; среднедушевых ВРП в системе взаимодействующих регионов страны[428] и др.

При этом в большинстве исследований для оценки передачи шоков используются методы *корреляционного анализа*[429]. В числе его плюсов – *возможность учёта нелинейности развития интегрируемых экономик.* В то же время не все показатели чётко улавливают передачу таких шоков, поэтому часто используются не абсолютные, а показатели динамики (например, темпы роста ВРП), что позволяет лучше «улавливать» передачу пульсаций развития социально-экономических систем[430]. Таким образом, использование инструментария оценки интеграции на основе синхронизации темпов развития даёт возможность выявить

---

[425] Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. М.: Экономика, 2011. 332 с. ISBN 978-5-282-03147-8.
[426] Forbes K., Rigobon R. No contagion, only interdependence: Measuring stock market comovements // J. Finance. 2002. No. 57. P. 2223–2260.
[427] Auer R., Mehrotra A. Trade linkages and the globalisation of inflation in Asia and the Pacific // Journal of International Money and Finance. 2014. No. 49. P. 129–151. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2014.05.008
[428] Махотаева М.Ю., Бакуменко О.А., Малышев Д.П. Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона. Псков: Псковский государственный университет, 2017. 120 с. ISBN 978-5-91116-630-4.
[429] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием субъектов Федерации в составе макрорегиона: диссертация ... доктора экономических наук. Тюмень, 2021. 440 с.
[430] Гринин Л., Коротаев А., Цирель С. Циклы развития современной Мир-Системы. М.: Либроком, 2011. 248 с. ISBN 978-5-397-02108-1.

взаимосвязанные регионы, которые имеют объективные предпосылки для углубления интеграционных процессов.

Подводя итоги анализа подходов к оценке уровня пространственной интеграции, следует согласиться с авторами в том[431], что в них имеет место *«нацеленность на использование индикативных методов», а также «недостаточно внимания уделяется разработке упорядоченной методики, которая базировалась бы на системном применении индикаторов».*

В связи с этим в соответствии с *кумулятивно-конвергентным методологическим подходом* был обоснован и разработан авторский методический инструментарий, который позволяет оценить глубину развития интеграционных процессов по сферам социально-экономического пространства. Основные этапы его реализации раскрыты на рисунке 12.

Представленный методический инструментарий позволяет провести оценку пространственной интеграции исходя из широты и глубины развития интеграционных процессов, опираясь на существующую информационную базу и сложившуюся систему управления. Полученные в результате выводы могут выступить в качестве научной основы для корректировки федеральной и региональной государственной политики, направленной на консолидацию потенциала территорий для решения общих проблем и совместных задач развития. Апробация данного инструментария будет произведена в третьей главе диссертации.

---

[431] Ломовцева О.А., Шкромада В.И., Лебедев А.О. Методические аспекты оценки интеграционных возможностей региона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Информатика, прикладная математика и управление. 2014. Т. 32. № 21–1 (120). С. 12–21. EDN: WAEDUP.

0 этап (предварительный): оценка наличия предпосылок интеграции

I этап: оценка интеграции на товарных рынках с использованием *закона единой цены* в его мягкой форме: $\ln(P_{at}/P_{средt}) = \alpha + \beta_t \ln(I_{at}/I_{средt}) + \varepsilon$

где a – субъект РФ; P_{at} – стоимость товара в субъекте a в момент времени t; $P_{средt}$ – средняя стоимость товара по группе исследуемых субъектов в момент времени t; I_{at} – среднедушевые денежные доходы населения в субъекте a в момент времени t; $I_{средt}$ – среднедушевые денежные доходы населения по группе исследуемых субъектов в момент времени t; β_t – коэффициент, характеризующий зависимость разброса уровней цен товара от разброса уровней среднедушевых денежных доходов населения по группе оцениваемых субъектов РФ в момент времени t (количественная оценка интеграции рынков); α – свободный член модели; ε – случайная ошибка регрессии.

Интеграция на рынках факторов производства оценивалась через *σ-конвергенцию*.

II этап: оценка степени взаимовлияния субъектов РФ на основе использования *метода оценки «передачи шоков»*, что позволяет выявить интеграцию в других сферах многомерного социально-экономического пространства:

$$К_{xy} = \frac{\frac{1}{Т} * \sum_{t=1}^{T}\left(ЦТРП_{xt} - \overline{ЦТРП_{xt}}\right) * \left(ЦТРП_{yt} - \overline{ЦТРП_{yt}}\right)}{σцтрп_x * σцтрп_y}$$

где $К_{xy}$ – коэффициент синхронизации социально-экономической динамики (парной корреляции «темпоритмов» развития) между субъектом x и y; t – год анализируемого периода Т; $ЦТРП_{xt}$ ($ЦТРП_{yt}$) – относительный цепной темп роста показателя субъекта x (*субъекта y*) в t-ом году; $\overline{ЦТРП_{xt}}$ ($\overline{ЦТРП_{yt}}$) – среднее значение относительного темпа роста показателя субъекта x (субъекта y) за период Т; $σцтрп_x$ ($σцтрп_y$) – среднеквадратическое отклонение относительного цепного темпа роста показателя *субъекта x* (*субъекта y*) за период Т.

III этап: оценка *конвергенции субъектов РФ* (через коэффициент вариации v) с точки зрения обеспечения сближения и «сращивания» их пространственных систем:

$v = \frac{\sigma}{\overline{x}}$, где σ – среднее квадратическое отклонение; $\overline{x}$ – среднее значение исследуемого показателя.

IV этап: оценка институциональной интеграции (интеграции в стратегическом управлении на федеральном, макро- и региональном уровнях)

V этап: интерпретация полученных результатов в контексте развития стратегии пространственной интеграции регионов

Рисунок 12 – Авторский методический инструментарий стратегической оценки развития пространственной интеграции регионов

Источник: разработано автором с опорой на[432,433]

[432] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[433] Курушина Е.В. Управление пространственным развитием субъектов Федерации в составе макрорегиона: диссертация ... доктора экономических наук. Тюмень, 2021. 440 с.

2.3. Теоретико-методологический базис и концептуальная схема стратегирования пространственной интеграции

Поскольку пространственная интеграция представляет собой многоаспектное явление, развивающееся во времени и по сферам социально-экономического пространства, то разработка и реализация стратегии её развития предполагает необходимость использования научно обоснованного подхода, широко апробированного на практике и показавшего свою эффективность. В связи с этим в диссертации стратегирование интеграции регионов опирается на положения общей теории и методологии стратегирования, основателем и идейным вдохновителем развития которой является академик, иностранный член РАН, д.э.н., профессор Владимир Львович Квинт.

При стратегировании пространственной интеграции регионы рассматриваются как открытые социально-экономические системы, которые развиваются во взаимодействии как с другими регионами страны, так и с глобальным рыночным пространством[434]. Согласно методологии В. Л. Квинта, начальным этапом стратегирования является анализ прогнозов, *исследование внешней и внутренней среды на основе OTSW-анализа.* Его использование помогает выявить сложившиеся или только формирующиеся *глобальные, региональные и отраслевые тренды*, которые влияют или будут оказывать влияние на объект стратегирования. Это позволит выявить новые *стратегические возможности* для углубления интеграционных процессов в национальном социально-экономическом пространстве. В этом контексте важным видится анализ трендов развития не только стратегируемого региона на межсекторальной основе, но и соседних территорий. Анализ *внутренней среды* региона позволяет выявить его конкурентные преимущества с точки зрения использования новых возможностей и нейтрализации угроз.

[434] Kvint V.L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. New York: Routledge, 2015. 548 p. ISBN 978-1-315-70931-4.

После этого необходимо переходить к разработке *миссии* и *видения* как ключевых документов стратегии. В основе разработки миссии как первого обращения к внешнему миру лежат *ценности и интересы* стратегируемого объекта. При этом, согласно пятнадцатому правилу стратегического мышления В. Л. Квинта («стратеги должны выявлять истинные ценности, интересы и приоритеты стратегируемого объекта, а не просто ориентироваться на желания его руководителей»), стратегирование интеграции должно предполагать идентификацию и обеспечение комплементарности интересов основных стейкхолдеров (органов власти, бизнес-структур, населения)[435].

Видение как философия стратегии включает в себя *стратегические принципы* и *приоритеты развития* объекта. Важным является отражение глобальных, национальных и макрорегиональных интересов в стратегических принципах и приоритетах интеграции регионов[436]. В частности, стратегирование интеграции следует строить как на международных (например, Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.)[437], так и национальных стратегических принципах (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[438] и разработанные в соответствии с ним нацпроекты), связанных с обеспечением партнёрства между правительствами, частным сектором и гражданским обществом, мобилизацией ресурсов (финансовых, технологий и т.п.) для обеспечения устойчивого развития; содействием индустриализации и стимулированию инноваций, созданием комфортной среды для жизни и др.

---

[435] Квинт В.Л. Концепция стратегирования: монография. 2-е издание. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. ISBN: 978-5-8353-2844-4.

[436] Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимурадов М.К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909. http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909

[437] 17 Goals to Transform Our World. Available at: https:// www.un.org/sustainabledevelopment/ (date of access: 18.10.2025).

[438] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/408992634/#block_11 (дата обращения: 18.08.2025).

По мнению нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и А. Сена, в стратегировании повышение качества жизни населения, улучшение качественных характеристик потребления благ являются ключевыми принципами[439]. Академики В. Л. Квинт и В. В. Окрепилов отмечают, что процесс разработки и реализации стратегии регионов должен базироваться также на основных *принципах экономики качества*; управленческое воздействие должно быть направлено не только на качество производства, но и на ряд показателей «индекса счастья» населения, повышение качества его жизни[440,441]. В свою очередь принимаемые к реализации стратегические приоритеты должны быть обеспечены конкурентными преимуществами и ресурсами.

При этом важным видится имплементация основных положений теории стратегии и методологии В. Л. Квинта во все стадии стратегирования пространственной интеграции регионов. Ключевые направления такой имплементации представлены в таблице 4.

[439] Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 53.
[440] Квинт В.Л., Окрепилов В.В. Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 5. С. 412. DOI: 10.7868/S0869587314050107.
[441] Хворостяная А.С., Квинт В.Л. Разработка и реализация региональной стратегии: основные этапы и приоритеты // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 3. С. 25–34. DOI:10.37614/2220802X.3.2025.89.002.

Таблица 4 – Направления имплементации основных положений теории стратегии и методологии В. Л. Квинта в стратегирование пространственной интеграции регионов

Законы, правила, положения	Интерпретация в контексте пространственной интеграции регионов
1. Стратегия ориентирована на повышение качества жизни населения	Главной целью стратегирования пространственной интеграции на меж- и внутрирегиональном уровнях является консолидация потенциала территорий для реализации ими стратегических приоритетов совместного развития в социально-экономической, экологической и иных сферах, что в конечном счёте ведёт к повышению качества жизни проживающего населения.
2. Закон экономии времени: «опережать конкурентов..., первыми использовать инновации»	В стратегировании фактор времени является определяющим: для углубления интеграции регионам необходимо максимально быстро внедрять принятые стратегические решения, направленные на развитие потенциала интеграционного объединения. Это позволит повысить эффективность стратегирования с учётом высокой динамики внешней и внутренней среды.
3. Обеспеченность стратегических приоритетов конкурентными преимуществами	Каждая территория обладает уникальными конкурентными преимуществами (в т.ч. пока неочевидными), консолидация которых позволяет регионам успешно реализовывать стратегию новых горизонтов, повысить их устойчивость перед внешними и внутренними шоками.
3. «В стратегии настоящее – это уже прошлое». «Инерционное мышление – главный враг стратегического мышления».	Стратегирование интеграции регионов в практике управления современной России зачастую опирается на использование традиционных методов, поддержку социально-экономических связей территорий, которые сформировались на предыдущем этапе исторического развития, однако уже не являются эффективными в современных условиях. В связи с этим актуальной видится «пересборка» таких связей на основе запуска новых факторов развития интеграционных процессов.
4. «Стратег должен изучать и использовать опыт успешно реализованных, победных стратегий».	Важно углублённое изучение успешно реализованных стратегий других стран мира, направленных на обеспечение интеграции национального социально-экономического пространства; заимствование с адаптацией к российской действительности, институциональной среде форм, методов и инструментов расширения и углубления пространственной интеграции регионов.
5. «Поддержка стратегически важных инноваций может обеспечить огромные стратегические конкурентные преимущества».	Внедрение инноваций, платформенных технологий позволит обосновать новые формы организации социально-экономического пространства страны и её регионов на основе развития сетевых форм сотрудничества стейкхолдеров в производственной, научной, управленческой и иной хозяйственной деятельности, что создаст предпосылки для расширения и углубления пространственной интеграции.

Источник: составлено автором с опорой на[442]

В стратегировании важным является также учёт территориальных и секторальных аспектов интеграции, что обозначено на рисунке 13.

[442] Квинт В.Л. Концепция стратегирования: монография. 2-е издание. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. ISBN 978-5-8353-2844-4.

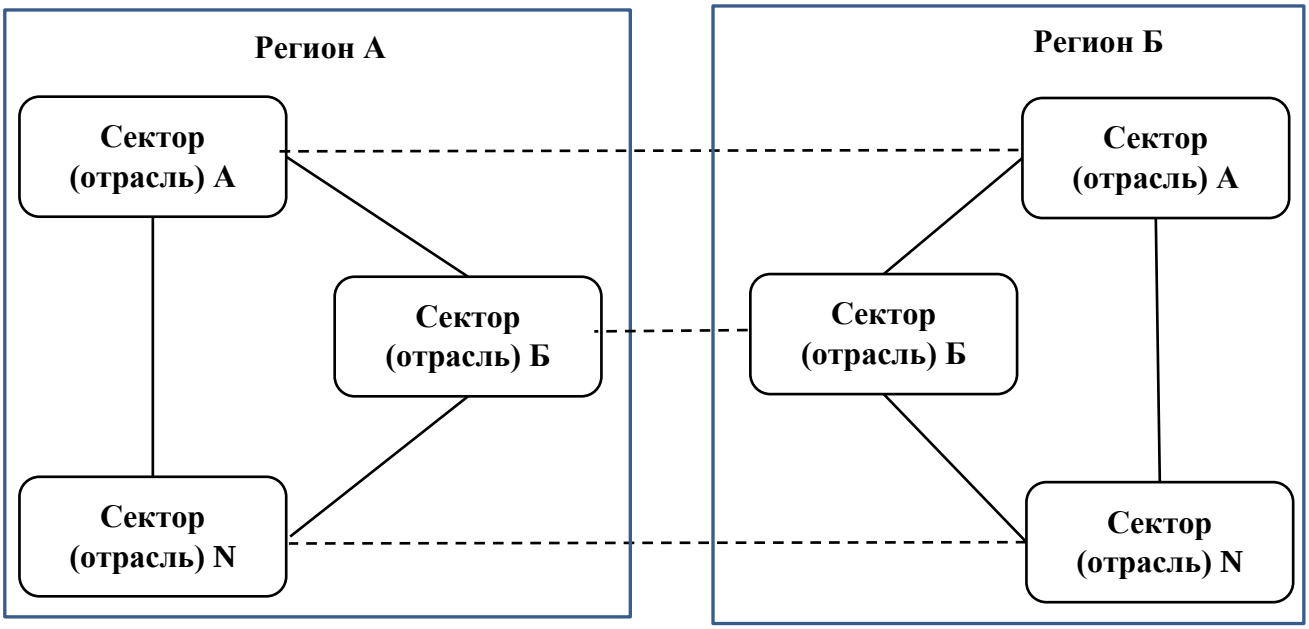

Рисунок 13 – Территориальные и секторальные аспекты пространственной интеграции регионов в контексте её стратегирования

Источник: составлено автором с опорой на[443]

В частности, на внутрирегиональном уровне она обычно обеспечивается на основе интеграции различных секторов (отраслей) региона, а на межрегиональном, как правило, за счёт интеграции территорий в одном секторе (отрасли, отраслевом комплексе), в т.ч. на основе развития вертикальной интеграции или кластерно-сетевых проектов. Однако такое деление условно: обозначенные векторы интеграции могут применяться и на внутрирегиональном уровне (например, при реализации совместных проектов в одной сфере: дороги, твёрдые бытовые отходы, экология и т.п.).

Успешная реализация сотрудничества, обеспечение на основе этого пространственной интеграции возможно лишь в случае придания данным процессам управляемого характера[444]. При этом, как отмечают академик

[443] Boe D., Grasland, C., Healy A. Spatial integration // Study Programme on European Spatial Planning. 1999. 153 p.

[444] Антипин И.А., Казакова Н.В. Концептуальные основы разработки стратегии пространственного развития в муниципальном образовании // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 8. С. 1011–1026. DOI: 10.18334/rp.17.8.35119.

В. Л. Квинт[445] и Н. И. Сасаев[446], одним из ключевых факторов, которые определяют эффективность реализации стратегий (в т.ч. макрорегионов, включающих как регионы из различных государств, так и внутри одной страны; субрегионов – части территорий региона), является их согласованность в общей системе стратегий, обозначенной на рисунке 14.

Рисунок 14 – Макро- и субрегиональные стратегии в общей системе стратегий

Источник: составлено автором на основе общей теории и методологии стратегирования академика В. Л. Квинта

[445] Квинт В.Л. Концепция стратегирования: монография. 2-е издание. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. С. 61. ISBN 978-5-8353-2844-4.

[446] Сасаев Н.И. Формирование методологии отраслевого стратегирования промышленности России (на материалах приоритетных отраслей): дис. …. доктора экон. наук. Москва, 2024. С. 93.

При стратегировании пространственной интеграции регионов страны также необходимо учитывать тот факт, что данные процессы на одном уровне иерархии зачастую не проходят без последствий для других. В частности, активная включённость регионов (как правило, приграничных) в международное разделение труда может привести к негативным последствиям в части снижения внутренней интеграции пространства страны. Кроме того, усиление пространственной интеграции регионов одного государства за счёт усиления связности их основных экономических центров (как правило, крупнейших и крупных городов) может привести к снижению уровня внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город – село»[447].

Международные секторные (отраслевые) стратегии обеспечивают пространственную интеграцию отдельных сфер и отраслей разных стран и/или их регионов. В свою очередь *международные макрорегиональные стратегии* направлены на разработку общей стратегии развития регионов, муниципальных образований из разных государств, формирующих трансграничный макрорегион. Обзор мировой практики развития таких макрорегионов был подробно представлен в параграфе 1.3 диссертации.

Реализация *национальных секторных стратегий* создаёт условия для обеспечения согласованного развития и интеграции отдельных сфер, отраслей регионов в пределах пространства страны. Такие стратегии направлены на развитие существующих и формирование новых конкурентных преимуществ секторов, отраслей региона и увязывают их с достижением стратегии развития отрасли на национальном уровне, а также стратегии государства в целом.

При этом *макрорегиональная (внутренняя) стратегия* должна отражать в себе и развивать основные положения стратегии страны, учитывать национальные интересы, локализованные в данном макрорегионе, а также стратегические приоритеты федерального уровня[448]. В этом случае она не только получит доверие

---

[447] Boe D., Grasland, C., Healy A. Spatial integration // Study Programme on European Spatial Planning. 1999. P. 14, 29.

[448] Экономическая и финансовая стратегия: учебник / В.Л. Квинт, И.В. Новикова, М.К. Алимурадов, А.И. Аршинова [и др.]; под науч. ред. В.Л. Квинта. Москва: Издательство

и поддержку на самом высоком уровне, но и будет способствовать привлечению больших объёмов бюджетного финансирования на реализацию стратегических приоритетов макрорегионального уровня. Например, стратегирование социально-экономического развития и пространственной интеграции субъектов Северо-Западного федерального округа должно учитывать стратегические приоритеты развития такой важнейшей геостратегической территории как Арктическая зона РФ[449].

Макрорегиональная стратегия должна учитывать и увязывать стратегические приоритеты регионов, входящих в состав макрорегиона; хозяйствующих субъектов, локализованных на данных территориях. Справедливой видится позиция Н. И. Сасаева: «Происходит трансляция интересов предприятий и корпораций на отраслевой (включая промышленный) и региональный уровень стратегий, которые в свою очередь проходят процесс аккумулирования уже на национальном уровне, формируя общенациональные интересы»[450].

Вместе с тем сложившиеся подходы к развитию макрорегионов России являются недостаточно эффективными, в т.ч. в связи с отсутствием внедрения в практику научно обоснованной методологии стратегирования данных процессов. Так, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р) обозначила необходимость развития в стране *12 макрорегионов.* Вместе с тем из текста документа и практики его реализации остались до конца неясными принципы пространственной делимитации макрорегионов; их роль в пространственном развитии страны; как будет осуществляться управление их развитием, в т.ч. реализация стратегий развития макрорегионов.

Московского университета, 2024. 247 с. ISBN 978-5-19-011996-1. [1] с.: ил. (табл., схем.). (Классический университетский учебник).

[449] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 193–208.

[450] Сасаев Н.И. Формирование методологии отраслевого стратегирования промышленности России: на материалах приоритетных отраслей: диссертация ... доктора экономических наук. Москва, 2024. 344 с.

При этом, поскольку макрорегионы были созданы административно («сверху»), то для решения поставленных перед ними задач и эффективного использования потенциала входящих в их состав субъектов РФ необходимы реализация специальной государственной политики, создание организационных структур управления: координационных органов, управляющих компаний и др.[451,452] Однако, несмотря на наличие плана реализации Стратегии пространственного развития до 2025 года[453] и закрепление в нём значительной части обозначенных выше задач, ни стратегий развития макрорегионов, ни организационных структур их реализации в 2019–2025 гг. так и не было создано[454]. Это существенно ограничивает возможности реализации интеграционного потенциала и раскрытия конкурентных преимуществ региона для решения стратегических задач макро- и национального уровней.

Новая Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р) и вовсе отказалась от идеи макрорегионов; государственная политика будет реализовываться в составе существующей сетки федеральных округов, значительная часть которых была изначально сформирована не по экономическому, а по административно-территориальному принципу.

---

[451] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3. С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107

[452] Кузнецова О. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4. С. 112–125. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/

[453] Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2019 № 3227-р (ред. от 09.11.2023) «Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342452/ (дата обращения: 18.08.2025).

[454] За исключением сухопутных границ Арктической зоны РФ, развитием которых занимается Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики через реализацию специальных программ развития арктических территорий.

В свою очередь разработанные ранее стратегии развития федеральных округов (Сибирского[455], Северо-Западного[456], Северо-Кавказского[457] и др.) также трудно назвать стратегиями, поскольку в них весьма слабо отражены существующие и зарождающиеся глобальные, национальные, региональные и отраслевые тренды, которые могут открыть новые возможности для развития макрорегионов в стратегической перспективе; практически не исследуются тенденции развития соседних регионов, которые оказывают или могут оказать влияние на развитие стратегируемой территории.

Наряду с этим, как правило, на практике стратегическая диагностика макрорегионов идёт по ошибочной логике SWOT-анализа, т.е. внимание фокусируется на анализе сильных и слабых сторон, проблем развития регионов округа. Иными словами, игнорируется научно обоснованная и выверенная на практике методология стратегирования академика В. Л. Квинта, которая при проведении OTSW-анализа фокусируется в первую очередь на выявлении стратегических возможностей развития, конкурентных преимуществ территории для реализации стратегических приоритетов.

При этом в действующих документах последние, как правило, не подкреплены объективными конкурентными преимуществами территорий и, что самое главное, достаточным финансовым обеспечением для реализации обоснованных приоритетов[458]. В свою очередь такие приоритеты слабо согласованы со стратегическими планами развития крупнейших корпораций

---

[455] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438649/ (дата обращения: 18.08.2025).

[456] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123118/ (дата обращения: 18.08.2025).

[457] Распоряжение Правительства РФ от 06 сентября 2010 г. № 1485-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105643/ (дата обращения: 18.08.2025).

[458] Справедливости ради стоит отметить, что этот акцент так или иначе был обозначен в Стратегии социально-экономического развития СЗФО до 2020 года.

макрорегиона. В большинстве стратегий округа вовсе отсутствует раздел о развитии межрегионального сотрудничества или он, как правило, имеет декларативный характер без инструментального обеспечения развития такого сотрудничества.

На недостатки реализующихся в России стратегий развития макрорегионов обращают внимание и другие ведущие исследователи[459,460]. Так, учёные отмечают, что ориентация на локальные (в пределах субъекта РФ) проекты и решения, недостаток межрегиональных инициатив, носящих синергетический характер, слабая поддержка процессов кооперации и интеграции усилий регионов являются ключевыми причинами невыполнения Стратегии социально-экономического развития Сибири 2010–2020 гг.[461,462]

Схожие методологические проблемы в стратегировании характерны и для *субрегиональных стратегий*, практика разработки и реализации которых в России носит весьма ограниченный характер. К числу регионов, где были разработаны документы такого рода, относятся Республика Башкортостан и Свердловская область. В частности, Постановлением Правительства Республики Башкортостан от 7 сентября 2022 г. № 516 приняты *Стратегия социально-экономического развития Зауралья Республики Башкортостан до 2030 года и план мероприятий по её реализации*. Документ предполагает поиск источников роста данных территорий за счёт разработки и реализации целого ряда инвестиционных проектов в муниципальных образованиях субрегиона в сфере сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности, лесопереработке и туризме. Несмотря на то,

---

[459] См, напр.: Жихаревич Б.С., Гресь Р.А. 25 лет российского стратегирования (1997–2022): опыт измерения тенденций // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 4 (71). С. 11–22.

[460] Антипин И.А., Власова Н.Ю., Иванова О.Ю. Стратегическое планирование регионов Российской Федерации: вопросы пространственного развития // Управленец. 2023. Т. 14. № 6. С. 50–62. DOI: 10.29141/2218-50032023-14-6-4.

[461] Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5 (182). С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

[462] Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Регионы Сибири в новой геополитической и экономической ситуации и в трансформирующейся системе евразийских взаимодействий // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 9. С. 1488–1496. EDN: SEMWYM.

что данные проекты направлены на модернизацию действующих производств, фактически они консервируют устаревшую структуру экономики субрегиона, что не позволяет раскрыть потенциал территорий, найти новые драйверы их роста с учётом зарождающихся глобальных, национальных и отраслевых трендов[463]. Диагностика объекта стратегирования опирается на SWOT-анализ; обозначенные стратегические приоритеты из такого анализа явно не следуют и фактически не позволяют провести санацию данных территорий.

В Свердловской области возможность разработки стратегии части региона (субрегиона) закреплена Постановлением Правительства Свердловской области от 30.01.2025 № 37-ПП «Об утверждении Порядка принятия решения о разработке, формирования, утверждения и реализации стратегий социально-экономического развития части территории Свердловской области». Однако принятых в соответствии с ним стратегических документов пока нет (хотя в первой половине 2025 года разрабатывалась стратегия социально-экономического развития части территории области «Волковский промышленный кластер» на период до 2036 года с прогнозом до 2042 года)[464,465].

В этом контексте для науки и практики управления в России важны комплексное осмысление и тиражирование уникального подхода к разработке и реализации региональной стратегии развития, реализованного в Кемеровской области – Кузбассе[466]. На основе использования теории и методологии стратегирования академика В. Л. Квинта, доказавшей свою эффективность на практике в России и за рубежом, а также при активном взаимодействии органов

---

[463] Однако именно на это направлена политика ЕС по развитию депрессивных периферийных территорий.

[464] Распоряжение Губернатора Свердловской области № 52-РГ «О разработке Стратегии социально-экономического развития части территории Свердловской области «Волковский промышленный кластер» на период до 2036 года с прогнозом до 2042 года» // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области. URL: https://www.pravo.gov66.ru/46124/?ysclid=ma3zjs7p8794272749 (дата обращения: 15.05.2025).

[465] Сасаев Н.И. Формирование методологии отраслевого стратегирования промышленности России : на материалах приоритетных отраслей: диссертация ... доктора экономических наук. Москва, 2024. 344 с

[466] Квинт В.Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. № 3. С. 290–299. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-290-299.

власти, исследователей из МГУ имени М. В. Ломоносова, Кемеровского государственного университета и других ведущих научных учреждений, представителей бизнес-сообщества была разработана и принята в качестве областного закона *Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года*[467,468] .

Стратегия основана на учёте глобальных, национальных, отраслевых трендов, конкурентных преимуществ региона, которые определяют стратегические приоритеты развития Кузбасса не только до 2035 г., но и на более длительную перспективу до 2071 г.[469] В контексте углубления интеграции Кузбасса в глобальные экономические процессы, развития человека и обеспечения достойной жизни научно обоснована необходимость формирования и вхождения субъекта РФ в международные кластеры (спортивный; развития культуры; здравоохранения и инновационной медицины; научно-исследовательский и др.). Значительные усилия будут направлены на развитие и повышение связности пространства путём организации железнодорожного транспортного коридора Таштагол – Урумчи, транспортно-логистического центра, формирования Азиатско-Арктического транспортного меридиана, связности населённых пунктов высокоскоростными магистралями и др. Предполагается создание особой экономической зоны промышленно-производственного типа, выделение районов с углублённой специализацией для обеспечения диверсификации экономики региона; формирование специализированных долин (туристско-рекреационная, агропромышленная, высокотехнологическая производственная) на базе

---

[467] Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ (ред. от 23.12.2020 № 163-ОЗ) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/571049329?marker=64U0IK (дата обращения: 16.11.2025).

[468] Расширенная Стратегия развития Кузбасса по профильным направлениям, теоретико-методологические подходы к её разработке и реализации представлены в девяти монографиях Библиотеки «Стратегия Кузбасса», а также в работе академика В.Л. Квинта и К.Л. Астапова (Источник: Квинт В.Л., Астапов К.Л. Стратегия Кузбасса на 50-летнюю перспективу в книгах Библиотеки «Стратегия Кузбасса» // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2. С. 123–135. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-123-135).

[469] Сасаев Н.И. Формирование методологии отраслевого стратегирования промышленности России: на материалах приоритетных отраслей: диссертация ... доктора экономических наук. Москва, 2024. 344 с.

моногородов как узлов пространственного каркаса Кузбасса; развитие открытых диффузных агломераций[470] и др. Реализация данных инициатив превратит Кузбасс в территорию, благоприятную для жизни и ведения хозяйственной деятельности[471].

В России достаточно широкое распространение стратегирование развития части территории региона получило при разработке документов такого рода для *городских агломераций*. Так, для крупнейших (с населением свыше 1 млн чел.) и крупных (500–1000 тыс. чел.) агломераций предусмотрена разработка *долгосрочных планов социально-экономического развития* на период свыше 7 лет, которые в практике государственного управления фактически рассматриваются как стратегические документы, направленные на устранение инфраструктурных ограничений развития агломераций, достижение целевых показателей, закреплённых в стратегических документах федерального и регионального уровней[472]. Форма и содержание таких планов являются унифицированными, т.е. они не учитывают специфику развития агломерации. По содержанию они не являются стратегическими документами, а больше похожи на дорожную карту развития агломерации[473].

Для ряда крупнейших и крупных городских агломераций разработаны стратегические документы (концептуальные основы и долгосрочный план

---

[470] Квинт В.Л., Середюк И.В. Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области – Кузбасса) // Экономика промышленности. 2025. № 18 (1). С. 7–23. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-1-1435.

[471] Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива: монография / под научной редакцией В.Л. Квинта. Кемерово: КемГУ, 2022. 283 с.: ил. (Библиотека «Стратегия Кузбасса»).

[472] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2022 г. № 996 «Об утверждении Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/404780175/ (дата обращения: 15.05.2025).

[473] Кожевников С.А. Концепция стратегии развития российских городских агломераций с численностью менее 500 тыс. человек // Экономика промышленности. 2025. № 18 (2). С. 182–198. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-2-1410.

развития Екатеринбургской агломерации[474,475], стратегия Челябинской агломерации – 2035[476], концепция социально-экономического и пространственно-территориального развития агломерации «Томск – Северск – Томский район»[477], Стратегия пространственного и социально-экономического развития Саратовской агломерации до 2030 года[478]). Однако они также больше схожи с программами или планами мероприятий по развитию данных агломерационных форм.

В частности, стратегирование развития Екатеринбургской агломерации больше ориентируется на решение существующих проблем и поиск ответа на стоящие вызовы, а не на использование существующих возможностей и развитие конкурентных преимуществ агломерации с учётом анализа формирующихся глобальных и национальных трендов; в стратегических документах Томской агломерации происходит выявление заинтересованных участников её развития, однако стратегирование базируется на SWOT-анализе; обозначенная миссия развития фактически не позиционирует агломерацию для внешнего мира; при этом обоснованные разработчиками стратегические приоритеты как бы сразу «вытекают» из миссии, а не видения. В стратегии развития Челябинской агломерации представлены цель и задачи развития, однако нет стратегических

---

[474] Долгосрочный план социально-экономического развития Екатеринбургской агломерации до 2030 года (утв. 27 декабря 2023 №: 108пр) // Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. URL: https://economy.midural.ru/documents/active/16703/?ysclid=mkjhwldg32343711572 (дата обращения: 20.05.2025)

[475] Отчет о научно-исследовательской работе «Принципы формирования Екатеринбургской агломерации» // ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор». URL: https://old-minstroy.midural.ru/uploads/3%20этап_Книга1_Аналитический%20отчет.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

[476] Постановление Правительства Челябинской области от 20 апреля 2016 г. № 172-П «О схеме территориального планирования части территории Челябинской области применительно к главному планировочному узлу города Челябинска (территория Челябинской агломерации)» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/19793620/ (дата обращения: 15.05.2025).

[477] Отчет о разработке концепции социально-экономического и пространственно-территориального развития агломерации «Томск – Северск – Томский район» // Zaki.ru законы и право. URL: https://tomsk.gov.ru/files/front/download?id=139372 (дата обращения: 20.05.2025).

[478] Стратегия Саратовской агломерации. Ключевые положения // ГКУ СО «Центр развития Саратовской агломерации и индустриальных парков» URL: https://xn----7sbabamcq2a1alxhweou9d2j.xn--p1ai/news/sobytiya/prinyata-strategiya-prostranstvennogo-i-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-saratovskoy-aglomeratsii/?ysclid=maw4oxnr75609974941 (дата обращения: 20.05.2025).

приоритетов, которые базируются на конкурентных преимуществах, что затрудняет оценку обоснованности целей/задач, а также их достижимости.

Для агломераций «второго эшелона» с населением менее 500 тыс. чел. система стратегирования оказалась несформированной, а именно[479]:

1. На региональном уровне не сформирована система стратегических документов для агломераций «второго эшелона»; имеют место лишь отдельные элементы такой системы (концепция, мастер-план), которые по своему содержанию не соответствуют предъявляемым к ним требованиям.

2. Слабая согласованность стратегических документов муниципалитетов агломераций. Это заключается в том, что в них либо вовсе не закреплено понимание роли муниципалитета как части агломерации, либо такое понимание декларативно и фактически не предполагает стратегирование процессов развития территории в агломерационном пространстве. Исключением является, пожалуй, развитие транспортной системы (разработаны региональные проекты и муниципальные программы для привлечения федерального финансирования на ремонт автодорог агломераций в ходе реализации нацпроекта «Безопасные качественные дороги»).

3. Более сформированной является система стратегических документов, где сложилась региональная модель управления («сверху вниз»). В первую очередь это характерно для арктических агломераций, которые являются для России геостратегическими с точки зрения обеспечения национальной безопасности[480]. Так, были разработаны мастер-планы Архангельской, Норильской и Южно-Сахалинской агломераций. Однако сам мастер-план в законодательстве пока фактически не является документом стратегического планирования. В Сургутской

---

[479] Кожевников С.А. Концепция стратегии развития российских городских агломераций с численностью менее 500 тысяч человек // Экономика промышленности. 2025. № 18 (2). С. 182–198. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-2-1410.

[480] См., напр.: Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населённых пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике» // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/ (дата обращения: 16.01.2025).

агломерации была принята концепция, в которой закреплены основные задачи и вызовы её развития. Однако в них не обозначены миссия, принципы и видение развития агломераций, что следовало бы ожидать в документах такого рода[481].

4. В ряде агломераций (Южно-Сахалинская, Сургутская) обозначен перечень межмуниципальных проектов. Большинство из них являются организационными или проектами инфраструктурного развития (транспорт, образование, туризм). Практически нигде не проработаны проекты инновационного развития, потребность в которых актуальна в целях превращения агломераций в «локомотивы» роста региональной экономики[482].

5. При этом реализация таких проектов с использованием механизмов государственно-частного партнёрства является затруднительной, учитывая, что в состав участников соглашений о взаимодействии, координационного совета по развитию агломераций входят исключительно органы местного самоуправления без участия стратегических партнёров из бизнес-сообщества.

Таким образом, целесообразными видятся разработка и реализация как концепции, так и стратегии развития таких агломераций, которые позволяют обеспечить согласование интересов основных стейкхолдеров, раскрыть и использовать конкурентные преимущества входящих в её состав территорий для превращения таких агломераций в точки роста[483,484,485,486].

---

[481] Квинт В. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке: монография. М: Бизнес Атлас, 2012. 626 с. ISBN 978-5-9900421-6-2.

[482] Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива / под науч. ред. В.Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 283 с. ISBN 978-5-8353-2812-3. DOI: 10.21603/978-5-8353-2812-3.

[483] Кожевников С.А. Концепция стратегии развития российских городских агломераций с численностью менее 500 тыс. человек // Экономика промышленности. 2025. № 18 (2). С. 182–198. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-2-1410.

[484] Квинт В.Л., Середюк И.В. Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области – Кузбасса) // Экономика промышленности. 2025. № 18 (1). С. 7–23. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-1-1435.

[485] Цивилев С.Е. Процесс стратегирования формирования и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе // Экономика промышленности. 2024. № 17 (3). С. 237–244. DOI: 17073/2072-1633-2024-3-1341.

[486] Середюк И.В., Корчагина И.В. Агломерация как стратегический трек развития региона: перспективы и ограничения // Стратегирование: теория и практика. 2023. № 3 (4). С. 379–392. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-4-379-392.

По итогам изложения 2 главы можно сделать следующие выводы.

1. Предложенный автором кумулятивно-конвергентный методологический подход к исследованию пространственной интеграции регионов позволяет комплексно и всесторонне рассматривать её как процесс, развивающийся во времени и углубляющийся по сферам социально-экономического пространства регионов. В отличие от конкурентного и кумулятивного подходов он идентифицирует развитие интеграции в пространстве лишь в случае наличия устойчивых, сбалансированных и сопряжённых связей между территориями; интенсивность таких связей приводит к конвергенции регионов по ключевым параметрам развития, «сращиванию» их пространства, формированию системы с новым качеством.

2. В соответствии с данным кумулятивно-конвергентным методологическим подходом, а также на основе критического анализа научной литературы был разработан авторский методический инструментарий, позволяющий оценить глубину развития интеграционных процессов по сферам многомерного социально-экономического пространства регионов.

3. Разработанные теоретико-методологический базис и концептуальная схема стратегирования пространственной интеграции регионов базируются на положениях общей теории и методологии стратегирования, основоположником которой является академик, иностранный член РАН, д.э.н., профессор В.Л. Квинт. Обоснованы направления имплементации основных положений данной теории и методологии во все стадии стратегирования пространственной интеграции; необходимость учёта территориальных и секторальных (отраслевых) аспектов интеграции и др.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

3.1. Тенденции пространственного развития Европейского Севера России в контексте активизации интеграционных процессов

Россия является северной страной, поскольку к зоне Севера и приравненным к ней местностям, в соответствии с законодательством, относится 2/3 площади её территории. Северные регионы обладают огромным природно-ресурсным, транзитным, человеческим, промышленным и геостратегическим потенциалом, используемым недостаточно эффективно.

При этом сам Север является неоднородным по природно-климатическим и хозяйственным характеристикам. Исследователи выделяют *три его широтные проекции*: Крайний Север, Дальний Север (Крайний Север за исключением Арктики), Ближний Север (местности, приравненные к Крайнему Северу)[487,488,489]. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946[490] северные регионы России включают:

– *7 субъектов РФ*, которые *полностью* относятся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним (республика Саха (Якутия);

---

[487] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3. С. 23–36. EDN IPPHWP.

[488] Лаженцев В.Н. Геосистемный подход к проблеме социально-экономического развития регионов Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 81–95. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.5.

[489] Абрамов Р.А. Особенности развития северных регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 11 (68). С. 15–21.

[490] Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400590/ (дата обращения: 11.04.2025).

Мурманская и Магаданская области; Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа, Камчатский край);

– *17 субъектов, частично* относящихся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним (республики Алтай, Бурятия, Карелия, Коми, Тыва; Архангельская, Амурская, Иркутская, Томская, Тюменская, Сахалинская области; Забайкальский, Красноярский, Пермский, Приморский, Хабаровский края; Ханты-Мансийский авт. округ – Югра)[491].

Указом Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 2 мая 2014 г. № 296 были выделены сухопутные территории Арктики, наделённые геостратегическим статусом[492].

Среди всей зоны Севера страны следует особо выделить *Европейский Север России (ЕСР)*, являющийся одним из самых больших по площади территории регионом европейской части страны (1,466 тыс. кв. км)[493]. На севере он омывается Баренцевым и Белым морями; на западе граничит с Финляндией и Норвегией, на востоке и юге – с экономически развитым Уралом и Центральной Россией соответственно[494].

Состав Европейского Севера России повторяет границы Северного экономического района, который, согласно действующему Общероссийскому классификатору экономических регионов – ОК 024-95 (утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640), включает в себя Архангельскую, Мурманскую области, Республику Карелию, Республику Коми, Ненецкий автономный округ. В состав Европейского Севера справедливо включается и Вологодская область, поскольку она исторически относилась к Северу в системе

---

[491] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

[492] Границы Арктики в мировом сообществе пока однозначно не устоялись. Обычно ими является Северный полярный круг – 66º33' (Канада – 60º, Норвегия – 65º), при этом июльская изотерма для данных территорий составляет 10º С (США).

[493] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

[494] Там же.

экономического районирования СССР (была в составе Северного края (1929–1936 гг.) и Северного экономического района (1982 – н.в.))[495].

На определённом этапе эти территории полностью входили в состав крупного Северо-Западного экономического района, а сейчас они являются фактически северной частью Северо-Западного федерального округа в следующих границах, представленных на рисунке 15[496].

Рисунок 15 – Территория и состав Европейского Севера России
Источник: составлено автором

При этом имеют место существенные различия в хозяйственном освоении и пространственном развитии Европейской и Азиатской частей Севера России, условная граница между которыми проходит по линии Уральских гор. В частности, Европейский Север России исторически осваивался раньше и в силу более

[495] Там же.
[496] Кожевников С.А. «Мягкие» факторы обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Регионология. 2023. Т. 31. № 1 (122). С. 87–106. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106.

близкого расположения к центральным регионам является более заселённым и обустроенным[497], со сложившимся пространственным каркасом[498].

Особая геостратегическая роль Европейского Севера в пространственном развитии России обусловлена также тем, что значительная его часть относится к Арктической зоне РФ и является буферной территорией со странами Европы[499]. Здесь от пролива Карские ворота начинается Северный морской путь (СМП) – важнейшая морская артерия, значение которой, по мнению исследователей[500,501,502] и в соответствии с приоритетами государственной политики (Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации до 2035 года[503], Комплексным планом модернизации и расширения магистральной инфраструктуры)[504], в ближайшие десятилетия будет только возрастать. При этом важной видится интеграция СМП в международную логистическую систему, что позволит не только реализовать огромный транзитный потенциал данной магистрали, но и обеспечить иные позитивные мультипликативные эффекты для национальной экономики[505,506].

---

[497] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[498] Kozhevnikov S.A. Spatial and Territorial Development of the European North: Trends and Priorities of Transformation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. Iss. 6. P. 91–109. DOI 10.15838/esc.2019.6.66.5.

[499] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 193–208.

[500] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[501] Сювэнь С. Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 5–15. EDN: ZVHMGX.

[502] Иванова М.В., Козьменко А.С. Пространственная организация морских коммуникаций Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6.

[503] Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/74810556/ (дата обращения: 01.05.2025).

[504] Паспорт комплексного плана «Транспортная часть комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» // Минтранс РФ. URL: https://mintrans.gov.ru/documents/9/12721?type= (дата обращения: 01.05.2025).

[505] Кожевников С.А. Национальные проекты в решении проблемы обеспечения связности экономического пространства России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 4 (222). С. 30–40. DOI: 10.46554/1993-0453-2023-4-222-30-40.

[506] Фадеев А.М. Российская Арктика в международной экономической и геополитической повестке // Арктика и инновации. 2024. № 2 (3). С. 6–14. DOI: 10.21443/3034-1434-2024-2-3-6-14.

В целом природно-ресурсный потенциал Европейского Севера России является весьма значительным. Большую часть площади его территории занимают земли лесного фонда (66,6%), на хвойные породы в различных субъектах РФ приходится порядка 50–76% общего запаса лесообразующих пород; запас древесины в расчёте на 1 га лесов в среднем по Европейскому Северу России – 78,3 куб. м/га, по России – 70,2 куб. м/га[507,508,509]. В лесах сконцентрированы значительные запасы дикорастущих ягод (клюква, брусника, черника, морошка и др.), грибов, объектов животного мира. Это регион с огромными водными ресурсами озёр и северных рек (Онега, Печора, Северная Двина, Сухона и др.), которые сохранили потенциал для развития судоходства. В омывающих его морях и озёрах сконцентрированы значительные запасы рыбы и других объектов водного мира.

Однако для промышленности России особую ценность представляют имеющиеся здесь запасы полезных ископаемых, разнообразные по своему происхождению и распространению в связи с отличным геологическим строением *Карело-Кольского* (Мурманская область и Республика Карелия) и *Двино-Печорского* (Вологодская, Архангельская области, Республика Коми, Ненецкий автономный округ) *субрегионов Европейского Севера*[510].

В Двино-Печорском субрегионе сконцентрированы значительные объёмы углеводородных ресурсов (нефть, газ). В частности, на Ненецкий автономный округ приходится порядка 50% запасов нефти и 70% газа Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции (на саму провинцию – около 8% запасов нефти и 5,1%

---

[507] Самылина В.Г., Гительман Е.Б. Современное состояние природных ресурсов Европейского Севера России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 1 (6). С. 175–184. EDN: TTGUOB.

[508] Территориальный состав, ЭГП и природно-ресурсный потенциал Европейского Севера // КиберПедия. URL: https://cyberpedia.su/16x469a.html (дата обращения: 05.11.2024).

[509] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[510] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

газа России). Архангельская область занимает второе место в стране по запасам алмазов (20% общероссийских)[511,512,513].

В Карело-Кольском субрегионе располагаются значительные запасы металлических и некоторых видов неметаллических (шунгит, графит) ресурсов. Так, балансовые запасы железных руд Европейского Севера (3,4 млрд т) составляют около 5% запасов РФ[514].

Именно поэтому значительный потенциал для национальной экономики имеют формирующиеся на Европейском Севере минерально-сырьевые центры, а также города – перспективные центры экономического роста (Череповец, Мурманск, Архангельск, Вологда, Петрозаводск, Сыктывкар).

Однако постсоветский период негативно отразился на развитии данных территорий, в результате чего снизилась их доля в ключевых общероссийских показателях. В частности, если в 1990 г. на Европейский Север приходилось 4,2% общей численности населения России, то к 2023 г. этот показатель уменьшился до 2,8%. Особенно рельефно данные процессы прослеживаются в трансформации центров генерации добавленной стоимости в экономике: в 1995–2023 гг. доля Европейского Севера России в суммарном ВРП субъектов РФ снизилась с 5,4 до 3,2%, в том числе в связи со снижающимся весом региона в общем объёме инвестиций в основной капитал страны, о чем свидетельствуют данные таблицы 5. При этом позиции СЗФО по ряду показателей усилились за счёт возвышения роли г. Санкт-Петербурга, Калининградской и Ленинградской областей: с 10,6 до 12,3% увеличилась доля округа в общем ВРП страны; с 11,5 до 12,8% – в стоимости основных фондов.

---

511 Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

512 Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2015. 176 с. ISBN 978-5-89606-547-0.

513 Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

514 Там же.

Таблица 5 – Доля Европейского Севера в ключевых социально-экономических показателях развития России

Территория	Год							2023 к 1990, +/-
	1990	2000	2005	2010	2015	2010	2023	
1. Численность населения, *% от общей по РФ*								
ЦФО	25,7	26,1	26,5	26,9	26,9	27,3	27,5	1,8
СЗФО	10,3	9,7	9,6	9,5	9,4	9,4	9,5	-0,9
в т.ч. Европейский Север России	4,2	3,7	3,5	3,3	3,1	2,8	2,8	-1,4
ЮФО	14,1	15,5	9,7	9,7	11,2	11,3	11,4	-2,7
СКФО	–	–	6,3	6,6	6,6	6,8	7,0	–
ПФО	21,5	21,6	21,3	21,0	20,2	19,8	19,6	-1,9
УФО	8,6	8,5	8,5	8,5	8,3	8,4	8,4	-0,2
СФО (в границах 1990 г.)*	14,4	13,9	13,6	13,1	13,2	12,9	12,6	-1,8
ДФО (в границах 1990 г.)*	5,4	4,7	4,5	4,4	4,2	4,1	4,0	-1,4
2. Валовой региональный продукт, *% от суммарного ВРП регионов РФ*								
Территория	Год							2023 к 1995, +/-
	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2023	
ЦФО	25,1	32,0	34,8	35,7	34,5	36,2	34,3	9,2
СЗФО	10,6	10,1	10,0	10,5	11,0	11,4	12,3	1,7
в т.ч. Европейский Север России	5,4	4,8	4,1	3,6	3,4	3,3	3,2	-2,2
ЮФО	8,2	5,7	5,2	6,2	7,1	7,2	7,0	-1,2
СКФО	0,0	1,8	2,0	2,4	2,6	2,5	2,3	2,3
ПФО	20,7	18,0	15,5	15,1	15,3	14,5	14,0	-6,7
УФО	14,7	15,1	17,1	13,6	13,8	12,3	14,7	0,0
СФО (в границах 1990 г.)	15,0	11,9	10,8	11,0	10,4	10,3	9,7	-5,3
ДФО (в границах 1990 г.)	5,7	5,4	4,6	5,5	5,3	5,6	5,7	0,0
3. Стоимость основных фондов отраслей экономики, *% от общей по РФ*								
Территория	Год							2023 к 1990, +/-
	1990	2001	2005	2010	2015	2020	2023	
ЦФО	22,4	25,0	27,7	32,9	31,1	35,2	35,1	12,7
СЗФО	11,5	10,2	10,0	9,8	10,8	12,8	12,8	1,3
в т.ч. Европейский Север России	5,2	5,0	4,8	4,7	5,0	4,0	3,8	-1,5
ЮФО	10,5	10,3	9,1	6,1	7,7	8,2	8,2	-2,4
СКФО	0,0	0,0	0,0	2,5	2,5	2,1	1,9	1,9
ПФО	20,9	20,4	18,0	15,9	14,3	14,4	13,7	-7,2
УФО	12,9	14,3	19,2	18,1	18,0	13,8	14,4	1,4
СФО (в границах 1990 г.)	14,4	13,2	10,7	10,8	9,8	8,1	8,3	-6,1
ДФО (в границах 1990 г.)	7,4	6,6	5,3	3,9	5,8	5,4	5,6	-1,8
4. Объем инвестиций в основной капитал, *% от общего по РФ*								
Территория	Год							2023 к 1990, +/-
	1990	2001	2005	2010	2015	2020	2023	
ЦФО	22,1	26,1	26,7	22,9	25,7	32,3	31,9	9,8
СЗФО	10,2	10,0	13,4	12,4	10,3	10,7	9,7	-0,5
в т.ч. Европейский Север России	5,1	4,3	5,4	3,7	4,0	4,0	2,6	-2,5
ЮФО	10,2	9,3	6,8	9,9	9,3	7,1	6,9	-3,3
СКФО	0,0	2,2	2,6	3,4	3,4	3,5	3,3	3,3
ПФО	19,2	17,7	16,9	15,7	17,7	13,9	14,2	-5,0
УФО	15,6	21,5	16,4	16,3	17,0	15,1	14,3	-1,3
СФО (в границах 1990 г.)	14,8	8,5	9,6	10,7	10,0	10,3	10,9	-3,9
ДФО (в границах 1990 г.)	7,8	4,6	7,7	8,6	6,5	7,2	8,8	1,0
* В 2018 году Республика Бурятия и Забайкальский край вошли в состав Дальневосточного федерального округа (ранее они были в составе Сибирского федерального округа).								

Источник: составлено автором с опорой на[515]

[515] Социально-экономическое пространство регионов Северо-Запада России: состояние и тенденции развития. 1990–2023 гг.: аналитический бюллетень. Вып. 1 / под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 139 с.

В то же время существенно возросла роль ЦФО: именно на его субъекты приходится 1/3 основных фондов, общего ВРП и инвестиций; здесь проживает более 1/4 населения страны. Кроме того, наблюдается некоторое повышение доли южных территорий (ЮФО и СКФО вместе взятых)[516] в показателе численности населения страны и общем ВРП, что в большей степени обусловлено вхождением в состав ЮФО в 2016 году Крымского федерального округа. Незначительное улучшение позиций ДВФО связано с вхождением в его состав в 2018 году Республики Бурятия и Забайкальского края[517].

Таким образом, наблюдается уплотнение национального социально-экономического пространства, достигаемое преимущественно за счёт снижения роли Севера и Востока в ключевых показателях развития страны[518].

Ключевая проблема пространственного развития Европейского Севера России – форсированная *периферизация* освоенного пространства[519]. В частности, в 1989–2023 гг. порядка 99% муниципальных образований региона (103 из 104 ед.) имели негативную динамику численности населения; при этом более чем в половине депопулирующих муниципалитетов за данный период снижение составило от 25 до 50%, что показано в таблице 6.

Одна из ключевых причин депопуляции – форсированный миграционный отток населения по линии «город – село», который сложился ещё в середине XX века и был связан не только с недостатком высокооплачиваемых рабочих мест, но и более низким качеством жизни на селе[520]. Это привело к демографическому

---

[516] Северо-Кавказский федеральный округ в 2010 году был выделен из состава Южного федерального округа на основании Указа Президента РФ от 19 января 2010 года № 82.
[517] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3. С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.
[518] Там же.
[519] При этом она идет более форсированными темпами, чем в южных регионах страны. См., напр.: Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138.
[520] Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. 1981. № 3. С. 42–52.

«опустыниванию» огромных территорий[521,522], существенному увеличению доли населения субъекта РФ, проживающего в административном центре (например, в 1989–2023 гг. у Сыктывкара она выросла с 18,7 до 32,3%).

Таблица 6 – Группировка муниципальных образований Европейского Севера России по динамике численности населения в 1989–2023 гг.

Численность населения, *% к уровню 1989 г.*	Количество муниципальных образований в группе, *ед. и % общего числа муниципальных образований ЕСР*	Субъект РФ и число муниципальных образований в группе
20,0–49,9	32 ед. (30,8%)	Архангельская область (11), Республика Карелия (8), Республика Коми (7), Мурманская область (6)
50,0–74,9	55 ед. (52,9%)	Вологодская область (21), Республика Коми (10), Архангельская область (10), Республика Карелия (7), Мурманская область (6), Ненецкий авт. округ (1)
75,0–99,9	16 ед. (15,4%)	Вологодская область (6), Республика Карелия (3), Республика Коми (3), Архангельская область (3), Ненецкий авт. округ (1)
Итого: снижение численности в 103 муниципальных образованиях (99,1% от общего числа)		
100,0–124,9	1 ед. (0,9%)	Вологодская область (1 – г. Вологда)
Итого: увеличение численности в 1 муниципальном образовании (0,9% от общего числа)		
Примечание: ввиду отсутствия в открытом доступе не учтены данные по 7 муниципальным образованиям (ГО Мирный ЗАТО и ГО Новая Земля Архангельской области; ГО Александровск ЗАТО, ГО пос. Видяево ЗАТО, ГО г. Заозерск ЗАТО, ГО г. Островной ЗАТО и МО г. Полярные Зори Мурманской области).		

Источник: составлено автором с опорой на[523]

Периферизация проявляется и в разрушении экономического базиса территорий, удалённых от крупных городов, ключевых центров добычи минерально-сырьевых ресурсов, о чем свидетельствует таблица 7.

[521] Ускова Т.В. Пространственные аспекты устойчивого развития региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 1 (64). С. 81–88. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-1-81-88.

[522] Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Trends in the Spatial Development of Regions in the Northwest of Russia in the 21st Century // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. Iss. 5. P. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15.

[523] Социально-экономическое пространство регионов Северо-Запада России: состояние и тенденции развития. 1990–2023 гг.: аналитический бюллетень. Вып. 1 / под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 139 с.

Таблица 7 – Доля муниципальных образований в объёме инвестиций в основной капитал субъекта РФ, %

Республика Карелия			Республика Коми			Вологодская область		
Муниципальное образование	1990	2023	Муниципальное образование	1995	2023	Муниципальное образование	1990	2023
Гор. округ г. Петрозаводск	29,2	53,1	Мун. округ Усинск	12,5	30,8	Гор. округ г. Череповец	26,7	41,9
Гор. округ г. Костомукша	7,2	16,4	Гор. округ Ухта	16,7	22,1	Гор. округ г. Вологда	16,0	27,7
…	…	…	…	…	…	…	…	…
Калевальский мун. район	1,2	0,3	Койгородский мун. район	0,3	0,4	Сямженский мун. округ	0,8	0,2
Пудожский мун. район	4,9	0,1	Троицко-Печорский мун. район	1,3	0,3	Усть-Кубинский мун. округ	1,1	0,1
Отношение max и min объёмов инвестиций в основной капитал на душу населения**,** *раз*								
Республика Карелия	3,1	91	Республика Коми	18,5	53,5	Вологодская область	7,2	55,5
Примечание: инвестиции в 2023 г. без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами. Ранжировано в порядке убывания доли муниципального образования в 2023 г.								

Источник: составлено автором по данным Росстата и его территориальных органов, а также по материалам работы[524]

В результате происходит концентрация инвестиционной, хозяйственной активности вокруг ограниченного числа центров экономического роста на фоне деградации потенциала остальных территорий, что является фактором, обусловливающим рост неоднородности социально-экономического пространства. В частности, в 1990–2023 гг. дифференциация муниципалитетов Республики Карелии по объёму инвестиции в основной капитал на душу выросла с 3,1 до 91 раза; в 1995–2023 гг. в Республике Коми рост составил с 18,5 до 53,5 раза, в Вологодской области в 1990–2023 гг. – с 7,2 до 55,5 раза. В результате можно говорить о нарастании не только сельской, но и городской периферии, к которой относится значительная часть малых и средних городов северных территорий.

Другой ключевой проблемой является снижение уровня жизни северян: если в 1994 г. отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников к величине прожиточного минимума в Вологодской области было 3,5 раза, Республике Коми – 2,9, а в среднем по России – 2,3 раза, то в 2023 г. во всех

[524] Там же.

субъектах ЕСР такое соотношение было ниже среднероссийского уровня, составлявшего 4,8 раза (Вологодская область – 3,7, Республика Коми – 4,1, Республика Карелия – 3,3 раза)[525,526]. О наличии социальных и экологических проблем развития территорий Европейского Севера России, входящих в Арктическую зону РФ, свидетельствуют и результаты крупного мониторингового исследования, проводимого экспертным центром ПОРА и кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова[527].

При этом следует согласиться с академиком РАН В. В. Окрепиловым и И. В. Коршуновым[528] в том, что в целом экономика СЗФО и входящих в состав макрорегиона субъектов Европейского Севера России в постсоветский период развивалась весьма инерционно: в производстве по-прежнему преобладают отрасли специализации с низкой добавленной стоимостью, ориентированные на экспорт; планируемые структурные сдвиги фактически не произошли.

Для территорий Европейского Севера России характерна низкая обеспеченность транспортной инфраструктурой, особенно автомобильными дорогами, которые на практике и обеспечивают транспортную связность глубинных территорий с основными центрами в зарубежных странах[529,530]. При этом особенно низкие инфраструктурная обеспеченность и качество автодорог характерны для сельских территорий. В частности, как свидетельствует рисунок

---

[525] Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.

[526] Социально-экономическое пространство регионов Северо-Запада России: состояние и тенденции развития. 1990–2023 гг.: аналитический бюллетень. Вып. 1 / под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 139 с.

[527] Полярный индекс. Регионы – 2025. URL: https://polarindex.ru/ratings/polar-index-regions/2025/ (дата обращения: 06.01.2026).

[528] Окрепилов В.В., Коршунов И.В. Достижение стратегических целей социально-экономического развития регионов СЗФО в контексте проблемы качества стратегического планирования // Проблемы прогнозирования. 2024. № 6 (207). С. 128–138. DOI: 10.47711/0868-6351-207-128-138.

[529] Транспортная связность Европейского Севера России: оценка и инструменты обеспечения: монография / Т.В. Ускова, С.А. Кожевников, С.С. Патракова, И.А. Секушина, Н.В. Ворошилов; под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН, 2025. 174 с. (Проблемы эффективности государственного управления). ISBN 978-5-93299-624-9.

[530] Kozhevnikov S. Spatial development of the Russian European North in the post-soviet period // Regional Science Inquiry. 2020. Vol. 12. Iss.1. P. 229–244. EDN: PWDDVJ.

16, в 2023 г. около 1/2 сельских населённых пунктов Архангельской области не имели связи по дорогам с твёрдым покрытием с сетью дорог общего пользования; в Республике Коми и Вологодской области – почти 1/3[531,532].

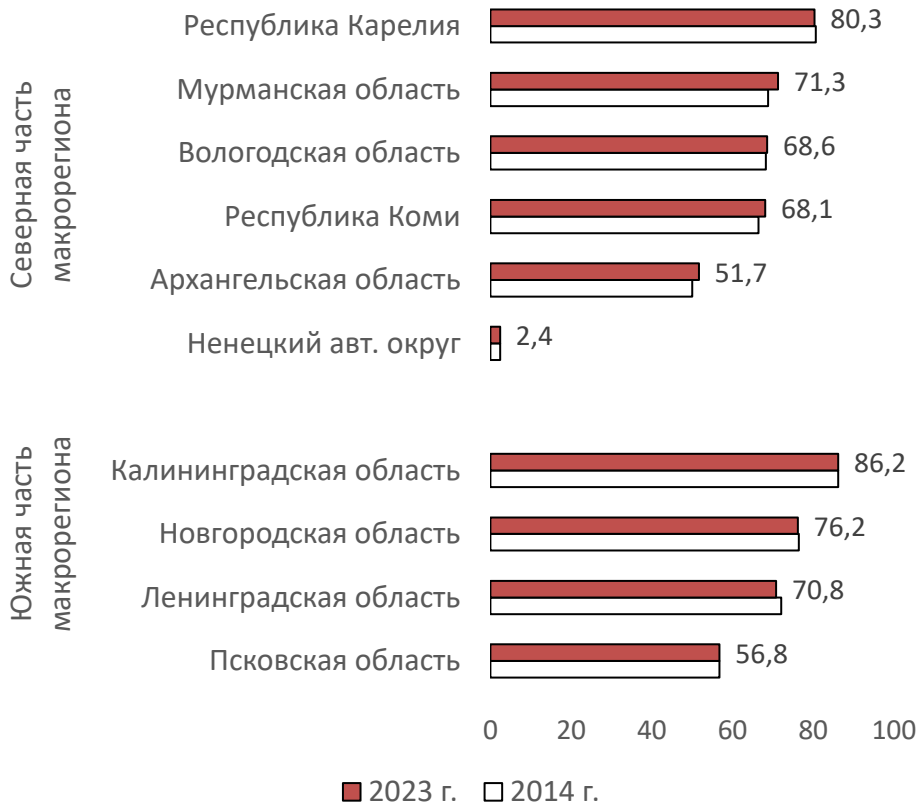

Рисунок 16 – Доля сельских населённых пунктов, имеющих связь с сетью дорог общего пользования по дорогам с твёрдым покрытием*, %

* В состав северной части СЗФО входят субъекты Европейского Севера России, южной – остальные субъекты макрорегиона.

Источник:[533]

Вместе с тем необходимость обеспечения устойчивого развития северных территорий актуализирует задачу поиска путей консолидации их потенциала как для решения собственных проблем развития (производственных, социальных, инфраструктурных, экологических), так и реализации мероприятий и проектов

[531] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[532] Шабунова А.А., Кожевников С.А. Социально-экономическое пространство СЗФО: проблемы и приоритеты обеспечения связности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. № 6. С. 49–68. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-49-68.

[533] Социально-экономическое пространство регионов Северо-Запада России: состояние и тенденции развития. 1990–2023 гг.: аналитический бюллетень. Вып. 1 / под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 139 с.

национального и макрорегионального масштаба (мегапроекта по «переосвоению» Арктики[534,535], проектов, имеющих важное значение для всего СЗФО)[536]. Как справедливо отмечает член-корреспондент РАН В. Н. Лаженцев, важной является консолидация (в т.ч. в меридиональном направлении) потенциала северных территорий в сфере науки и технологий (развитие методов строительства на мёрзлых грунтах, разработка техники в северном исполнении; ведение северного промыслового, сельского и парникового хозяйства и др.)[537]; в вопросах рационального природопользования и охраны окружающей среды (оптимизация поголовья оленей, обустройство прибрежной полосы и защита вод Белого моря и др.); инфраструктурного развития (реализация сопряжённых проектов в транспортно-логистической сфере Арктики[538], реанимация речного хозяйства, развитие сетевой инфраструктуры и др.); совместного лесоустройства[539].

Некоторая часть этих вопросов нашла закрепление в соглашениях и договорах о межрегиональном сотрудничестве субъектов Европейского Севера России[540], однако на практике они реализуются недостаточно эффективно (этот аспект более подробно рассмотрен в п. 3.2 диссертации).

---

[534] Kozhevnikov S.A. Problems of the European North of Russia and the Possibilities of Its Participation in the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. Iss. 1. P. 87-107. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.5.

[535] Кузнецов С.В., Горин Е.А. Использование научно-промышленного потенциала в Санкт-Петербурге в остановке социально-экономического развития арктических территорий // Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки зрения экономического роста: труды V междунар. научн. конф., г. Санкт-Петербург, 07–08 ноября 2019 года. 2019. С. 507–513.

[536] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[537] Лаженцев В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (на примере Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 48–56. DOI: 10.1134/S1075700720030107.

[538] Фадеев А.М. Обеспечение производства в Арктике: стратегический взгляд // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 1. С. 15–27. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-15-27.

[539] Лаженцев В.Н. Арктика и Север в контексте пространственного развития России // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 3. С. 737–754. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021–3-2.

[540] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

Оценка пространственной интеграции Европейского Севера России

С учётом обоснованного в п. 2.2 диссертации инструментария проведём оценку пространственной интеграции Европейского Севера России.

0 этап (предварительный). *Оценка наличия предпосылок пространственной интеграции.*

Ключевыми предпосылками активизации интеграционных процессов в пространстве Европейского Севера России и дальнейшего его развития как региональной социально-экономической системы являются географическая близость и соседство входящих в его состав субъектов РФ; сопоставимость уровней их развития по ключевым социально-экономическим показателям. Кроме того, данные территории имеют общую транспортную, энергетическую и иную инфраструктуру, характеризуются схожестью проблем в развитии, требующих совместного решения; наличием традиционных исторических, социокультурных связей, что позволяет рассматривать их как единый историко-культурный регион (Русский Север)[541,542].

Потенциал активизации интеграционных процессов в пространстве Европейского Севера России кроется в существующих кооперационных связях территорий, сложившихся в период СССР при проектировании и развитии крупных территориально-производственных комплексов (Северная угольно-металлургическая база, Тимано-Печорский, Кольско-Карельский ТПК), деятельность которых была направлена на эффективное использование природных и материальных ресурсов для нужд советской экономики[543].

---

[541] Данные территории имеют более чем тысячелетнюю богатую и общую историю заселения и хозяйственного освоения. В научной литературе, прежде всего по культурологии и истории, его называют также Русским Севером, поскольку именно здесь располагалась Новгородская земля – центр образования Древнерусского государства.

[542] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[543] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-1.

Именно эти связи в определённой степени сохранились и на современном этапе развития, о чем свидетельствуют данные рисунка 17. Так, в Вологодскую область направляется почти треть продукции, вывозимой из Республики Коми в другие субъекты РФ (каменный уголь, продукты нефтепереработки и др.); из Мурманской области – 60% (железная руда и др.)[544].

В структуре вывоза продукции из Республики Коми первое место по доле занимают субъекты ЕСР (в целом на них приходится 53,7% общего товаропотока). На территорию Мурманской области больше ¼ объёма продукции поступает с территории ЕСР и субъектов СЗФО: наиболее тесные связи сложились с Санкт-Петербургом, Республикой Коми, Архангельской и Ленинградской областями. В этих кооперационных взаимосвязях прослеживаются технологические цепочки ПАО «Северсталь», ПАО «ФосАгро» и других крупных хозяйствующих субъектов, подразделения которых располагаются в разных субъектах Европейского Севера России[545].

При этом все же более тесные связи у северных территорий в системе национального разделения труда сложились с субъектами СЗФО. При этом основными категориями продуктов, которые вывозятся за пределы Европейского Севера на территорию макрорегиона и в более южные регионы страны, является продукция минерально-сырьевого комплекса и переработки природных ресурсов: Республика Карелия (щебень и гравий, древесина деловая, бумага и др.), Республика Коми (уголь и продукты его переработки, деловая древесина, пиломатериалы, нерудные строительные материалы и др.), Мурманская область (щебень и гравий, рыба, рыбные консервы и др.), Вологодская область (прокат чёрных металлов, стальные трубы, минеральные удобрения, деловая древесина, жидкое и сухое молоко, рыбные консервы, мясо, включая мясо птицы и дичи; колбасные изделия, кондитерские изделия; мука, комбикорма и др.).

[544] Там же
[545] Там же.

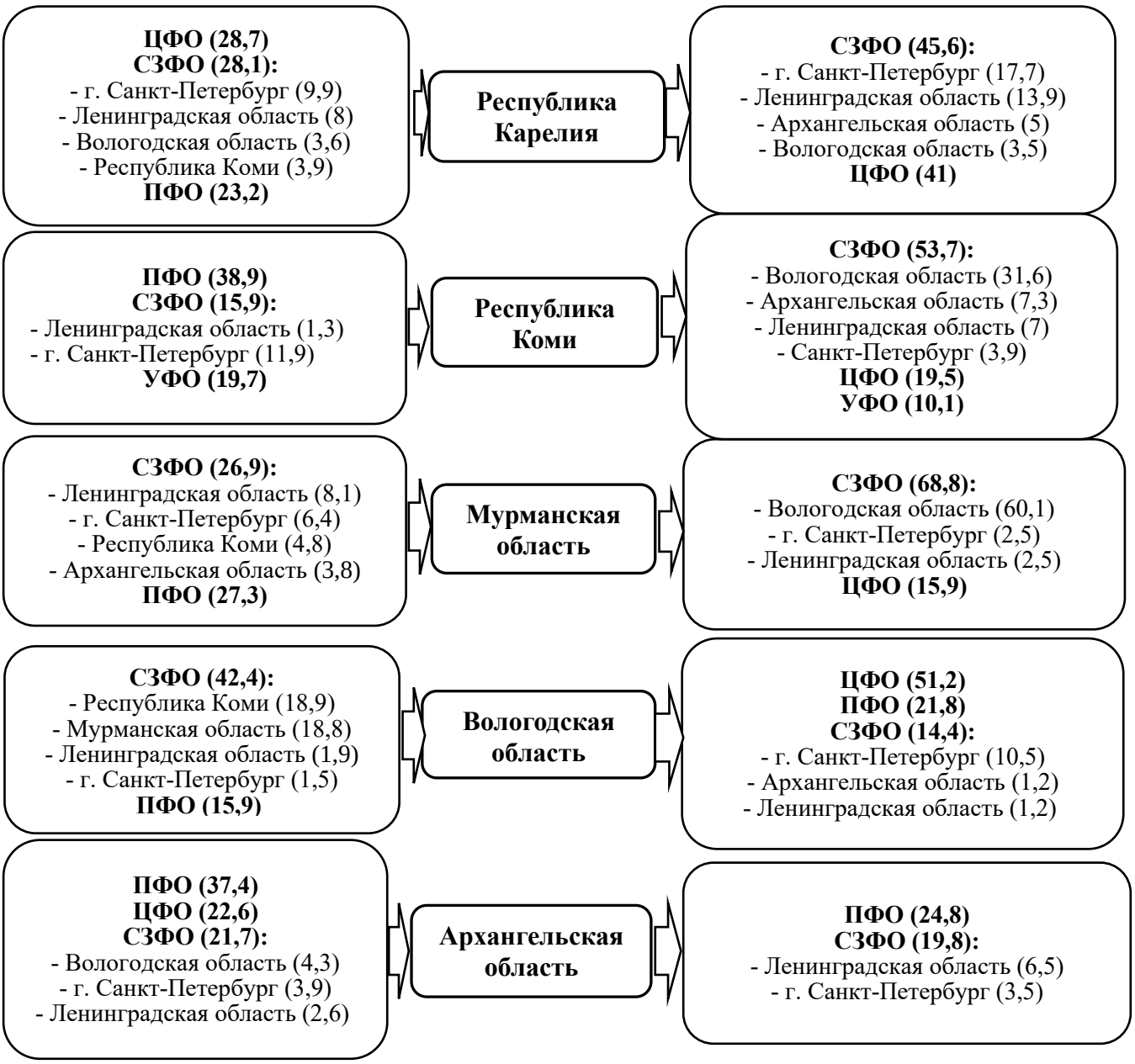

Рисунок 17 – Основные потоки межрегионального ввоза-вывоза товаров (без учёта экспорта), % их общего объёма в стоимостном выражении

Источник: рассчитано автором[546] по данным о межрегиональном ввозе-вывозе товаров, полученным из запроса в Росстат

В свою очередь на территорию Европейского Севера из более южных субъектов СЗФО (г. Санкт-Петербург, Ленинградская область), а также других регионов РФ завозятся продовольствие и товары более высоких технологических переделов (продукция черной металлургии и машиностроения: стальные трубы,

[546] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-1.

пассажирские и грузовые автомобили, грузовые вагоны, воздушные и газовые приводные компрессоры, бульдозеры, медтехника), нефтехимии (лакокрасочные материалы, автомобильные шины, синтетические средства), мебель[547]. Таким образом, в системе национального разделения труда ЕСР продолжает играть роль поставщика сырьевых ресурсов, как это было и в эпоху СССР[548].

На снижение внутренней интегрированности Европейского Севера России существенно повлияла переориентация товарных потоков на внешние рынки в ходе либерализации торговли в 1990-е гг. и активизация экспортной деятельности регионов Севера за последние 20 лет, встраивание их в глобальное разделение труда[549]. В частности, до 2022 г. экспортировалось порядка 70–75% продукции, произведённой в Карелии, 50–55% – в Мурманской области, 40% – Коми (преимущественно в страны Европы)[550]. После введения санкций по отношению к России со стороны стран коллективного Запада в экспортной деятельности субъектов Европейского Севера России произошёл существенный «поворот на восток», который выразился в резком повышении роли Китая, Турции, Ирана и других азиатских и восточных стран как ключевых партнёров во внешней торговле на фоне практически полной остановки торгово-экономических отношений со странами Европейского союза[551]. Например, только в 2022 г. доля Китая в общем объёме экспорта из Республики Карелии выросла с 8 до 18%, Индии и Турции – в

---

[547] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

[548] Там же.

[549] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-1.

[550] Ильин В.А., Кожевников С.А. Связность пространства Севера России как один из ключевых приоритетов обеспечения национальной безопасности в условиях геополитических трансформаций // II Лавёровские чтения. Арктика: актуальные проблемы и вызовы: сборник научных материалов Всероссийской конференции с международным участием, Архангельск, 13–17 ноября 2023 года. Архангельск: ООО «Типография № 2», 2023. С. 668–673.

[551] Kozhevnikov S.A. Spatial integration of the economy: theoretical concepts and problems of implementation at the regional level // Regional Research of Russia. 2023. Vol. 13. No. 3. P. 386–396. DOI: 10.1134/s2079970523700818.

2 раза[552]. Аналогичные трансформационные процессы произошли и в других субъектах Европейского Севера России. В частности, согласно данным Министерства природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Архангельской области, с 2022 г. фактически остановилась отгрузка продукции ЛПК региона в страны ЕС, Великобританию и США; при этом доля экспорта продукции в дружественные для России государства за год увеличилась почти в 2,5 раза, превысив 90% общего объёма экспорта данной отрасли (доля стран Африки, Азии и ближнего зарубежья только в 2022 г. увеличилась с 7 до 50%, Китая – с 20 до 43%)[553]. Однако сохранившиеся внутренние связи территорий Европейского Севера России на фоне повышенных логистических издержек в экспорте на восточные рынки являются предпосылкой для развития российского внутреннего рынка, пространственной интеграции северных субъектов как между собой, так и с южными территориями страны (в т.ч. в пределах СЗФО).

Субъекты Европейского Севера России связаны также устойчивыми миграционными потоками населения. Наиболее тесные и равноценные связи сложились, как свидетельствуют данные таблицы 8, между Вологодской, Архангельской областями и Республикой Коми, т.е. в границах Двино-Печорского субрегиона, между Республикой Карелией и Мурманской областью – в границах Карело-Кольского субрегиона. При этом у большинства субъектов Европейского Севера миграционный обмен в 2023 году был относительно равноценным (за исключением Республики Коми, что обусловлено влиянием Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга, а также сложившейся тенденцией миграции населения в более южные регионы).

[552] Рост экспорта, бум в туризме, развитие Арктики. Как пережила экономика Карелии трудный 2022-й // Официальный сайт Фонда развития промышленности Республики Карелия. URL: https://karelia.news/analitika/10081009/rost-yeksporta-bum-v-turizme-razvitie-arktiki-kak-perezhila-yekonomika-karelii-trudnyy-2022-y/ (дата обращения: 12.04.2024).

[553] Архангельский ЛПК резко увеличил экспорт продукции в страны Африки и Азии // Правда Севера. URL: https://pravdasevera.ru/2023/01/16/63c51c27d1d3f53209491202.html (дата обращения: 14.04.2025).

Таблица 8 – Показатели межрегиональной связности по миграции населения субъектов Европейского Севера России в 2023 году

Регион входа *(j)*	КРМС парный, *промилле*	КИМС (выбытия), *ед.*	МИПС оборота, *раз*
Вологодская область (регион i выхода)			
Архангельская область	937,75	1,66	1,78
Мурманская область	913,21	1,02	0,85
Республика Карелия	1062,89	0,45	0,36
Республика Коми	869,26	0,48	0,98
Архангельская область (регион i выхода)			
Вологодская область	1072,93	1,32	1,64
Мурманская область	1077,57	1,28	0,98
Республика Карелия	1278,57	0,36	0,27
Республика Коми	932,60	0,77	1,50
Мурманская область (регион i выхода)			
Архангельская область	938,96	1,07	1,05
Вологодская область	1095,03	0,73	0,84
Республика Карелия	1085,94	2,28	1,68
Республика Коми	865,59	0,33	0,61
Республика Карелия (регион i выхода)			
Архангельская область	769,23	0,45	0,30
Вологодская область	940,83	0,50	0,38
Мурманская область	920,86	3,75	1,78
Республика Коми	0,00	0,00	2,90
Республика Коми (регион i выхода)			
Архангельская область	1214,84	1,76	1,93
Вологодская область	1150,41	0,79	1,11
Мурманская область	1155,28	0,81	0,70
Республика Карелия	1680,00	0,22	0,17

1) *Коэффициенты результативности миграционных связей (КРМС):* частное от деления численности выбывших из региона *i* в регион *j* на численность прибывших в обратном направлении, в промилле. Выявляет степень неравномерности парного обмена населением: КРМС ниже 800‰ – регион i активно получает население, выше 1250‰ – активно теряет (границы равноценности – 800–1250‰).

2) *Коэффициенты интенсивности миграционных связей (КИМС):* отношение парного объёма выбытий в итоговом объёме выбытий i-го региона к миграционной ёмкости этого региона во всей активной среде массива. Свидетельствует о тесноте миграционных связей между регионами: чем выше значение КИМС, тем сильнее связь, чем ближе к нулю – тем слабее.

3) *Миграционные индексы пространственной структуры оборота (МИПС):* позволяют определять тесноту миграционных связей между территориями, но в отличие от КИМС не только по ряду миграционных партнёров региона, но и по всему массиву парных миграционных связей. МИПС свидетельствует о том, во сколько раз теснота связи между двумя регионами выше средней арифметической взвешенной по всему массиву межрегиональных миграционных связей.

Коэффициенты рассчитывались и интерпретировались с опорой на теоретико-методологические основы, разработанные О.Л. Рыбаковским[554,555].

Источник: рассчитано автором по данным Росстата

[554] Петренко К.В., Рыбаковский О.Л. Межрегиональные миграционные связи населения и трудовых ресурсов Тюменской области // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 16–23. EDN: RXBZRL.

[555] Рыбаковский О.Л. Методические вопросы анализа межрегиональных миграций // Народонаселение. 2008. № 1. С. 53–61. EDN: ILJDRB.

В целом по сравнению с 2018 годом миграционные потоки в социально-экономическом пространстве Европейского Севера России стали более сбалансированными[556]. Таким образом, по результатам анализа следует, что Европейский Север России имеет предпосылки для обеспечения пространственной интеграции на внутри- и макрорегиональном уровнях.

I этап. *Оценка пространственной интеграции на товарных и факторных рынках на основе закона единой цены.*

Наличие интеграции на рынках является одним из ключевых условий углубления пространственной интеграции Европейского Севера России. Для её оценки был использован инструментарий, базирующийся на выполнении *закона единой цены* в его мягкой форме. Он исходит из положения о том, что в интегрированной экономике рост спроса на территории вызывает увеличение здесь уровня цен на товары и их предложения за счёт ввоза из других областей. Это приведёт к снижению цен в данной местности, а за счёт эффекта пространственного арбитража обеспечит рост цен на товары на территориях, где они изначально были ниже[557].

Представленные ниже расчёты уровня интеграции рынков Европейского Севера России (на примере рынка продуктов питания) базируются на выявлении зависимости между разбросом уровней цен на товары и уровней доходов населения в субъектах РФ на основе модели следующего вида:

$$\ln(P_{at}/P_{средт}) = \alpha_{+} \beta_t \ln(I_{at}/I_{средт}) + \varepsilon, \quad (1)$$

где a – субъект РФ;

P_{at} – стоимость условного набора продуктов питания в субъекте a в момент времени t;

---

[556] Кожевников С.А., Патракова С.С. Интеграционные процессы на Европейском Севере в ракурсе межрегиональных миграций населения // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 134–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9.

[557] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

$P_{средt}$ – средняя стоимость условного набора продуктов питания по группе оцениваемых субъектов РФ в момент времени *t*;

I_{at} – среднедушевые денежные доходы населения в субъекте *a* в момент времени *t;*

$I_{средt}$ – среднедушевые денежные доходы населения по группе оцениваемых субъектов РФ в момент времени *t*;

β_t – коэффициент, характеризующий зависимость разброса уровней цен условного набора продуктов питания от разброса уровней среднедушевых денежных доходов населения по группе оцениваемых субъектов РФ в момент времени *t* (*количественная оценка уровня интеграции рынков*);

α – свободный член модели;

ε – случайная ошибка регрессии.

Отсутствие зависимости разброса уровней цен условного набора продуктов питания от разброса уровней среднедушевых денежных доходов населения по группе оцениваемых субъектов РФ является свидетельством пространственной интеграции товарных рынков ($\beta_t = 0$). Если же такая зависимость имеет место быть, то можно говорить о наличии ограничений различной природы для углубления интеграционных процессов.

Исходными данными для анализа послужили временные ряды уровней цен, измеряемых через стоимость условного (минимального) набора продуктов питания, и доходов (среднедушевые денежные доходы населения) по субъектам Европейского Севера России в период с января 2009 по декабрь 2023 года с месячным шагом. Как свидетельствуют результаты, значения показателя уровня интеграции (β_t) за эти периоды статистически достоверны.

Динамика среднегодового уровня интеграции рынков продуктов питания Европейского Севера России (β_t) в 2009–2023 гг., полученная как среднее арифметическое по месяцам в пределах года, представлена на рисунке 18. Если в 2009–2015 гг. наблюдалась положительная тенденция к повышению уровня интегрированности рынков, то с 2016 г. активизировались дезинтеграционные

процессы. Ограничительные меры 2020 г. также негативно повлияли на уровень интеграции регионов. Вместе с тем в 2021–2023 гг. в связи с усилением внешнего санкционного давления и в определённой мере с разворотом экономики не только «на восток», но и на внутренний рынок произошло повышение уровня интегрированности товарных рынков Европейского Севера России. Однако, несмотря на в целом позитивный тренд, в исследуемый период значение β_t по-прежнему достаточно высокое (находится на уровне начала 2000-х гг.), что свидетельствует о наличии ограничений развития пространственной интеграции[558].

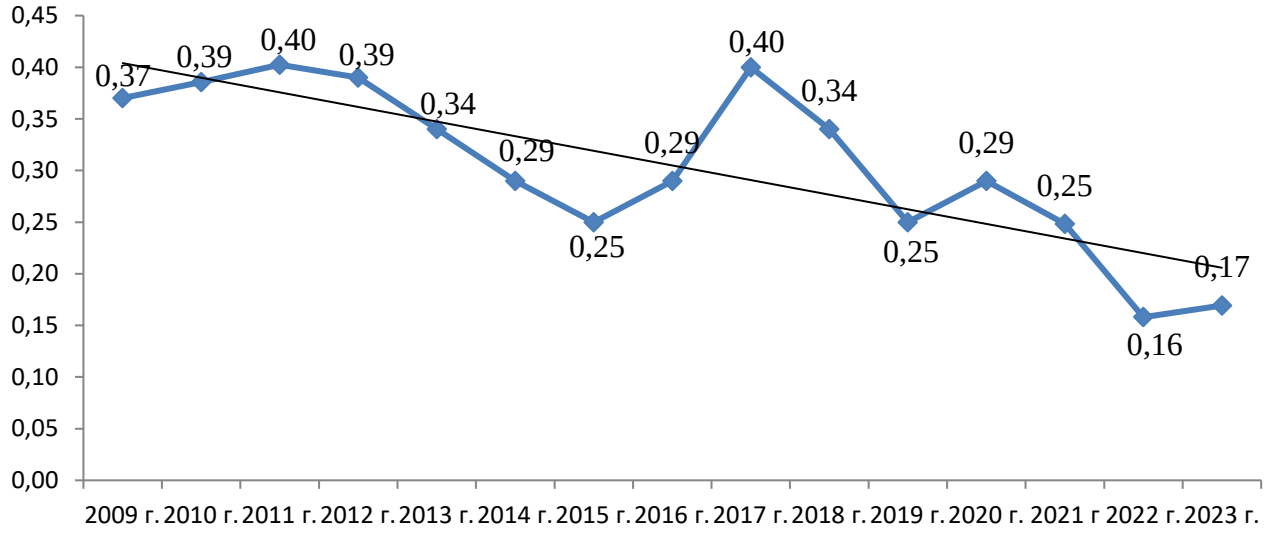

Рисунок 18 – Динамика уровня интеграции рынков продуктов питания Европейского Севера России

Источник: расчёты автора по данным ЕМИСС

Закон единой цены можно применять и для анализа уровня *интеграции рынков факторов производства* (например, труда). Под интеграцией здесь понимается состояние свободного перетока трудовых ресурсов, обеспечивающего сбалансированность рынка с точки зрения спроса и предложения. При этом однородность рынка оценивается вариацией показателей уровня безработицы и напряжённости на рынке труда.

Рассчитанные и представленные в таблице 9 коэффициенты вариации по уровню безработицы свидетельствуют об относительной однородности рынка

[558] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

труда субъектов Европейского Севера России (пороговое значение коэффициента – 33,3%). Вместе с тем текущий подход к расчёту показателя безработицы не позволяет дать объективную оценку ситуации. Несмотря на снижение в 1992–2023 гг. крайне высокого уровня неоднородности по показателю напряжённости на рынке труда, его текущее значение (41%) по-прежнему свидетельствует о низком уровне интегрированности, которую не могут обеспечить и миграционные потоки внутри региона.

Таблица 9 – Коэффициенты вариации уровня безработицы и напряжённости на рынке труда Европейского Севера России

Общий показатель	Год		
	1992	2020	2023
Уровень общей безработицы по методологии МОТ	23,8**	19,3	25,4
Напряжённость на рынке труда*	91,6	46,8	41,0
* Рассчитывается как отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ) к среднегодовому числу вакансий, сообщённых работодателями в органы службы занятости населения. ** Рассчитано автором по данным за 1993 год.			

Таким образом, проведённая оценка интеграции на товарных рынках (на примере продуктов питания) и факторов производства (труда) Европейского Севера России свидетельствует о том, что сложилась тенденция к повышению уровня их интегрированности. Однако оценить все рынки ввиду отсутствия полной информации проблематично, поэтому целесообразным видится переход к оценке интеграции на основе метода «передачи шоков», что позволит выявить наличие различных связей субъектов Европейского Севера России, которые не поддаются прямой оценке с позиции «потокового» подхода; оценить степень их взаимовлияния в различных сферах.

II этап. *Оценка взаимовлияния субъектов Европейского Севера России на основе использования метода оценки «передачи шоков», что позволит оценить интеграционные процессы в других сферах многомерного социально-экономического пространства.*

Метод «передачи шоков» позволяет выявить наличие или отсутствие различных социально-экономических связей между территориями, которые не поддаются прямой оценке с позиции «потокового» подхода ввиду отсутствия

общедоступной и сопоставимой на длинном динамическом периоде информации для анализа. В то же время он дает возможность оценить степень взаимовлияния интегрирующихся территорий в различных сферах.

Для оценки степени передачи шоков был использован метод *корреляционного анализа темпов изменения* ряда ключевых показателей развития Европейского Севера России: ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал на одного жителя, бюджетные доходы на душу населения, среднедушевые денежные доходы населения, уровень безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ). Такой переход к первым разностям переменных способствует лучшему «улавливанию» передачи пульсаций развития социально-экономических систем и в то же время позволяет избежать ложных зависимостей[559]. Иными словами, наличие синхронизации темпов развития позволяет выявить взаимосвязанные территории, которые имеют предпосылки для углубления интеграционных процессов. Результаты расчётов представлены в таблице 10.

В целях получения обобщённых оценок для каждого субъекта РФ была рассчитана интегральная связность с другими субъектами. За основу оценки взята шкала Чеддока: коэффициенту парной корреляции 0–0,29 было присвоено 0 баллов; 0,3–0,7 – 0,5 балла; 0,71 и выше – 1 балл. В результате для всех субъектов были получены обобщающие оценки: Вологодская область – 11 баллов (из 20 возможных); Республика Карелия – 10 баллов, Республика Коми – 9,5 балла, Архангельская область – 9,5 балла, Мурманская область – 9,5 балла.

При этом наиболее сильные связи возникли между субъектами Двино-Печорского субрегиона («Архангельская область – Вологодская область – Республика Коми»), а также по линии «Вологодская область – Мурманская область», «Республика Карелия – Вологодская область».

[559] Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Цирель С.В. Циклы развития современной Мир-Системы. М.: Либроком», 2011. 248 с. ISBN 978-5-397-02108-1.

Таблица 10 – Коэффициенты парной корреляции темпов изменения показателей развития субъектов Европейского Севера России в 2000–2023 гг.

Показатель	Коэффициент парной корреляции
1. ВРП на душу населения	Республика Коми – Архангельская область (0,721); Вологодская область – Мурманская область (0,712); Республика Карелия – Республика Коми (0,685); Вологодская область – Архангельская область (0,686)
2. Инвестиции в основной капитал на душу населения	Республика Карелия – Вологодская область (0,548); Мурманская область – Республика Карелия (0,533)
3. Бюджетные доходы на душу населения	Республика Карелия – Республика Коми (0,634); Вологодская область – Республика Карелия (0,586); Вологодская область – Республика Коми (0,578); Мурманская область – Вологодская область (0,563)
4. Среднедушевые доходы населения	Республика Коми – Архангельская область (0,903); Республика Карелия – Архангельская область (0,845); Республика Карелия – Вологодская область (0,826); Республика Коми – Вологодская область (0,803); Архангельская область – Вологодская область (0,796); Республика Карелия – Республика Коми (0,792); Архангельская область – Мурманская область (0,708); Республика Карелия – Мурманская область (0,706)
5. Уровень безработицы (по методологии МОТ)	Вологодская область – Мурманская область (0,757); Республика Коми – Вологодская область (0,549)

Источник: расчёты автора по данным Росстата

III этап. *Оценка σ-конвергенции/дивергенции субъектов Европейского Севера России с точки зрения обеспечения сближения и «сращивания» их пространственных систем*.

Наличие связей является обязательным, но недостаточным условием для идентификации интеграционных процессов. Такого рода связи в динамике должны приводить к сближению (конвергенции) и «сращиванию» пространства интегрирующихся территорий. Только в этом случае можно говорить об углублении интеграционных процессов.

Для анализа направленности тенденций развития субъектов Европейского Севера России в 2000–2023 гг. были рассчитаны коэффициенты их *σ-конвергенции*, представленные в таблице 11. В результате можно сделать вывод о том, что отмечается высокая и увеличивающаяся неоднородность территорий по экономическим показателям (например, инвестициям в основной капитал на душу населения, ВРП на душу населения; по 3 из 5 показателей с 2015 г. она

усиливалась). В то же время произошло снижение дифференциации территорий по среднедушевым денежным доходам населения, что авторами подтверждается на материалах Мурманской области в ретроспективе и для внутрирегионального уровня[560].

Таблица 11 – Коэффициенты σ-конвергенции регионов Европейского Севера России в 2000–2023 гг., %

Показатель	2000	2005	2010	2015	2021	2022	2023	2023 к 2000, +/-	2023 к 2015, +/-
ВРП на душу населения	15,2	15,2	25,5	20,2	25,9	29,9	26,2	+11,0	+6,0
Уровень безработицы (по методологии МОТ)	15,1	29,0	12,7	10,4	14,1	20,9	22,7	+7,6	+12,3
Среднедушевые денежные доходы населения	22,9	22,6	19,3	12,7	14,1	13,1	13,7	-9,2	+1,0
Инвестиции в основной капитал на одного жителя	38,0	32,2	43,8	43,5	42,9	43,7	42,4	+4,4	-1,1
Бюджетные доходы на душу населения	15,3	12,1	17,6	22,2	18,6	15,6	18,1	+2,8	-4,1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и использованы материалы работы[561]

Вместе с тем сохраняющаяся высокая неоднородность и поляризация пространства на внутрирегиональном уровне по экономическим показателям была убедительно показана О.В. Толстогузовым и коллегами на материалах арктических районов Республики Карелия[562]. Это обусловливает необходимость поиска новой модели развития данных территорий с опорой на раскрытие эндогенного потенциала и повышение эффективности коммуникаций стейкхолдеров.

Таким образом, общим вектором является высокая и усиливающаяся неоднородность социально-экономического пространства Европейского Севера

[560] Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Феномен неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области: специфика, тенденции, прогноз, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 66–82. DOI: 10.15838/ esc/2017.5.53.5.

[561] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[562] Риски глобальной трансформации арктического пространства Республики Карелия: [коллективная монография] / О. В. Толстогузов, Г. В. Гиенко, Л. В. Комарова [и др.]; под научной редакцией О. В. Толстогузова, Г. В. Гиенко. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2025. 74 с. ISBN: 978-5-8021-4256-1.

России, что не позволяет идентифицировать наличие в нем интеграционных процессов, несмотря на связность входящих в его состав субъектов РФ. При этом территории Двино-Печорского субрегиона (Архангельская, Вологодская области, Республика Коми) характеризуются не только взаимовлиянием, но и конвергенцией, как это представлено на рисунке 19, что свидетельствует о развитии интеграционных процессов в пространстве субрегиона.

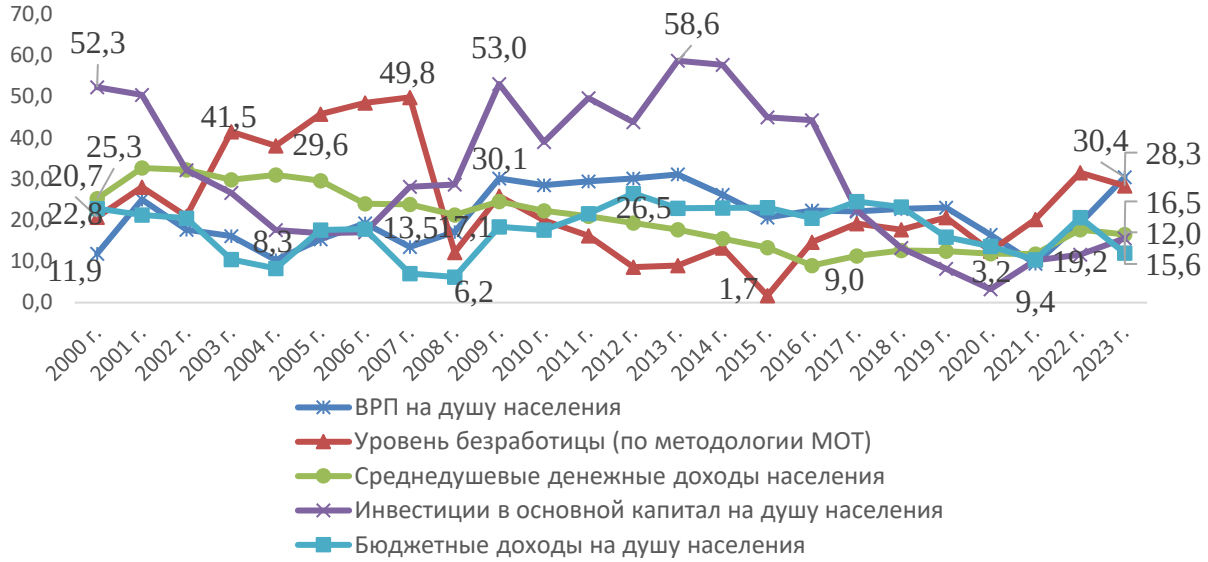

Рисунок 19 – Коэффициенты σ-конвергенции субъектов Двино-Печорского субрегиона в 2000–2023 гг.
Источник: расчёты автора по данным Росстата

IV этап. *Оценка институциональной интеграции.*

Поскольку по природе интеграция представляет собой управляемую кооперацию на общем поле хозяйственной деятельности, то важной является оценка наличия институционального обеспечения для развития данных процессов, сформировавшегося «сверху» или «снизу». Именно это позволяет расширять и углублять интеграцию во всех сферах социально-экономического пространства.

Вместе с тем сложившаяся в России система стратегического и тактического управления социально-экономическим развитием фактически представлена двумя уровнями: федеральным и региональным[563]. На региональном уровне система

[563] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

управления построена по административно-территориальному принципу (т.е. в границах субъектов РФ), что ограничивает возможность использования инструментов обеспечения скоординированного развития нескольких субъектов РФ, практической реализации межрегиональных проектов[564]. При этом потенциал существующих институтов обеспечения межрегионального сотрудничества, обозначенных на рисунке 20, также весьма ограничен.

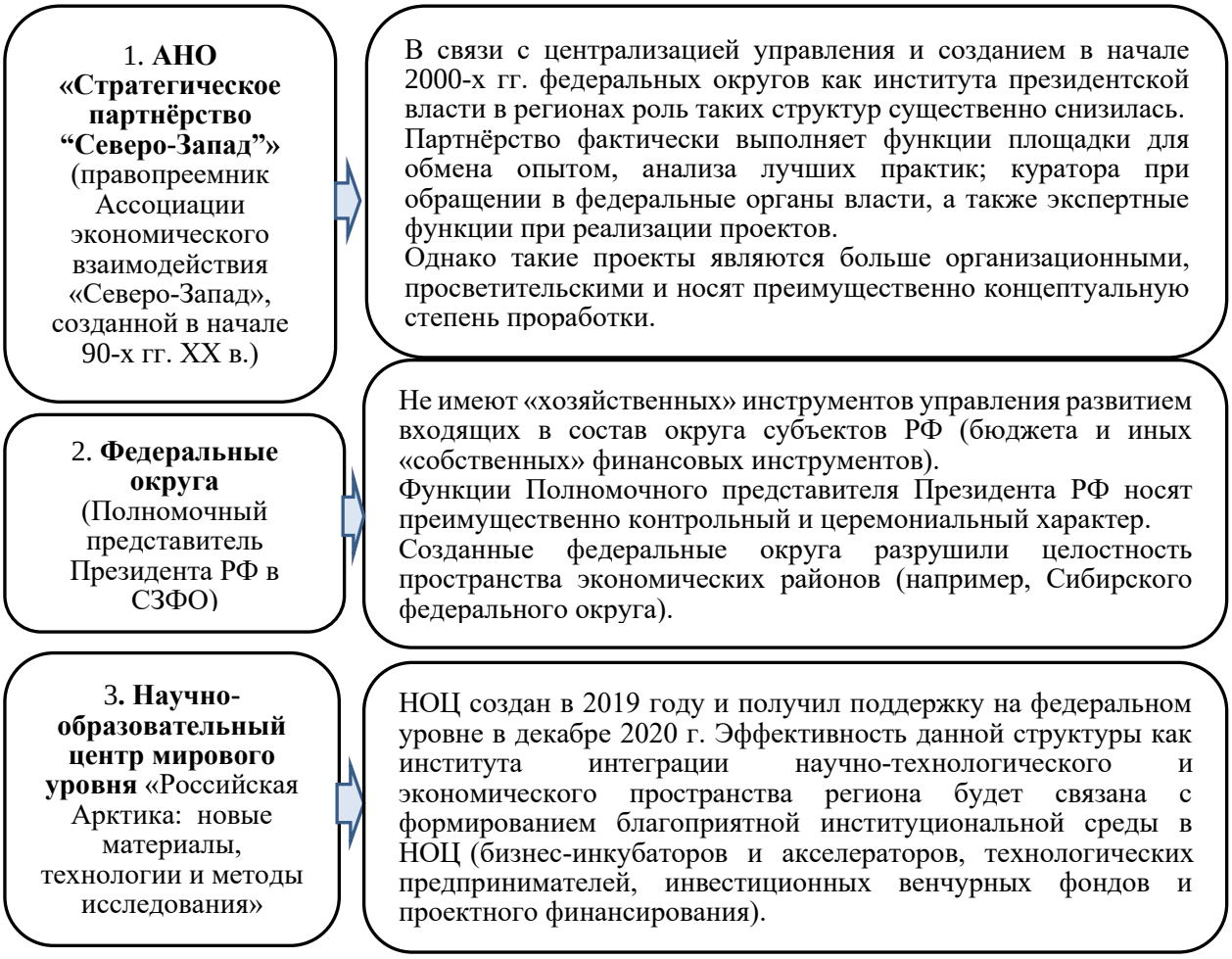

Рисунок 20 – Институты стратегического управления пространственной интеграцией Европейского Севера России

Источник: составлено автором с опорой на[565,566,567]

---

[564] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[565] Там же.

[566] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[567] Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7.

Так, субъекты Европейского Севера России ещё в 90-х гг. XX в. вошли в состав ассоциации экономического взаимодействия «Северо-Запад» (её правопреемник – АНО «Стратегическое партнёрство “Северо-Запад”», находится на стадии ликвидации)[568,569]. Однако, как отмечают Е. М. Бухвальд и О. Н. Валентик, с самого начала законодательством не было закреплено за ассоциациями управленческих функций, что на практике ограничивало возможности проведения ими единой социально-экономической политики по развитию Европейского Севера России[570]. Причём в начале 2000-х годов роль таких ассоциаций существенно снизилась в связи с централизацией управления и созданием федеральных округов как института президентской власти в регионах.

Анализ проектов, которые реализовывались при участии Стратегического партнёрства «Северо-Запад», свидетельствует о том, что его деятельность фактически заключается в выполнении роли площадки для обмена опытом, анализа лучших практик и дискуссии в целях согласования позиций и политики субъектов РФ по данным вопросам; функции куратора, представителя при обращении в федеральные органы власти, а также в осуществлении экспертной функции в ходе реализации проектов, которые носили концептуальную степень проработки[571,572].

Вместе с тем пространственной интеграции на Европейском Севере России должны способствовать разработка и реализация конкретных инвестиционных проектов межрегионального значения в производственной сфере, имеющих

---

[568] Федеральный закон от 17.12.1999 № 211-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25312/ (дата обращения: 31.05.2024).

[569] Официальный сайт АНО «Стратегическое партнёрство “Северо-Запад”». URL: https://vk.com/partnerstvo.szfo (дата обращения: 31.05.2024).

[570] Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Макрорегионы как новация стратегирования пространственного развития экономики России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 1. С. 18–28. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.1.2.

[571] Кожевников С.А. Проблемы обеспечения пространственной интеграции регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 4 (230). С. 339–345. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-339-345.

[572] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

заметные мультипликативные эффекты и базирующихся на использовании уникальных конкурентных преимуществ территорий[573].

Не сыграли особой позитивной роли в управлении экономическим развитием, обеспечении интеграции и созданные в начале 2000-х годов федеральные округа. Так, СЗФО, как и другие аналогичные структуры, не имеет «хозяйственных» инструментов управления комплексным развитием входящих в его состав субъектов (бюджета и иных «собственных» финансовых инструментов). При этом функции полномочного представителя Президента РФ носят преимущественно контрольный характер[574].

При полномочном представителе функционирует Координационный совет по приграничному и межрегиональному сотрудничеству СЗФО[575], по своим задачам ориентированный лишь на координацию деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, рассмотрение актуальных проблем в сфере реализации государственной политики и федерального законодательства о межрегиональном сотрудничестве в РФ и разработку предложений по их решению[576].

Следует отметить, что сложившаяся в России система районирования тоже является барьером развития интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве. В частности, системой макрорегионов, сформированной в соответствии со Стратегией пространственного развития России до 2025 года, состав Северного экономического района был неоднозначно

---

[573] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

[574] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[575] Координационный совет по приграничному и межрегиональному сотрудничеству Северо-Западного федерального округа // Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. URL: http://szfo.gov.ru/sovet/org7/ (дата обращения: 01.11.2024).

[576] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

рассечён: Мурманская и Вологодская области вошли в состав Северо-Западного макрорегиона, хотя исторически они входили в состав российского Севера и имели с этими территориями более тесные связи[577,578].

Таким образом, проведённый анализ деятельности институтов обеспечения согласованного развития субъектов Европейского Севера России свидетельствует о том, что ни «сверху», ни «снизу» не были созданы эффективные институты координации межтерриториального развития, которые обеспечивают реализацию совместных проектов развития регионов.

V этап. *Интерпретация полученных результатов.*

По итогам проведённого анализа следует отметить, что Европейский Север России имеет объективные предпосылки для активизации интеграционных процессов на внутри- и межрегиональном уровнях. Вместе с тем существует лишь определённая тенденция к повышению уровня интегрированности товарных и факторных рынков, а также внутренней связности в пространстве Двино-Печорского и отчасти Карело-Кольского субрегионов. Важную роль организующего центра всего пространства Севера начинает играть Вологодская область. Однако такая рода связность не ведёт к сращиванию и сближению (конвергенции) их пространств, что характерно для зрелых стадий развития интеграционных процессов.

3.2. Формы, методы и инструменты обеспечения пространственной интеграции: анализ практики северных территорий

В советский период территория российского Севера и Арктики являлась отдельным и стратегически важным объектом государственного управления.

---

[577] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 193–208.

[578] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

Основные стратегические и программные документы развития Севера и Арктики в советский и современный период развития страны представлены в таблице 12.

Таблица 12 – Стратегические и программные документы развития Севера и Арктики

Период	Документы
СССР (1920–1991 гг.)	1. План ГОЭЛРО (принят Советом Народных Комиссаров 21.12.1921 г.). 2. Совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства» (принято 20.07.1934). 3. Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие указов Президиума Верховного совета СССР от 10 февраля 1960 г. 4. Об утверждении Положения о Комиссии по делам Арктики и Антарктики при Кабинете министров СССР и персонального состава этой Комиссии (постановление Кабинета министров СССР от 29 мая 1991 г. № 308).
Российская Федерация (1992 г. – н.в.)	1. Межведомственная комиссия по делам Арктики и Антарктики, которая пришла на смену Государственной комиссии РСФСР по делам Арктики и Антарктики (образована в 1992 г.). 2. Программа освоения запасов углеводородного сырья на шельфе арктических морей России, рассчитанная до 2010 года (утв. Указом Президента РФ № 765 от 23 мая 1996 г/). 3. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19.06.1996 ФЗ-№ 78 (утратил силу в 2005 году). 4. Концепция государственной поддержки экономического и социального развития регионов Севера (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 марта 2000 г/ № 198). 5. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». 6. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утв. Указом Президента РФ №164 от 05 марта 2020 г.). 7. Стратегия развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года (утв. Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645). 8. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (утв. Постановлением Правительства РФ от 30 марта 2021 г. № 484).

Источник: составлено автором

Так, уже в 1925 году была принята нормативно-правовая база как основа реализации государственной северной политики, направленной на поиск путей улучшения жизни малых народностей (Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 23.02.1925 «О местных комитетах содействия народностям северных окраин»), в том числе в части предоставления им различного рода льгот. Были разработаны и приняты акты по внутреннему районированию северных территорий с выделением районов

Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним. Значительная часть Севера была включена в реализацию Государственного плана электрификации Советской России (1921 г.)[579].

С 1930-х гг. началась активная фаза освоения северных территорий СССР. Для этого был принят ряд соответствующих государственных документов (например, Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 08.09.1931 № 957 «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера»), в том числе направленных на развитие Северного морского пути как стратегически важной морской артерии, связывающей пространство страны (совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20.07.1934 «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства»)[580].

Значительные усилия были направлены на создание организационных, финансовых инструментов, благоприятствующих освоению и «обживанию» северных территорий («северные» надбавки к заработной плате, более длинные отпуска для работников; при участии государства активно строилось жильё, объекты инфраструктуры и др.)[581]. Освоение данных территорий происходило при реализации пятилетних планов развития СССР.

С точки зрения укладности экономика СССР в первой половине XX в. относилась преимущественно ко II и III технологическим укладам (ведущие отрасли: угледобыча, черная металлургия, тяжёлое машиностроение, транспорт и пр.), эффективность которых обеспечивалась за счёт эффекта экономии на

---

[579] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 193–208.

[580] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства». 20 июля 1934 г. Печатается по тексту документа, хранящегося в ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 949, л. 72-81. (Впервые опубликовано в изложении в газете «Правда», 1934, 3 августа, № 212) // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/445995-postanovlenie-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-o-meropriyatiyah-po-razvitiyu-severnogo-morskogo-puti-i-severnogo-hozyaystva-20-iyulya-1934-g#mode/inspect/page/2/zoom/4 (дата обращения: 02.05.2025).

[581] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

масштабе. В дальнейшем здесь зародились отрасли IV уклада, связанные с цветной металлургией, нефтепереработкой и др.

Эти обстоятельства являлись объективной причиной необходимости формирования крупных территориально-производственных комплексов по добыче и переработке природных ресурсов для нужд растущей социалистической экономики (нефти и газа – в Западной Сибири, цветных металлов – на севере Красноярского края, угля – в Республике Коми, алмазов и золота – в Республике Саха и Магаданской области, апатитов – на Кольском полуострове, леса – в Архангельской области и др.), а также развития магистральной транспортной инфраструктуры на Севере[582].

Ключевыми факторами развития пространственного каркаса Севера на этом этапе были в основном *естественные конкурентные преимущества*: наличие крупных месторождений полезных ископаемых, выгодное экономико-географическое положение (приграничное, прибрежное) и т.п. При промышленном освоении новых месторождений полезных ископаемых на Севере произошло формирование разветвлённой сети городских населённых пунктов (малых и средних городов). Несмотря на то, что основой экономики образовавшихся поселений были крупные градообразующие предприятия, здесь же получили развитие вспомогательные и обслуживающие производства. Многие населённые пункты «выросли» как транспортные узлы. В таких условиях малые и средние города превращались в центры обслуживания прилегающих к ним сельских территорий, что обусловливало устойчивый характер развития и связности пространства Севера.

Таким образом, государственная политика и механизмы управления пространственным развитием северных территорий страны в советский период характеризовались наличием сформированных организационных, финансовых

[582] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3. С. 23–36.

инструментов и инфраструктуры, благоприятствующих освоению Севера, его интеграции в национальное пространство.

Однако в 90-х гг. XX в. роль государства в освоении данных территорий существенно снизилась. Многие компенсаторные механизмы стали терять свою масштабность и эффективность. Нарастали негативные тенденции в социально-экономическом пространстве северных территорий России, проявляющиеся в его поляризации и активизации дезинтеграционных процессов на всех уровнях; в нарастании дифференциации территорий по уровню социально-экономического развития[583].

Приоритеты политики в этот период были направлены на «уход» с Севера: государство фактически передало свои функции по освоению данных пространств частным корпоративным структурам. В частности, согласно Генеральной схеме расселения на территории РФ[584] предполагался постепенный отказ от формирования новых постоянных поселений на Севере, а освоение новых месторождений планировалось осуществлять преимущественно вахтовым методом[585].

При этом в политике пространственного развития Севера стал преобладать отраслевой подход, ориентированный на использование крупными корпорациями имеющейся инфраструктуры (например, локальные сети поселений, отрезки дорог от ресурсных объектов к точкам вывоза и пр.) для экстенсивного роста объёмов добычи и экспорта продукции минерально-сырьевого комплекса. Комплексное (территориальное, зональное) освоение пространства, ориентированное на формирование единой сети поселений, дорог и иной инфраструктуры, отходило на второй план.

---

[583] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

[584] Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (основные положения) (одобрена Правительством РФ, протокол от 15 декабря 1994 года № 31) // Гарант. URL: https://base.garant.ru/71229664/?ysclid=ma6h2vyypy107466923 (дата обращения: 02.05.2025).

[585] Секушина И.А. Развитие малых и средних городов северного региона: диссертация ... кандидата экономических наук. Апатиты, 2021. 171 с.

Многие крупные территориально-производственные комплексы Севера, сформировавшиеся ещё в период СССР, оказались в системном кризисе, в том числе по причине разрушения сложившихся кооперационных цепочек, их дробления между собственниками при приватизации.

В результате данный период характеризовался нарастанием негативных тенденций в социально-экономическом пространстве северных территорий России, проявляющихся в его поляризации и активизации дезинтеграционных процессов на всех уровнях, нарастании площади экономической периферии по причине кризиса в экономике малых/средних городов и сельских территорий; в усилении дифференциации территорий по уровню развития[586].

Справедливости ради следует отметить, что в этот период (1992–2007 гг.) государство предпринимало определенные шаги, направленные на регулирование вопросов социально-экономического развития северных территорий в новых условиях хозяйствования. Базовыми документами, которые определяли приоритеты государственной политики по отношению к Северу, стали Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» от 19.06.1996 № 78-ФЗ; Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 07.03.2000 № 198) и др. В них были обозначены стратегические приоритеты и подходы к проведению государственной северной политики в условиях перехода к рыночным отношениям. Однако данная Концепция не стала документом, на основе которого строилась вся управленческая деятельность федеральных и региональных органов исполнительной власти: утверждённый план её реализации оказался практически нереализованным.

Следует признать, что в постсоветский период социально-экономическое и пространственное развитие Севера находилось больше под влиянием рыночных

---

[586] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

сил и факторов, чем прямого государственного регулирования. Лишь с середины 2000-х гг. интерес государства к северным территориям вновь вырос, однако основной акцент был сделан на развитии Арктической зоны, а не всей территории Севера России[587].

Вместе с тем необходимость интеграции социально-экономического пространства северных регионов и налаживания их кооперационных связей с более южными территориями страны, снижения дифференциации территорий по ключевым параметрам развития так или иначе осознается и закреплена на федеральном уровне в ключевых стратегических документах, представленных в таблице 13[588].

Так, в Стратегии национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) отмечается, что одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности является создание механизма сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ: путём устранения инфраструктурных ограничений; введения механизма координации размещения транспортной, инженерной и социальной инфраструктур всех уровней; совершенствования системы стратегического и территориального планирования, согласованности отраслевого и территориального развития; совершенствования национальной системы расселения и системы размещения производительных сил на территории Российской Федерации.

В стратегической перспективе необходимо решить вопросы устранения межрегиональных диспропорций за счёт стимулирования самостоятельного экономического развития регионов, межрегиональной кооперации, повышения инвестиционной и предпринимательской активности, расширения количества центров экономического роста и др.

---

[587] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 193–208.

[588] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

Таблица 13 – Проблемы и приоритеты обеспечения пространственной интеграции в стратегических документах федерального уровня

Документ	Проблемы и стратегические приоритеты
1. Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400)	Одна из ключевых проблем – чрезвычайно высокий уровень межрегиональной дифференциации в развитии. В качестве приоритетных задач развития обозначены укрепление единства экономического пространства РФ, развитие кооперации и хозяйственных связей субъектов РФ; сокращение их дифференциации по уровню и темпам развития, качеству жизни, стимулирование развития экономического потенциала регионов и др.
2. Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р)	Отмечается сохранение инфраструктурных ограничений развития федерального значения; высокого уровня централизации авиационных пассажирских перевозок; слабая транспортная доступность сельских территорий; нереализованный потенциал межрегионального и межмуниципального взаимодействия и др. В качестве приоритетов обозначены развитие и формирование новых перспективных центров экономического роста на Севере, перспективных минерально-сырьевых центров; развитие опорных населённых пунктов; крупных транспортных коридоров.
3. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р)	Ключевыми проблемами пространственного развития обозначены концентрация экономического роста в ограниченном числе территорий; населения в городах и агломерациях; ухудшение демографической обстановки в большинстве регионов; изменение климата и др. Акцент сделан на развитие внутреннего рынка, экономики предложения за счёт раскрытия потенциала территорий, развития в регионах опорных населённых пунктов (ОНП). Вместе с тем до конца неясным остался их статус; принципы взаимодействия с прилегающими территориями; большая часть таких ОНП (71,7%) будут лишь центрами предоставления социальных услуг для жителей прилегающих территорий, что ограничивает их превращение в организующие хозяйственные центры субрегионального уровня.
4. Транспортная стратегия России до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р)	Проблемами развития отрасли, которые влияют на снижение пространственной связности, являются недостаточные объёмы финансирования на модернизацию существующих и развитие объектов транспортной инфраструктуры; низкие транспортная подвижность населения, скорость грузовых перевозок; дефицит и климатическая уязвимость транспортной инфраструктуры. В числе приоритетов обозначена необходимость формирования единой опорной транспортной сети, развития на Севере и в АЗ РФ мультимодальных транспортно-логистических центров, модернизации аэропортов и портов, Северного морского пути и др.
5. Стратегия социально-экономического развития СЗФО на период до 2020 года (утр. Распоряжением Правительства РФ от 18.11.2011 № 2074-р)	Нарастание проблем развития и дифференциации территорий на региональном и муниципальном уровнях. Одним из главных инструментов интеграции пространства является формирование зон опережающего роста, к которым могут быть отнесены целые субъекты РФ, части территорий, где формируются кластеры, особые экономические зоны. Роль государства на Севере должна сводиться к поддержке проектов в части развития инфраструктуры. Для южной зоны задачей является обеспечение государственной поддержки развития сельской местности, что позволит сохранить социально-экономическое пространство освоенных территорий.

Источник: составлено автором, в т.ч. с опорой на[589]

[589] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98.

Особое внимание следует уделить анализу ключевых положений двух стратегий пространственного развития России, принятых в 2019 и 2024 гг., реализация которых в большей части направлена на обеспечение пространственной интеграции на меж- и внутрирегиональном уровнях.

Так, в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р, далее СПР-2025) в качестве приоритетов пространственного развития страны, в том числе касающихся северных территорий, было обозначено опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала; развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории страны, развитие опорных населённых пунктов, прилегающей сельской местности, обеспеченных базовой социальной инфраструктурой; социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным потенциалом экономического роста.

Данный документ неоднократно и весьма справедливо подвергался критике ведущих экспертов (В. Л. Квинт, В. Н. Лексин, Е. М. Бухвальд, О. В. Кузнецова)[590], поскольку он не в полной мере отвечал стоящим перед страной вызовам, в том числе связанным с необходимостью интеграции пространства на внутри- и межрегиональном уровнях; проектированием эффективных специализаций регионов, которые базируются на объективно существующих конкурентных преимуществах; снижением дифференциации территорий по ключевым

[590] Квинт В.Л. Территория полуприцепов. Нужна ли России стратегия пространственного развития? // Огонек. № 10. 18.03.2019. С. 8; Лексин В.Н. Стратегия пространственного развития страны: дискуссия о приоритетах // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-strany-diskussiya-o-prioritetah; Бухвальд Е. Политика пространственного развития российской экономики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 107–112. EDN: YVOZXX; Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125; Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1.

показателям социально-экономического развития. Кроме того, по своему содержанию этот документ не соответствовал целому ряду важных базовых методологических принципов стратегирования.

Изначально в СПР-2025 в качестве перспективных центров экономического роста РФ и её субъектов были обозначены лишь 42 крупнейших (с численностью населения более 1000 тыс. чел.) и крупных (500–1000 тыс. чел.) городских агломерации. Ряд российских городов с населением менее 500 тыс. человек (в т.ч. административные центры субъектов РФ) также обозначены в качестве перспективных центров экономического роста страны[591]. Вместе с тем фокус на развитии преимущественно крупнейших и крупных форм расселения является риском дальнейшего сжатия и дезинтеграции освоенного социально-экономического пространства[592].

В СПР-2025 перспективы пространственного развития северных территорий были представлены прежде всего с позиции формирования и развития минерально-сырьевых центров и регионов, обладающих транзитным потенциалом. Предложенные перспективные экономические специализации вызывают множество вопросов у специалистов, поскольку они недостаточно обоснованы[593], их много (что противоречит логике специализации территории), и их выбор осуществлён фактически в контексте реализации инерционного сценария развития региона.

Иными словами, базовые установки и принципы государственной политики по отношению к пространственному развитию Севера по-прежнему строятся в контексте традиционной индустриальной парадигмы, ориентированной на добычу,

---

[591] Секушина И.А. Рынок труда городских агломераций: состояние и проблемы развития // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 4. С. 525–548. DOI: 10.18334/et.11.4.120814.

[592] Справедливости ради следует отметить, что в 2022 году в документе появилось определение городской агломерации, под которой понимается «совокупность компактно расположенных населённых пунктов и территорий между ними с общей численностью населения более 250 тыс. человек, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединённых интенсивными экономическими, в т.ч. трудовыми, и социальными связями». Однако исчерпывающего перечня таких агломераций (с населением более 250–500 тыс. чел.) так и не представлено.

[593] Квинт В.Л. Территория полуприцепов. Нужна ли России стратегия пространственного развития? // Огонек. № 10. 18.03.2019. С. 8.

первичную переработку и экспорт продукции минерально-сырьевого комплекса на международные рынки. Такой подход к управлению консервирует сырьевую модель пространственного развития данных территорий со всеми вытекающими негативными последствиями.

В новой Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р, далее СПР-2036) наметился несколько иной подход к обеспечению пространственной интеграции регионов. В частности, произошёл отказ от сетки макрорегионов, перспективных экономических специализаций; внимание фокусируется на развитии внутреннего рынка страны, экономики предложения, что актуализирует задачу повышения внутренней связности национального социально-экономического пространства.

Основу пространственного каркаса России до 2036 года составят 2160 опорных населённых пунктов (ОНП)[594], устойчивое развитие которых должно, по мнению разработчиков стратегии, обеспечить пространственную интеграцию. При этом более половины таких ОНП являются малыми городами, посёлками городского типа и сёлами[595].

Вместе с тем до конца неясным остался статус таких населённых пунктов: критерии их отнесения к данный категории; будут ли получать государственную поддержку только ОНП или и прилегающие к ним территории[596,597]. Более

---

[594] Единый перечень опорных населённых пунктов Российской Федерации (утв. президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 16 декабря 2024 г. № 143пр)) / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/ (дата обращения: 02.05.2025).

[595] Перечень опорных населённых пунктов более чем наполовину состоит из малых городов и сел / Фонд развития территорий. 28 апреля 2025 / Фонд развития территорий. URL: https://xn--p1aee.xn--p1ai/news/perechen-opornykh-naselennykh-punktov-bolee-chem-napolovinu-sostoit-iz-malykh-gorodov-i-sel/ (дата обращения: 02.05.2025).

[596] Одинцова А.В. Опорные населённые пункты – новый приоритет пространственного развития Российской Федерации // Федерализм. 2025. № 1 (30). С. 52–70. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-1-52-70.

[597] Анимица Е.Г., Благинин В.А. Оценка функционирования транспортно-коммуникационной инфраструктуры региона в рамках пространственно-функционального подхода // Региональные

значительное внимание предполагается уделять поддержке развития в ОНП социальной, транспортной инфраструктуры, однако в стратегическом плане важно, чтобы они стали и организующими *хозяйственными центрами субрегионов*. В свою очередь следует отметить, что из представленного перечня лишь в 183 ОНП (8,5% от их общего числа) планируется реализовать крупные инвестиционные проекты, которые могут существенно повлиять на форсированное экономическое развитие данных и прилегающих к ним территорий; 1548 ОНП (71,7%) будут развиваться в статусе центров социального обслуживания населения, что ограничивает возможности решения проблемы деградации экономического базиса региональной периферии.

Состояние транспортной системы страны оказывает существенное влияние на повышение связности и интеграции пространства[598]. В связи с этим целесообразным видится рассмотреть основные положения *Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года* (утв. распоряжением Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р), которая учитывает ключевые положения документов стратегического планирования смежных отраслей и межфункциональных документов.

В Стратегии обозначены четыре цели, три из которых представлены на рисунке 21 и непосредственно влияют на повышение связности, обеспечение интеграции социально-экономического пространства страны.

Стратегия ориентирована на развитие в стране *единой опорной транспортной сети* (автомобильных и железных дорог, аэродромов, внутреннего водного и морского транспорта), что позволит сформировать единое транспортное пространство Российской Федерации. При этом значительное внимание уделяется связности по коридору «Север – Юг», а также инфраструктурному обустройству Арктической зоны РФ (модернизация аэропортов и морских портов: Мурманск,

---

проблемы преобразования экономики. 2024. № 7 (165). С. 74–84. DOI: https://doi.org/10.26726/10.26726/rppe2024v7oftk

[598] Краснопольский Б.Х. Северо-арктические территории Дальнего Востока: влияние инфраструктурных факторов на процессы трансформации пространственного развития региона // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 2. С. 556–573. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-14.

Архангельск, Нарьян-Мар), развитию Северного морского пути, формированию в СЗФО узлового мультимодального транспортно-логистического центра, строительству и реконструкции участков автодорог (например, «Сыктывкар – Ухта – Печора – Усинск – Нарьян-Мар»).

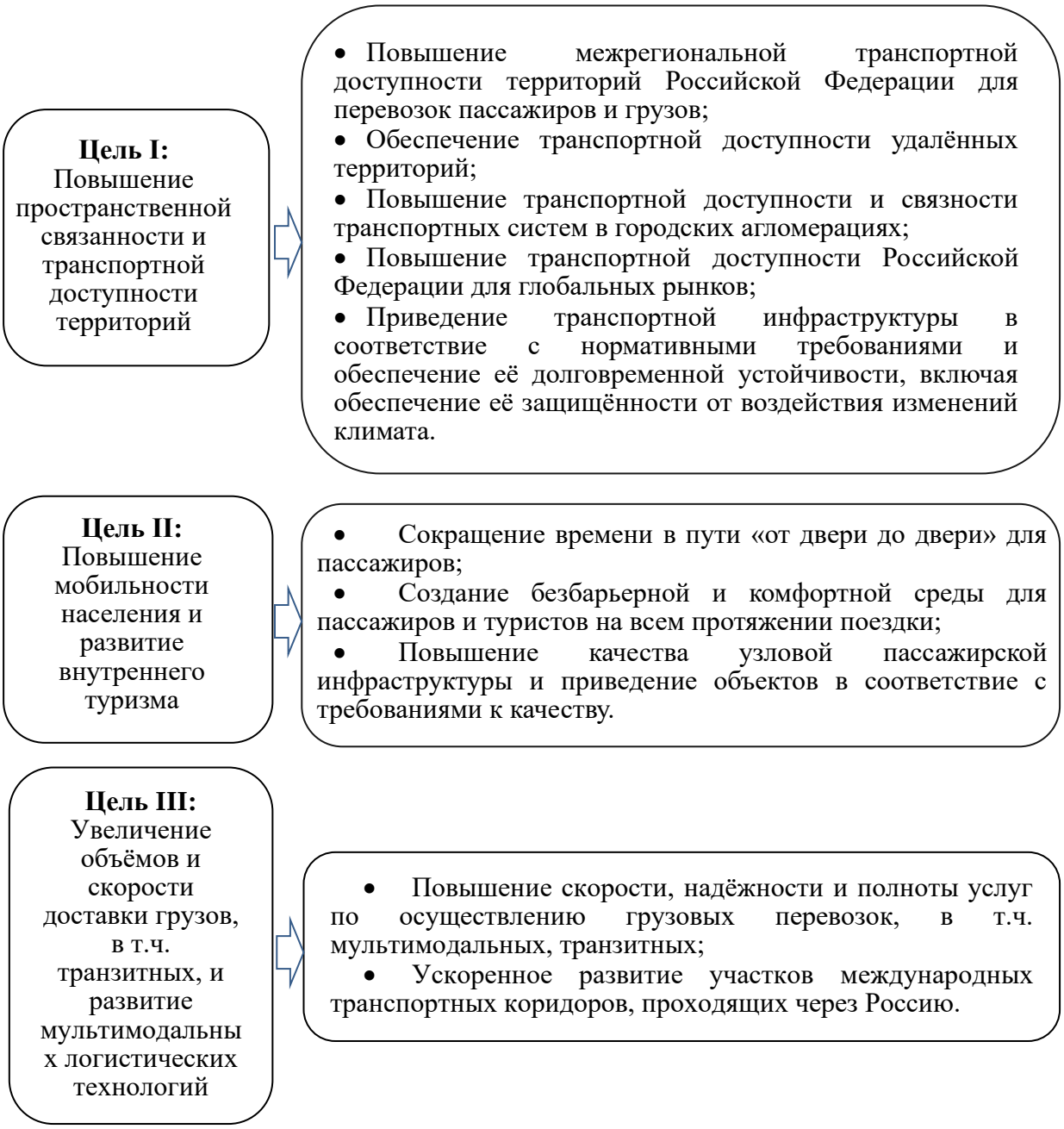

Рисунок 21 – Цели и задачи Транспортной стратегии РФ до 2030 года в контексте обеспечения пространственной интеграции страны
Источник: составлено автором

Акцент на проблемах пространственного развития Европейского Севера России и перспективах интеграции на меж- и внутрирегиональном уровнях нашёл

отражение и в *Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года* (утр. Распоряжением Правительства РФ от 18.11.2011 № 2074-р). Инструментами её обеспечения разработчики видели формирование зон опережающего роста, развитие инфраструктуры и поддержку сельских территорий[599].

Несмотря на важность таких стратегий федерального уровня, на практике больший потенциал для внедрения и вклада в обеспечение пространственной интеграции, как правило, имеют формы, методы и инструменты, которые закреплены в стратегиях социально-экономического развития и соглашениях о сотрудничестве регионов.

В системе административно-территориального деления и федеративных отношений основными субъектами управления пространственным развитием на региональном уровне являются субъекты РФ. Анализ стратегий социально-экономического развития[600] и схем территориального планирования[601] субъектов Европейского Севера России до 2025–2030 гг. показал, что все они базируются на формах, методах и инструментах управления пространственным развитием, представленных на рисунке 22.

[599]Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

[600] Государственная автоматизированная информационная система «Управление». URL: https://gasu.gov.ru/stratdocuments (дата обращения: 12.11.2024).

[601] Федеральная государственная информационная система территориального планирования. URL: https://fgistp.economy.gov.ru/ (дата обращения: 12.11.2024).

Рисунок 22 – Механизмы обеспечения пространственной интеграции в стратегиях развития субъектов Европейского Севера России до 2025–2030 гг.
Источник: [602]

В первую очередь следует отметить, что основной акцент в этих документах делается на трансформации и развитии *пространственного каркаса территории*. Так, в *Вологодской области*[603] предполагается развитие урбанизированного каркаса, включающего в себя полюса роста 1-го порядка (городские агломерации), 2-го порядка (ряд малых городов), перспективные полюса роста, а также территории, расположенные вдоль линий, связующих разные узловые точки. Внимание фокусируется на обеспечении высокого качества жизни населения, развитии экономики и инфраструктуры территорий. С опорой на теории полюсов роста Ф. Перру, Ж. Будвиля, Х.Р. Ласуэна предполагается, что при социально-экономическом развитии данных узлов будет осуществляться распространение позитивных эффектов и на близлежащие территории.

Расширение межрегионального сотрудничества и реализация совместных проектов планируются в транспортной сфере, в области культуры. Отмечается

[602] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.
[603] Постановление Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г. № 920 «О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/46309748/ (дата обращения: 18.08.2025).

необходимость создания условий для развития межрегионального сотрудничества организаций промышленности, формирующих сквозные производственно-технологические цепочки[604].

Комплексный подход к регулированию пространственного развития, интеграционных процессов отмечается в стратегических документах *Архангельской области*[605] (синтез каркасной и функциональных моделей), где предполагается формирование ряда зон приоритетного развития (градостроительное освоение на базе Архангельской, Плесецкой и Котласской групповых систем расселения; зоны развития сельскохозяйственной, лесохозяйственной, туристско-рекреационной деятельности (формирование межрегионального кластера «Серебряное ожерелье России»[606]) и соответствующие им опорные узлы хозяйственной деятельности)[607]. Развитие транспортной сферы планируется через активизацию межрегионального сотрудничества с соседними субъектами РФ (проекты «Архангельск – воздушные ворота макрорегиона и российской Арктики», «Белкомур»[608] и др.)[609].

---

[604] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

[605] Закон Архангельской области от 18.02.2019 № 57-5-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» // Консультант.Плюс. URL: https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW013&n=100379#l76eDuUSNgJ1Tbjy (дата обращения: 18.08.2025).

[606] Участниками проекта являются все 11 субъектов СЗФО. Однако наличие межрегиональных связей характерно не для всех из них. В частности, в Вологодской области представлены 22 межрегиональных туристических маршрута; в Архангельской области – 10, а в Республике Карелии – 6, большинство из которых ориентированы на туристов из г. Санкт-Петербурга. В Мурманской области и Республике Коми межрегиональные маршруты не представлены. Источник: Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

[607] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98.

[608] Цыденов: «Белкомур» может быть реализован после стабилизации мировой экономики // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/23357555 (дата обращения: 11.07.2025).

[609] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

В стратегических документах *Мурманской области*[610] осуществлено зонирование территории субъекта РФ по ареалам размещения пространственно-распределённых кластеров с выделением ядер[611]. Однако слабо проработаны механизмы управления развитием локалитетов за пределами влияния ключевых узлов пространственного каркаса. Межрегиональное сотрудничество предполагается в развитии транспортной системы (инфраструктура авто- и железнодорожного транспорта, расширение сети межрегиональных пассажирских авиационных маршрутов)[612].

В Стратегии *Республики Карелия*[613] для целей стратегического управления было выделено 6 типов природно-хозяйственных районов с учётом сложившейся структуры их экономики и специализации[614]. Внимание фокусируется на необходимости разработки и реализации совместных с другими субъектами РФ экологических, туристических и инфраструктурных проектов, в т.ч. в части развития АЗ РФ (модернизация аэропортов, морских портов, транзитных федеральных трасс, развитие энергетической инфраструктуры)[615].

---

[610] Постановление Правительства Мурманской области от 25 декабря 2013 года №768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» // Электронный фонд правовых и научно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/465602093 (дата обращения: 18.08.2025).

[611] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

[612] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5

[613] Распоряжение Правительства Республики Карелия от 29 декабря 2018 года № 899р-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года» // URL: https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW904&n=58645#Ds4gDuUC8OvdA3u61 (дата обращения: 18.08.2025).

[614] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

[615] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

В Стратегии социально-экономического развития *Республики Коми*[616] на период до 2035 года акцент сделан на развитии межрегионального сотрудничества в сфере машиностроения. Подчёркивается важность формирования благоприятного имиджа республики, укрепления двустороннего сотрудничества с субъектами СЗФО и приграничными, интеграции в торгово-экономической, культурной, образовательной, научно-технической и инновационной сферах[617]. В пространстве субъекта РФ выделены 4 перспективных центра экономического роста и 6 зон приоритетного развития, между которыми предполагается развитие кооперационных связей.

Таким образом, одной из положительных черт подходов, применяемых к обеспечению интеграции, является осознание того, что социально-экономическое пространство территории неоднородно, необходим поиск инструментов, которые позволят максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы и потенциал различного вида мест (городских агломераций, крупных, средних малых городов, сельских территорий). Данный приоритет наиболее обстоятельно проработан в стратегических документах Архангельской области и Республики Коми[618].

Развивать потенциал северных территорий предполагается также за счёт формирования кластерных форм организации экономической деятельности. Ядрами данных кластеров являются крупные узлы, а сама кластерная форма организации пространства должна обеспечить развитие внутри- и межрегиональных кооперационных связей.

В стратегических документах регионального уровня особое внимание уделяется также созданию и развитию территорий опережающего социально-

---

[616] Постановление Правительства Республики Коми от 11.04.2019 № 185 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/1100201904160001?index=200 (дата обращения: 18.08.2025).

[617] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

[618] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

экономического развития (ТОСЭР: гг. Череповец, Онега, Кировск, Емва и др.), инвестиционных площадок на базе зон опережающего развития, обустроенных инфраструктурой.

Пространственной интеграции способствует развитая инфраструктура. В связи с этим особый акцент в стратегиях сделан на развитии энергетической и транспортной инфраструктуры территории, в т.ч. с учётом встраивания её в главные трансконтинентальные и общероссийские связи (международные транспортные коридоры «Север – Юг» и «Транссиб», Западный диагональный коридор, Северный и Южный широтный ход и т.п.). В качестве инструментов предлагается создание транспортно-логистических центров и транспортных узлов. Однако в текущих условиях развитие такой инфраструктуры имеет весьма значительную ориентацию на усиление экспортных связей субъектов (например, для Архангельской, Мурманской областей, Республики Коми), зачастую в ущерб развитию внутренней связности региона[619].

Для объективной оценки развития межрегиональной пространственной интеграции северных регионов следует обратить внимание на заключённые и реализующиеся *соглашения о сотрудничестве* между субъектами РФ в экономической, научно-технологической, социальной и культурной сферах.

Анализ соглашений между субъектами Европейского Севера России позволил выявить, что они активно стали заключаться в последние годы (например, у Вологодской области 38 таких соглашений: 10 из них заключены в 1990–1999 гг., 13 – в 2000–2010 гг., 15 – в 2010–2020 гг.). Однако зачастую они носят формальный характер, а их практическая реализация сводится лишь к обмену опытом, проведению общих спортивных или культурных мероприятий[620].

---

[619] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

[620] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

В дополнение к таким соглашениям разрабатываются *планы мероприятий по их реализации*. Большинство из таких мероприятий сводятся к обмену опытом в той или иной сфере, организации совместных мероприятий, содействию в налаживании связей между представителями различных областей деятельности. В качестве определённого исключения можно отметить наличие раздела по развитию топливно-энергетического комплекса, ЖКХ, градостроительной сферы и транспорта в плане мероприятий по сотрудничеству между Республикой Карелией и Архангельской областью. В плане Мурманской и Архангельской областей присутствует гораздо больше конкретики в части мероприятий в сфере образования, молодёжной политики, здравоохранения. Однако какие-либо проекты, направленные на развитие экономики регионов, в планах не отражены, в связи с чем можно сделать вывод об отсутствии таковых.

В 2017 году в Архангельской области была принята *Концепция развития межрегиональных связей с другими субъектами РФ*[621]. В документе отражены современное состояние и проблемы развития межрегионального сотрудничества, а также его цели, задачи и принципы, основные направления деятельности, инструменты и меры, ожидаемые результаты.

Однако провести объективную оценку степени развития межрегионального взаимодействия весьма затруднительно в силу того, что информации о реализации данных документов мало. К примеру, в ходе исследования удалось найти отчёты о сотрудничестве Республики Карелии с Мурманской областью и Республикой Коми за 2017 год[622]. Изучение этих отчётов позволяет сделать вывод об их

---

[621] Постановление Правительства Архангельской области от 29 августа 2017 г. № 345-пп «Об утверждении Концепции развития межрегиональных связей Архангельской области на период до 2020 года» // Гарант: URL: https://base.garant.ru/42976842/?ysclid=ma6wim4t4308731986 (дата обращения: 03.04.2024).

[622] Официальный сайт Министерства экономического развития и промышленности Республики Карелия. URL: https://economy.gov.karelia.ru/about/4165/ (дата обращения: 20.09.2021).

шаблонности[623]. Аналогичные проблемы характерны и для межрегионального сотрудничества других субъектов РФ[624].

Таким образом, можно выделить ключевые особенности и проблемы обеспечения пространственной интеграции Европейского Севера России.

1. Несмотря на определённый стратегический фокус на развитии полицентричной или сетевой модели организации пространства, в инструментальном обеспечении основной акцент по-прежнему делается на развитии узловых форм организации пространства (крупные городские поселения) и «коридоров развития». Недостаточно обоснованы место и инструменты поддержки сельских территорий, хотя в практике зарубежных стран им уделяется особое внимание. Так, в Финляндии, несмотря на растущую концентрацию деятельности в крупных центрах, уже целый ряд малых и средних городов и поселков признаны в региональной политике как имеющие разносторонний потенциал развития. В Швеции национальным советом по жилищному строительству и планированию разработан план преобразования больших периферийных малонаселённых территорий в сеть городов среднего размера с хорошей транспортной доступностью.

Существующая ориентация на развитие «коридоров» и «узлов» пространства вне их связи с сельской местностью приведёт к дальнейшему упрощению линейно-узловой модели пространственного развития региона.

2. Значительный акцент в развитии транспортного каркаса субъектов Европейского Севера направлен на усиление внешних связей, что ограничивает развитие интеграции национального пространства и консервирует сырьевую модель экономики данных территорий.

3. Стратегические документы развития субъектов Европейского Севера России слабо учитывают место региона в общероссийском разделении труда, а

---

[623] Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

[624] Пьянкова С.Г., Митрофанова И.В., Ергунова О.Т. Интеграция и планирование в стратегиях развития регионов: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8. С. 128–136. DOI: 10.24158/tipor.2023.8.15.

задача обеспечения пространственной интеграции с другими субъектами РФ не нашла прямого закрепления. Однако прослеживается идея укрепления и развития связей с другими регионами страны за счёт использования потенциала отраслей промышленности и транспортной инфраструктуры.

4. Несмотря на то, что значительная роль в координации стратегий и программ развития субъектов Европейского Севера России отводится региональным правительствам, данная деятельность ограничивается договорами о сотрудничестве без создания общих институтов координирования крупных хозяйственных мероприятий.

Это же касается повсеместного проектирования «сверху» производственных кластеров без должного научного и экономического обоснования[625]. В науке и практике доказывается, что развитие кластеров без учёта объективных условий для коллаборативного сотрудничества «снизу» не является эффективным[626]. В то же время, как свидетельствует зарубежный опыт, пространственная организация кластерных систем далеко не всегда ограничивается границами одной административно-территориальной структуры. По сути дела, это может быть фактором, стимулирующим развитие межрегиональных связей и интеграционных процессов в пространстве.

[625] Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

[626] Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015. 344 с. ISBN 978-5-9940-0536-1.

3.3. Стратегические приоритеты и ограничения развития пространственной интеграции Европейского Севера России

С учётом выявленных ключевых особенностей, проблем развития и интеграции пространства Европейского Севера России важным видится использование научного подхода к стратегированию данных процессов.

Обоснованные автором стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции базируются на положениях теории и методологии стратегирования, разрабатываемых академиком, иностранным членом РАН, д.э.н., профессором В. Л. Квинтом[627,628,629] и представителями его научной школы[630,631,632].

Важным этапом в стратегировании является *анализ глобальных закономерностей и трендов*, которые сейчас или в перспективе могут повлиять на потенциал северных регионов, их пространственной интеграции при реализации совместных стратегических возможностей. Ключевые тренды представлены в таблице 14.

---

[627] Квинт В.Л. Концепция стратегирования: монография. 2-е издание. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. ISBN: 978-5-8353-2844-4.

[628] Квинт В.Л. К анализу формирования стратегии как науки // Вестник ЦЭМИ РАН. 2018. Т. 1. Выпуск 1. С. 3. DOI: 10.33276/S0000121-6-1.

[629] Квинт В.Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 6–11. EDN: UBHJLL.

[630] Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимурадов М.К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-11-900-909.

[631] Сасаев Н.И., Квинт В.Л. Стратегирование промышленного ядра национальной экономики // Экономика промышленности. 2024. № 17 (3). С. 245–260. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1349.

[632] Новикова И.В. Основные ошибки применения теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта в научных исследованиях // Теория и практика стратегирования: V Международная научно-практическая конференция. Московский университариум стратега: сборник избранных научных статей: в 2 книгах. Москва, 2022. С. 40–43. EDN: ICKYLO.

Таблица 14 – Глобальные тренды, влияющие на развитие северных территорий и потенциал их пространственной интеграции

Глобальные тренды	Содержание и их влияние
1. Технологические	Переход мировой экономики к VI технологическому укладу[633], внедрение платформенных и информационно-коммуникационных технологий, которые повышают производительность труда практически во всех отраслях экономики; сокращают издержки и позволяют минимизировать влияние географического расстояния на возможность взаимодействия экономических агентов[634]; изменяют традиционную модель добычи и переработки сырья (снижаются территориальные диспропорции между центрами добычи, переработки, повышается роль морской логистики; сокращается потребность в рабочей силе и т.п.).
2. Политические	Усиление геополитического противостояния в мире, появление новых центров силы; процессы деглобализации («регионализации 2.0»), распада мира на зоны влияния, усиление интеграционных процессов внутри этих зон.
3. Экономические	Урбанизация (формирование «умных» и креативных городов), исчерпание возможностей роста экономики за счёт сырьевой модели экономики, снижение транспортных издержек. Формирование новых отраслей экономики на Севере («синяя», лесная биоэкономика, распределённая биопереработка, биотехнологии, разработка материалов для химической промышленности, промышленный интернет вещей, фотоника).
4. Экологические	Истощение природных ресурсов, потепление климата, что проявляется в таянии вечной мерзлоты, влиянии данных процессов на ведение хозяйственной деятельности в зоне Севера и Арктики.

Источник: составлено автором с опорой на: [635,636,637,638,639]

Другой глобальной закономерностью, интегрирующей в себе данные тренды, по мнению члена-корреспондента РАН С. Д. Бодрунова, является формирование нового индустриального общества второго поколения, где базовым фактором

---

633 Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. Трансформация общества: стратегия и ноономика: учебник. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2024. 240 с. ISBN 978-5-00020-125-1.

634 Квинт В.Л., Середюк И.В. Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области – Кузбасса) // Экономика промышленности. 2025. Т. 18. № 1. С. 7–23.

635 Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

636 Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Стратегические инструменты роста промышленного сектора экономики в условиях шестого большого цикла Кондратьева // Экономика промышленности. 2023. № 16 (3). С. 253–262. DOI: 10.17073/2072-1633-2023-3-253-262.

637 Шамахов В.А., Межевич Н.М. Глобализация 3.0 или новая регионализация: к вопросу об этапности мирового развития // Управленческое консультирование. 2021. № 3. С. 10–15. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-3-10-15.

638 Скобелев К.Д., Шацкая И.В., Сидоренко В.С. Стратегические преимущества и препятствия экономическому развитию Арктической зоны России // Экономика устойчивого развития. 2024. № 4 (60). С. 154–156. EDN: OSMYMC.

639 Ларичкин Ф.Д., Череповицын А.Е., Фадеев А.М. Модернизация недропользования на основе формирования кластеров конкурентоспособности // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2011. № 2-3 (45). С. 151–163. EDN: UGBEQH.

производства становится не только и не столько материальная компонента, сколько знания. Они влияют на формирование *новой модели интеграции (нооинтеграции)*, ключевой особенностью которой является учёт неэкономических принципов и интересов, интеграция в социальном, культурном пространстве взаимодействующих участников[640].

Эти глобальные тенденции находят отражение на отраслевом и региональном уровнях и должны быть учтены при обосновании стратегических приоритетов развития северных территорий России[641].

Результаты OTSW-анализа.

Для обоснования стратегических приоритетов пространственной интеграции Европейского Севера России необходимо проведение OTSW-анализа, который позволит выявить ***стратегические возможности***, обеспеченные конкурентными преимуществами и ресурсами. Остановимся более подробно на результатах такого анализа.

1. Стратегический ориентир на развитие в России экономики предложения, направленной на увеличение производства товаров и услуг для внутреннего рынка; рост добавленной стоимости, создаваемой в экономике страны путём раскрытия потенциала различных типов территорий, развития межтерриториальной промышленной, научно-технологической и иной кооперации.

Одним из глобальных трендов является усиление геополитического противостояния, процессов деглобализации. Для России это вылилось в усиление конфронтации со странами коллективного Запада (в 2022–2025 гг. по отношению к России было введено свыше 21,7 тыс. санкций; страна является абсолютным лидером по их числу)[642]. В этой ситуации *стратегическая возможность* для

---

[640] Бодрунов С.Д. Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства // Экономическое возрождение России. 2024. № 2 (80). С. 5–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-5-11.

[641] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[642] Russia Sanctions Dashboard. URL: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard (date of access: 05.11.2024).

обеспечения пространственной интеграции субъектов Европейского Севера на меж- и внутрирегиональном уровнях связана с усилением санкционного давления на Россию, стимулирующим повышение эффективности использования внутренних факторов развития, к которым относится огромный, однако недостаточно эффективно используемый пространственный потенциал, потенциал развития внутреннего рынка, межтерриториальной промышленной, научно-технологической и иной кооперации[643]. *Угрозой* являются низкие ёмкость национального рынка и спрос ведущих отраслей на инновации ввиду низкоукладности экономики, что снижает потребность в межтерриториальной кооперации и интеграции[644].

Сильной стороной выступает наличие сформировавшихся на Севере в советский период крупных межрегиональных территориально-производственных комплексов (Северная угольно-металлургическая база, Тимано-Печорский, Кольско-Карельский ТПК), которые в определённой степени сохранились и технологически связывают отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности[645]. Наряду с этим Европейский Север обладает огромными запасами полезных ископаемых и других сырьевых ресурсов (лес, алмазы, металлы, нефть, газ, уголь), которые являются сырьём для продукции дальнейших технологических переделов; сформировавшимся пространственным каркасом, узловые элементы которого имеют экономическую специализацию, базирующуюся на текущих конкурентных преимуществах[646]. *Слабой стороной*

---

[643] Это является также одним из стратегических ориентиров в новой Концепции и Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/koncepciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

[644] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[645] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[646] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

является переориентация в постсоветский период значительной части ранее сформировавшихся внутренних экономических связей регионов на мирохозяйственные; это привело к трансформации системы разделения труда и разрушению существовавших кооперационных связей территорий, в т.ч. по линии «город – село», деградации экономического потенциала целого ряда мест (малых и средних городов, сельских территорий); «утяжелению» структуры экономики значительной части северных субъектов РФ, повышению в ней доли сектора добычи и первичной переработки полезных ископаемых, снижению обрабатывающих производств, что объективно снижает потребность в развитии межтерриториальных кооперационных связей. Кроме того, существующие соглашения и договоры о межрегиональном сотрудничестве субъектов Европейского Севера России носят довольно декларативный характер и имеют слабое инструментальное обеспечение такого сотрудничества (параграф 3.2 диссертации)[647].

2. Повышение геостратегической роли Арктики и Европейского Севера России как «плацдарма» для её комплексного освоения, контактной зоны континентальной и морской экономики.

Особая геостратегическая роль Арктики в обеспечении национальной безопасности России закреплена в федеральных документах стратегического планирования: Стратегии национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400), Стратегии научно-технологического развития РФ (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145), Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утв. Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645).

В такой ситуации Европейский Север России имеет высокий геостратегический потенциал, поскольку представляет собой «форпост» для реализации мегапроекта по освоению Арктики[648], а часть его территорий

[647] Там же.
[648] Kozhevnikov S.A. Integration of Economic Space of the Northern Region: Features and Problems of Ensuring // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13. Iss. 6. P. 68–83. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.4.

непосредственно относится к Арктической зоне РФ. Стратегически важным направлением видится консолидация потенциала северных территорий в сфере науки и технологий; в вопросах рационального природопользования и охраны окружающей среды, инфраструктурного развития и др.[649,650,651].

Кроме того, от границ Европейского Севера России начинается Северный морской путь – важнейшая арктическая морская коммуникация[652] (в 1991–2023 гг. объём перевозок грузов по нему увеличился в 7,6 раза: с 4,80 до 36,25 млн т)[653]; здесь проходят Северная и Октябрьская железная дороги, связывающие социально-экономическое пространство страны по линии «Север – Юг». Эти обстоятельства обусловливают *стратегические возможности* для обеспечения согласованного развития субъектов Европейского Севера России. *Угрозой* является отсутствие в документах федерального уровня признания по аналогии с арктическими стратегической роли и для северных территорий, что ограничивает получение ими преференций для реализации стратегических проектов в интересах Арктики.

Сильной стороной является то, что при разработке региональных стратегий субъектов Европейского Севера России был закреплён их «арктический вектор» развития, а также национальные интересы, локализованные в данном регионе[654], что соотносится с базовыми принципами стратегирования на региональном уровне[655]. Другим конкурентным преимуществом является наличие на Севере

---

649 Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56-74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

650 Лаженцев В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (на примере Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 48–56. DOI: 10.1134/S1075700720030107.

651 Козьменко С.Ю. Арктика в системе приоритетов стратегического планирования экономики России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 2 (146). С. 77–82. EDN: XEUYTY.

652 Алимурадов М.К., Горячева А.С., Курбацкий А.Н. Стратегические приоритеты развития структуры грузооборота морских портов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 97–112. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.6.

653 ЕМИСС. URL: https://rosstat.gov.ru/emiss (дата обращения: 05.11.2024).

654 Кожевников С.А. Проблемы Европейского Севера России и возможности его участия в развитии Арктической зоны РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 87–107. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.5.

655 Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимурадов М.К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909. http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909.

целого ряда институтов, научных центров и научных школ с профильными компетенциями (КарНЦ РАН, КНЦ РАН, Комплексного исследования Арктики имени академика РАН Н.П. Лавёрова УрО РАН и др.); институтов консолидации потенциала науки и бизнеса для реализации проектов в интересах Арктики (например, НОЦ мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования»[656]). На Севере сосредоточены профессиональные кадры с достаточно высоким уровнем производственных компетенций в части добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности. *Слабой стороной* является определенная деградация кадрового и экономического потенциала субъектов Европейского Севера России, что связано с миграцией трудоспособного квалифицированного населения в центральные регионы страны (в 1990–2023 гг. численность населения ЕСР сократилась с 6152,5 до 4033,9 тыс. чел., или на 34,4%); смещением «центра тяжести» самой экономики в более южные субъекты РФ (ЦФО, южные субъекты СЗФО); слабой трансляцией имеющихся научных заделов в реальный сектор экономики.

3. Переход мировой экономики к новому технологическому укладу, что обусловливает процессы активной цифровизации хозяйства, формирования на Севере отраслей «новой» экономики, в т.ч. на базе традиционных, позволяющих создать новые драйверы роста территорий.

Мировая экономика быстрыми темпами переходит к новому технологическому укладу, связанному с повсеместной цифровизацией, внедрением ИКТ и иных технологий[657]. Это ведёт к исчерпанию возможностей роста экономики за счёт сырьевой модели, снижению транспортных издержек, изменению традиционной модели добычи и переработки сырья.

---

[656] Евсеев М.К. Научно-образовательный центр мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования» в решении задач развития Арктической зоны Российской Федерации: проблемы и перспективы // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. № 2 (6). С. 92–97.

[657] Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса: монография / под научной редакцией В.Л. Квинта. Кемерово: КемГУ, 2021. 364 с. ISBN 978-5-8353-2724-9: ил. (Библиотека «Стратегия Кузбасса»).

В такой ситуации *стратегической возможностью* является формирование на Севере новых отраслей экономики («голубая» энергетика, биотехнологии, «синяя», лесная биоэкономика, продукция регенеративной медицины на базе глубокой переработки ЛПК, органическое сельское хозяйство и др.), которые базируются на существующих (отраслях добычи и первичной переработки) или проектируемых конкурентных преимуществах. *Угрозами* видятся слабая институциональная и финансовая поддержка данных преобразований на федеральном уровне; сложность конкуренции на мировых рынках, поскольку другие страны уже ушли далеко вперёд в данных вопросах, а также ввиду санкций; низкая ёмкость рынка России.

Сильной стороной является сохранение определённых компетенций в данных направлениях, действующих производств, где существует возможность проведения неоиндустриализации и перехода на новые виды производств. *Слабой стороной* выступают низкие затраты на НИОКР, консервация сырьевой направленности экономики Севера, недостаток высококвалифицированных кадров, поддержки проектов модернизации.

4. Климатические изменения, ведущие к таянию вечной мерзлоты, повышению влияния данных процессов на ведение хозяйственной деятельности в зоне Севера и Арктики.

Возможностями являются рост транзитного потенциала Северного морского пути[658], более благоприятные условия для ведения сельского хозяйства, а *угрозой* – негативное влияние таяния вечной мерзлоты на здания и сооружения, объекты другой инфраструктуры, здоровье населения, ведение хозяйственной деятельности. Кроме того, отмечаются негативные изменения в биологическом разнообразии Арктики, накопление в биоценозе токсичных веществ и др.[659]

---

[658] Мясков А.В., Петров И.В., Зайцев В.С., Шмелёв В.С. Системные особенности экологического мониторинга при формировании территориальных проектов Северного морского пути // Мониторинг. Наука и технологии. 2018. № S5. С. 7–14. DOI: 10.25714/MNT.2018.38.001.

[659] Шацкая И.В., Шпак А.В., Жданов Э.Р., Харина О.С., Скобелев К.Д. Стратегическая социально-экологическая оценка Арктики и управление развитием ее природно-пространственного потенциала (на основе методологии В.Л. Квинта) // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2025. № 1. С. 248–254. EDN: ZGJVLB.

Сильную сторону формируют значительный транзитный потенциал Европейского Севера России и его прибрежной зоны; наличие площадей сельскохозяйственных земель, не вовлечённых в хозяйственный оборот (потенциал для развития органического сельского хозяйства). *Слабой стороной* выступает неподготовленность инфраструктуры, производств к климатическим изменениям.

Стратегические приоритеты и инструменты обеспечения пространственной интеграции регионов Севера.

На основе анализа трендов, факторов внешней и внутренней среды для реализации данных возможностей в таблице 15 представлены ***стратегические приоритеты обеспечения пространственной интеграции Европейского Севера России***, подкреплённые конкурентными преимуществами и ресурсами.

Целесообразным видится формирование эффективных институтов развития, ориентированных на консолидацию производственного и научно-технологического потенциалов северных территорий, усиление трансляции результатов НИОКР в реальный сектор экономики в целях производства продукции с высокой добавленной стоимостью[660]. Разработке научно-методического обеспечения реализации приоритета посвящён параграф 5.2.

При этом нужно объективно оценивать потенциал всех типов территорий, их текущие и перспективные специализации. Именно эта потребность обеспечивает необходимость в условиях локационного сжатия пространства Севера реализации второго приоритета, связанного с идентификацией и стратегированием регионально-отраслевых приоритетов развития опорных узлов пространственного каркаса, которые могут стать центрами локализации звеньев технологических цепочек при развитии вертикальной интеграции производств и сложившихся энергопроизводственных циклов, узлами сети для развития инновационных видов деятельности[661]. Подробно реализация данного приоритета раскрыта в главе 4.

---

[660] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[661] Цивилев С.Е. Стратегические направления достижения агломерационных эффектов // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т. 4. №3. С. 284–297. DOI: 10.21603/2782-2435-2024-4-3-284-297.

Таблица 15 – Стратегические приоритеты обеспечения пространственной интеграции Европейского Севера России

Стратегические приоритеты	Конкурентные преимущества
1. Формирование эффективных институтов развития, деятельность которых направлена на модернизацию традиционных и формирование отраслей «новой» экономики Севера, развитие межрегиональных цепочек создания добавленной стоимости на основе консолидации научно-технологического и производственного потенциала в интересах национального рынка, реализации мегапроекта по освоению Арктики	1. Значительные запасы полезных ископаемых и сырьевых ресурсов (лес, алмазы, металлы, нефть, газ, уголь), выступающих сырьём для производства продукции дальнейших технологических переделов. 2. Наличие крупных межрегиональных территориально-производственных комплексов (Северная угольно-металлургическая база, Тимано-Печорский, Кольско-Карельский), связывающих отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности. 3. На Севере сосредоточены профессиональные кадры с высоким уровнем компетенций в отраслях, подкреплённых конкурентными преимуществами. 4. Наличие профильных институтов (КарНЦ РАН, КНЦ РАН, Комплексного исследования Арктики им. академика Н.П. Лавёрова и др.); формируются институты консолидации потенциала науки и бизнеса (НОЦ) для реализации проектов в интересах Арктики.
2. Идентификация и стратегирование регионально-отраслевых приоритетов развития опорных узлов пространственного каркаса с учётом достижения долгосрочных задач развития страны и Арктической зоны РФ	1. Сформировавшийся и довольно развитый по сравнению с Азиатским Севером пространственный каркас, узловые элементы которого имеют специализацию, базирующуюся на текущих, перспективных или имеющих потенциал для возрождения конкурентных преимуществах. 2. Формирующиеся агломерации (Мурманская, Архангельская, Вологодская и др.) концентрируют значительный объём человеческих, производственных, инвестиционных ресурсов, в результате чего они могут превратиться в центры роста, крупные узлы иерархически-полицентричного пространства Европейского Севера[662]. 3. Ряд малых и средних городов имеют потенциал для превращения в центры роста «новой» экономики на основе капитализации конкурентных преимуществ.
3. Развитие межмуниципального сотрудничества и восстановление производственно-экономических связей по линии «город–село» для вовлечения потенциала глубинных территорий в реализацию стратегических возможностей региона	1. Развитая сеть малых и средних городов (к ним относится 61 из 68 городов Европейского Севера России, 90% их числа), являющихся организующими социокультурными и производственно-хозяйственными центрами для огромных прилегающих территорий. 2. Данные города рассматриваются в качестве опорных в новой Стратегии пространственного развития до 2030 года, в связи с чем будут получать федеральную поддержку для развития инфраструктуры.

Источник: разработано автором с опорой на[663]

[662] Кожевников С.А., Патракова С.С., Ворошилов Н.В. Проблемы и подходы к выявлению границ агломераций Севера и Арктики России // Экономика региона. 2024. Т. 20. С. 429–445. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-6.

[663] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

Инструментом реализации третьего приоритета, направленного на обеспечение пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне, является межмуниципальное сотрудничество, позволяющее на новой технологической основе восстановить производственно-экономические связи для вовлечения потенциала глубинных территорий в реализацию стратегических возможностей развития региона (параграф 5.3 диссертации).

Практическая реализация данных приоритетов актуализирует задачу разработки механизма обеспечения пространственной интеграции, базирующегося на проактивной роли государства, использовании новых институтов развития и координации деятельности основных участников при реализации программ и стратегических проектов[664].

Однако *потенциальным риском* для реализации стратегических приоритетов обеспечения пространственной интеграции северных территорий является наличие различных *стратегических ограничений*, требующих выделения дополнительных ресурсов для минимизации их негативного влияния. По результатам OTSW-анализа были типологизированы такие ограничения, представленные на рисунке 23, часть из которых была рассмотрена в пп. 3.1 и 3.2 диссертации. Так, одним из ключевых стратегических ограничений интеграции социально-экономического пространства Европейского Севера России является устойчивое сокращение численности населения в постсоветский период за счёт как естественной, так и миграционной убыли населения в наиболее крупные городские агломерации страны (Московская, Санкт-Петербургская) и другие центральные регионы[665].

---

[664] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[665] Как убедительно показано в работах П.В. Дружинина, форсированная миграция населения в Московскую и Санкт-Петербургскую агломерации оказывает негативное влияние на динамику валового регионального продукта других регионов страны (в том числе северных), а утрата квалифицированных человеческих ресурсов затрудняет возможность ускоренного развития новых секторов экономики данных территорий. См.: *Дружинин П.В.* Миграция населения в московскую агломерацию как ограничение развития регионов ЦФО // Экономика региона. 2025. Т. 21. №2. С. 380-393. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-2-9. *Дружинин П.В.* Развитие экономики регионов Северо-Западного федерального округа в условиях миграции населения в Санкт-Петербургскую агломерацию // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 3. С. 100-116. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-6.

Только в 1990–2023 гг. регион потерял свыше 1/3 своего населения (численность сократилась с 6,1 до 4,0 млн чел.), а это кадры для экономики, потребители, формирующие конечный спрос. Вслед за сокращением населения идёт сжатие ёмкости региональных рынков, что объективно ограничивает развитие взаимных производственных и торговых связей с более южными регионами России[666].

Сокращение численности населения Севера привело к локационному сжатию освоенного пространства, «пространства жизни» региона. Так, в Вологодской области 70% сельских населённых пунктов не имеют населения или там проживает менее 10 чел.; в Архангельской области – 64%, по России – 39%. Данные процессы ведут к разрушению пространственного каркаса, деградации социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры, т.е. демографическому и экономическому «опустыниванию» территорий.

Это усугубляется кризисным состоянием и депопуляцией практически всех малых и средних городов Севера, являющихся связующим элементом между крупными городами и сельской местностью[667]. В свою очередь увеличение расстояния между населёнными пунктами в соответствии с первым законом географии[668] ведёт к нарушению связности между ними и, как следствие, в дальнейшем к нарастанию дезинтеграционных процессов в социально-экономическом пространстве.

---

[666] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107.
[667] Там же.
[668] Источник: Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-4-7-19

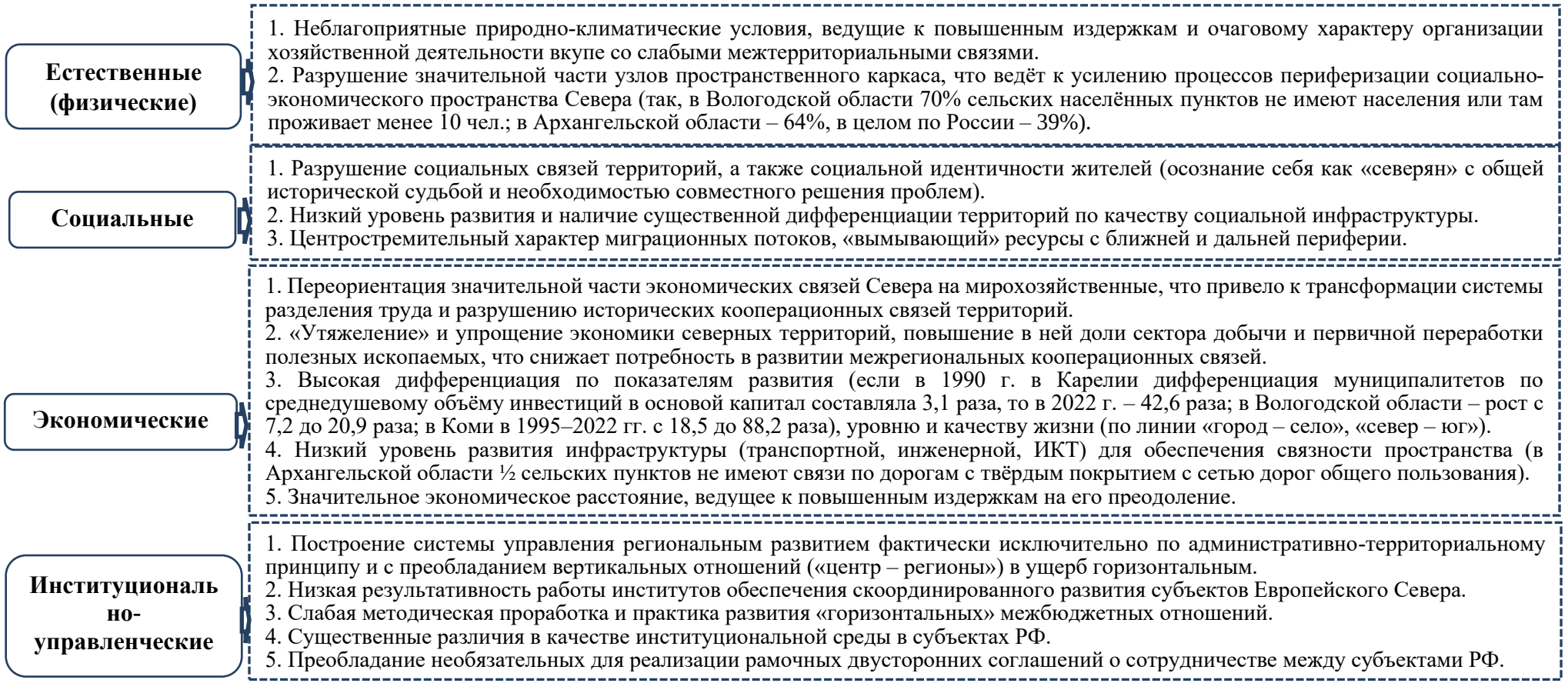

Рисунок 23 – Стратегические ограничения пространственной интеграции Европейского Севера России

Источник: составлено автором по[669,670,671]

[669] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3. С. 23–36.

[670] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[671] Шабунова А.А., Кожевников С.А. Социально-экономическое пространство СЗФО: проблемы и приоритеты обеспечения связности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. № 6. С. 49–68. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-49-68.

Ещё одним ограничением развития интеграции является *упрощение структуры хозяйства* многих экономических центров Европейского Севера России, приводящее к разрушению сложившейся системы разделения труда на меж- и внутрирегиональном уровнях. Как свидетельствуют данные таблицы 16, экономика значительной части средних и малых городов Севера в период СССР была более диверсифицированной, чем сейчас. Их экономическое ядро составляла не одна, а сразу несколько отраслей специализации (например, машиностроение, транспорт, строительная, пищевая промышленность, швейное производство). Это способствовало развитию устойчивых связей «город – село» как внутри субъекта, так и между северными территориями[672].

Однако переход к рынку в 90-е гг. XX в. запустил негативные процессы разрушения не только отраслей специализации, но и вспомогательных видов экономической деятельности[673], что привело к дальнейшему росту дезинтеграционных процессов в региональном социально-экономическом пространстве. На современном этапе экономика Европейского Севера России является в целом экспортно ориентированной с преобладанием отраслей усечённого технологического цикла, то есть производящая продукцию первых переделов с низкой добавленной стоимостью.

При этом в значительной части моногородов Севера градообразующие предприятия находятся в неустойчивом финансовом состоянии или на стадии банкротства[674].

---

[672] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

[673] Дмитриева Т.Е. Опорный каркас как основа формирования эффективного пространства социального развития северного региона (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 4. С. 34–48. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2023.82.003.

[674] Никоноров С.М., Кривичев А.И., Максимов Ю.И. Управление социально-экономической политикой в моногородах Республики Коми // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4 (48). С. 123–129. DOI: 10.37124/20799136_2021_4_48_123.

Таблица 16 – Ключевые отрасли специализации экономики ряда малых и средних городов Европейского Севера России

Город	Период СССР (II половина XX в.)	Рыночная экономика современной России
1. Воркута	– угледобыча; – «северная» наука (в сфере северного строительства и архитектуры, мерзлотоведения, экологии); – пищевая промышленность; – швейное производство	– угледобыча; –производство цемента; – пищевая промышленность
2. Инта	– угольная промышленность; – кирпичный завод; – деревообрабатывающие производства	– переработка оленины; – молочная промышленность; – добыча природного газа
3. Кондопога	Кондопожский промышленный узел: – целлюлозно-бумажное производство; – горная промышленность (производство керамического сырья для фарфоро-фаянсовой промышленности); – кирпичный завод; – лесная промышленность	– целлюлозно-бумажное производство; – шунгитовый завод
4. Надвоицы	– алюминиевая промышленность; – лесное промышленное хозяйство; – транспорт (внутренний водный: Беломоро-Балтийский канал, железнодорожный: ст. Надвоицы Мурманской ж/д)	созданы новые предприятия, однако их производственные мощности весьма ограничены: – производство алюминиевых радиаторов; – производство микрошунгита
5. Великий Устюг	– лесная промышленность (деревообработка); – судоремонтный завод; – внутренний водный транспорт; – лёгкая промышленность; – пищевая промышленность; –туризм	– лесная промышленность; – туризм; – лёгкая промышленность (кисте-щёточная фабрика); – пищевая промышленность

Источник: составлено автором на основе материалов работ[675,676]

Другим ограничением углубления интеграции Европейского Севера России является слабое развитие транспортной инфраструктуры, что подтверждают значения коэффициента Энгеля, характеризующего степень обеспеченности территории дорогами с поправкой на население. Согласно данным таблицы 17, во

[675] Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

[676] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

всех субъектах за исключением Вологодской области и Карелии его значение ниже среднего по РФ и СЗФО уровня[677].

Низкая транспортная связность ограничивает возможности получения населением ключевых социальных услуг, ведёт к повышенным издержкам на производство товаров, их доставку с внешних рынков и, в конечном счёте, является фактором, ограничивающим обеспечение устойчивого социально-экономического развития периферийных северных территорий.

Таблица 17 – Коэффициент Энгеля по автодорогам с твёрдым покрытием

Территория	Год						2023 к 1990, %	2023 к 2000, %	2023 к 2020, %
	1990	2000	2010	2020	2022	2023			
РФ	0,013	0,015	0,013	0,022	0,022	0,022	171,9	149,1	100,0
СЗФО	0,014	0,017	0,016	0,022	0,022	0,022	152,7	125,2	100,0
Республика Карелия	0,019	0,022	0,020	0,027	0,028	0,028	147,5	130,0	103,7
Республика Коми	0,008	0,014	0,010	0,012	0,012	0,013	148,6	92,3	108,3
Архангельская область	0,008	0,011	0,013	0,016	0,016	0,016	194,0	148,1	100,0
Ненецкий авт. округ	0,001	0,002	0,002	0,003	0,004	0,004	507,9	210,2	133,3
Вологодская область	0,025	0,032	0,028	0,041	0,041	0,040	158,8	124,9	97,6
Мурманская область	0,008	0,010	0,008	0,011	0,011	0,011	138,8	115,7	100,0
Примечание: расчёт коэффициента Энгеля был осуществлён по формуле**:** $К_э = L/\sqrt{S \times H}$, где: $К_э$ – коэффициент Энгеля, L – общая длина транспортных путей территории; S – площадь территории; H – численность населения территории. Для сравнения: коэффициент Энгеля в Финляндии составляет 0,06, Норвегии – 0,07.									

Источник: рассчитано автором по данным Росавтодора

Процессы интеграции сдерживаются также ограничениями *институционально-правового характера*. Слабый интеграционный потенциал институтов и структур поддержки сотрудничества усугубляется слабым их инструментальным обеспечением[678]. При этом даже немногочисленные

[677] Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI 10.15838/ptd.2021.1.111.7.

[678] Введены Федеральным законом от 02.08.2019 № 313-ФЗ в соответствии с внесением изменений в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

инструменты развития интеграции используются в недостаточной мере[679]. В частности, практически не реализуются возможности по разработке стратегических документов развития и территориального планирования нескольких субъектов РФ, которые обозначены в законодательстве (федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ)[680,681]. Разработка единых документов стратегического и территориального планирования для нескольких субъектов РФ, образующих взаимосвязанный хозяйственный и социальный комплекс, может стать основой для реализации межрегиональных проектов[682].

Снижению негативного влияния данных ограничений будет способствовать стратегирование пространственной интеграции, учитывающее, с одной стороны, объективные условия ведения хозяйственной деятельности на Севере, а с другой, – конкурентные преимущества территорий в условиях сложившихся трендов, влияющих на развитие северных регионов и потенциал обеспечения их согласованного развития.

Концептуальная схема стратегирования пространственной интеграции субъектов Европейского Севера России предполагает поддержку интеграционных процессов во всех сферах социально-экономического пространства за счёт придания им управляемого характера. Основные её элементы представлены на рисунке 24.

---

679 Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

680 Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107.

681 Бухвальд Е.М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 131–143. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.10.

682 Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36.

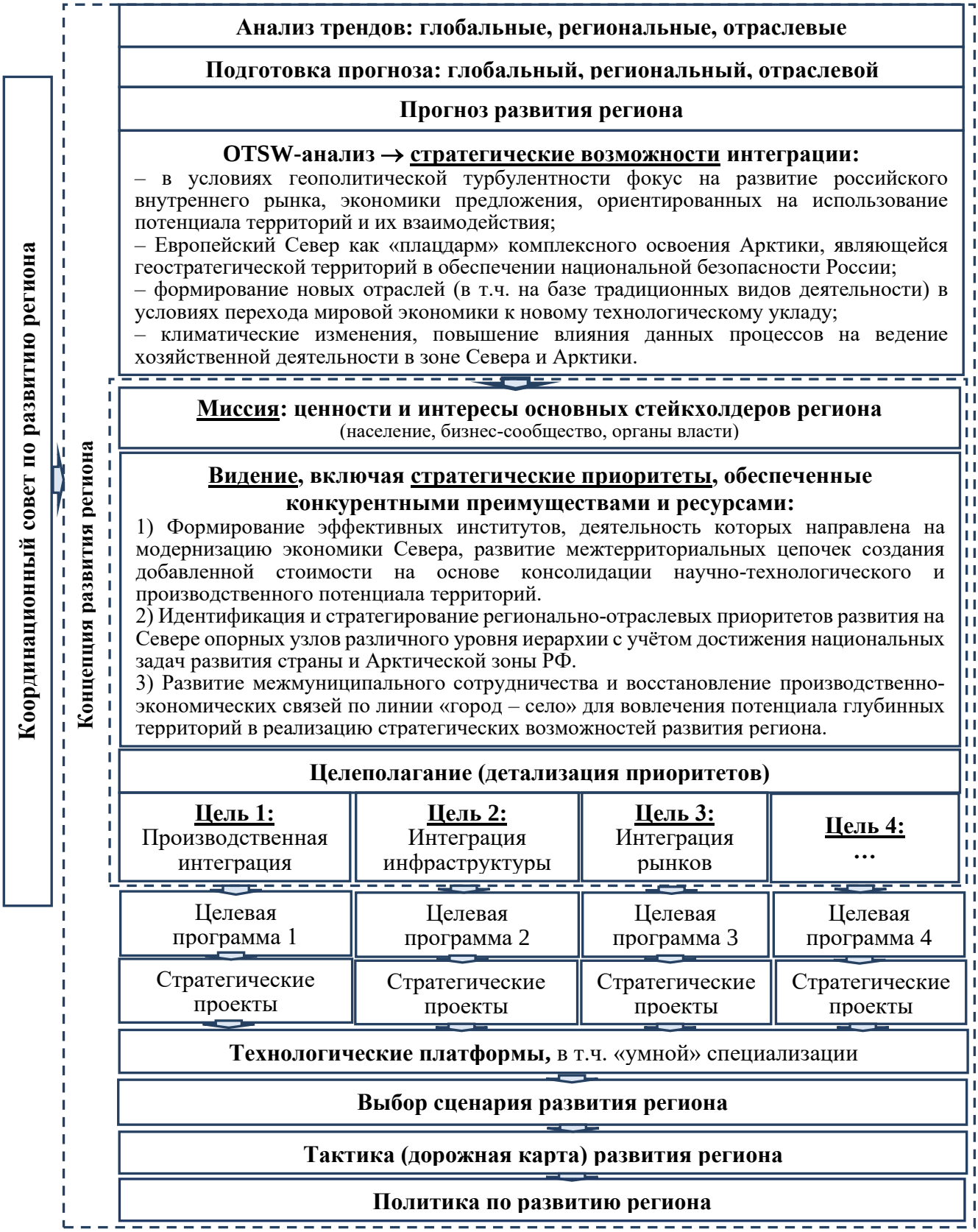

Рисунок 24 – Концептуальная схема стратегирования пространственной интеграции Европейского Севера России

Источник: составлено на основе методологии стратегирования академика В. Л. Квинта

Таким образом, можно сделать следующие промежуточные выводы:

1. Субъекты Европейского Севера России имеют объективные предпосылки для активизации интеграционных процессов; вместе с тем сложилась лишь определённая тенденция к повышению уровня интегрированности товарных и факторных рынков, а также внутренней связности пространства Двино-Печорского и отчасти Карело-Кольского субрегионов. Однако такая связность не ведёт к «сращиванию» и конвергенции их экономик, характерных для «зрелых» стадий развития интеграционных процессов.

2. Используемые в практике стратегирования формы, методы и инструменты обеспечения пространственной интеграции на меж- и внутрирегиональном уровнях (стратегии, соглашения о сотрудничестве, институты межрегиональной координации) характеризуются низкой результативностью; большинство реализуемых соглашений и проектов носят организационный, непроизводственный характер; ощущается острая нехватка в реализации межрегиональных инвестиционных проектов, ориентированных на консолидацию и рациональное использование потенциала территорий для решения стратегических задач развития макро-, регионального и национального уровней[683].

3. Предложенные теоретико-методологический базис и концептуальная схема стратегирования пространственной интеграции Европейского Севера России базируются на основных положениях теории и методологии стратегирования академика В.Л. Квинта, на проактивной роли государства в лице органов власти, институтов развития и включают комплекс стратегических приоритетов, обоснованных с учётом глобальных, национальных и отраслевых трендов и направленных на раскрытие потенциала, конкурентных преимуществ различного рода мест и основных стейкхолдеров.

---

[683] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1. С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

4. По результатам OTSW-анализа была проведена типологизация стратегических ограничений пространственной интеграции, являющихся рисками для реализации обоснованных стратегических приоритетов:

– естественные (физические) ограничения – деградация поселенческой структуры, что ведёт к усилению периферийности данных территорий; слабый уровень развития транспортной инфраструктуры и др.;

– социальные – неразвитость социальной инфраструктуры; несбалансированные миграционные потоки и др.;

– экономические – низкая ёмкость региональных рынков; преобладание экспортного крена в качестве поставщика минерально-сырьевых ресурсов и разрушение сложившейся системы разделения труда на меж- и внутрирегиональном уровнях; значительные различия в уровне социально-экономического развития территорий и др.;

– институционально-правовые и управленческие – административно-территориальный принцип управления региональным развитием; отсутствие и/или недостаточный функционал институтов управления интеграцией; неурегулированность межбюджетных отношений и др.[684];

Разработке научно-методического комплекса стратегирования пространственной интеграции Европейского Севера России на основе формирования иерархически-полицентричной модели пространства посвящена 4 глава диссертации.

[684] Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3. С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

ГЛАВА 4. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТРАТЕГИРОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИЕРАРХИЧЕСКИ-ПОЛИЦЕНТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА

4.1. Иерархически-полицентрическая модель социально-экономического пространства: особенности и приоритеты обеспечения

Города различного уровня иерархии являются ключевыми узлами пространственного каркаса любой страны, организующими центрами прилегающих к ним сельских территорий, административными центрами значительной части муниципалитетов, что обусловливает их особую стратегическую значимость в обеспечении пространственной интеграции. При этом в силу целого ряда факторов развития на практике, как правило, складываются *три основных модели* организации городской структуры, ключевые характеристики которых представлены в таблице 18.

Таблица 18 – Основные модели организации городской структуры региона

Модель	Её характеристика
1. Моноцентрическая	В регионе доминирует один городской центр либо несколько центров, географически и функционально изолированных друг от друга. Центр(ы) концентрируе(ю)т в себе основную долю человеческих, производственных, инвестиционных и иных ресурсов региона, что может привести к потенциальному риску роста внутрирегиональной социально-экономической дифференциации, активизации процессов периферизации регионального социально-экономического пространства.
2. Полицентрическая	Регион включает в себя несколько городских центров, которые организованы во взаимодополняющую городскую структуру. При этом ни один центр не является доминирующим; между городами существует тесное сотрудничество, направленное на консолидацию их потенциала и конкурентных преимуществ. Вместе они достигают критической массы, которой города не смогли бы достичь по отдельности.
3. Иерархически-полицентрическая	Иерархически-полицентрический регион включает в себя ряд крупных центров, которые взаимодействуют друг с другом, но при этом сами организуют на своей основе иерархическую структуру. Иными словами, в такой городской структуре ряд центров доминирует, а более мелкие зависят от более крупных в плане поставок специализированных товаров и услуг.

Источник: составлено автором по[685]

[685] Adolphsson M. Polycentrism, Monocentrism och Regionförstoring: Alternativa och/eller Komplementära Utvecklingsförlopp / M. Adolphsson, M. Johansson, L. Van Well. Stockholm, 2006. 46 p.

На региональном уровне негативным последствиям моноцентрической урбанизации (усилению периферизации пространства, нарастанию негативных агломерационных эффектов, рисков национальной безопасности в связи с «оголением» огромных пространств и т.п.), как свидетельствуют исследования и мировой опыт, можно противодействовать путём формирования *полицентрической пространственной структуры*, подразумевающей создание в пространстве ряда узлов пространственного каркаса, которые выполняют различные, но взаимодополняющие функции и связаны между собой развитой «жёсткой» (транспортная) и «мягкой» (ИКТ, финансовая, научно-образовательная) инфраструктурой[686].

В связи с этим во второй половине XX в. в науке и практике управления в странах Европы возник повышенный интерес к идеям *полицентризма*, в т.ч. в части формирования сбалансированной городской системы на макро-, национальном и региональном уровнях. Фундаментальная идея полицентризма заключается в определённом её противопоставлении отношениям «центр – периферия», где центром выступает, как правило, процветающая, сильная и доминирующая область (город), а периферией – слабая, маргинализированная, зависимая от центра в части получения ресурсов территория[687]. Иными словами, усиление полицентризма может быть стратегическим ответом на несбалансированную структуру, усиление процессов периферизации социально-экономического пространства[688].

Рассмотрим природу и ключевые особенности полицентризма как модели организации пространства. В наиболее общем виде полицентрическое развитие представляет собой пространственную и функциональную форму развития, при которой *существует множество центров,* а не один крупный город/регион, доминирующий над всеми остальными. М. Йоханссон (M. Johansson) отмечает, что

---

[686] Connelly S. Bradley K. Spatial justice, European spatial policy and the case of polycentric development // Paper for the ECPR Workshop on “European Spatial Politics or Spatial Policy for Europe?” Sweden, Uppsala, 2004. URL: https://relocal.eu/wp-content/uploads/2017/01/acf96714-7941-4f8c-a6a4-4680370473d3.pdf. (accessed: 20.01.2025).

[687] Waterhout B. Polycentric development. What is behind it? In European Spatial Planning (ed. Faludi A.), Cambridge, Mass: Lincoln Institute of Land Policy, 2002. P. 83–103.

[688] Baudelle G., Castagnede B. Le polycentrisme en Europe: Editions de l’Aube, DATAR // Revue Géographique de l'Est, 2002, 43, 266 p. DOI: 10.4000/rge.1803.

города в полицентрической системе имеют примерно одинаковый размер, равномерно распределены географически и более или менее одинаково доступны[689].

Полицентризм основывается не только на наличии таких узлов (на что обращается внимание с точки зрения морфологического подхода к исследованию данного феномена), но и устойчивых, взаимодополняющих сетевых связях между узлами (функциональный подход), которые могут иметь иерархический или эквипотенциальный характер, т.е. обладать одинаковым потенциалом[690]. При этом, как отмечает О. В. Толстогузов и коллеги, в полицентрической модели развития (особенно для периферийных приграничных территорий) возникает определённое наложение влияний центров или «суперпозиция гравитационных волн», что может усиливать как позитивные, так и негативные последствия центр-периферийных отношений[691].

Полицентрическое развитие предполагает формирование новых связей путём преодоления исторических барьеров, вызванных национальными границами, конкуренцией территорий, расстоянием, слабыми коммуникациями[692]. В соответствии с этим авторы определяют политику, ориентированную на достижение полицентрического развития, как распределение экономических и иных значимых функций в системе таким образом, чтобы городская иерархия сглаживалась в территориально сбалансированную систему[693].

Таким образом, полицентрическая городская структура зависит от способности городов *сотрудничать* и *дополнять друг друга*. При этом они выполняют важную функцию «локомотивов» роста экономики окружающих их

---

689 Johansson M. Urbanisering, storstäder och tillväxt: En kunskapsöversikt kring sambandet mellan städer och ekonomisk tillväxt. ITPS, 2006.

690 The Role, Specific Situation and Potentials of Urban Areas as Nodes in a Polycentric Development. ESPON Project 1.1., Second interim report, Nordregio, 2003. 610 p.

691 Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия : коллективная монография / под ред. О.В. Толстогузова. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2018. 241 с. ISBN: 978-5-9274-0842-9.

692 Hague Cl. Polycentricity Scoping Study. Edinburgh: School of the Built Environment Heriot-Watt University, 2003. 38 p.

693 Meijers E., Waterhout B., Zonneveld W. Closing the Gap: Territorial cohesion through polycentric development // European Journal of Spatial Development. 2007. № 24. URL: https://journals.polito.it/index.php/EJSD/article/view/179 (date of access: 28.01.2025).

сельских территорий за счёт получения доступа к инфраструктурным сетям и услугам, которые предоставляют возможность селу использовать свой потенциал, сохранять природный и культурный ландшафт. Эксперты считают полицентрическую модель наиболее подходящей для пространственной организации районов, расположенных вокруг средних и малых городов, и рекомендуют её также и для сельских территорий, где сеть поселений могла бы закрепить население, обеспечить занятость и базовые услуги в условиях реструктуризации в сырьевых отраслях экономики.

Вместе с тем одна из ключевых идей полицентрического развития заключается в том, что не стоит фокусироваться на укреплении всей периферии, поскольку это ведёт к её к разрастанию за счёт «распыления» ограниченных средств. Вместо этого следует развивать *отдельные, стратегически важные* для региона и страны *городские узлы,* что, в свою очередь, может привести к позитивному развитию ультрапериферии[694,695]. Поэтому полицентрическое развитие зачастую рассматривается как концепция, связывающая стремление к достижению баланса между экономическим ростом и сплочённостью, т.е. повышением связности пространства, снижением меж- и внутрирегиональной социально-экономической дифференциации.

Таким образом, на основе критического анализа зарубежных исследований можно сделать вывод о том, что полицентрическая модель организации пространства подразумевает идентификацию и развитие ряда экономически, социально и культурно доминирующих городов, относительно равномерно

---

[694] В практике Европейского союза к ультрапериферии относят территории, которые характеризуются географической удалённостью, изолированностью (т.е. расположением в океаническом или морском пространстве, отсутствием прямой коммуникации с соседними регионами), фрагментированностью, нормативным признанием территории таковой через договоры и специальные программы. Источник: Муслимова Е.О. Автономизация европейских ультрапериферийных регионов (XX–XXI века) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 414–433. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-414-433.

[695] Connelly S. Bradley K. Spatial justice, European spatial policy and the case of polycentric development // Paper for the ECPR Workshop on “European Spatial Politics or Spatial Policy for Europe?” Sweden, Uppsala, 2004. URL: https://relocal.eu/wp-content/uploads/2017/01/acf96714-7941-4f8c-a6a4-4680370473d3.pdf (date of access: 20.01.2025).

расположенных по территории и хорошо связанных между собой развитыми производственно-экономическими и социокультурными связями.

Анализ отечественной научной литературы свидетельствует о том, что у исследователей концепция полицентризма часто рассматривается, как правило, в работах по политологии (связано это с вопросами глобальной турбулентности и процессами формирования многополярного мира), философии и лингвистике. В региональной и пространственной экономике таких работ немного[696,697,698,699,700] и по большей части они развивают рассмотренные выше положения.

Поскольку концепция полицентризма наиболее широко применялась в государствах Европейского союза, то целесообразно рассмотреть трактовку её содержания, особенностей и принципов организации, закреплённых в стратегических документах данных стран, а также разрабатываемую в научных организациях и институтах развития.

Так, авторы[701] выделяют два типа такой политики в Евросоюзе:

1 тип, направленный на преодоление разрыва между различными категориями городов (увеличение темпов роста в большей степени в небольших/менее экономически значимых городах); представители данного типа политики – большинство стран ЕС;

2 тип, направленный на преодоление разрыва между городами,

---

[696] Красносельская Д.Х. Полицентризм пространственного развития экономики региона: анализ ключевых подходов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2017. № 3 (21). С. 59–65. EDN: WCJPNJ.

[697] Красносельская Д.Х. Оценка значимости региональной полицентричности для России переходного периода // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 2. С 389–401. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-3

[698] Красносельская Д.Х. Систематический обзор термина использованием методологии PRISMA // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XVIII Международной конференции. Екатеринбург, 2023. С. 834–837.

[699] Красносельская Д.Х., Тимирьянова В.М. Оценка полицентричности систем расселения: чувствительность к методам, количеству наблюдений и уровню агрегирования данных // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2022. Т. 20. № 4. С. 144–153. https://doi.org/10.18503/1995-2732-2022-20-4-144-153.

[700] Лаврикова Ю.Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: дис. … д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2009. 358 с.

[701] Meijers E., Waterhout B., Zonneveld W. Closing the Gap: Territorial cohesion through polycentric development // European Journal of Spatial Development. 2007. No. 24. URL: https://journals.polito.it/index.php/EJSD/article/view/179 (date of access: 28.01.2025).

расположенными в регионах, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития; представитель данного типа политики – Швеция.

Центральной идеей Перспективы европейского пространственного развития (*European Spatial Development Perspective, ESDP*), принятой ЕС в 1999 г., является *полицентричность или полицентрическое развитие*[702]. Наиболее важной особенностью данной концепции являлось то, что она связывала довольно противоречивые цели сплочения на территории ЕС и конкурентоспособности Европы на глобальном уровне[703,704]. ESDP была направлена на преодоление усиливающегося разрыва между развитием «Пентагона» (Лондон – Париж – Милан – Мюнхен – Гамбург) и остальной Европы. Иными словами, концепция полицентричности подразумевала смену парадигмы в понимании пространственной и экономической структуры Европы и предполагала отказ от развития в рамках традиционной центр-периферийной модели[705].

В ESDP предполагалось, что полицентрическое развитие не должно оставаться ограниченным более крупными мегаполисами Европы – полицентрическая структура расселения должна охватывать всю территорию ЕС. Для улучшения пространственного баланса в Европе необходимо создать несколько динамичных зон глобальной экономической интеграции, равномерно распределённых по территории ЕС и включающих сеть доступных на международном уровне мегаполисов и связанных с ними внутренних районов (поселков, городов), сельские районы разного масштаба. Для создания более сбалансированной структуры расселения важно, чтобы сельским территориям были предоставлены возможности для развития.

Каждая новая зона глобальной экономической интеграции способствует

---

[702] Andre D. Polycentrism in national spatial plans in Europe: towards a common spatial vision? Paperback/ D. Andre – Lambert Academic Publishing, 2010. 68 p.
[703] Zonneveld W. Discursive aspects of strategic planning: a deconstruction of the ‘balanced competitiveness’ concept in European spatial planning // in The Revival of Strategic Planning. / (eds W Salet and A. Faludi). Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2000. P. 267−280.
[704] Waterhout B. Polycentric development. What is behind it? In European Spatial Planning (ed. Faludi A.), Cambridge, Mass: Lincoln Institute of Land Policy, 2002. P. 83–103.
[705] Rozenblat C., Cicille P. Les villes Européennes Analyse comparative. La Documentation française. Paris, 2003. 100 p.

полицентрическому развитию европейской территории в целом; при этом зона сама по себе демонстрирует полицентрическую городскую структуру. Таким образом, мы можем сказать, что ESDP включает в себя *концепцию вложенной полицентричности* и выступает за создание сетей небольших городов.

Антиномия между иерархией и полицентризмом действительно была одной из наиболее обсуждаемых тем во время дебатов о разработке Перспективы европейского пространственного развития (ESDP), в работе ESPON (программа ЕС, направленная на поддержку территориального развития в Европе). В документах ESPON полицентричность определяется как «пространственная организация городов, характеризующаяся функциональным разделением труда, экономической и институциональной координацией, а также политическим сотрудничеством»[706].

Программа Interreg IIC[707] применила концепцию полицентрического развития и формировании новых отношений между городом и деревней. В ней отмечалось: нельзя игнорировать тот факт, что *некоторые иерархические элементы могут быть не только неизбежными, но и желательными* для того, чтобы использовать эффект критической массы и стимулировать процессы распространения инноваций в регионах, где пространственная система слаба и доминируют один или несколько городских центров. В программе ESPON проблематика полицентрического развития находилась в фокусе реализации одного из ключевых её проектов («Роль, специфическая ситуация и потенциал городских районов как узлов полицентрического развития»). Анализ полицентричности означает не только изучение отдельных городских районов и их функций, но и связей, отношений между городскими районами.

Вместе с тем данные идеи не являются универсальными и подвергаются критике в целом ряде научных исследований. В частности, Э. Мейерс (E. Meijers)

---

[706] The Role, Specific Situation and Potentials of Urban Areas as Nodes in a Polycentric Development. ESPON Project 1.1., Second interim report, Nordregio, 2003. 610 p.

[707] Interreg IIC – инициатива ЕС, которая проводилась в 1997-1999 гг. и была направлена на сотрудничество территорий в области регионального планирования.

проверял гипотезу о том, может ли полицентрический городской регион предоставлять культурные, досуговые и спортивные удобства в той же степени, что и моноцентрический город-регион в 42 голландских регионах. Его исследование доказало обратную связь между степенью полицентричности и представленными удобствами[708].

Авторы[709,710] также отмечают, что в исследованиях по причине нечётких аналитических рамок зачастую получаются противоречивые оценки о влиянии полицентрической системы на характеристики территориального развития.

Кроме того, в работе[711] был представлен критический взгляд на полезность концепции полицентризма *в странах с небольшим населением на большой территории.* Было обосновано, что полицентрическая структура подходит для государств со значительной численностью населения, сформировавшейся сеткой крупных городов. При этом сложилась позиция, подразумевающая, что на практике существует большой разрыв между странами, *где либо пространство, либо население является дефицитным ресурсом.* Поэтому, например, в Швеции полицентризм не даёт такой эффективности.

Однако именно в Швеции в том или ином виде концепция полицентричности была реализована на практике (первый этап реформ – 1952 г.; второй – 1974 г.). Целью реформ было обеспечение более сбалансированного развития путём поддержки стратегически выбранных городов. На практике такая политика предполагала развитие *иерархически-полицентрической модели* пространственной организации страны.

Теоретической основой данной модели организации социально-

---

[708] Meijers E. Summing Small Cities Does Not Make a Large City: Polycentric Urban Regions and the Provision of Cultural, Leisure and Sports Amenities // Urban Studies. 2008. No. 45 (11). P. 2323–2342. DOI: 10.1177/0042098008095870.

[709] Derudder B., Liu X., Wang M., Zhang W., Wu K., Caset F. Measuring polycentric urban development: The importance of accurately determining the “balance” between “centers”// Cities. 2021. Vol. 111. No. 103009.

[710] Красносельская Д.Х., Тимирьянова В.М. Оценка полицентричности систем расселения: чувствительность к методам, количеству наблюдений и уровню агрегирования данных // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2022. Т. 20. № 4. С. 144–153. DOI: 10.18503/1995-2732-2022-20-4-144-153.

[711] Andre D. Polycentrism in national spatial plans in Europe: towards a common spatial vision? Paperback. Lambert Academic Publishing, 2010. 68 p.

экономического пространства выступили работы В. Кристаллера (W. Christaller), который приводил доводы в пользу развития *иерархии* европейских городов[712,713]. В. Кристаллер также представил гипотезу о максимальном расстоянии, которое люди готовы преодолеть, чтобы получить услугу или товар. В связи с этим, согласно его теории, логика рынка (спрос и предложение) со временем может создать *пространственно-иерархическую систему городов*, которая непосредственно и будет контролировать их рост. Территория с высокой численностью населения и развитой инфраструктурой может выйти на крупный рынок, привлечь производителей специализированных товаров и квалифицированных рабочих, в результате чего город достигнет высокого положения в иерархии[714], которое основывается на степени специализации и диверсификации деятельности внутри города и окружающих его территорий.

В 1970 г. в Швеции идея городской системы, основанной на четырёх иерархических уровнях, была предложена экспертной группой по исследованию регионального развития и выбрана в качестве стратегической. Такие четыре уровня городской системы включали в себя*:* 1) крупные города; 2) города, альтернативные крупным; 3) региональные центры роста; 4) центры обслуживания. Цель – обеспечить, чтобы функции, предоставляемые в самом крупном городе, были более квалифицированными, чем функции в группе городов второго уровня (которые, в свою очередь, были более квалифицированными, чем в городах третьего уровня, и т.д.)[715].

По мнению Дж. Оман (J Öhman), стратегической целью региональной политики в Швеции на данном этапе являлось сокращение пространственных дисбалансов путём сочетания ограничительной и стимулирующей политики. Одним из её инструментов было перемещение государственных учреждений и

---

[712] Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland, Fischer, Jena. 1933. 331 p.
[713] Kunzmann K. The Europeanization of Spatial Planning in Regional development and spatial planning // Enlarged European Union (eds N. Adams, J. Alden, and N. Harris.). London: Routledge, 2006. 21 p.
[714] Adolphsson M. Polycentrism, Monocentrism och Regionförstoring: Alternativa och/eller Komplementära Utvecklingsförlopp / M. Adolphsson, M. Johansson, L. Van Well. Stockholm, 2006. 46 p.
[715] SOU 1974: 1 Orter i regional samverkan. URL: https://lagen.nu/sou/1974:1 (date of access: 24.01.2025).

создание региональных университетов в альтернативных городах[716,717].

Обеспечение полицентричности предполагалось в том числе за счёт укрупнения муниципалитетов. Идея заключалась в том, что каждому муниципалитету нужно минимальное количество населения и хотя бы один главный город (муниципальный центр), который имеет возможность предоставлять базовые государственные услуги гражданам и быть связанным как с региональными, так и национальными рынками.

Таким образом, *иерархический полицентрический регион* представляет собой несколько крупных центров, которые организованы в иерархическую структуру центрального места. В его основе лежит крупный город с диверсифицированной структурой экономики, крупными образовательными центрами, развитым сектором государственных и частных услуг. Такой центр окружён средними и малыми городами, связанными с прилегающей к ним сельской местностью. В результате отношения и взаимосвязи между такими единицами составляют *пространственно-иерархическую систему*[718].

В российских работах также обосновывается возможность применения идей как полицентрической, так и иерархически-полицентрической моделей организации национального пространства. В частности, в одном из проектов Концепции Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года, разработанной Минэкономразвития[719], были предложены сетевая кластерная и равномерно-иерархические модели организации пространства страны.

Сетевая кластерная модель ориентирована на формирование в масштабе страны 10–15 компактных ареалов межрегиональной интеграции (сетевых

---

[716] Öhman J. Den planeringsinriktade kulturgeografin i Sverige in Traditioner i Nordisk kulturgeografi, (ed. J. Öhman), Stockholm, 1994. URL: https://kansalliskirjasto.finna.fi/Record/vaari.1569666 (date of access: 28.01.2025).

[717] Gorpe P., Sigfridson R., Nilsson J-E. Regionalpolitiken i praktiken: ett länsperspektiv. Stockholm: Fritzes, 2000. 197 p.

[718] Öhman J. Den planeringsinriktade kulturgeografin i Sverige in Traditioner i Nordisk kulturgeografi, (ed. J. Öhman), Stockholm, 1994. URL: https://kansalliskirjasto.finna.fi/Record/vaari.1569666 (date of access: 28.01.2025).

[719] Проект Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/koncepciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

кластеров) с высоким экономическим потенциалом за счёт максимизации «надагломерационных» социально-экономических эффектов, достигаемых обеспечением пространственной интеграции соседних городских агломераций, объединённых развитой сетью «вертикальных» и «горизонтальных» коммуникаций и являющихся центральным ядром макрорегионов страны. Не вошедшие в состав сетевых кластеров территории получат при этом устойчивые транспортно-коммуникационные связи с ними, в результате чего сформируется новый тип пространственного каркаса страны.

Вместе с тем в случае реализации данной модели существует риск дальнейшего сжатия освоенного социально-экономического пространства, поскольку даже по расчётам авторов данной концепции площадь территории сетевых кластеров составит всего 12–15% территории России или 30–35% территории основной полосы расселения; произойдёт увеличение количества агломераций до 150–160 единиц в результате образования в сетевых кластерах новых агломераций с населением до 250 тыс. чел.

Однако далеко не все крупные города имеют потенциал формирования развитых агломераций[720]. В качестве плюса данной модели выступает формирование компактных межрегиональных ареалов интегрированных секторов «новой» и «традиционной» экономики, стимулирующих развитие внутреннего рынка и конкурентоспособность экономики, а также дающих новый импульс развитию неурбанизированных территорий.

Равномерно-иерархическая модель ориентирована на *капитализацию локальных ресурсов и конкурентных преимуществ территорий*, преодоление их разрывов в уровнях развития экономики и качестве жизни населения. В каждом субъекте РФ сформируются 5–10 межрайонных систем расселения. В свою очередь на урбанизированных территориях численность населения и количество агломераций с населением 100–500 тыс. чел. увеличатся, прежде всего за счёт новых агломераций, являющихся организующими узлами формирующихся

[720] Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. 2017. Т. 47. № 7. С. 5–19. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-7-5-19.

многофункциональных подцентров региональных систем расселения. Помимо этого, увеличится количество городов – многофункциональных подцентров межрегиональных систем расселения, играющих также роль «контрмагнитов» городов и крупнейших агломераций.

Данная идея так или иначе нашла своё отражение в новой Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р), где в качестве перспективных центров экономического роста рассматриваются не только городские агломерации различного уровня иерархии (ядро – город с населением свыше 250 тыс. чел.), но и ряд опорных населённых пунктов за пределами их влияния. В результате в Единый перечень опорных населённых пунктов России (утв. президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 16 декабря 2024 г. № 143-пр) было включено 2160 единиц, однако лишь в 8,5% из них предполагается реализация новых «якорных» инвестиционных проектов.

Опорным узлом пространственного каркаса должна быть территория, не только преодолевшая минимальную пороговую численность населения и обеспеченная транспортной, социальной и иной инфраструктурой в соответствии с требованиями по доступности таких услуг, но и выступающая организующим хозяйственным центром внутри- и межрегионального уровней. Данные обстоятельства актуализируют задачу разработки и апробации методического инструментария идентификации всех таких объективно формирующихся опорных узлов в пространственном каркасе региона.

4.2. Методический инструментарий идентификации опорных узлов в социально-экономическом пространстве

Эволюция социально-экономического пространства в условиях перехода мировой экономики к новому технологическому укладу базируется на динамичном развитии не только вертикальных (иерархических), но и *горизонтальных связей*

между его элементами, реализации *иерархически-полицентрической модели пространственной организации*, предполагающей формирование новых центров роста за пределами крупнейших мегаполисов, которые при этом характеризуются высоким качеством городской среды (например, в контексте обеспечения такой урбанизации нового типа в КНР принята стратегия *«Two-horizontal Three-vertical»*[721]).

Развитие межрегиональных взаимодействий в России в течение трех последних десятилетий также прошло путь от автаркии регионов до понимания того, что их кооперация является политическим и экономическим ресурсом развития, который крайне важно задействовать[722].

В связи с этим становится очевидной необходимость идентификации в социально-экономическом пространстве Европейского Севера России опорных узлов различной природы, выполняющих роль не только внутрирегиональных, но и межрегиональных центров локализации социально-экономической активности. Их соразвитие выступит необходимым условием дальнейшего освоения «вглубь» и удержания пространства Севера на основе генерации и распространения импульсов промышленно-инновационного развития[723].

В экономической науке сложился ряд методических подходов и соответствующего инструментария идентификации узловых точек в социально-экономическом пространстве с учётом потенциала активизации их взаимодействия. Среди них значимое место занимают *гравитационные модели*. Одна из первых таких моделей, разработанная для международного уровня, показала, что торговля между двумя странами зависит от масштаба их экономики (ВВП) и географического расстояния между ними[724].

---

[721] Бахтизин А.Р. Урбанизация и вопросы пространственного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 250. № 6. С. 69–88. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-69-88.

[722] Коломак Е.А. Оценка пространственной связности экономической активности российских регионов // Регион: экономика и социология. 2019. № 4. С. 55–72. DOI: 10.15372/REG20190403.

[723] Татаркин А.И., Лаврикова Ю.Г., Высокинский А.Г. Развитие экономического пространства Российской Федерации на основе кластерных принципов // Федерализм. 2012. № 1. С. 45–60. EDN: OVXWSV.

[724] Tinbergen J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. New York: Twentieth Century Fund, 1962. 330 p.

При этом первые спецификации уравнений гравитации не имели твёрдого теоретического обоснования[725,726], однако они оказались востребованными на практике благодаря высокой объясняющей способности. В результате концепция гравитации широко используется не только в исследованиях международной торговли [727,728,729].

Кроме упомянутой области данные модели нашли применение при оценке экономических связей между узлами социально-экономического пространства, роль которых выполняют города, представляющие собой фокусы экономической жизни, притягивающие рабочую силу, финансовые ресурсы, производственные активы и т.п. Так, в исследовании[730] было обосновано усиление связей и снижение пространственного неравенства между городами Китая в результате строительства Цинхай-Тибетской железной дороги. В работе учёных[731] выявлены особенности пространственно-временной эволюции геоэкономических связей Китая, а коллектив авторов[732] изучил пространственные взаимодействия промышленности на межгородском уровне в пространстве агломерации.

Гравитационные модели с определённой долей успешности позволяют «наложить» физическое и социально-экономическое пространства при анализе и

---

[725] Baltagi B.H., Egger P.H., Erhardt K. The Estimation of Gravity Models in International Trade // Advanced Studies in Theoretical and Applied Econometrics. P. 323–348. DOI: 10.1007/978-3-319-60783-2_11.

[726] Томаев А., Каукин А., Павлов П. Внутренняя торговля России: применение гравитационной модели // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 5. С. 60–89. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-5-60-89.

[727] Могилат А.Н., Сальников В.А. Оценка потенциала взаимной торговли стран Единого экономического пространства при помощи гравитационной модели торговли между регионами России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3 (27). С. 80–108. EDN: UKWDDL.

[728] Kaukin A., Idrisov G. Spatial Gravity Model of Foreign Trade. 2013. URL: https://ssrn.com/abstract=2273162 DOI: 10.2139/ssrn.2273162 (date of access: 28.01.2025).

[729] Симарова И.С. Обоснование регионального развития с учётом связанности экономического пространства: дис. … канд. экон. наук. Тюмень, 2014. 146 с.

[730] Li S., Gong J., Deng Q., Zhou T. Impacts of the Qinghai–Tibet Railway on Accessibility and Economic Linkage of the Third Pole // Sustainability. 2018. Vol. 10(11). P. 3982. DOI: 10.3390/su10113982.

[731] Yang W.L., Du D.B., Liu C.L., Ma Y.H. Study on the spatial-temporal evolution and internal mechanism of geo-economic connections of China // Acta Geographica Sinica. 2016. Vol. 71(6). P. 956–969. DOI: 10.11821/dlxb201606005.

[732] Yu Y., Han Q., Tang W., Yuan Y., Tong Y. Exploration of the Industrial Spatial Linkages in Urban Agglomerations: A Case of Urban Agglomeration in the Middle Reaches of the Yangtze River, China // Sustainability. 2018. Vol. 10(5). P. 1469. DOI: 10.3390/su10051469.

тем самым идентифицировать основные «центры тяжести» хозяйственных, социальных взаимодействий, их силу и направленность.

Дальнейшее развитие научных основ пространственных взаимодействий способствовало усложнению используемых методов и появлению моделей, основанных на максимизации энтропии[733], инструментарии перколяционного анализа[734], нейронных сетей[735,736] и т.д.

Несмотря на использование гравитационных моделей в экономике на международном, национальном и макро- и региональном уровнях, они имеют ряд особенностей[737], которые ограничивают их широкое применение для идентификации опорных узлов пространственного каркаса: а) такие модели зачастую весьма слабо учитывают реальную «вязкость» социально-экономического пространства (для разных сил связности она обычно находится в диапазоне от 2 до 3 единиц), расчёт которой трудозатратный и требует богатой эмпирической базы[738]; б) для их применения на макро- и региональном уровнях возникает сложность в получении необходимой статистической информации по городам различного уровня иерархии, которых зачастую много, что усложняет модель; в) имеет место сложность понимания и обоснования движущих сил, лежащих в основе потенциальных пространственных структур и связей; г) из наблюдения исключается значительная часть сельских территорий, узлы которых также могут выступать в роли организующих центров, и т.п.

---

[733] Wilson A.G. Some new forms of spatial interaction model: a review // Transportation Research. 1975. Vol. 9(2–3). P. 167–179. DOI: 10.1016/0041-1647(75)90054-4.

[734] Piovani D., Molinero C., Wilson A. Urban retail dynamics: insights from percolation theory and spatial interaction modelling. PLoS One. 2017. Vol. 12(10). P. 1–11. DOI: 10.1371/journal.pone.0185787.

[735] Fischer M., Reismunn M. A methodology for neural spatial interaction modeling // Geographical Analysis. 2002. Vol. 34(3). P. 207–228. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2002.tb01085.x.

[736] Reggiani A. Spatial Interaction Models: From the Gravity to the Neural Network Approach // Contributions to Economic Analysis. 2005. Vol. 266. P. 319–346. DOI: 10.1108/S0573-8555(2005)0000266012.

[737] Бабурин В.Л., Земцов С.П., Кидяева В.М. Методика оценки потенциала экономико-географического положения городов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 1. С. 39–45. EDN: WGBHXP.

[738] Земцов С.П., Бабурин В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 117–138. DOI: 10.17059/2016-1-9.

Данные ограничения так или иначе разрешают широко используемые в зарубежных и отечественных исследованиях *методы пространственной автокорреляции*, которые активно применяются при обосновании приоритетов политики пространственного развития как региона в целом, так и его отдельных отраслей[739,740], обеспечения связности регионов[741,742], городских узлов пространственного каркаса, в т.ч. в границах федеральных округов[743,744], определения зон их влияния и др.[745,746]

В связи с этим был разработан *авторский методический инструментарий идентификации опорных узлов*, основанный на применении методов пространственной автокорреляции и позволяющий учитывать силу разных пространственных взаимодействий (социальных, экономических, инфраструктурных) с учётом транспортной связности территорий.

Ввиду сформировавшейся в стране системы административно-территориального деления в диссертационном исследовании опорный узел пространственного каркаса рассматривается не как населённый пункт, а более широко, т.е. как муниципальное образование, обладающее правосубъектностью и имеющее органы управления для практической реализации мер государственной и

---

739 Наумов И.В., Никулина Н.Л. Оценка и моделирование пространственных взаимовлияний в развитии кадрового потенциала научно-исследовательской деятельности регионов России // Экономика региона. 2023. № 19 (3). С. 782–800. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-13.

740 Наумов И.В., Седельников В.М. Прогноз влияния инвестиций на пространственную неоднородность развития отрасли животноводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 16 (2). С. 88–111. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.5.

741 Bivand R., Muller W., Reder M. Power calculations for global and local Moran's I // Computational Statistics and Data Analysis. 2009. Vol. 53. No. 8. P. 2859–2872.

742 Cliff A. D., Ord J. K. The problem of spatial autocorrelation // London Papers in Regional Science 1, Studies in Regional Science / ed. by A. J. Scott. London: Poin, 1969. P. 25–55.

743 Манаева И.В. Формирование методологии стратегирования пространственного развития городов России: монография. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 368 с. ISBN 978-5-89781-689-7.

744 Секушина И.А. Пространственно-временной анализ трансформации городской системы расселения Европейского Севера России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 12 (470). Экономические науки. Вып. 79. С. 102–112. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11211.

745 Социально-экономическое пространство регионов Северо-Запада России: состояние и тенденции развития. 1990–2023 гг.: аналитический бюллетень. Вып. 1 / под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 139 с.

746 Павлов Ю.В., Королева Е.Н. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 95–110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110.

муниципальной политики. При этом следует понимать, что организующим центром таких муниципалитетов, как правило, являются города различного уровня иерархии (в силу ликвидации в значительной части регионов России в соответствии с новой реформой местного самоуправления сельских поселений).

Данный подход позволяет выявлять *территориальные кластеры*, т.е. зоны, характеризующиеся одновременно высокой социальной, экономической и инфраструктурной «плотностью» и связностью, что даёт возможность рассматривать их в качестве опорных узлов пространственного каркаса региона. Преимущество данного подхода, в отличие от применяемого в практике при определении Единого перечня опорных населённых пунктов, – ориентация на их выделение в пределах не только одного субъекта РФ, но и целых зон интеграции в пространстве Европейского Севера России[747].

Алгоритм расчётов заключается в реализации следующих этапов.

I этап. Выбор типа матрицы W пространственных весов, необходимой для расчёта пространственной автокорреляции, её формирование и нормирование, заключающееся в расчёте обратных показателей расстояния между населёнными пунктами по дорогам. Результатом стала сформированная матрица обратных расстояний по автодорогам между центрами муниципалитетов Европейского Севера России (для территорий, где нет автодорог, учитывали и паромные переправы, «зимники»). В случае, если центры муниципалитетов совпадали (например, муниципальное образование «Городской округ город Вологда» и Вологодский муниципальный округ), бралось минимальное расстояние в 1 км.

II этап. Обоснование показателей – атрибутов для анализа.

В результате на основе данных Росстата были выбраны показатели, высокое значение которых свидетельствует о том, что территория является опорным узлом пространственного каркаса, где имеют место высокая социальная, экономическая и инфраструктурная «плотность» и связность:

а) плотность населения, *чел./кв. км*;

[747] Утверждён президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 16 декабря 2024 г. № 143пр).

б) объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) на душу населения, *тыс. руб./чел.*;

в) плотность автодорог общего пользования местного значения муниципальной собственности, *км/кв. км*.

*III этап***.** Выявление пространственной неоднородности по всей совокупности анализируемых территорий с помощью расчёта в программе Stata *глобального индекса автокорреляции Морана*:

$$I_G = \frac{\sum_{i=1}^{n} \sum_{j=1}^{n} w_{ij}(x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n}(x_i - \bar{x})^2 \sum_{i=1}^{n} \sum_{j=1}^{n} w_{ij}}, \quad (2)$$

где n – число объектов (муниципалитетов); w_{ij} – элемент матрицы пространственных весов W; x_i – исследуемый показатель муниципалитета i; x_j – показатель муниципалитета j; $\bar{x}$ – среднее значение показателя по всем муниципалитетам.

Полученные оценки являются статистически значимыми на 5 и 10% уровнях и представлены в таблице 19, приложении к диссертации. По результатам расчётов положительная пространственная автокорреляция зафиксирована только в отношении отгрузки на душу населения. То есть, как правило, муниципальные образования, для которых характерны более высокие значения отгрузки, соседствуют с территориями, в которых наблюдаются также высокие значения показателя. В свою очередь муниципалитеты с относительно низкими значениями также соседствуют преимущественно друг с другом, то есть в пространстве региона сложились определённые территориальные кластеры по данному показателю.

Таблица 19 – Глобальные индексы пространственной автокорреляции Морана (I_G) в муниципальных образованиях Европейского Севера России

Показатель	Отгрузка на душу населения	Плотность населения	Плотность автодорог
2019 г.			
I_{G2019}	0,146**	-0,089**	-0,042*
2024 г.			
I_{G2024}	0,043**	-0,087**	-0,037*
Примечание: * p-value < 0,1; ** p-value < 0,05.			

Источник: расчёты автора

Отрицательная автокорреляция, которая в научных исследованиях встречается значительно реже, зафиксирована в отношении показателей плотности населения и автодорог. Иными словами, муниципалитеты, характеризующиеся относительно высокими значениями этих показателей, зачастую соседствуют с территориями с относительно низкими значениями. Всё это указывает на высокую степень неоднородности пространства Европейского Севера России по показателям социального и инфраструктурного развития.

При этом снижение значений индекса в 2024 г. по сравнению с 2019 г. свидетельствует о большей фрагментации социально-экономического пространства региона, разрушении в нем потенциала ряда опорных узлов.

*IV этап***.** Выявление пространственной автокорреляции между отдельными объектами на основе *локального индекса Морана,* что позволяет изучать вклад каждого индивидуального наблюдения в пространстве региона:

$$I_l = \frac{\sum_{j=1}^{n} w_{ij}(x_i - \bar{x})(x_j - \bar{x})}{\frac{1}{n}\sum_{j=1}^{n}(x_i - \bar{x})^2} \quad (3)$$

Распределение исследуемых объектов по квадрантам диаграммы рассеяния Морана в зависимости от значения исследуемого показателя и особенностей его пространственного размещения представлено на рисунке 25.

LH (Low-High) Территории с *отрицательной автокорреляцией.* Имеют относительно низкие значения анализируемого признака, окружены территориями с относительно высокими значениями признака.	HH (High-High) Территории с *положительной автокорреляцией.* Имеют относительно высокие значения анализируемого признака, окружены территориями с относительно высокими значениями признака.
LL (Low-Low) Территории с *положительной автокорреляцией.* Имеют относительно низкие значения анализируемого признака, окружены территориями с относительно низкими значениями признака.	HL (High-Low) Территории с *отрицательной автокорреляцией.* Имеют относительно высокие значения анализируемого признака, окружены территориями с относительно низкими значениями признака.

Рисунок 25 – Квадранты диаграммы рассеяния Морана

Источник: составлено автором

Расчёт локальных индексов Морана позволил распределить муниципалитеты по квадрантам диаграммы рассеяния. Для удобства визуализации результаты представлены в таблице 20. Среди 111 муниципалитетов региона лишь 27 единиц (24,3%) вошли в кластеры «High-High» и «High-Low» по анализируемым показателям. Именно они могут выполнять роль опорного узла в полном смысле этого слова, т.е. являются не только социальными, но и организующими хозяйственными центрами.

Таблица 20 – Распределение муниципальных образований по квадрантам диаграммы рассеяния на основе расчёта локальных индексов Морана*

Муниципальное образование	Отгрузка на душу населения	Плотность населения	Плотность автодорог
Республика Карелия			
ГО г. Петрозаводск	Low-Low	High-Low	High-Low
ГО г. Костомукша	High-Low	Low-Low	Low-Low
Сегежский МО (г. Сегежа)	High-Low	Low-High	Low-Low
Республика Коми			
ГО Ухта	High-Low	Low-Low	Low-Low
МО Вуктыл	High-High	Low-Low	Low-Low
МО Усинск	High-High	Low-Low	Low-Low
МР Княжпогостский (г. Евма)	High-Low	Low-Low	Low-Low
МР Печора (г. Печора)	High-High	Low-Low	Low-Low
Архангельская область с Ненецким авт. округом			
ГО г. Архангельск	Low-Low	High-Low	High-Low
ГО Коряжма	High-Low	High-High	High-High
ГО Котлас	Low-Low	High-Low	High-Low
ГО Новая Земля (пгт Белушья Губа)	High-Low	Low-High	Low-High
ГО Новодвинск	High-Low	High-High	High-High
ГО Северодвинск	High-Low	High-High	Low-High
Мезенский МО (г. Мезень)	High-Low	Low-High	Low-High
ГО г. Нарьян-Мар	High-High	High-Low	High-Low
Заполярный МР (р.п. Искателей)	High-High	Low-High	Low-High
Вологодская область			
ГО г. Вологда	Low-Low	High-Low	High-High
ГО г. Череповец	High-Low	High-Low	High-High
Вологодский МО (г. Вологда)	Low-Low	Low-High	High-High
Мурманская область			
ГО город-герой Мурманск	Low-High	High-Low	High-Low
МО г. Кировск	High-High	Low-Low	Low-Low
Ковдорский МО (г. Ковдор)	High-High	Low-Low	Low-Low
МО г. Мончегорск	High-Low	Low-Low	Low-Low
Печенгский МО (пгт Никель)	High-High	Low-High	Low-Low
МО г. Полярные Зори	High-High	Low-Low	Low-Low
Кольский МО (г. Кола)	High-High	Low-High	Low-High

Примечание: МО – муниципальный округ, МР – муниципальный район, ГО – городской округ.
* Представлена часть таблицы с муниципалитетами, входящими в кластеры HH и HL.

Источник: расчёты автора

Наибольшее число таких образований сосредоточено в северо-западном углу макрорегиона (Мурманская область), его центрально-восточной части (Архангельская область, Республика Коми). Административными центрами этих муниципалитетов являются крупные, большие, средние и малые города, рабочие посёлки (р.п.) и посёлки городского типа (пгт)[748].

Опорными узлами могут быть не только агломерационные формы, но и ряд точек за пределами их влияния. Их список представлен в таблице 21.

Таблица 21 – Опорные узлы пространственного каркаса Европейского Севера России

№ п.п.	Тип опорных узлов	Перечень ключевых населённых пунктов, являющихся организующими центрами опорного узла
1	Городские агломерации	1) Архангельская (г. Архангельск, г. Новодвинск, г. Северодвинск); 2) Вологодская (г. Вологда, Вологодский муниципальный округ); 3) Мурманская (г. Мурманск, г. Александровск, п. Видяево, г. Заозёрск, г. Североморск)
2	Административные центры субъектов РФ или другие крупные города, не являющиеся ядрами агломераций	1) г. Нарьян-Мар (и р.п. Искателей); 2) г. Петрозаводск; 3) г. Череповец
3	Групповые системы расселения за пределами агломераций	1) «Котлас-Коряжма» (Архангельская область); 2) «Мончегорск – Кировск – Полярные Зори» (Мурманская область)
4	Отдельные малые/средние города, посёлки городского типа, в т.ч. имеющие геостратегическое положение в контексте обеспечения национальной безопасности	1) пгт Никель (Мурманская область); 2) г. Ковдор (Мурманская область); 3) г. Сегежа (Республика Карелия); 4) г. Костомукша (Республика Карелия); 5) г. Усинск (Республика Коми); 6) г. Печора (Республика Коми); 7) г. Вуктыл (Республика Коми); 8) г. Ухта (Республика Коми); 9) г. Емва (Республика Коми); 10) пгт Белушья Губа (Архангельская область); 11) г. Мезень (Архангельская область)

Источник: составлено автором

Среди формирующихся *городских агломераций* функции опорного узла пространственного каркаса региона уже играют Архангельская, Мурманская и

[748] В 2024 г. по сравнению с 2019 г. наблюдается некоторое снижение центральности у ГО г. Костомукша, повышение – ГО Северодвинск, ГО Новая Земля (пгт Белушья Губа).

Вологодская агломерации. Однако выявленные в ходе анализа их муниципальные границы в некоторых случаях оказались значительно меньше традиционных (например, в Вологодскую агломерацию здесь вошли лишь г. Вологда и Вологодский муниципальный округ), что свидетельствует о том, что определенная часть их спутниковой зоны не имеет сформированного и развитого пространственного каркаса, устойчиво не соразвивается с ядром агломерации. Эти же выводы были получены в ранее опубликованных работах автора[749,750].

Вторую группу опорных населённых пунктов составляют *административные центры субъектов РФ, другие крупные города, не являющиеся ядрами агломераций* (г. Нарьян-Мар вместе с рабочим поселком Искателей, г. Петрозаводск, г. Череповец). Их центральность связана с тем, что они выполняют целый ряд верхнеуровневых функций, характерных для административных центров регионов, а также являются центрами предоставления высококвалифицированных и узкоспециализированных услуг для населения и бизнеса. В случае поддержки данные опорные населённые пункты имеют потенциал для формирования городских агломераций.

На Европейском Севере России ещё с советских времён сложились *групповые системы расселения малых/средних городов* за пределами агломераций, которые могут исполнять роль «контрмагнита» последних. Среди них «Котлас – Коряжма» (Архангельская область) и «Мончегорск – Кировск – Полярные Зори» (Мурманская область) могут полноценно выполнять роль организующих социальных и хозяйственных центров не только внутри-, но и межрегионального уровней. Однако для этого важным видится реализация крупных инвестиционных проектов, направленных на капитализацию существующих и формирование новых конкурентных преимуществ.

---

[749] Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. Agglomeration Processes in Russian Regions: Specifics and Challenges Related to the Intensification of Positive Effects // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. Iss. 1. P. 91–109. DOI 10.15838/esc.2024.1.91.5

[750] Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Крюков И.А. Методический подход к исследованию рынка жилья городских агломераций «второго эшелона» // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. Т. 15. № 2. С. 315–330. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.2.315-330.

Самую значительную с точки зрения общего количества группу опорных населённых пунктов играют отдельные малые/средние города (моногорода), посёлки городского типа, в т.ч. имеющие геостратегическое положение в контексте обеспечения национальной безопасности. В Мурманской области это пгт Никель и г. Ковдор; в Республике Карелии – г. Сегежа, г. Костомукша; в Республике Коми – г. Усинск, г. Печора, г. Вуктыл, г. Ухта, г. Емва; в Архангельской области – пгт Белушья Губа, г. Мезень.

Графическая визуализация данных узлов в социально-экономическом пространстве Европейского Севера России представлена на рисунке 26.

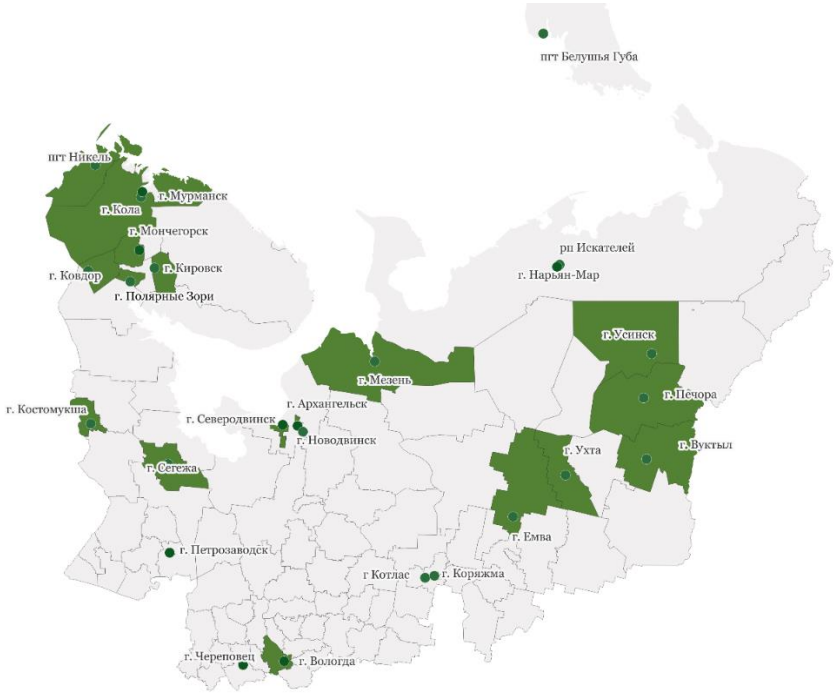

Рисунок 26 – Опорные узлы пространственного каркаса Европейского Севера России*

* В действующей сетке административно-территориального деления субъектов РФ.

Источник: составлено автором

Для каждой группы опорных населённых узлов видится важным научное обоснование регионально-отраслевых приоритетов развития с учётом их конкурентных преимуществ и ориентации на достижение национальных целей страны, в т.ч. в части Арктической зоны Российской Федерации. Решению данной задачи посвящён следующий раздел диссертации.

4.3. Регионально-отраслевые стратегические приоритеты развития опорных узлов

Обоснованные регионально-отраслевые стратегические приоритеты развития опорных узлов Европейского Севера России, подкреплённые их конкурентными преимуществами и направленные на развитие тесных связей между ними, позволят сформировать внутри- и межрегиональные пространственные социально-экономические системы.

При этом предлагаемая в таблице 22 *матрица регионально-отраслевых стратегических приоритетов* является универсальной и может быть использована при стратегировании развития опорных узлов в других регионах страны. Фактически она построена с позиции *отраслевого и центр-периферийного подходов*, т.е. позволяет обосновать приоритеты развития с учётом специализации опорных узлов (первичный, вторичный и третичный секторы)[751], базирующейся на текущих конкурентных преимуществах территорий, а также критерия периферийности, что позволяет обосновать потенциальные направления их взаимодействия с узловыми элементами пространственного каркаса другого уровня иерархии, а также перспективные проекты. Именно согласованное развитие опорных узлов друг с другом и иными территориями является основой обеспечения пространственной интеграции на внутри- и межрегиональном уровнях, проектирования новых конкурентных преимуществ.

Наряду с этим предлагаемые приоритеты развития опираются на критический обзор успешного мирового опыта в части использования зарекомендовавших себя моделей развития, что также повышает практическую ценность данной матрицы для практики государственного и муниципального управления в России[752].

---

[751] Согласно теории структурных изменений Фишера – Кларка – Фурастье (трёхсекторной модели экономики). Источники: Fisher A. Production, primary, secondary and tertiary // Economic Record 15.1. 1939. P. 24–38; Fourastié J. Le Grand Espoir du XXe siècle: Progrès technique, progrès économique, progrès social. Paris: Presses Universitaires de France, 1949. 223 p.

[752] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23.

Таблица 22 – Матрица регионально-отраслевых стратегических приоритетов развития опорных узлов с учётом достижения национальных целей страны и Арктической зоны РФ

Периферийность / Специализация	Городские агломерации	Административные центры субъектов РФ, в т.ч. города, не являющиеся ядрами агломераций	Групповые системы расселения за пределами агломераций	Отдельные малые/средние города, посёлки городского типа, в т.ч. имеющие геостратегическое положение в контексте обеспечения национальной безопасности
1. Первичный сектор (добыча сырья, его первичная переработка; сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство)	– повышение эффективности добывающих производств за счёт внедрения достижений научно-технического прогресса (НТП, в т.ч. в части экологизации деятельности), развитие на их базе отраслей обрабатывающей промышленности на основе вертикальной интеграции производств; – формирование отраслей «новой» экономики («синяя», лесная биоэкономика, биопереработка, биотехнологии и др.); – углубление производственной, инфраструктурной, социокультурной интеграции по линии «ядро – спутниковая зона» с целью капитализации потенциала агломерации и диффузии на периферию позитивных эффектов.	– развитие экономики города: *а) со специализацией на первичном секторе:* повышение эффективности существующих отраслей, поддержка проектов структурной трансформации на основе удлинения ЦДС и/или развития смежных производств;	– реализация якорных проектов технологической модернизации производств по добыче сырья, развитие единой инфраструктуры при формировании и развитии *минерально-сырьевых центров*; – диверсификации экономики путём вхождения в национальные/глобальные ЦДС и кластеры с опорой на раскрытие прочего эндогенного потенциала (для территорий с затухающей добычей); – развитие социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры для укрепления функций центрального места; – обеспечение производственно-экономической связности с агломерациями, где локализованы более высокие «этажи» ЦДС, специализированные услуги для населения и бизнеса; это позволяет преодолеть ограничения групповых систем, связанные с их размером и «узкой» специализацией.	– реализация проектов модернизации производств по добыче сырья; диверсификации экономики путём вхождения в производственные кластеры с опорой на раскрытие прочего эндогенного потенциала (для территорий с затухающей добычей); для городов с благоприятными природно-климатическими условиями, чистой экологией – *модель «медленный город»;* – развитие социальной, транспортной инфраструктуры для укрепления функций центрального места; – обеспечение производственной связности с агломерациями, где локализуются высокие «этажи» ЦДС; сельскими территориями – как местами сбыта продукции для потребления жителями и предприятиями села; – для геостратегических территорий – развитие инфраструктуры, создание рабочих мест.

Продолжение таблицы 22

2. Вторичный сектор (обрабатывающая промышленность, энергетика, строительство)	– на базе существующего потенциала и внедрения достижений НТП удлинение цепочек, производство продукции с высокой добавленной стоимостью на основе вертикальной интеграции производств и реализации кластерно-сетевых проектов в контексте обеспечения технологического суверенитета страны; – экологизация хозяйственной деятельности в пространстве агломерации; – углубление интеграции пространства по линии «ядро-спутниковая зона», а также с внешней зоной, в т.ч. за счёт развития кластерно-сетевой модели экономики агломерации.	*б) со специализацией на вторичном секторе:* повышение эффективности экономики на основе обеспечения инновационного развития отраслей, «уплотнения» экономической деятельности; в) *с третичным сектором:* превращение городов в национальные/региональные центры «экономики знаний», предоставления социальных, консалтинговых, и иных услуг высокого уровня; – развитие агломерационных процессов за счёт реализации сопряжённых проектов с прилегающими территориями; – повышение качества городской среды.	– развитие производственно-экономических связей: а) с крупными городами и агломерациями: *модель «ступица – спицы»*, т.е. размещение на локальных территориях филиалов крупных компаний, основные мощности которых располагаются в более крупных узлах; *модель «производственная сателлитная платформа»:* контрактация хозяйствующих субъектов локальных территорий с фирмами из крупных городов/агломераций; б) с малыми/средними городами, сельскими территориями: *развитие промышленных районов Алаева-Бекаттини*, т.е. кластеров малых фирм, производящих продукцию с учётом уникальных специализаций территорий; – развитие инфраструктуры для укрепления функций центрального места.	– развитие «узких» (продуктовых) специализаций в национальной и глобальной экономике (реализация аналога японской модели «Одна деревня, один продукт») в видах деятельности, не подверженных эффекту масштаба; – развитие сетевых производственно-экономических связей: а) с крупными городами и агломерациями: *модель «ступица – спицы»*, т.е. размещение на данных локальных территориях филиалов крупных компаний; *модель «производственная сателлитная платформа»:* контрактация хозяйствующих субъектов локальных территорий с фирмами из крупных городов/агломераций; – развитие инфраструктуры для укрепления функций центрального места.
3. Третичный сектор (экономика знаний и сфера услуг)	– превращение агломерации в центры «экономики знаний» за счёт развития передовых систем исследований, наукоёмких отраслей и реализации проектов полного инновационного цикла; – развитие отраслей креативных индустрий, услуг для бизнеса (логистика, консалтинг, юридические и финансовые услуги); – углубление интеграции «ядро – спутниковая зона», внешней зоной.		– за счёт использования уникального знания, прочего эндогенного потенциала участие в проектах, реализующихся в высокотехнологических отраслях, якорные участники которых локализованы в агломерациях. – создание филиалов региональных университетов, связанных с обеспечением кадровых потребностей субрегиона; превращение в центры уникальных знаний; – формирование межмуниципальных туристических дестинаций; – развитие инфраструктуры для укрепления функций центрального места.	
Источник: разработано автором с опорой на теорию и методологию стратегирования академика В. Л. Квинта				

I тип. Городские агломерации.

Значительная часть формирующихся городских агломераций Севера в силу богатого природно-ресурсного потенциала специализируется на *первичном секторе*, т.е. добыче сырья, его первичной переработке, а также сельском хозяйстве, рыболовстве, лесоводстве.

Текущими и перспективными *конкурентными преимуществами* таких форм агломерационной организации хозяйственной деятельности являются высокий природно-ресурсный потенциал; позитивные эффекты масштаба, связанные с вовлечением агломераций в национальные и глобальные цепочки создания добавленной стоимости (ЦДС).

Данные конкурентные преимущества, а также национальные и региональные цели развития определяют следующие *стратегические приоритеты* развития таких агломераций:

– повышение эффективности деятельности существующих добывающих производств за счёт внедрения ими достижений научно-технологического прогресса (в т.ч. в части экологизации деятельности, внедрения наилучших доступных технологий (НДТ), адаптированных для Севера и Арктики и способствующих минимизации издержек производства)[753];

– важным видится развитие на их базе отраслей обрабатывающей промышленности на основе вертикальной интеграции производств;

– вертикальная интеграция и кластерно-сетевые формы организации экономической деятельности могут выступить основой для формирования отраслей «новой» экономики («синяя», лесная биоэкономика, биопереработка, биотехнологии и др.), востребованной на национальном и глобальном рынках; при этом важным видится создание благоприятных условий для развития горизонтальных форм коллаборативного сотрудничества бизнеса и науки, инициативы «снизу», поскольку применяемые в России модели «сверху вниз» (т.е.

[753] Петров И.В., Мясков А.В., Попов С.М., Зайцев С.П. Методические основы эколого-экономического обеспечения безотходного природопользования при реализации горнопромышленных проектов развития арктических территорий // Мониторинг. Наука и технологии. 2018. № S5. С. 15–23. DOI: 10.25714/MNT.2018.38.002.

при определяющей роли государства) не только не показывают достаточной эффективности, но и в принципе противоречат природе развития кластерных форм организации производства[754];

– углубление производственной, инфраструктурной, социокультурной интеграции по линии «ядро – спутниковая зона» с целью капитализации потенциала агломерации и диффузии на периферию позитивных эффектов; это является необходимым условием обеспечения устойчивого развития агломераций и превращения их в точки роста макро- и регионального уровней;

– сокращение разрывов в качестве городской среды в агломерациях[755].

Конкурентными преимуществами *городских агломераций, специализирующихся на вторичном секторе* (обрабатывающая промышленность, энергетика, строительство) являются высокая плотность социально-экономической деятельности; более диверсифицированная структура экономики, что становится преимуществом для продуцирования позитивных эффектов в условиях развития в стране экономики предложения; данные агломерации – места локализации более высоких «этажей» цепочек создания добавленной стоимости[756].

С учётом этого на базе существующего потенциала и внедрения достижений НТП стратегическими приоритетами развития данного типа агломераций в контексте обеспечения технологического суверенитета страны являются производство продукции с высокой добавленной стоимостью на основе вертикальной интеграции производств и реализации кластерно-сетевых проектов; цифровая трансформация крупнейших (якорных) хозяйствующих субъектов, предприятий малого/среднего бизнеса, позволяющая повысить гибкость и

---

[754] Мусаев Р.А., Панкратов А.А. Проблемы реализации федеральной кластерной политики в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 2. С. 265–283. DOI: 10.24891/re.18.2.265.

[755] Окрепилов В.В., Гресь Р.А. Качество городской среды как составляющая качества жизни в агломерациях Арктической зоны Российской Федерации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 4 (79). С. 76–87. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-4-76-87.

[756] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23.

эффективность хозяйственной деятельности[757]. Для этого важным видится углубление интеграции пространства по линии «ядро – спутниковая зона», а также с внешней зоной, в т.ч. за счёт развития кластерно-сетевой модели экономики. С учётом задач по повышению качества жизни населения стратегическим является приоритет на экологизацию хозяйственной деятельности агломерации, что позволит ей перейти на модель устойчивого развития. Ресурсами для его реализации могут быть как финансы предприятий (амортизация, экономия за счёт снижения в перспективе себестоимости и налоговых отчислений), так и средства федеральных и региональных программ.

На основе диверсификации производств городские агломерации могут сформировать развитый *третичный сектор экономики* (экономика знаний и сфера услуг), позволяющий им превратиться в «локомотивы» роста не только региона, но и национального, международного уровней. Среди исследуемых агломераций Европейского Севера России ближе всего к данной категории подошла Архангельская за счёт формирования здесь развитой научно-инновационной инфраструктуры (в т.ч. создан научно-образовательный центр (НОЦ) мирового уровня, деятельность которого направлена на обеспечение устойчивого развития Арктической зоны РФ).

Конкурентными преимуществами таких агломераций являются высокие плотность научно-инновационной деятельности, человеческий потенциал, а также позитивные эффекты в части снижения трансакционных издержек на развитие новых производств. Они представляют собой места высококвалифицированных и узкоспециализированных услуг населению и бизнесу, т.е. центральные места высшего уровня иерархии.

С учётом этого наряду с традиционными приоритетами по углублению интеграции по линии «ядро – спутниковая зона», а также с внешней зоной стратегически важным видится приоритет по превращению таких агломераций в

[757] Журавлев Д.М. Стратегическое исследование условий и оценки готовности экономических систем к цифровой трансформации (на примере Кемеровской области) // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 1. С. 42–56. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-42-56

национальные/международные центры «экономики знаний» (глобальные города-регионы) за счёт развития передовых систем исследований, наукоёмких отраслей и реализации проектов полного инновационного цикла (в сфере ИКТ, нанотехнологий, материаловедения, биотехнологий и др.); развитие креативных индустрий, услуг для бизнеса (логистика, консалтинг, юридические и финансовые услуги).

В условиях обострения геополитического противостояния в мире такие агломерации могут выступать организующими центрами формирующихся «панрегионов», т.е. групп государств, имеющих тесные взаимные социально-экономические связи и конкурирующих с другими за роль нового центра силы мировой экономики. Важно, чтобы в каждом макрорегионе страны было хотя бы по одной такой агломерации, которая одновременно была бы интегрирована и в международный, и в национальный рынок.

II тип. Административные центры субъектов РФ, в т.ч. крупные города, не являющиеся ядрами городских агломераций.

Опубликованные ранее исследования автора по данной проблематике[758,759,760], а также проведённые ранее расчёты свидетельствуют о том, что далеко не все крупные и большие города России формируют полноценные городские агломерации, продуцирующие позитивные эффекты для периферии за счёт соразвития города-ядра и спутниковой зоны.

Так, в пространстве Европейского Севера России существует ряд опорных узлов, в роли которых выступают административные центры субъектов РФ (Нарьян-Мар, Петрозаводск), а также крупные города (Череповец), по нашим расчётам, не являющиеся ядрами агломераций.

---

[758] Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. Agglomeration Processes in Russian Regions: Specifics and Challenges Related to the Intensification of Positive Effects // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. Iss. 1. P. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5

[759] Kozhevnikov S. Agglomeration processes on the Russian European North: Vologda region experience // Regional Science Inquiry. 2019. Vol. 11. Iss.1. P. 85–94. EDN SVPMCP.

[760] Кожевников С.А. Концепция стратегии развития российских городских агломераций с численностью менее 500 тыс. человек // Экономика промышленности. 2025. № 18 (2). С. 182–198. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-2-1410.

Конкурентным преимуществом таких опорных узлов выступает их административный статус, обеспечивающий размещение здесь государственных учреждений и приоритетную поддержку государства. Как правило, в пределах региона базирования такие центры представляют услуги самого высокого уровня иерархии, имеют более диверсифицированную структуру экономики.

Стратегическим приоритетом их развития является *развитие ядра экономики*. При этом для городов со специализацией на первичном секторе важны повышение эффективности существующих отраслей, поддержка проектов структурной трансформации на основе удлинения ЦДС и/или развития смежных производств. Повышение эффективности экономики на основе обеспечения научно-технологического и инновационного развития отраслей, «уплотнения» экономической деятельности выступает ключевым приоритетом для городов со специализацией на вторичном секторе[761]. Города с третичным сектором имеют потенциал превращения в национальные/региональные центры «экономики знаний», предоставления социальных, консалтинговых, финансовых и иных услуг высокого уровня.

При этом фокус государственной политики должен быть также направлен на развитие на базе всех таких городов агломерационных процессов за счёт реализации сопряжённых производственно-экономических, социальных, инфраструктурных проектов с прилегающими территориями; повышение качества городской среды.

Для городских агломераций различной специализации, а также других крупных городов с учётом существующих глобальных трендов и стратегических задач национального уровня[762] важным видится переход к модели *«умного» города*, под которым в конечном счёте, по мнению академика В. Л. Макарова, члена-корреспондента РАН А. Р. Бахтизина и их соавторов, понимается «город, в котором

[761] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 193–208.
[762] См., напр.: Единый план по достижению национальных целей развития РФ до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. // Официальный сайт Правительства России. URL: http://government.ru/news/53927/ (дата обращения: 16.05.2025).

прежде всего обеспечивается необходимый уровень удовлетворённости населения условиями городской среды и защищённости от различного вида рисков»[763].

III тип. Групповые системы расселения малых/средних городов за пределами формирующихся агломераций.

Такие групповые системы расселения могут исполнять роль «контрмагнита» крупным городам и агломерациям, организующих центров внутрирегионального уровня, в т.ч. для региональной периферии за счёт реализации якорных инвестиционных проектов. Иными словами, их развитие имеет важное экономическое и геостратегическое значение для страны.

Конкурентными преимуществами групповых систем расселения с их специализацией на отраслях *первичного сектора* являются: а) высокий природно-ресурсный потенциал; б) географическая близость; в) возможная взаимодополняемость экономик городов, что позволяет обеспечивать эффект масштаба; г) выполняемая роль организующих социокультурных и экономических центров для сельских территорий[764].

Стратегическими приоритетами их развития с учётом капитализации как естественных, так и приобретённых конкурентных преимуществ являются:

а) реализация якорных проектов технологической модернизации производств, повышающих рентабельность такой добычи сырья (например, разработка месторождений нефти и газа с использованием цифровых, интеллектуальных технологий)[765]; развитие единой инфраструктуры при формировании и развитии *минерально-сырьевых центров*;

б) для *территорий с затухающей добычей*: диверсификации экономики путём вхождения в национальные/глобальные ЦДС и кластеры с опорой на раскрытие прочего эндогенного потенциала;

---

[763] Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бекларян Г.Л., Акопов А.С. Имитационное моделирование системы «умный город»: концепция, методы и примеры // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т.19. №2. С. 226–250. DOI: 10.24891/ea.19.2.22

[764] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23.

[765] Спиридонов А.А., Фадеев А.М. Управление инновациями в нефтегазовой отрасли на примере деятельности АО «Инжиниринговый центр «Кронштадт»» // Арктика и инновации. 2024. Т. 2. № 4. С. 6-16. DOI: 10.21443/3034-1434-2024-2-4-6-16.

в) развитие социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры для укрепления функций центрального места;

г) обеспечение *производственно-экономической связности с агломерациями*, где локализованы более высокие «этажи» ЦДС, специализированные услуги для населения и бизнеса; это позволяет преодолеть ограничения групповых систем, связанные с их размером и «узкой» специализацией[766].

Конкурентными преимуществами групповых систем со специализацией *на вторичном секторе* является их роль как центров концентрации социально-экономической деятельности, «точек роста» за пределами влияния агломераций, а также организующих центров для сельских территорий.

С учётом этого стратегическими приоритетами развития для них видится *развитие сетевых производственно-экономических связей:*

а) с крупными городами и агломерациями:

– *модель «ступица – спицы»,* т.е. размещение на данных локальных территориях филиалов крупных компаний, основные мощности которых располагаются в более крупных узлах;

– *модель «производственная сателлитная платформа»:* контрактация хозяйствующих субъектов локальных территорий с фирмами из крупных городов/агломераций;

б) с малыми/средними городами, сельскими территориями: развитие *малых промышленных районов Алаева-Бекаттини*, т.е. локальных кластеров малых фирм, производящих продукцию с учётом эндогенного потенциала и уникальных специализаций территорий[767]. Важную роль в развитии данных территорий играют «низовые», внутренние инновации, которые лауреат Нобелевской премии по экономике Э. Фелпс (E. Phelps) считает залогом массового процветания нации[768].

---

[766] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23.
[767] Там же.
[768] Phelps E. Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2013. 368 p. ISBN 978-0-691-15898-3.

В условиях формирования в стране сети опорных населённых пунктов также крайне важной задачей является форсированное развитие в данных групповых системах расселения социальной, транспортной инфраструктуры для укрепления функций центрального места, повышения качества жизни населения, проживающего здесь и в прилегающих населённых пунктах.

Групповые системы расселения со специализацией на *третичном секторе* экономики имеют уникальный научно-образовательный, человеческий или туристско-рекреационный потенциал; они также выполняют роль центрального места социокультурных услуг для сельских территорий[769].

Это является конкурентными преимуществами, определяющими следующие стратегические приоритеты развития данных населённых пунктов:

– на основе использования уникального знания, эндогенного потенциала территорий участие в проектах, реализующихся в высокотехнологических отраслях, якорные участники которых локализованы в агломерациях;

– создание филиалов региональных университетов, связанных с обеспечением кадровых потребностей территории; превращение в центры уникальных знаний, связанные с историей развития данного локалитета;

– формирование межмуниципальных туристических дестинаций;

– развитие социальной, инженерной, транспортной инфраструктуры для укрепления функций центрального места[770].

С учётом реализации отмеченных выше стратегических приоритетов групповые системы расселения имеют потенциал для превращения в зоны интеграции в иерархически-полицентрической модели пространства Севера.

IV тип. Отдельные малые/средние города (моногорода), посёлки городского типа, в т.ч. имеющие геостратегическое положение в контексте обеспечения национальной безопасности России.

---

[769] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23.
[770] Там же.

Устойчивое развитие таких городов позволит «удерживать» освоенное социально-экономическое пространство страны, использовать внутренний потенциал глубинных территорий, сохранять связи по линии «городская агломерация – средний город – малый город – село» как необходимого условия обеспечения интеграции на внутрирегиональном уровне[771,772,773].

Многие города со специализацией *на первичном секторе экономики* характеризуются конкурентными преимуществами, связанными с геостратегическим характером данных пунктов, богатым природно-ресурсным потенциалом, иногда более низкой стоимостью жизни, выполняют роль организующих центров для прилегающих сельских территорий.

Стратегические приоритеты их развития с учётом достижения национальных/макрорегиональных целей и обеспечения пространственной интеграции состоят в следующем:

– реализация проектов технологической модернизации производств по добыче сырья; для локальных территорий с затухающей добычей – диверсификации экономики путём вхождения в производственные сети и кластеры с опорой на раскрытие эндогенного потенциала, развитие инициатив «снизу» для ревитализации экономики городов[774]; для городов с благоприятными природно-климатическими условиями, чистой экологией – развитие в соответствии с *моделью «медленный город»,* ориентированной не столько на развитие производственного ядра экономики, сколько на создание благоприятной среды для отдыха населения, развитие сферы рекреации и т.п.;

– развитие социальной, транспортной инфраструктуры для укрепления функций центрального места;

---

[771] Там же.

[772] Секушина И.А. Развитие малых и средних городов северного региона: диссертация ... кандидата экономических наук. Апатиты, 2021. 171 с.

[773] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[774] Никоноров С.М., Папенов К.В. Стратегии устойчивого развития городов России // Экономика устойчивого развития. 2016. № 3 (27). С. 296–300. EDN WWCWND.

– обеспечение производственной связности с агломерациями, где локализуются высокие «этажи» ЦДС; сельскими территориями – как местами сбыта продукции для потребления жителями и предприятиями села;

– для геостратегических территорий – инфраструктурное развитие, создание рабочих мест для жителей.

Для городов со специализацией на вторичном секторе преимуществом является их функция центральности за пределами агломераций; зачастую более низкая стоимость жизни; роль организующего центра для сельских территорий.

С учётом этого их стратегическими приоритетами видятся:

а) развитие *«узких» (продуктовых) специализаций в национальной и глобальной экономике* (реализация аналога японской модели «Одна деревня, один продукт»)[775] в видах деятельности, не подверженных эффекту масштаба;

б) развитие сетевых производственно-экономических связей с крупными городами и агломерациями (*модель «ступица – спицы»,* т.е. размещение на локальных территориях филиалов крупных компаний; *модель «производственная сателлитная платформа»:* контрактация хозяйствующих субъектов территорий с фирмами из крупных городов/агломераций);

в) развитие инфраструктуры для укрепления функций центрального места[776].

Для малых/средних городов со специализацией на третичном секторе экономики стратегические приоритеты развития такие же, как и для групповых систем расселения с аналогичной специализацией.

В заключение следует отметить, что кроме четырёх выделенных типов опорных узлов регионального значения в каждом северном регионе могут быть выделены внутрирегиональные опорные узлы пространственного каркаса, имеющие геостратегический характер, центральность для обширных локальных территорий. Для геостратегических территорий необходима концентрация усилий

---

[775] Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13 (3). С. 86–111. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-86-111.

[776] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23.

и ресурсов, направленных на их инфраструктурное развитие, создание новых рабочих мест для жителей; для территорий с преобладанием в экономике первичного и вторичного секторов – диверсификация экономики за счёт использования уникального эндогенного потенциала территории (природные объекты, уникальное сырье, навыки населения и т.п.); для остальных территорий актуальным видится развитие т.н. *«жилой» экономики,* ориентированной на приток доходов «извне» в форме турпотока, временных жителей (пенсионеры, удалённая занятость и др.).

По итогам изложения 4 главы можно сделать следующие выводы:

1. В условиях локационного сжатия освоенного социально-экономического пространства Европейского Севера России стратегически важной видится реализация иерархически-полицентрической модели организации пространства данного региона, базирующейся на формировании в нём опорных узлов различного уровня иерархии (городские агломерации, групповые системы расселения, узловые точки за пределами их влияния), соразвитие которых интегрирует пространство.

2. Такими опорными узлами пространства Европейского Севера России, характеризующимися одновременно высокой социальной, экономической и инфраструктурной «плотностью» и связностью, являются:

а) формирующиеся городские агломерации (Архангельская, Вологодская, Мурманская);

б) административные центры субъектов РФ или другие крупные города, не являющиеся ядрами агломераций (г. Нарьян-Мар, г. Петрозаводск, г. Череповец);

в) групповые системы расселения малых/средних городов за пределами влияния городских агломераций («Котлас-Коряжма» (Архангельская область), «Мончегорск – Кировск – Полярные Зори» (Мурманская область));

г) отдельные малые/средние города, посёлки городского типа, в т.ч. имеющие геостратегическое положение в контексте обеспечения национальной безопасности (пгт Никель (Мурманская область), г. Ковдор (Мурманская область), г. Сегежа (Республика Карелия), г. Костомукша (Республика Карелия), г. Усинск (Республика Коми), г. Печора (Республика Коми), г. Вуктыл (Республика Коми), г.

Ухта (Республика Коми), г. Емва (Республика Коми), пгт Белушья Губа (Архангельская область), г. Мезень (Архангельская область).

3. Стратегирование данных опорных узлов Европейского Севера России предполагает реализацию комплекса научно обоснованных регионально-отраслевых приоритетов их развития, подкреплённых конкурентными преимуществами и направленных на усиление новых «центральностей» за счёт раскрытия потенциала различных типов территорий. Это позволит развить экономико-социальные функции каждого опорного узла, а на основе активизации между ними тесных связей сформировать меж- и внутрирегиональные пространственные социально-экономические системы[777].

[777] Там же.

ГЛАВА 5. РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ

5.1. Проектное управление в контексте реализации стратегических приоритетов интеграции пространства регионов России

Достижение стратегических приоритетов и целей территориального развития в практике государственного управления обеспечивается через разработку и реализацию *целевых программ*, включающих в себя ряд *проектов* различной природы (инвестиционных, социальных и др.)[778]. В связи с этим проектное управление играет важнейшую и определяющую роль в реализации стратегии страны, макрорегионов, регионов и муниципальных образований.

При этом с позиции расширения и углубления пространственной интеграции особенно острой становится задача разработки и реализации взаимоувязанных между собой межтерриториальных инфраструктурных, производственных, социальных и иных проектов.

Следует отметить, что наша страна имеет богатый и успешный опыт реализации проектов такого рода. В первую очередь следует отметить такие «великие стройки» периода СССР, как строительство Беломорско-Балтийского канала, Байкало-Амурской магистрали (БАМ); освоение новых промышленных районов (Донбасс, Кузбасс, химический, нефтехимический комплекс Кавказа: нефтепереработка в Баку, Грозном, Екатеринодаре), строительство Магнитогорского металлургического комбината и др.[779]. На реализацию этих проектов в условиях плановой экономики были направлены огромные человеческие, финансовые и иные ресурсы.

---

[778] Экономическая и финансовая стратегия: учебник / В.Л. Квинт, И.В. Новикова, М.К. Алимурадов, А.И. Аршинова [и др.]; под науч. ред. В.Л. Квинта. Москва: Издательство Московского университета, 2024. С. 28. ISBN 978-5-19-011996-1.

[779] Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р. Современные и исторические тенденции пространственного развития России: социально-демографические аспекты // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 26. № 2. С. 63–81. DOI: https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-2-63-8.

Госполитика проводилась путём реализации пятилетних планов развития народного хозяйства, целью которых было обеспечение форсированной индустриализации страны, народное просвещение и др.[780]

С позиции этих плановых документов экономика СССР рассматривалась как «единое хозяйственное предприятие». Так, пространственный «срез» первого пятилетнего плана (1929–1933 гг.) опирался на идею типизации экономических районов, в результате были выделены четыре их типа (индустриальные, сельскохозяйственные, лесные и смешанные). В плане каждый из районов получал стратегические задачи по развитию собственной специализации, прежде всего в контексте развития промышленных производств, а также по обеспечению развития смежных районов *на основе межрегиональных взаимодействий.*

Результатом таковых выступало формирование крупных *территориально-индустриальных комбинатов*[781]. Например, в рамках кооперирования Урала (железная руда) с Кузнецким угольным районом план предусматривал создание в Сибири нового промышленного центра (Урало-Кузнецкий комбинат), который уже в первую пятилетку приобрёл крупнейшее союзное значение[782]. Затем по данному принципу были реализованы проекты в Республике Коми (нефть, уголь), Мурманской области (фосфориты), Якутии (алмазы), Красноярском крае (полиметаллы). Данные проекты рассматривались не изолированно, а в системе межрегиональной кооперации.

В 1960–1970-е гг. произошёл переход от универсальной модели реализации проектов, основанной на комбинировании и межрегиональной кооперации, к модели на основе «центров опережающего развития». Её суть состояла в создании

---

[780] Гретченко А.И., Горохова И.В. Плановый опыт СССР и проблемы стратегического планирования в современной России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 11. С. 70–80. EDN: TBQIUP.

[781] Крюков В.А., Крюков Я.В. Арктика – от активов в пространстве к пространству активов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 233. № 1. С. 32–55. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-233-1-32-55

[782] Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Первый пятилетний план и пространственное стратегирование для России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 6. С. 7–22. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10055.

и развитии локальных межотраслевых «проектных» образований – «*территориально-производственных комплексов*» (ТПК).

Таким образом, в СССР активно применялась методология программно-целевого управления и управления межрегиональными проектами, в дальнейшем выступившая основой для развития проектного управления. Во второй половине XX века в России в этой области был накоплен значительный опыт и определённые достижения, которые в дальнейшем, однако, не получили широкомасштабного применения[783].

Примерами крупных межрегиональных инициатив современной России являются «Енисейская Сибирь», объединившая 32 проекта из Красноярского края, Хакасии и Тувы с прогнозируемым объёмом инвестиций в 1,9 трлн руб.; проекты Инвестиционного фонда РФ, комплексного развития Нижнего Приангарья; Комплексного плана развития и модернизации магистральной инфраструктуры до 2030 года; развития Арктической зоны РФ[784]. Многие из них в процессе реализации сталкиваются с трудностями или имеют низкую эффективность, в т.ч. по причине слабой коммуникации стейкхолдеров и наличия нерешённых проблем в согласовании их интересов[785].

Вместе с тем потенциал реализации таких межрегиональных и международных проектов является существенным для обеспечения устойчивого развития регионов страны в стратегической перспективе. За рубежом такого рода проекты активно реализуются в части развития межрегиональных транспортных

---

[783] Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). [Электронный источник]. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025).

[784] Самаруха В.И., Краснова Т.Г., Трусова С.В. Модель создания и реализации межрегионального проекта «Енисейская Сибирь» // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 324–331. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(2).324-331.

[785] Караваева Т.И. Межрегиональные инвестиционные проекты: сложности правоприменения, ограничения, вызовы // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 1. С. 57–66. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.6.

коридоров[786], проектов «умной» специализации[787], инновационных кластеров[788] в формате *государственно-частного партнёрства (ГЧП)*, что позволяет консолидировать и рационально использовать ресурсы власти и бизнес-структур на приоритетных стратегических направлениях развития[789]. При этом следует отметить, что в отечественной экономической науке сложилось несколько подходов к пониманию сущности ГЧП, содержание которых представлено в таблице 23.

Однако среди них именно «проектный» подход[790,791] наиболее объективно отражает природу государственно-частного партнёрства и соответствует успешной мировой практике реализации таких соглашений. Согласно ему, под государственно-частным партнёрством понимаются договорные формы сотрудничества сторон в части реализации совместных проектов на основе разделения полномочий, рисков и ответственности участников. При реализации данных соглашений органы власти и частный бизнес участвуют в цепочке по созданию добавленной стоимости.

Фактически этот же подход позднее был закреплен в федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[792]. Принятие документа

---

[786] Khan S., Liu G. The China–Pakistan Economic Corridor (CPEC): challenges and prospects // Area Development and Policy. 2019. № 4 (4). P. 467–474.

[787] Vocational Education and Smart Specialisation Strategies Report from the joint JRC – DG EMPL workshop. Brussels. 2020. 23 p. DOI: 10.2760/682438.

[788] Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015. 344 с. ISBN 978-5-9940-0536-1.

[789] Uskova T.V., Kozhevnikov S.A. Management of the regional economy on the basis of partnership interaction between the authorities and business structures // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2014. Vol. 36. Iss. 6. P. 34–46. DOI 10.15838/esc/2014.6.36.3.

[790] Кожевников С.А. Институциональные и экономические основы государственно-частного партнерства // Дискуссия. 2013. № 10. С. 83–88. EDN ROCRXB.

[791] Данный подход законодательно закреплён в нормативно-правовых актах государств, где партнёрские отношения власти и бизнеса получили наиболее широкое развитие (США, Великобритания, Австралия и др.).

[792] В федеральном законе под государственно-частным партнёрством понимается «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнёра с одной стороны и частного партнёра с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнёрстве …».

направлено на официальное закрепление основ регулирования отношений, возникающих в связи с подготовкой и реализацией проектов государственно-частного и муниципально-частного партнёрства[793], полномочий органов государственной власти, местного самоуправления.

Таблица 23 – Методологические подходы к пониманию сущности государственно-частного партнёрства

Подход, определение	Авторы
1. «Широкий» подход	
Государственно-частное партнёрство как любые формы взаимодействия между органами власти и бизнесом (налоговые льготы, ярмарки, лоббизм, государственные заказы и др.).	С.Н. Шишкина, А.К. Чонка, Е. А. Махортов, А.С. Семченков, Ф. Марти, А. Вуазэна, С. Троза и др.
2. «Институциональный» подход	
Государственно-частное партнёрство как институт, совокупность норм и правил, регулирующих совместную деятельность органов власти и бизнес-структур для достижения стратегических целей страны, макрорегиона и региона.	П. Розенау, Д.М. Амунц, М.В. Вилисов, М.В. Клинова, Б.С. Жихаревич, И.А. Дроздов, Е. Коровин, Европейский инвестиционный банк и др.
3. «Проектный» подход	
Государственно-частное партнёрство как юридически закреплённые формы взаимоотношений органов власти и бизнес-структур, реализуемые на условиях проектного финансирования и основанные на разделении полномочий и ответственности участников.	В.Г. Варнавский, А.В. Белицкая, А.А. Спиридонов, В.А. Кузьмин, Декларация тысячелетия ООН (2000 г.), документы МВФ, ЕС и др.

Источник: разработано автором с опорой на:[794,795,796,797, 798,799,800,801]

[793] Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.

[794] Махортов Е.А., Семченков А.С. Государственно-частное партнёрство как форма отношений власти и бизнеса в России // Вестник Московского ун-та. Сер. 12: «Политические науки». 2007. № 6. С. 41−51.

[795] Амунц Д.М. Государственно-частное партнёрство. Концессионная модель совместного участия государства и частного сектора в реализации финансовоемких проектов // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. № 12. С. 16–24.

[796] Вилисов М.В. Государственно-частное партнёрство: политико-правовой аспект // Власть. 2006. № 7. С. 14–19.

[797] Белицкая А.В. Государственно-частное партнёрство: понятие, содержание, правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юридич. наук: 12.00.03 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2011. 24 с.

[798] Варнавский В. Партнерство государства и частного сектора: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 7. С. 28–37. EDN: SAQOSN.

[799] Ломовцева О.А., Мордвинцев А.И. Государственно-частное партнёрство как фактор повышения эффективности муниципального управления // Научные ведомости. 2009. № 9 (64). С. 5–10.

[800] Сухих С.В., Белый Е.М., Вершинин Ю.Б. Государственно-частное партнёрство в сфере жилищных услуг: опыт преодоления посткризисных проблем // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 10. С. 413–419.

[801] Холодная Н.Д. ГЧП – новый тип отношений в российской экономике // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 2. С. 42–56. EDN: KKNOED.

В свете этого имплементация технологий *проектного управления* в практику государственного управления и деятельность бизнес-структур является условием эффективной реализации стратегических приоритетов национального, регионального и отраслевого уровней. Однако в стратегической деятельности органов государственной исполнительной власти в большинстве регионов РФ значительную роль продолжают играть функциональный и регламентный подходы, предельно предписывающие их функции и задачи, юридически закреплённые за той или иной структурой управления, условия и ограничения их осуществления. При этом в данном случае деятельность органов власти характеризуется некоторой разобщённостью, низкой эффективностью коммуникаций[802].

Проектное управление базируется на понятии «*проект*», являющемся многоаспектным и широко применяемым при характеристике различных процессов во многих сферах человеческой деятельности. Критический анализ научных работ, а также практики позволил выделить ряд родовых признаков данного понятия, представленных на рисунке 27.

В действующем законодательстве под проектом подразумевается «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений»[803].

---

[802] Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). [Электронный источник]. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025).

[803] Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 года № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве России» // КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (дата обращения: 18.08.2025).

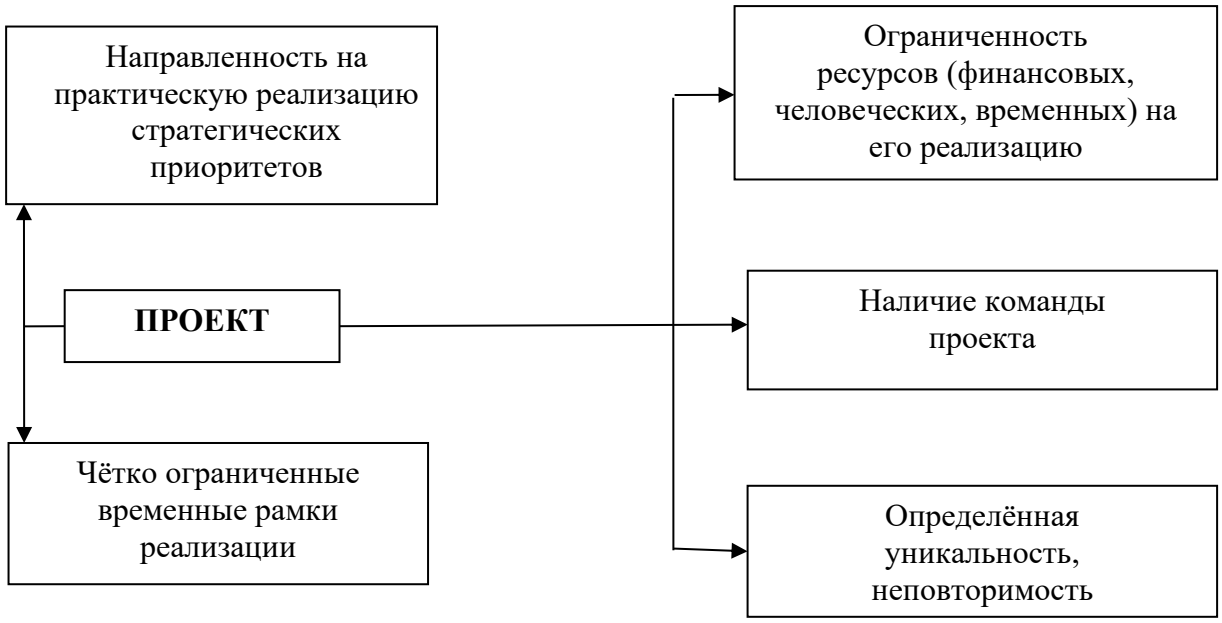

Рисунок 27 – Основные родовые признаки проекта
Источник: составлено автором с опорой на [804,805,806, 807, 808]

Повышение эффективности проектной деятельности вызывает необходимость классификации проектов по их природе:

а) по *цели*: коммерческие, т.е. их реализация ориентирована на получение прибыли; некоммерческие (не ставят в качестве своей основной цели получение прибыли, их конечные результаты предназначены для реализации социальных, культурных, образовательных, научных и иных общественно полезных потребностей);

б) по *масштабу*: малые (являются достаточно простыми в процессе реализации, допускается ряд упрощений при оформлении документации и формировании команды проекта); мегапроект (совокупность взаимосвязанных

[804] Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). [Электронный источник]. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025).
[805] Квинт В.Л. Концепция стратегирования: монография. 2-е издание. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. ISBN 978-5-8353-2844-4.
[806] Грей К.Ф., Ларсон Э.У. Управление проектами: учебник. М.: ДИС, 2003. 528 с. ISBN 5-8018-0152-9.
[807] Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г. Управление проектами: учебное пособие / под общ. ред. И.И. Мазура. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2004. 664 с. ISBN 5-98119-096-5.
[808] Шестопалов П.Л. Выгоды и возможности проектного управления в органах государственной власти. М., 2015. 26 с.

проектов, которые имеют общую цель и ресурсы, высокую стоимость и выполняются в течение длительного периода; большинство межрегиональных инвестиционных проектов относятся к данному типу); монопроект (отдельный проект определённого типа и масштаба, имеющий цель и задачи, ограничения по ресурсам, срокам, качеству и другим характеристикам); мультипроект (проект, состоящий из нескольких проектов);

в) *особенности результатов*: технические (имеют целью разработку новых технологий, технические усовершенствования и модернизацию); организационные (реорганизация имеющейся системы управления, проведение каких-либо мероприятий); экономические (создание благ в виде товаров и услуг, способствующих повышению эффективности производства, росту конкурентоспособности и др.); социальные проекты (предоставление социальных услуг: здравоохранение, образование, спорт и др.)[809,810,811] .

Проектное управление как технология управления реализацией взаимоувязанных проектов в различных сферах региона обеспечивает прозрачность деятельности публичного сектора, позволяет повысить качество и сократить сроки достижения планируемых результатов[812,813,814]. Так, по данным Международной ассоциации управления проектами, на практике использование инструментария проектного управления помогает экономить порядка 20–30% времени и 15–20% затрачиваемых средств[815]. Представление проектов как

---

[809] Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). [Электронный источник]. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025)..

[810] Юрьева Т.В. Проектный подход как инструмент реализации стратегических целей // Экономические науки. 2014. №11 (120). С.7–10. EDN: TKBQVR.

[811] A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide) // Fifth Edition [Electronic resource]. URL: http://www.pmi.org (date of access: 16.06.2024).

[812] Kozhevnikov S.A. Gaining Efficiency of Public Administration – Key Objective for Modern Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. Iss. 3. P. 78–99. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.4.

[813] Государственное стратегическое управление / под. общ. ред. проф. Ю.В. Кузнецова. СПб.: Питер, 2014. 320 с. ISBN 978-5-4461-0217-4.

[814] Дмитриев А.В. Методика внедрения проектного подхода в управление социальным развитием российских регионов // Науковедение. 2013. № 1 (14). С. 25.

[815] Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального

комплекса взаимосвязанных работ с установленными сроками начала и завершения позволяет провести их полноценную экономическую оценку на всех стадиях жизненного цикла.

При этом принципы, характерные для проектного управления, не противоречат применяемому в России программно-целевому планированию бюджета. Они дают возможность повысить эффективность реализации государственных программ, поскольку обеспечивают рациональное распределение временных, материальных и человеческих ресурсов. Информационные системы управления проектами и платформы в данном случае могут служить основой для разработки и внедрения аналогичных систем управления государственными программами, контрактами[816,817].

В целом востребованность проектных методов управления в мире повышается. Актуальность данной проблематики привела к появлению в экономической науке целого ряда публикаций зарубежных и российских исследователей. Кроме того, существует Свод знаний по управлению проектами (Руководство PMBOK, разработчик – Институт управления проектами), фактически являющийся методической основой теории проектного управления. В Своде определены место, роль, структура методов и средств управления проектами, что фактически сформировало проектное управление в качестве междисциплинарной сферы деятельности.

Несмотря на то, что проектное управление активно развивается и используется на различных уровнях государственного, муниципального и корпоративного управления, устоявшегося понятия этой категории и единых принципов его использования не сложилось, о чём свидетельствуют данные таблицы 24.

развития. 2016. № 5 (35). [Электронный источник]. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025).

[816] Там же.

[817] Сафонова О.Н., Анчихров Е.А. Внедрение проектного управления в исполнительных органах государственной власти как механизм эффективного управления ресурсами // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. № 2 (14). С. 58–67. EDN: UHOJLN.

Таблица 24 – Основные трактовки понятия «проектное управление»

Автор	Определение
1. Мильнер Б.З.	Проектное управление – это управление важными видами деятельности в организации, которые требуют постоянного руководства в условиях строгих ограничений по затратам, срокам и качеству работ.
2. Разу М.Л.	Проектное управление – особый вид управленческой деятельности, базирующийся на предварительной коллегиальной разработке комплексно-системной модели действий по достижению оригинальной цели и направленный на реализацию этой модели.
3. Макарова Н.В.	Проектное управление – это управление всеми трудовыми, финансовыми, материальными и энергетическими ресурсами, требующимися для обеспечения процесса в пределах запланированной стоимости.
4. Бикмурзин Р.	Проектное управление – объединённое управление интеграционной деятельностью, направленной на достижение заданных результатов – целей.
5. Ильинская И.	Проектное управление – комплекс взаимосвязанных организационных, научных, правовых, технических, финансовых, экономических, экологических решений по разработке, производству и предоставлению продукции и услуг потребителю. Выделяет несколько видов проектного управления, различающихся по организационным формам: линейно-функциональное, матричное и смешанное.
6. Скромник В.	Проектное управление – это комплексное управление процессами разработки, производства и поставки потребителю конкретных видов продукции и услуг в ходе деятельности отдельных проектных структур.

Источник: составлено автором по:[818, 819,820,821]

При этом трактовка категории «проектное управление» не получила юридического закрепления в законодательстве. Хотя следует отметить, что в Постановлении Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» введено понятие *проектная деятельность*, под которой понимается деятельность, связанная с инициированием, подготовкой, реализацией (включая мониторинг и внесение изменений в проекты) и завершением реализации проектов. Однако следует согласиться с исследователями, что *проектное управление* – более сложное

[818] Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). [Электронный источник]. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025)..

[819] Бикмурзин Р. Проектное управление – что это такое в реальности? [Электронный источник] // HP – портал. URL: http://hr-portal.ru/blog/proektnoe-upravlenie-chto-eto-takoe-v-realnosti-chast-1-prakticheskiy-smysl (дата обращения: 12.04.2025).

[820] Разу М.Л. Управление проектом. Основы проектного управления: учебник. М.: КНОРУС, 2007. 768 с. ISBN 978-5-85971-841-2.

[821] Мильнер Б.З. Теория организации: учебник. 4-е изд., перераб. и доп.: ИНФРА-М, 2004. 648 с. ISBN 5-16-001815-8.

явление, представляющее собой *методологию организации участников для достижения определённых задач*[822].

Проектное управление имеет ряд особенностей, отличающих его от других подходов к организации управления (например, замкнутого цикла «директива – выполнение – контроль», характерного для традиционного управления). В отличие от программно-целевого проектное управление нацелено на конкретный уникальный результат. Появляется возможность определить степень вклада каждого участника, эффективность его работы, оптимизировать управленческие процессы, наладить эффективное взаимодействие между участниками[823].

Таким образом, проектное управление представляет собой методологию достижения стратегических целей и решения поставленных задач в условиях ограниченных ресурсов на основе эффективной организации процесса реализации взаимоувязанных проектов в различных сферах. Иными словами, проектное управление – это методология, а управление проектами – инструментарий достижения стратегических целей. Его развитие создаёт объективные предпосылки для осуществления кардинальных изменений во всей системе управления[824].

За последние несколько лет на федеральном и региональном уровнях в России была проведена большая работа в части использования технологий проектного управления при организации деятельности органов государственной исполнительной власти[825]. Ключевые этапы развития проектного управления в России в 2016–2025 гг. и их особенности представлены в таблице 25.

---

[822] Кравец Е.О., Вертиль Н.Н. Дефиниция понятий «управление проектами» и «проектное управление» // Вестник Института экономических исследований. 2021. № 3 (23). С. 105–110. EDN: VDRTLF.

[823] Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). [Электронный источник]. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025).

[824] Юрьева Т.В. Проектный подход как инструмент реализации стратегических целей // Экономические науки. 2014. № 11 (120). С. 7–10. EDN: TKBQVR.

[825] Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). [Электронный источник]. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025).

Таблица 25 – Ключевые этапы развития проектного управления в России

Год	Особенности этапа
2016	а) 30 июня 2016 г. Президентом РФ подписан Указ № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам». Был создан специальный совещательный орган для разработки подходов к способам и формам решения задач по основным направлениям стратегического развития страны. Президиум Совета возглавляет Председатель Правительства. б) 5 июля 2016 г. в структуре Аппарата Правительства РФ сформирован Департамент проектной деятельности РФ, который выполнял функции Федерального проектного офиса: организовывал проектную работу, формировал портфели приоритетных программ и проектов, проводил оценку, мониторинг. в) 15 октября 2016 г. Правительством РФ принято Постановление № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».
2017	а) 12 октября 2017 г. Правительством РФ принято Постановление № 1242 «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ РФ», устанавливающее Правила разработки, реализации и оценки эффективности госпрограмм, переводимых на механизмы проектного управления. б) Президиум Совета утвердил требования к участникам проектной деятельности в части их квалификации в сфере проектного управления.
2018	а) 7 мая 2018 г. Президент РФ подписал Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в соответствии с которым были разработаны 13 национальных проектов. б) 4 июня 2018 г. Правительством РФ (№ 4072п-П6) были утверждены Методические указания по разработке национальных проектов (программ) в целях реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204, содержавшие формы для разработки нацпроектов, включая разработку паспортов проектов, планов мероприятий по реализации федеральных проектов. в) 31 октября 2018 г. Правительством РФ принято Постановление № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации».
2019–2025	а) 22 марта 2019 г. Правительством РФ (№ 2523п-П6) были утверждены Методические указания по применению типов результатов и стандартизированных контрольных точек федеральных проектов. б) 30 июля 2019 г. Правительством РФ принято Постановление № 981 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288» уточнён порядок изменения национальных и федеральных проектов в части, касающейся их ключевых параметров, установлен порядок внесения в проекты изменений на основании решений проектных комитетов и кураторов национальных проектов. в) 21 июля 2020 г. Президентом РФ подписан Указ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (5 новых национальных целей развития, произошла трансформация нацпроектов до 2030 года). г) 6 октября 2021 г. Правительством РФ было принято Распоряжение № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г.», утвердивший перечень из 42 инициатив. д) 7 мая 2024 г. Президентом РФ подписан Указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». 9 января 2025 года был утверждён Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Утверждены паспорта новых национальных проектов.

Источник: составлено автором по:[826, 827,828]

[826] Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123-137.

[827] Проектное управление в системе государственного управления [Электронный источник]. URL: https://pm.center/projectmanagement/proektnoe-upravlenie-v-sisteme-gosudarstvennogo-upravleniya/ (дата обращения: 13.04.2024).

[828] Национальные проекты России [Электронный источник]. URL: https://национальныепроекты.рф (дата обращения: 28.04.2025).

Таким образом, перспективы эффективной реализации меж- и внутрирегиональных проектов зависят от сформированности системы проектного управления и её успешной имплементации в систему стратегического управления на всех уровнях иерархии.

Необходимым условием эффективной реализации проектов является принятие стратегии, программы социально-экономического развития и генсхемы соседних субъектов РФ (части субъекта РФ) в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. Наряду с этим целесообразным видится принятие в субъектах РФ и согласование нормативно-правовых актов, регламентирующих проектную деятельность, управление региональной (муниципальной) собственностью, что позволит унифицировать законодательство и методические аспекты реализации проектов.

Для проведения скоординированной политики необходимо создание межрегиональной (межмуниципальной) команды реализации проектов, а также выбор модели ГЧП; организационных структур управления межтерриториального и межведомственного характера. Финансирование проектов следует осуществлять на базе методов проектного финансирования, т.е. привлекать ресурсы на принципах разделения рисков, вкладов и ответственности стейкхолдеров (рисунок 28). Важным является создание информационно-аналитической системы проекта, что позволит вести мониторинг хода его реализации на всех стадиях жизненного цикла.

Имплементация в систему управления комплекса данных мероприятий даст возможность повысить эффективность реализации таких проектов в экономической, социальной, экологической и инфраструктурной сферах, выступающих основой для обеспечения пространственной интеграции на внутри- и межрегиональном уровнях.

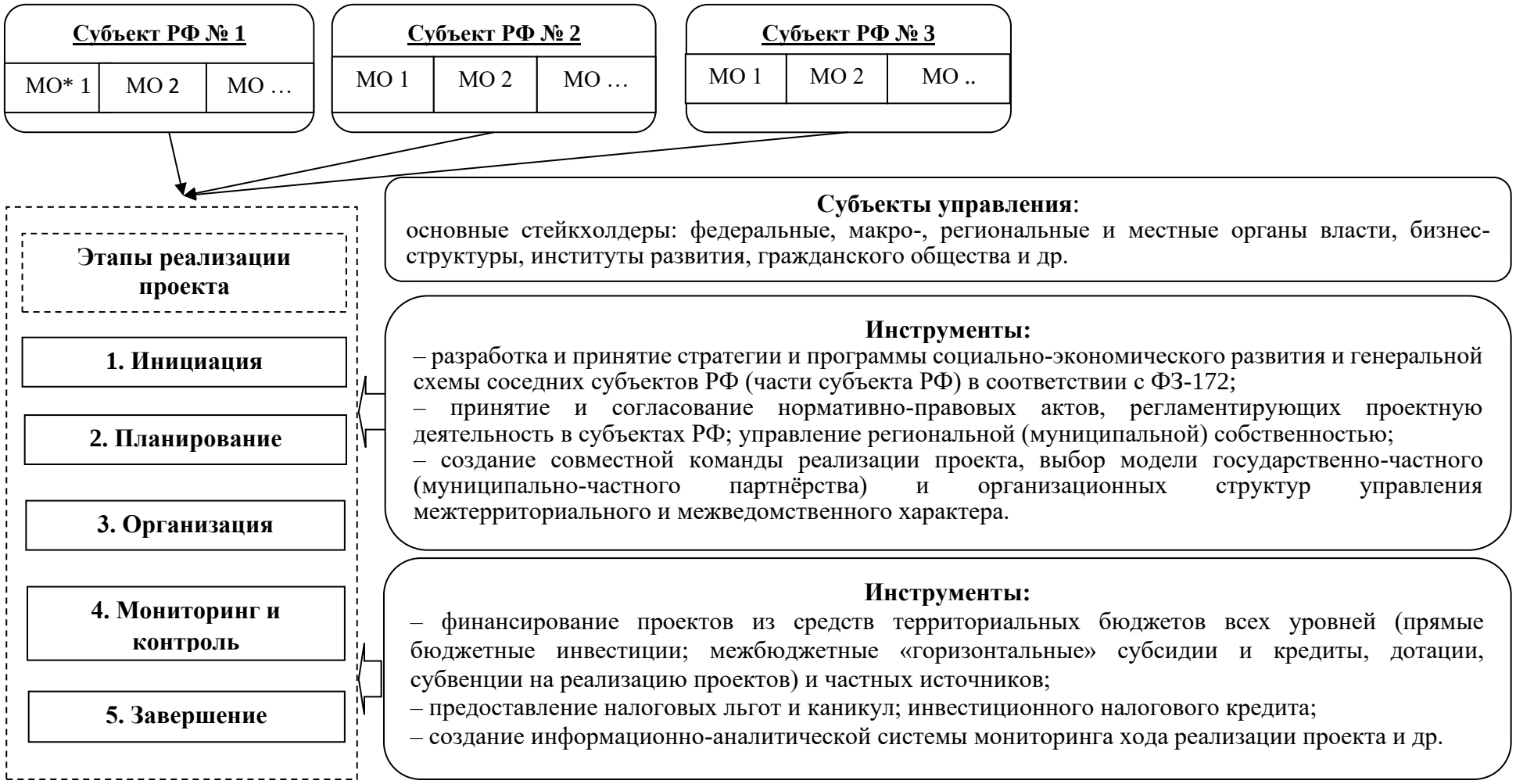

Рисунок 28 – Концептуальные основы управления реализацией межтерриториальных проектов

* МО – муниципальное образование. Источник: разработано автором с использованием материалов[829]

[829] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

5.2. Институционально-инструментальное обеспечение интеграции на основе удлинения цепочек создания добавленной стоимости

В постсоветский период состояние промышленности Севера и Арктики России характеризуется в определённой степени технологической раздробленностью, низкой конкурентоспособностью, слабостью межрегиональных производственных связей, неэффективностью институтов стимулирования инновационного развития. При этом структура экономики отличается слабой диверсифицированностью и моноотраслевым характером с преобладанием отраслей начальных стадий технологического цикла[830,831,832].

В этих условиях важная задача состоит в модернизации экономики, включении северных ресурсов в национальные цепочки создания добавленной стоимости. Член-корреспондент РАН В. Н. Лаженцев отмечает, что «Север в интеграционных процессах должен играть роль “скрепляющего обруча”, вовлекаясь в технологические линии обрабатывающей промышленности России»[833], производящей инновационную продукцию на основе глубокой переработки сырьевых ресурсов.

При этом развитие длинных межрегиональных цепочек создания добавленной стоимости по линии «север – север» и «север – юг» служит как объективной предпосылкой, так и необходимым условием интеграции социально-экономического пространства России. Технологической основой таких процессов выступают проектирование и развитие межрегиональных *вертикально интегрированных и кластерно-сетевых производств*.

---

[830] Березиков С.А. Современное состояние и ключевые проблемы технологического развития ресурсных отраслей экономики Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 3 (50). С. 80–88. EDN: YQDYSJ.
[831] Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова; под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с. ISBN 978-5-93299-224-1.
[832] Лаженцев В.Н. Территориальная организация населения и хозяйства Европейского Севера России // Регион: экономика и социология. 2015. № 2 (86). С. 3–28. DOI: 10.15372/REG20150601.
[833] Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2015. 176 с. ISBN 978-5-89606-547-0.

В частности, об определяющей роли вертикально интегрированных компаний (ВИК) в экономике свидетельствует опыт развитых стран мира[834,835]. Так, «лицо» их промышленности определяют около сотни многоотраслевых корпораций, высокоинтегрированных по своей природе (General Motors, Du Pont, General Electric, Ford Motors, AT&T и др.). В состав каждой из них входят 25 отраслей; 35 корпораций ведут деятельность в 32 отраслях промышленного производства, а десять – в 50 отраслях[836,837].

Согласно официальным данным, на долю таких компаний приходится 55–60% ВНП, в них трудоустроено 45% общего числа занятых в экономике, направляется около 60% общего объёма инвестиций. Кроме того, уже к концу 60-х гг. XX в. на интегрированных предприятиях в США и Канаде производилось более 90% продукции птицеводства, в Нидерландах – 90%, в Бельгии – 70%, в ФРГ и во Франции – 60%[838].В Китае в середине 2017 г. был принят план превращения множества отраслевых и обособленных предприятий государственного сектора в 80 крупных межотраслевых корпораций национального и транснационального масштаба[839].

Вертикальная интеграция способствует минимизации издержек и повышению производственной деятельности за счёт устранения эффекта «двойной маржинализации», характерной для дезинтегрированной экономики, а также

---

[834] Якутин Ю. Еще раз к анализу эффективности становящихся российских корпораций // Российский экономический журнал. 1998. № 9. С. 33–42.
[835] Adelman M. Integration and the antitrust laws // Harvard Law Review, 1949. Vol. 63. No. 1. P. 27–77.
[836] Kozhevnikov S.A. Management of Vertically Integrated Systems Formation and Development in the Russian Economy // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. Vol. 48. Iss. 6. P. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.3.
[837] Кожевников С.А. Формирование технологических цепочек добавленной стоимости в форме вертикальной интеграции // Вопросы территориального развития. 2016. № 3. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/1885 (дата обращения: 19.05.2025).
[838] Гущин В.В., Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. Корпоративное право: учебник. Москва: Эксмо, 2006. 635 с.; 22. (Российское юридическое образование). ISBN 5-699-15487-6.
[839] Губанов С. Эффект вертикальной интеграции и его исчисление // Экономист. 2017. № 9. С. 3–14.

концентрации и рациональному использованию производственного, финансового потенциала регионов, внедрению инноваций и др.[840,841,842,843]

Вместе с тем следует отметить, что экономика регионов России является слабо интегрированной. Это подтверждают результаты авторских расчётов *мультипликатора добавленной стоимости* крупнейших хозяйствующих субъектов из ключевых отраслей, под которым понимается отношение совокупной величины товарной массы, произведённой предприятием, к стоимости первичных ресурсов, вовлечённых в хозяйственный оборот:

$$M_i = TM_i / C_i , \quad (4)$$

где M_i – мультипликатор добавленной стоимости *i-го* хозяйствующего субъекта;

TM_i – совокупная величина товарной массы, произведённой *i-м* предприятием (выручка от продажи продукции хозяйствующего субъекта на всех стадиях его технологической цепочки);

C_i – стоимость первичных сырьевых ресурсов, вовлечённых в хозяйственный оборот *i-го* предприятия (сырья, материалов, комплектующих, которые используются в качестве первичных ресурсов при производстве).

Чем выше значение мультипликатора добавленной стоимости, тем большее количество стадий технологических переделов проходит продукт до того, как превратится в конечный товар[844]. Соответственно, для компаний, производящих

---

[840] Аушев М. Вертикальная интеграция в зарубежной нефтяной промышленности // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11. С. 88–93. DOI: 10.20542/0131-2227-1995-11-88-93.

[841] Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3–27. EDN: JTFSGH.

[842] Кожевников С.А. Особенности развития государственно-частного партнёрства в регионах России // Вопросы территориального развития. 2015. № 9 (29). URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/1645. (дата обращения: 19.05.2025).

[843] Кожевников С.А. Институциональные и экономические основы вертикальной интеграции // Проблемы развития территории. 2015. № 4. С. 142–156. EDN: UBMCZT.

[844] Kozhevnikov S.A. Management of Vertically Integrated Systems Formation and Development in the Russian Economy // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. Vol. 48. Iss. 6. P. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.3.

продукцию с высокой добавленной стоимостью, значение мультипликатора будет выше, чем для дезинтегрированных субъектов[845,846].

Рассчитанные значения мультипликатора добавленной стоимости крупнейших зарубежных и отечественных интегрированных компаний из различных отраслей представлены на рисунке 29.

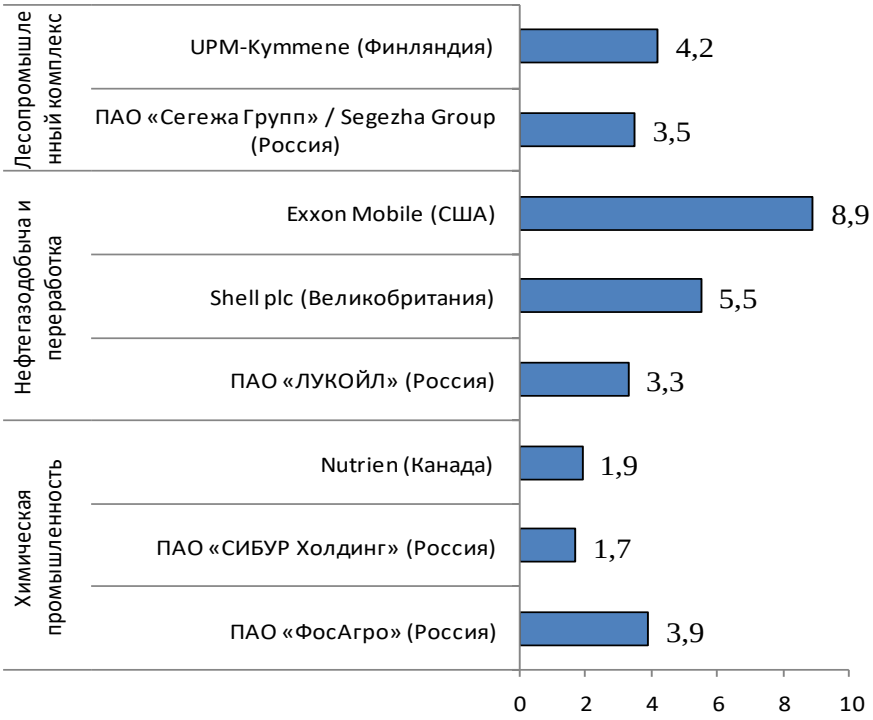

Рисунок 29 – Значения мультипликатора добавленной стоимости крупных вертикально интегрированных компаний (2023 г.)

Источник: расчёты автора по данным бухгалтерской отчётности корпораций

Как свидетельствуют результаты, ряд зарубежных компаний имеют более высокие значения мультипликатора, что обусловлено как более длинной технологической цепочкой, находящейся под их управлением, так и производством инновационной продукции на стыке отраслей в соответствии с приоритетами нового технологического уклада. Продукция ведущих российских и зарубежных вертикально интегрированных компаний представлена в таблице 26.

---

[845] Kozhevnikov S.A. Management of Vertically Integrated Systems Formation and Development in the Russian Economy // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. Vol. 48. Iss. 6. P. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.3.

[846] Кожевников С.А. Формирование технологических цепочек добавленной стоимости в форме вертикальной интеграции // Вопросы территориального развития. 2016. № 3. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/1885. (дата обращения: 29.05.2025).

Таблица 26 – Продукция ведущих российских и зарубежных вертикально интегрированных компаний

Компания	Продукция
1. Химическая промышленность	
1. ПАО «ФосАгро» (*Россия*)	Более *50 марок* гранулированных и жидких минеральных удобрений; кормовые добавки; фосфогипс для сельского хозяйства; технические фосфаты; индустриальные продукты.
2. ПАО «СИБУР Холдинг» (*Россия*)	Переработка широкой фракции лёгких углеводородов и производство целого ряда продуктов нефтехимии: сжиженные углеводородные газы, бутиловые спирты, 2-этилгексанол, этилбензол технический, стирол, метил-трет-бутиловый эфир, полистирол вспенивающийся, экологичный пластификатор диоктилтерефталат и др.
3. Nutrien (*Канада*)	Крупнейший в мире производитель карбоната калия и второй по величине производитель азота. Компания предоставляет *комплексные решения для сельского хозяйства*, включая *питательные вещества, средства защиты растений, семена и цифровые инструменты*.
2. Нефтегазодобыча и переработка	
1. ПАО «Лукойл» (*Россия*)	Нефтепродукты (бензин и дизельное топливо; сжиженный углеводородный газ; битум; мазут; кокс), нефтехимия (полимеры, продукция пиролиза и органического синтеза), производство и продажа масел и технических жидкостей; топливо для реактивных двигателей; выработка и поставка тепловой энергии.
2. Shell plc (*Великобритания*)	Комплексное освоение ресурсов природного газа, включая производство сжиженного природного газа (СПГ), газожидкостной конверсии; производство водорода; нефтепереработка и сбыт готовой продукции (топливо для дорожного, авиационного и морского транспорта; низкоуглеродные виды топлива: *биотопливо, возобновляемый природный газ (RNG), водород и зарядка электромобилей*; смазочные материалы, битум, сера) и *разработка новых проектов и деятельность в сфере НИОКР* (повышение эффективности разведки запасов углеводородов; нефтеотдачи пласта; технопарки «Шелл»).
3. Exxon Mobile (*США*)	Производит широкий ассортимент нефтехимической продукции. Является *одним из крупнейших в мире производителей олефинов* (этилена и пропилена) и полиолефинов (полиэтилена и полипропилена) *для производства синтетических тканей, автостроения и других видов машиностроения; синтетический каучук, пластик, ароматические соединения*, присадки к горюче-смазочным материалам.
3. Лесопромышленный комплекс (ЛПК)	
1. ПАО «Сегежа Групп» (Segezha Group, *Россия*)	Крафт-бумага, бумажная упаковка, фанера, CLT-панели, клееная балка, пиломатериалы, домокомплекты, ДВП, биотопливо, лесохимия.
2. UPM-Kymmene (*Финляндия*)	Целлюлоза, пиломатериалы, самоклеящиеся этикеточные материалы, чистоцеллюлозные и полиграфические сорта бумаги, биотопливо, *биохимикаты, биомедицинские продукты – регенеративная медицина (биосовместимые гидрогели, нанофибриллярная целлюлоза (гель для инъекций, биочернила для печати, покрытия, перевязочные материалы для ран).*

Источник: составлено автором на основе анализа материалов официальных сайтов компаний и их годовых отчётов

При этом следует отметить, что значение мультипликатора добавленной стоимости в целом по экономике России ниже уровня развитых стран мира. Так, по расчётам С.С. Губанова и других исследователей, значение данного показателя в

нашей стране составляет около 1,3–1,5 ед., в США – 12,8, других развитых странах – 11–13 единиц[847,848].

В такой ситуации именно удлинение межрегиональных технологических цепочек, а также формирование *кластерно-сетевых структур* способствуют повышению конкурентоспособности компаний на мировых рынках и обеспечению пространственной интеграции регионов на основе развития национальных цепочек создания добавленной стоимости.

Выбор вектора удлинения технологической цепочки, развития её высоких «этажей» требуют научного поиска, развития «нелинейных» инноваций. В такой ситуации важным является наличие эффективных институтов и инструментов поддержки исследований и разработок на всех стадиях уровней готовности технологии (УГТ 1-9)[849].

Однако проведённый анализ институционально-инструментального обеспечения данных процессов в России (научно-образовательные центры (НОЦ) мирового уровня; инжиниринговые центры (ИЦ); инновационные научно-технологические центры (ИНТЦ); центры компетенций Национальной технологической инициативы (ЦК НТИ); комплексные научно-технические программы (КНТП); Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 № 218 (ред. от 28.09.2023) «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов создания высокотехнологичных производств» и др.) свидетельствует о том, что ключевая проблема состоит не только в недостаточной эффективности его применения на практике, но и в том, что по

---

[847] Input-Output Accounts Data // Bureau of Economic Analysis. Available at: http://bea.gov/industry/io_annual.htm (date of access: 12.07.2023).

[848] Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция (Серия «Сверхдержава»). М.: Книжный мир, 2012. 224 с. ISBN 978-5-8041-0592-2.

[849] Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7.

своей природе они по отдельности не позволяют реализовать все процессы инновационной деятельности и преодолеть т.н. «долину смерти»[850,851,852].

Так, в соответствии с нацпроектом «Наука и университеты» в 2019–2020 гг. был создан ряд НОЦ мирового уровня, в том числе между несколькими субъектами РФ, которые направлены на консолидацию потенциала науки, образования и бизнеса при производстве инновационной продукции. Одним из масштабных НОЦ является «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования»[853], созданный в 2019 году в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. № 3182-р с центром в г. Архангельске[854] (инициаторы – Архангельская, Мурманская области, Ненецкий автономный округ; участники – Республика Коми, Республика Карелия).

Основными направлениями его деятельности являются: материалы и технологии для судостроения и морской арктической техники; развитие высокотехнологичных производств в Арктике (добыча и переработка полезных ископаемых, синтез новых материалов); жизнедеятельность человека в Арктике; биоресурсы Арктической зоны РФ; Северный морской путь и связанность арктических территорий[855,856].

---

[850] Стадии УГТ 4-6, до которых реализуемость идеи уже доказана (УГТ 1-3), однако стоит задача масштабирования, выхода на его серийное производство (УГТ 7-9) и широкого продвижения на рынок.

[851] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[852] Шацкая И.В. Концепция стратегического управления кадровым обеспечением инновационного развития: диссертация ... доктора экономических наук. Москва, 2021. 395 с.

[853] Сайт НОЦ.РФ. URL: https://ноц.рф/centers/nauchno-obrazovatelnii-centr-mirovogo-urovnya-rossiiskaya-arktika-novie-materiali-tehnologii-i-metodi-issledovaniya (дата обращения: 04.08.2024).

[854] См. подробнее: Распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. № 3182-р «Перечень победителей конкурсного отбора 2020 года для последующего предоставления государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики». URL: http://static.government.ru/media/files/H2swwqOZwPLjD8x2yRAVsko0sADMqyTt.pdf (дата обращения: 04.08.2024).

[855] Научно-образовательный центр «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования». URL: https://secarctic.ru/#cookies=yes (дата обращения: 04.08.2024).

[856] Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7.

Однако, как свидетельствуют научные исследования, а также практика функционирования НОЦ в регионах России (Белгородская, Кемеровская, Нижегородская области, Пермский край и др.), их деятельность сталкивается с рядом проблем, ключевыми среди которых являются:

– низкий уровень взаимодействия между субъектами РФ и международного сотрудничества в области исследований и инноваций, нехватка высококвалифицированных учёных для реализации проектов;

– недостаточная согласованность направлений деятельности НОЦ и стратегий социально-экономического развития регионов[857];

– расхождение в целях деятельности и целевых показателях оценки эффективности НОЦ;

– относительно небольшое число планируемых результатов деятельности в части конкретных и оригинальных продуктов (технологий), их возможной применимости за пределами субъекта РФ; недостаточная конкретизация результатов деятельности НОЦ, которые соответствовали бы мировому уровню;

– несформированность системы управления НОЦ[858,859].

Похожие проблемы характерны и для инжиниринговых центров. Как отмечается, созданные на базе университетов центры даже при успешной реализации своих программ не смогут получить прорывные технологии, поскольку опираются на ограниченные технологические заделы[860].

Для инновационных научно-технологических центров (ИНТЦ) характерны высокие риски и слабая инвестиционная привлекательность. Так, на практике инвестор берёт на себя обязательство не только реализовать исследовательские

---

[857] Zablodska I., Sieriebriak K., Kolomytseva O., Dzhumageldiyeva G., Rohozian Y. Interregional Partnership as a Background for the Sustainable Development: European Facet // European Journal of Sustainable Development. 2019. № 8 (2). P. 365–378. DOI: 10.14207/ejsd.2019.v8n2p365.

[858] Каменских М.А. Исследование сущности и особенностей научно-образовательных центров мирового уровня // Экономическое возрождение России. 2020. № 4 (66). С. 136–141. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-4-66-135-141.

[859] Печаткин В.В. Формирование научно-образовательных центров мирового уровня в регионах России как инструмент повышения конкурентоустойчивости территорий // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 4. С. 3075–3086. DOI: 10.18334/eo.9.4.41267.

[860] Академик усомнился в способности инжиниринговых центров РФ создавать прорывные технологии // ТАСС. URL:https://nauka.tass.ru/nauka/10972455. (дата обращения: 12.08.2025).

проекты, но и проинвестировать капитальное строительство зданий и сооружений на территории присутствия ИНТЦ; нести издержки по обслуживанию объектов инфраструктуры. Участник проекта должен быть исследовательской организацией и иметь соответствующий основной ОКВЭД. Однако в России исследовательских компаний, которые могут проинвестировать создание ИНТЦ, практически нет[861]. Обстоятельный анализ проблем реализации данного инструмента проведён в работе С. Д. Проскурина[862]. При этом одной из ключевых проблем является реализация ИНТЦ не всех функций, необходимых для завершённого инновационного процесса, «механическое» объединение стейкхолдеров.

Несмотря на фокус комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла (КНТП) на поддержку полного цикла инновационного процесса, к числу ключевых их проблем можно отнести:

– наличие в предоставляемых заявках нечётко определенных целей, неочевидность конечного результата;

– вместо разработки инновационных технологических решений нацеленность на решение узкоотраслевых проблем секторов экономики;

– непонимание рынка сбыта продукции;

– отсутствие юридически обязывающих документов, регламентирующих взаимоотношения сторон в процессе реализации КНТП;

– отсутствие или неполнота сведений в заявке о потенциальных участниках, партнёрах КНТП, различия в уровне научно-технического задела;

– отсутствие маркетингового анализа рынка; дефицит информации для оценки рисков и эффективности проекта или программы[863].

---

[861] Российский опыт создания ИНТЦ: сквозь тернии к звездам. URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/rossiiskii-opyt-sozdaniya-intc-skvoz-ternii-k-zvezdam (дата обращения: 16.11.2024).

[862] Проскурнин С.Д. Формирование саморазвивающихся инновационных экосистем в инновационных центрах – пространственных точках роста научно-технологического лидерства страны и регионов // Региональная экономика и управление: электрон. науч. ж-л. 2022. № 1 (69). Номер статьи: 6908. DOI: 10.24412/1999-2645-2022-169-8. URL: https://eee-region.ru/article/6908/ (дата обращения: 16.11.2024).

[863] КНТП: уроки реализации первого этапа и дальнейшие перспективы / Г.В. Шепелев, Н.А. Миронов, М.В. Сергеев, И.М. Сергеев // Инноватика и экспертиза. 2021. Выпуск 2 (32). С. 101–120. DOI: 10.35264/1996-2274-2021-2-101–120.

Таким образом, становится очевидным, что ни один из существующих инструментов самостоятельно не может реализовать все базовые процессы в сфере разработки и производства инновационного продукта.

В свою очередь критический анализ принципов, условий и факторов развития ведущих регионов «экономики знаний» северных и других развитых стран мира[864], креативных отраслей[865] позволил выявить следующие ключевые особенности их институционально-инструментального обеспечения[866], представленные в таблице 27. В основе формирования и развития инновационной деятельности лежит эффективное взаимодействие основных стейкхолдеров (университетов/научных учреждений, органов власти, бизнес-структур) на основе модели «тройной спирали» Г. Ицковица[867], что позволяет им преодолеть «долину смерти» (УГТ 4-6) в линейке инновационного процесса. При этом инновационная деятельность развивается, как правило, на основе модели «открытых инноваций», предполагающей синхронизацию деятельности участников, активное взаимодействия компаний с инновационной экосистемой для объединения компетенций, экспертизы и ресурсов[868]. В свою очередь организация взаимодействия участников построена на *кластерно-сетевом принципе*.

---

[864] Аганбегян А.Г. «Кремниевые долины» – зоны инноваций в США, Китае, ЕС, России и других странах // Экономика науки. 2023. № 9 (2). С. 8–19. DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-2-8-19.

[865] Хворостяная А.С. Стратегическая роль центров трансфера технологии в развитии креативных индустрий экономики // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 7. С. 1221–1238. DOI: 10.18334/ce.14.7.110546.

[866] Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7.

[867] Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 5–10.

[868] Мусаев Р.А., Фильцагин К.В. Модель открытых инноваций как стратегический фактор технологического развития компаний нефтегазовой отрасли // Экономическое возрождение России. 2024. № 1 (79). С. 141–149. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-141-149.

Таблица 27 – Ключевые особенности развития регионов «экономики знаний» северных стран

Участники	Особенности
1. Университеты и научные организации	1.1. Значительное количество *междисциплинарных исследовательских центров, университетов*; привлечение студентов, молодых исследователей со всего мира[869] (в возрасте до 35 лет; в г. Лунд (Швеция) из 113 тыс. жителей города на студентов приходится 47 тыс. человек или 41,6%[870]; г. Оулу (Финляндия) – из 250 тыс. жителей к студентам относится 25 тыс. чел. (10%); 21% жителей здесь моложе 18 лет при среднем возрасте населения города в 37,6 года)[871]. 1.2. Активное *межуниверситетское сотрудничество* для решения общих задач: реализуется оно через центр исследований и высшего образования по научно-техническому сотрудничеству[872]. 1.3. Реализация *инженерных и исследовательских работ по заказу корпораций* и иных бизнес-структур.
2. Инновационные предприятия	2.1. Предприятия привлекаются к составлению отвечающих требованиям рынка учебных программ и информируют учёных о востребованных инновациях для увеличения числа исследований по системе *market-pull* (модель «вытягивания спросом»), а не *technology-push* («продавливания»). 2.2. Создание на базе исследовательских подразделений с предпринимателями новых совместных компаний и передача им технологий, которые разработаны внутри научных лабораторий; дальнейшая продажа компаний (спин-оффы) индустриальным партнёрам. 2.3. Деятельность компаний отличается высокой степенью дополняемости и сконцентрирована на достаточно узком круге передовых технологий; развитие тесной кооперации крупных и малых предприятий.
3. Органы власти	Взаимодействие с участниками на основе государственно-частного партнёрства, основанного на предоставлении инновационным проектам беспроцентных или условно-возвратных займов[873].

Источник: [874]

Генерация знаний обеспечивается за счёт высокой «плотности» университетов, научных учреждений, инновационных предприятий и их контактов,

[869] Spotlight on Shenzhen // Nature. 2007. 27 September. URL: https://www.nature.com/articles/nj0181 (date of access: 04.08.2024).
[870] Калинина М.Р., Кондратов Н.А. Инновационный вектор конкурентоспособности стран Северной Европы: опыт Швеции // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 5–28. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.5.
[871] Линдт М. Как финский городок Оулу стал мировым центром технологий // Эксперт. 2018. № 26 (1080). С. 90–91.
[872] Best Practices for Industry-University Collaboration. URL: https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/38662/163578646-MIT.pdf?sequence=2&isAllowed=y (date of access: 04.08.2024).
[873] The Case of the TopTechnology Region/ Eindhoven-Leuven-AachenTriangle (TTR-ELAt) – Regions and Innovation: Collaborating Across Borders» (Links to an external site.), Claire Nauwelaers, Karen Maguire, Giulia Ajmone Marsan, 2013. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2013/12/the-case-of-the-top-technology-region-eindhoven-leuven-aachen-triangle-ttr-elat-regions-and-innovation-collaborating-across-borders_g17a238f/5k3xv0lg3hf5-en.pdf (date of access: 11.02.2023)
[874] Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7.

т.е. обеспечения критической массы человеческого и социального капитала при широком содействии государственного сектора.

Важной характеристикой инновационной системы за рубежом является децентрализация, ориентация на *развитие горизонтальных связей*. При этом такая система открыта для внешней среды, развивается тесное сотрудничество с исследователями из других регионов и стран мира.

Активное развитие инновационного процесса обусловлено благоприятной институциональной средой, наличием развитого законодательства в области интеллектуальной собственности, формированием многоуровневой инновационной инфраструктуры. В частности, органы власти региона создают технологические парки, организации финансового сектора – инвестиционные венчурные структуры, организации науки и университеты – R&D центры, десятки инновационных компаний. В зарубежных странах выстроена система работы с лицензированием и защитой прав собственности.

Сама модель управления инновационными центрами базируется на наличии нескольких учредителей, добровольном объединении под единым брендом вузов, занимающихся преподаванием и подготавливающих будущие кадры; фундаментальных и прикладных лабораторий, ведущих разработку инновационных технологий, и бизнес-структур, финансирующих перспективные проекты и поддерживающих их коммерциализацию. Такой механизм управления значительно сложнее управления технопарком с одним учредителем, однако намного эффективнее, например, с точки зрения доступа к финансированию. Иными словами, особенностью описанных моделей организации инновационной деятельности является наличие эффективных институтов и инструментов поддержки исследований и разработок на всех стадиях технологической готовности до превращения их в инновации[875].

Таким образом, с учётом анализа успешного зарубежного опыта, а также российской практики поддержки для эффективного использования потенциала

[875] Там же.

северных территорий и их пространственной интеграции на основе развития длинных цепочек создания добавленной стоимости (в т.ч. по линии «север – юг») перспективным видится создание на базе Координационного совета по развитию региона *Центра проектирования вертикальной (сетевой) интеграции,* выступающего в качестве организационного и финансового обеспечения развития межрегиональных цепочек создания добавленной стоимости на основе консолидации научно-исследовательского и производственного потенциала Европейского Севера[876]; организации производства на основе этого инновационной продукции, востребованной на российских и мировых рынках.

Механизм функционирования Центра проектирования вертикальной (сетевой) интеграции представлен на рисунке 30. Формирование Центра в форме консорциума научно-образовательного центра (НОЦ) и инжинирингового центра (ИЦ) позволит развернуть инновационную цепочку со стадии УГТ 1 до УГТ 9, т.е. на всем жизненном цикле продукта. Это также поможет обеспечить большую организационную и институциональную гибкость, исключить необходимость значительных дополнительных капитальных вложений в инфраструктуру.

Ключевой задачей деятельности Центра будет являться определение перспективных направлений диверсификации и модернизации экономики территорий на основе удлинения технологических цепочек, поиска в соответствии с концепцией «умной» специализации новых производственных и продуктовых ниш путём консолидации потенциала территорий[877].

---

[876] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1. С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[877] Там же.

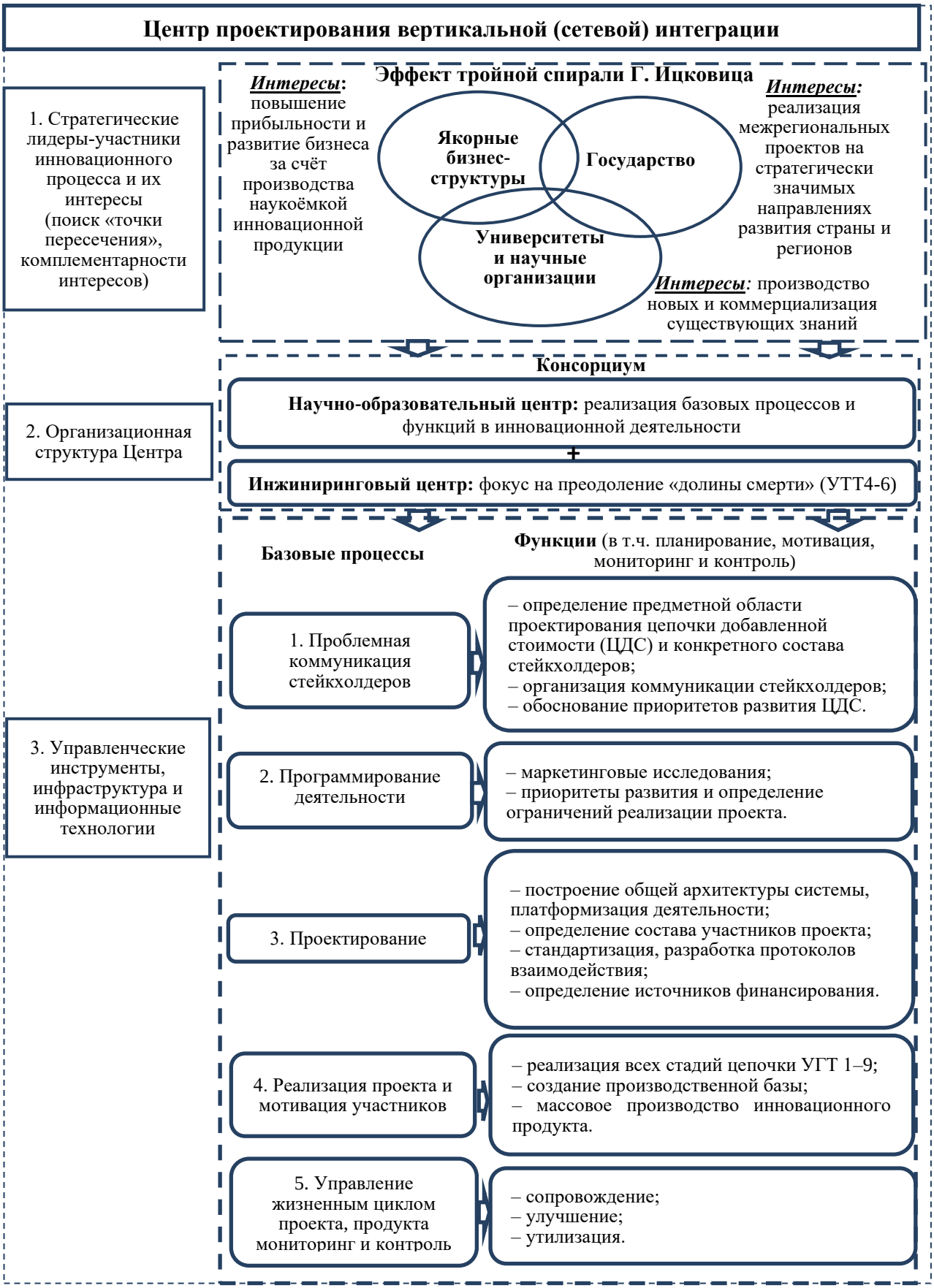

Рисунок 30 – Организационно-экономический механизм функционирования Центра проектирования вертикальной (сетевой) интеграции

Источник: разработано автором

Центр будет площадкой для проблемной дискуссии стейкхолдеров инновационного процесса (важным видится вовлечение в данный процесс максимального количества заинтересованных сторон, от согласованности интересов которых в значительной мере будет зависеть успешность реализации стратегии и совместных проектов)[878]; проектирования новых направлений развития цепочек создания добавленной стоимости; консолидации ресурсов и компетенции участников при производстве продукта. Это, в том числе, позволит повысить точность прогноза успешности R&D-проектов (стартапов), которая на самой ранней стадии их реализации, по оценкам С.П. Ковалёва, в мире в последние полвека обычно не превышала 20%[879].

Данная структура по функционалу схожа с корпоративным центром вертикально интегрированной компании, однако адаптирована к специфике управления развитием межрегиональных кооперационных связей и реализацией стратегических проектов различных уровней. Согласованное развитие участников таких проектов будет обеспечиваться на основе *платформизации* их деятельности (внедрение цифровых платформ во всех сферах хозяйственной деятельности позволяет повысить её эффективность за счёт формирования новой системы разделения труда, адекватной текущему уровню развития производительных сил[880], перепроектирования бизнес-процессов предприятия на основе интеллектуальной интеграции, что обеспечивает рост добавленной стоимости[881]).

Реализующиеся с участием Центра проекты могут быть направлены на:

1) проведение неоиндустриализации территориально-хозяйственных систем северных/арктических территорий с *традиционной природно-ресурсной и*

---

[878] Новикова И.В. Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // Стратегирование: теория и практика. 2021. № 1. С. 57–65. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65.

[879] Ковалев С.П. Метрики для раннего прогнозирования успешности R&D // Управленческое консультирование. 2016. № 10 (94). С. 61–72. EDN: XEBEEX.

[880] Шацкая И.В., Данилина Е.И. Стратегические аспекты повышения эффективности хозяйственной деятельности промышленных предприятий // Экономика промышленности. 2024. № 17 (2). С. 215–222. DOI: 10.17073/2072-1633-2024-2-1288.

[881] Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Стратегические инструменты роста промышленного сектора экономики в условиях шестого большого цикла Кондратьева // Экономика промышленности. 2023. № 16 (3). С. 253–262. DOI: 10.17073/2072-16332023-3-253-262.

индустриальной экономикой, удлинение существующих технологических цепочек на основе вертикальной интеграции производств и сложившихся энергопроизводственных циклов[882];

2) формирование *«новой» экономики* – инновационных видов экономической деятельности на базе сырьевых ресурсов и имеющихся компетенций (например, биотехнологии), а также обслуживающих добывающие виды деятельности в соответствии с концепцией «умной» специализации, обеспечение развития сетевых форм интеграции основных участников инновационного процесса. Как справедливо отмечают А. В. Мясков и Е. Н. Елисеева, внедрение наукоёмких технологий повышает производительность труда, стимулирует инновационную активность[883].

Предпосылкой для успешной реализации таких проектов является наличие в регионе научных центров в сфере профильных компетенций (например, НОЦ «Российская Арктика…» и др.)[884,885]. При этом следует согласиться с исследователями в том, что при обеспечении процессов цифровизации различных субпространств территорий Арктики и Севера необходимо применять дифференцированный подход, что позволит преодолеть имеющиеся ограничения данных локалитетов и обеспечить высокое качество жизни проживающего населения[886].

Успешной реализации меж- и внутрирегиональных инновационно-инвестиционных проектов, ориентированных на производство продукции с

---

[882] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития.2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[883] Мясков А.В., Елисеева Е.Н. Устойчивое развитие отечественных промышленных предприятий как фактор эффективности цифровых преобразований // Экономические системы. 2024. Т. 17. № 4. С. 12–27. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-4-12-27.

[884] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

[885] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[886] Фадеев А.М., Ильин И.В., Лёвина А.И., Дубгорн А.С., Рукина П.А. Цифровизация как фактор развития целевых арктических субпространств // Арктика и Север. 2025. № 58. С. 84–101. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.58.84.

высокой добавленной стоимостью, будет способствовать также создание благоприятных условий для развития сотрудничества и в других сферах многомерного социально-экономического пространства Европейского Севера России. Эти обстоятельства актуализируют необходимость совершенствования федеральной и региональной социально-экономической политики, а также реализации проектов, направленных как на устранение существующих ограничений, так и скоординированное развитие субъектов Европейского Севера России в целях активизации интеграционных процессов в пространстве. В этом контексте основными направлениями совершенствования государственной политики являются:

а) в экономической сфере:

– снятие инфраструктурных ограничений в целях повышения связности пространства: модернизация и расшивка «узких мест» в инфраструктуре; согласованное развитие ключевых транспортных коридоров (Северного морского пути, Северного широтного хода, Белкомура), различных видов транспорта (морского, железнодорожного, автомобильного и др.); модернизация дорог и развитие альтернативных видов транспорта в периферийных районах (дирижабли, экранопланы[887], термопланы[888,889]);

– организационная и коммуникационная поддержка реализации малых и средних проектов по приоритетным направлениям региональной кооперации на основе межмуниципального сотрудничества, осуществление бюджетных инвестиций в форме ГЧП, использование механизма горизонтальных субсидий и кредитов для реализации совместных проектов на стратегических направлениях развития региона[890];

---

[887] Там же.

[888] Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Лачининский С.С. Пространственные возможности и предполагаемая перспектива российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. № 3. С. 25–38. DOI: 10.17059/2015-3-3.

[889] Лукин Ю.Ф. Гибридность многоликой Арктики в ковидном 2020 году. Архангельск, 2021. 241 с. ISBN 978-5-261-01546-8.

[890] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

– стимулирование производственной кооперации между предприятиями по линии «север – юг» для поддержки проектов освоения Арктики в контексте реализации политики импортозамещения;

б) в социальной сфере:

– снижение диспропорций в качестве жизни населения, человеческого потенциала в пространстве по линии «север – юг», «город – село» за счёт инвестирования в сферы здравоохранения, образования, науки, культуры, осуществления газификации отдалённых территорий, устранения их «цифрового» неравенства;

– поддержка социальной сплочённости, информационная, научная, экспертная поддержка инициативы «снизу» при разработке и реализации проектов территориального общественного самоуправления в сфере культуры, образования, туризма, управления и т.п.; как справедливо отмечает ведущий исследователь по вопросам Арктики и Севера Ю. Ф. Лукин, именно такие проекты имеют больше шансов для обеспечения реальной интеграции арктических/северных территорий[891];

в) в институционально-правовом регулировании:

– разработка в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ документов стратегического развития и территориального планирования нескольких субъектов Европейского Севера России; части субъекта РФ. Наличие данных документов может стать основой для эффективной реализации согласованной инвестиционной, инфраструктурной, научно-технологической политики, совместных проектов;

– формирование благоприятной институционально-правовой среды, способствующей повышению эффективности деятельности межтерриториальных институтов развития субъектов Европейского Севера (например, вхождение в состав НОЦ мирового уровня «Российская Арктика:…» бизнес-инкубаторов и

[891] Лукин Ю.Ф. Арктические проекты межрегиональной интеграции // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 14–32. EDN: RLTIGN.

акселераторов; развитие активного сотрудничества с технологическими предпринимателями; привлечение проектного финансирования);

– тиражирование лучших практик пространственной интеграции на основе реализации межмуниципального сотрудничества[892].

Реализация комплекса данных мероприятий создаст благоприятные предпосылки для активизации интеграционных процессов в пространстве на меж- и внутрирегиональном уровнях[893]. В свою очередь важную роль в обеспечении интеграции на внутрирегиональном уровне играет межмуниципальное сотрудничество, активное развитие которого предполагает необходимость учёта интересов и консолидацию ресурсов основных стейкхолдеров при реализации ими совместных проектов.

5.3. Концептуальная модель организации межмуниципального сотрудничества с позиции стейкхолдерского подхода

Результатом либерализации хозяйственной деятельности в постсоветский период стало разрушение исторически сформировавшихся межтерриториальных производственных и социально-экономических связей, прежде всего по линии «крупный город – малый город – село»[894]. Последнее, в свою очередь, стало триггером к нарастанию дезинтеграционных процессов на внутрирегиональном уровне.

Вместе с тем с позиции структурно-функционального подхода каждый из этих элементов пространственного каркаса характеризуется определённым набором функций в системе географического разделения труда, которые представлены на рисунке 31. При этом их устойчивое и взаимосвязанное развитие,

---

[892] Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития.2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

[893] Там же.

[894] Руководство по проектированию малых городов в системах расселения / ЦНИИП градостроительства. М.: Стройиздат, 1979. 129 с.

включенность в единый хозяйственный комплекс региона обеспечивают интеграцию пространства.

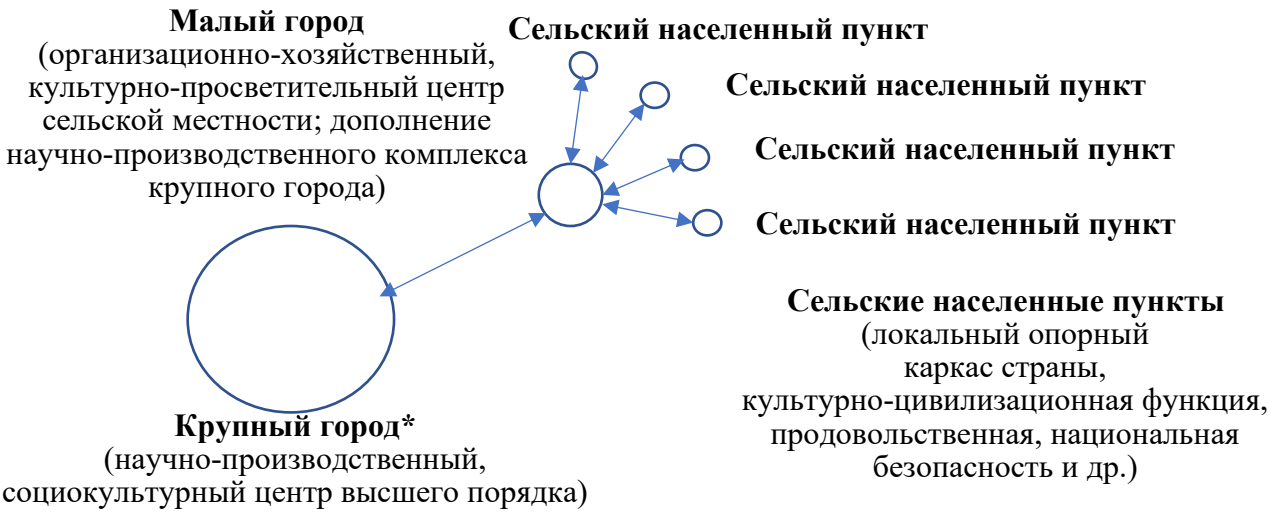

Рисунок 31 – Структурно-функциональная модель организации регионального пространства с позиции теории центральных мест

* *Примечание*: функции центрального места высшего порядка в субъекте РФ может выполнять, не только крупный, но и большие города (г. Норильск, г. Абакан, г. Элиста и др.), а на более низком уровне – средние города в силу самого большего размера их людности.
Источник: составлено автором

По своей природе малые города[895], являющиеся промежуточными звеньями в сети иерархически соподчинённых населённых мест, имеют дуалистический характер, т.е. они одновременно характеризуются рядом особенностей и функций, сближающих их с крупными/средними городами (преобладание несельскохозяйственных видов деятельности, центры предоставления специализированных социальных, бытовых, финансовых и других услуг населению и др.); при этом имеют ряд черт, характерных для сельских территорий (более низкие конкуренция, стоимость факторов производства, размеренная жизнь)[896].

[895] К малым относятся города с численностью населения до 50 тыс. чел. (СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89; Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р)).
[896] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23. EDN KNUPZS.

В России именно малые являются самой распространённой категорией среди всех городов и основой каркаса страны. Согласно результатам Всероссийской переписи 2020 г., проведённой в 2021 г., к ним относятся 801 из 1118 (71,6%) городов; здесь проживает 16 млн чел., что составляет 14,6 % общей численности горожан. Наиболее распространённой данная форма расселения является на северных территориях страны[897].

В значительной части ведущих зарубежных и отечественных работ[898,899,900,901,902,903] отмечается, что в силу ограниченного потенциала малого города условием для обеспечения модернизационных процессов здесь является налаживание устойчивых социально-экономических взаимодействий с другими узловыми (крупные, большие города и городские агломерации) и неузловыми элементами пространства (сельские территории). Кроме того, на базе исследования мирового опыта обосновывается, что взаимодействие городов различного уровня иерархии позволяет устранить фактор географической удалённости между ними и обеспечивает зарождение синергетического эффекта как для их собственного, так и регионального экономического роста[904,905]. Такое сотрудничество создаёт

---

[897] Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26. № 3 (81). С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

[898] Meili R., Mayer H. Small and Medium-Sized Towns in Switzerland: Economic Heterogenity, Socioeconomic Performance and Linkages // Erdkunde. 2017. Vol. 71. P. 313–332. DOI: 10.3112/erdkunde.2017.04.04.

[899] Volgmann K., Rusche K. The Geography of Borrowing Size: Exploring Spatial Distributions for German Urban Regions // Tijdschr. Voor Econ. En Soc. Geogr. 2020. Vol. 111. P. 60–79. DOI: 10.1111/tesg.12362.

[900] Capello R. The city network paradigm: measuring urban network externalities // Urban Studies. 2000. № 37 (11). P. 1925–1945.

[901] Растворцева С.Н., Манаева И.В. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.6.

[902] Манаева И.В. Формирование методологии стратегирования пространственного развития городов России: монография. Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 362 с. ISBN 978-5-89781-689-7.

[903] Обедков А.П. Малые города как фактор модернизации российского пространства // Россия: тенденции и перспективы развития // Ежегодник. Вып. 6. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 504–508.

[904] Sohn J.Y. Network city as a new urban growth model: a review on its formation, spatial structure, management, and growth potential // J. Korean Geographical Society. 2011. No. 46 (2). P. 181–196.

[905] De Vries J. The Randstad: in search of a metropolis for Netherlands (Randstad: à la recherche d’une métropole pour les Pays-Bas) // Bulletin de l’Association de géographes français. 2012. No. 89 (4). P. 534–546.

благоприятные предпосылки для развития инфраструктуры, реализации совместных проектов, трансфера лучших практик муниципального управления и др.[906].

Иными словами, обеспечение их непосредственной и опосредованной связности, согласованного развития по направлениям, представленным на рисунке 32, является условием интеграции социально-экономического пространства[907].

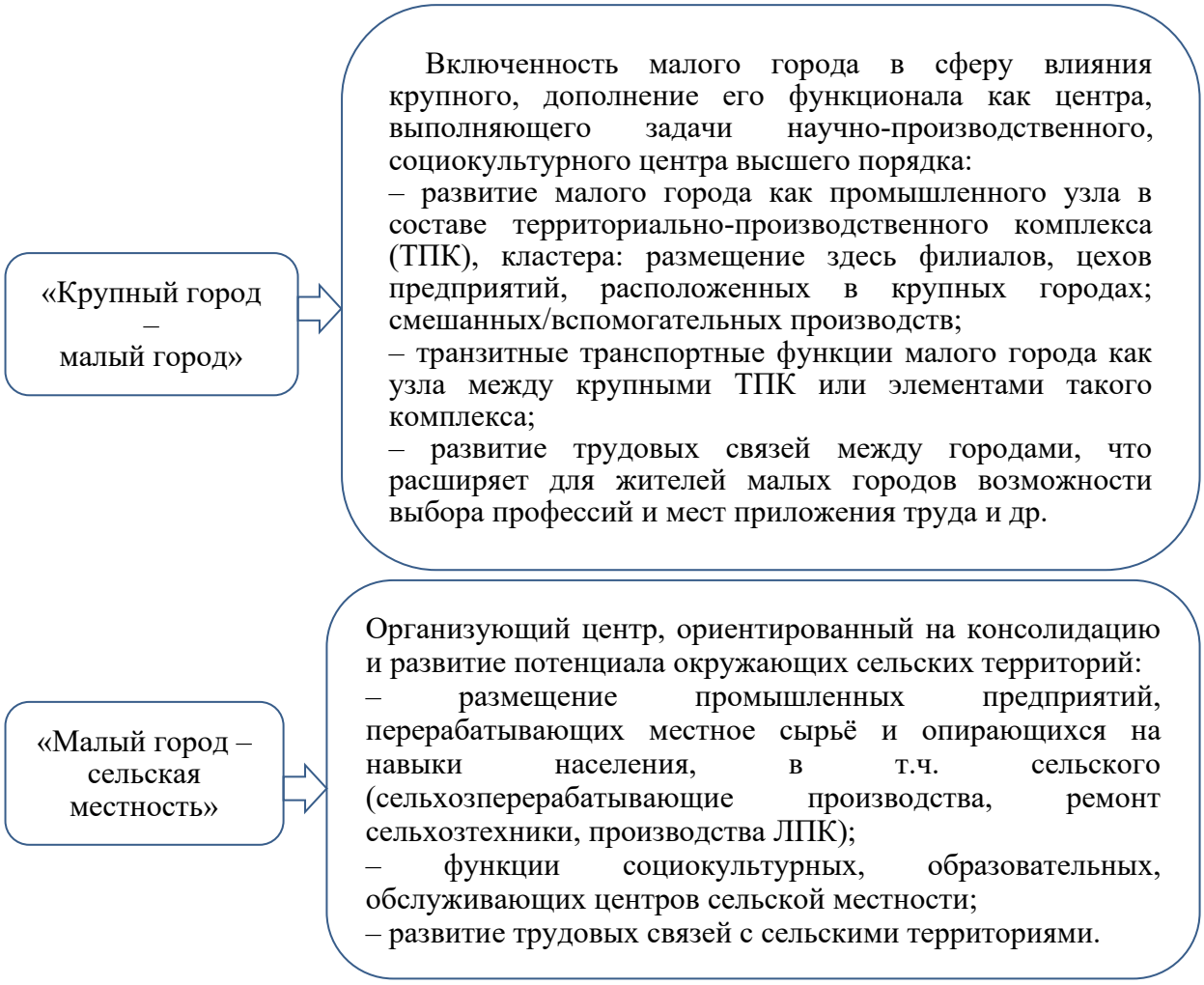

Рисунок 32 – Связность малых городов с другими элементами пространства как условие обеспечения пространственной интеграции

Источник: составлено автором по[908]

---

[906] Устойчивое развитие территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов: коллективная монография / под ред. В. Л. Тамбовцева, М. Ю. Шерешевой. М., 2018. 448 с. ISBN 978-5-978-5-906932-11-2.

[907] Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26. № 3 (81). С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

[908] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23. EDN KNUPZS.

О значимости малых городов свидетельствует также то, что в 2021 г. в Стратегию пространственного развития РФ было введено понятие *опорных населённых пунктов*, которыми преимущественно должны выступать именно данные города, являющиеся обслуживающими центрами для сельской местности и точками роста, обеспечивающими сбалансированность пространства. Кроме того, в качестве приоритетов было обозначено повышение связанности перспективных центров экономического роста (крупнейшие, крупные города и агломерации) с малыми/средними городами, сельскими территориями[909].

В соответствии с новой Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р)) был разработан *Единый перечень опорных населённых пунктов Российской Федерации*[910]. В него включены 2160 единиц, более половины которых составляют малые города, сёла, рабочие посёлки и посёлки городского типа[911]. Иными словами, малые города в практике государственного управления рассматриваются в качестве ключевых элементов пространственного каркаса страны, развивающихся в тесной связи с сельскими территориями[912].

Данная позиция соотносится с тем, что в науке наблюдается переход от дискретно-дихотомического подхода к исследованию социально-экономического пространства, предусматривающего противопоставление города и села, к

---

[909] Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26. № 3 (81). С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

[910] Утвержден президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 16 декабря 2024 г. № 143пр).

[911] Марат Хуснуллин: Перечень опорных населенных пунктов более чем наполовину состоит из малых городов и сел // Сайт Правительства России. URL: http://government.ru/news/54893/ (дата обращения: 13.05.2025).

[912] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23. EDN KNUPZS.

формированию концепции *сельско-городского континуума*, рассматривающего их в тесной взаимосвязи и взаимозависимости[913].

В свою очередь проведённое автором исследование особенностей и проблем социально-экономического развития малых городов Европейского Севера России в постсоветский период позволило сделать следующие выводы:

1. Наибольший потенциал для развития и социально-экономической модернизации имеют малые города (г. Усинск, г. Нарьян-Мар, г. Сегежа, г. Сокол и др.), вовлечённые в производственные цепочки вертикально интегрированных компаний (более высокие «этажи» которых, как правило, локализуются в крупных городах и агломерациях), перерабатывающих ресурс, востребованный на национальном и мировом рынках (нефть, лес и др.). При этом устойчивость их экономики обеспечивается, кроме того, за счёт использования хозяйствующими субъектами малых городов (г. Сокол, г. Новодвинск и др.) позитивных агломерационных эффектов.

2. Для ряда городов Европейского Севера России (г. Инта, г. Кондопога и др.) снижение спроса национальной и мировой экономики на определённые сырьевые ресурсы (уголь, газетная бумага и др.) или же «отсечение» городов от цепочек создания стоимости стало фактором стагнации их экономики и обусловило необходимость диверсификации производства, поиска новой специализации данных территорий.

3. В постсоветский период имело место упрощение экономики большинства малых городов Севера за счёт разрушения ряда обслуживающих и вспомогательных производств, а также производственно-экономических связей «малый город – село». Это привело к снижению устойчивости экономики данных городов, потенциала их модернизации[914].

---

[913] Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. № 1 (3). С. 52–70. DOI: 10.17323/demreview.v3i1.1763.

[914] Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

Таким образом, в условиях обострения современных вызовов важными задачами для обеспечения модернизации экономики малых городов Севера как ключевых элементов опорного каркаса страны являются:

1) налаживание их тесной производственно-экономической кооперации с крупными городами и агломерациями при реализации крупных проектов в отраслях традиционной и «новой» экономики;

2) обеспечение развития их как организационно-хозяйственных, производственных и культурно-просветительных центров села[915].

Для повышения такой связности и обеспечения на основе этого пространственной интеграции северных территорий актуальным видится развитие *межмуниципального сотрудничества*[916]. Однако в текущем законодательстве такое сотрудничество рассматривается весьма узко как в отношении его участников (соглашения заключаются и реализуются лишь между органами власти муниципалитетов), так и применяемых форм сотрудничества. В частности, в действовавшем в 2003–2025 гг. Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в главе 9 были закреплены следующие формы межмуниципального сотрудничества:

а) ассоциативное (членство муниципалитетов в различных объединениях);

б) договорные (соглашения о намерениях и сотрудничестве муниципалитетов);

в) межмуниципальные хозяйственные общества (НАО и ООО) и некоммерческие организации (АНО и фонды).

В заменившем его в 2025 году законе от 20 марта 2025 г. №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной

---

[915] Там же.

[916] В регионах, где ещё сохранилась двухуровневая система организации местного самоуправления, крупные/большие города, как правило, являются административными центрами городских округов; средние/малые – формируют городские поселения, а крупные сельские населённые пункты являются центрами сельских поселений. В субъектах РФ, где осуществлён переход на одноуровневую модель, средние, малые города, а также сельские населённые пункты входят в состав муниципального округа, сформировавшегося на базе ликвидированных поселений.

власти»[917] в качестве дополнительных форм сотрудничества обозначена организация взаимодействия советов муниципальных образований субъектов РФ, объединений муниципальных образований.

С учётом того, что значительная часть муниципальных образований России являются дотационными и не обладают достаточными кадровыми и иными ресурсами, управленческим опытом для реализации совместных проектов[918,919,920] в субъектах РФ применяются, как правило, простые формы организации сотрудничества муниципалитетов (обмен опытом, проведение совместных мероприятий, заключение соглашений о передаче полномочий и т.п.). При этом практика реализации межмуниципальных проектов в производственно-экономической сфере носит ограниченный характер.

Вместе с тем существует насущная потребность в реализации именно таких проектов, которые позволят сформировать базис эффективной экономики и станут основой для устойчивого развития локальных территорий в стратегической перспективе.

В связи с этим важной видится практическая реализация следующей концептуальной модели организации межмуниципального сотрудничества, представленной на рисунке 33 и основанной на стейкхолдерском подходе[921], позволяющей вовлечь прежде не в полной мере задействованный потенциал

---

[917] Справочно-информационная система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 13.05.2025).

[918] Козлова О.А., Макарова М.Н. Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9.

[919] Бутова Т.В., Смирнова А.А., Миловидова Н.А. Межмуниципальное сотрудничество как основа обеспечения устойчивости региона // Управленческие науки. 2014. № 3. С. 4–15. EDN: TUIHNH.

[920] Ворошилов Н.В. Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 141–159. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.8.

[921] Необходимость использования стейкхолдерского подхода при обосновании стратегических приоритетов развития муниципальных образований обстоятельно раскрывается в работе: Кузнецов С.В., Свириденко М.В., Шамахов В.А. Стратегические приоритеты муниципального развития на основе выявления интересов стейкхолдеров: методологические подходы и практическая реализация // Управленческое консультирование. 2020. № 11. С. 10–22. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-10-22.

кооперации бизнес-структур как одного из ключевых участников, реализующих совместные стратегические приоритеты развития муниципалитетов.

Рисунок 33 – Концептуальная модель организации межмуниципального сотрудничества с позиции стейкхолдерского подхода

Источник: разработано автором

В качестве инструмента поддержки развития межмуниципального хозяйственного сотрудничества актуальным является создание на базе Ассоциаций муниципальных образований субъекта РФ *цифровой платформы*, содержащей актуальный реестр бизнес-структур муниципалитетов с заявляемыми ими потребностями в сырье, компонентах, комплектующих, а также перечень производимой продукции. Вовлечение Корпораций (агентств) развития субъекта РФ в поддержку и продвижение среди предпринимателей данной платформы

позволит обеспечить снижение институциональных и трансакционных издержек на организацию кооперационных взаимодействий[922].

При этом лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц (J. Stiglitz) отмечает, что при стратегировании бизнес-структурам необходимо обязательно учитывать ценности и интересы местных сообществ как одного из ключевых «столпов» успешной реализации стратегий развития[923].

Наряду с этим важными видятся научная проработка перспективных ниш и реализация инвестиционных проектов совместного развития муниципальных образований (входящих в состав агломераций и периферийных), что позволит обеспечить консолидацию потенциала и конкурентных преимуществ территорий.

Первый тип таких проектов, представленных на рисунке 34, направлен на формирование и модернизацию отраслей «традиционной» (индустриальной) экономики, которые базируются на существующих естественных конкурентных преимуществах экономики малого города; второй тип проектов – на формирование отраслей новой экономики на основе капитализации приобретённых конкурентных преимуществ, связанных по большей части с использованием достижений научно-технологического прогресса[924].

Перспективы модернизации значительной части малых городов Севера, основу экономики которых составляют добыча и первичная переработка сырьевых ресурсов, видятся во внедрении технологических инноваций, что позволит продлить срок эффективной добычи на ряде шахт, месторождениях полезных ископаемых, лесозаготовок. Кроме того, как свидетельствует опыт северных стран (Норвегия, Швеция, Дания, Канада), важной задачей является диверсификация экономики, что предполагает обоснование и формирование перспективных специализаций малых городов на региональном и национальном уровнях, более

---

[922] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23. EDN KNUPZS.

[923] Stiglitz J. Making globalization work. New York: W.W. Norton & Company, 2006. 339 с. ISBN 978-0-393-06122-2.

[924] Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23. EDN KNUPZS.

широкое использование в других отраслях традиционных видов сырьевых ресурсов[925]. В частности, по оценкам А. В. Мяскова и Г. Ф. Алексеева, «современные технологии позволяют производить из угля более 130 видов химических полупродуктов, которые в дальнейшем используются для производства свыше 5 тысяч видов продукции»[926].

Рисунок 34 – Приоритетные проекты модернизации экономики малых городов Европейского Севера России

Источник: составлено автором с опорой на материалы [927, 928, 929]

[925] Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26. № 3 (81). С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

[926] Мясков А.В., Алексеев Г.Ф. Стратегирование преобразований угольной отрасли Кузбасса // Экономика промышленности. 2020. № 13(3). С. 318–327. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-318-327.

[927] Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

[928] Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

[929] Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 193–208.

В связи с этим важным видится встраивание и постепенное «поднятие» малых городов по звеньям цепочек создания стоимости посредством:

1) вхождения малых городов в региональные и национальные кластеры за счёт выявления и развития уникальных компетенций территорий;

2) развития хозяйственной кооперации по линии «крупный город (агломерация) – малый город, находящийся в зоне его непосредственного влияния», что позволит использовать городам позитивные эффекты, генерируемые крупными городами как центрами сосредоточения научно-технологического потенциала при реализации крупных совместных проектов по глубокой переработке сырья и производству продукции с высокой добавленной стоимостью.

Активизации связей «малый город – село» будут способствовать:

1) диверсификация сельской экономики, в т.ч. посредством размещения здесь предприятий отдельных отраслей/секторов, нацеленных на удовлетворение нужд горожан, развитие на основе этого производственной, сбытовой кооперации;

2) переход к эко-, высокотехнологичному круговому сельскому хозяйству, стимулирующему повторное использование и переработку ресурсов;

3) ориентация потребителей из города на потребление продукции местных сельских производителей, повышение ценности сельских товаров для города;

4) развитие связующей инфраструктуры (ИКТ, транспортной)[930].

Поэтому важной является разработка комплексных государственных программ, направленных на создание совместных стратегий развития малых городов и сельских территорий[931].

В таблице 28 на материалах ряда малых городов (Сокол, Грязовец), входящих в состав Вологодской агломерации, были выявлены виды экономической деятельности, где специализация ядра имеет сопряжение с экономикой

---

[930] Кожевников С.А., Патракова С.С. Приоритеты и инструменты обеспечения внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город–село» // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 76–90. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-2-76-90.

[931] Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26. № 3 (81). С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

спутниковой зоны. В такой ситуации перспективными видятся проекты удлинения цепочек создания добавленной стоимости на основе вертикальной интеграции производств в сфере деревообработки, машиностроении, пищевой промышленности и т.п.

Более значимый потенциал имеют кластерно-сетевые проекты: агломерация имеет предпосылки для формирования мебельного кластера (высокая плотность деятельности по видам экономической деятельности, связанным с деревообработкой, производством фурнитуры, смежной продукции; наличие профильных учебных заведений, кадры, логистика)[932][933].

Таблица 28 – Коэффициенты локализации ядра и спутниковой зоны Вологодской агломерации

ОКВЭД	Ядро (крупный город Вологда)	Спутниковая зона (малые города Сокол и Грязовец; сельские территории Вологодского, Грязовецкого, Сокольского муниципальных округов)
Приоритет – вертикальная интеграция производств		
Пр-во пищевых продуктов	10,11	15,43
Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки	2,27	13,33
Пр-во резиновых и пластмассовых изделий	19,61	11,77
Пр-во готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	4,08	2,09
Ремонт и монтаж машин и оборудования	2,04	6,27
Приоритет – кластерно-сетевые комбинации		
Пр-во текстильных изделий	16,45	-
Пр-во кожи и изделий из кожи	16,33	-
Пр-во резиновых и пластмассовых изделий	19,61	11,77
Пр-во готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	4,08	2,09
Пр-во мебели	-	8,31

Источник: рассчитано автором

[932] Кожевников С.А. Концепция стратегии развития российских городских агломераций с численностью менее 500 тыс. человек // Экономика промышленности. 2025. № 18 (2). С. 182–198. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-2-1410.

[933] Кожевников С.А. Стратегирование формирования и развития российских городских агломераций «второго эшелона» // Теория и практика стратегирования: сборник избранных научных статей и материалов VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 27–28 февраля 2025 года. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. 2025. С. 117–122. EDN SYJSYR.

По итогам изложения 5 главы можно сделать следующие выводы:

1. Разработка и реализация проектов сотрудничества территорий в производственной, инфраструктурной, социальной и других сферах позволит эффективно использовать конкурентные преимущества стейкхолдеров и территорий для достижения стратегических приоритетов развития и является основой для обеспечения интеграции на меж- и внутрирегиональном уровнях.

2. При этом обеспечение производственно-экономической связности выступает базовым условием для расширения и углубления интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве региона и обеспечивается за счёт реализации совместных производственно-экономических проектов, направленных на «достраивание» цепочек создания добавленной стоимости и производство инновационной продукции.

Проведённый анализ институционально-инструментального обеспечения данных процессов свидетельствует о том, что ключевая проблема состоит не только в недостаточной эффективности его применения на практике, но и в том, что по своей природе они по отдельности в принципе не позволяют реализовать все базовые процессы в инновационной деятельности.

С учётом этого автором был разработан механизм функционирования Центра проектирования вертикальной (сетевой) интеграции как института обеспечения интеграционных процессов в социально-экономическом пространстве на основе развития длинных цепочек создания добавленной стоимости при реализации субъектами РФ совместных проектов. В институционально-функциональном плане Центр представляет собой консорциум научно-образовательного и инжинирингового центров, что позволит преодолеть существующие «узкие места» каждого из них при реализации проектов в отраслях традиционной и «новой» экономики Севера и Арктики России.

3. Обеспечение пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне предполагает необходимость восстановления и модернизации социально-экономических связей по линии «крупный город – малый город – село». Эти обстоятельства актуализируют вопросы развития межмуниципального

сотрудничества, которое в действующем российском законодательстве, однако, рассматривается весьма узко как в отношении его участников (соглашения заключаются и реализуются лишь между органами власти муниципалитетов), так и применяемых форм сотрудничества. С учётом этого в диссертации разработана концептуальная модель организации межмуниципального сотрудничества, базирующаяся на стейкхолдерском подходе и позволяющая консолидировать интересы участников такого взаимодействия, вовлечь потенциал кооперации бизнес-структур для достижения стратегических приоритетов совместного развития муниципальных образований и обеспечения пространственной интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования в диссертации были развиты теоретико-методологические положения стратегирования пространственной интеграции регионов и получены следующие ключевые результаты.

1. Предложен теоретический подход к пониманию сущности пространственной интеграции регионов, который обеспечивает комплексное понимание особенностей, закономерностей её развития, требующих учёта в процессе стратегирования. В соответствии с ним разработана теоретическая платформа исследования пространственной интеграции с точки зрения эволюции форм общественной организации хозяйства регионов как открытых многофункциональных систем, имеющих пространственное измерение; выявлены родовые признаки пространственной интеграции, отличающие её от других форм взаимодействия (межрегионального сотрудничества, межрегиональной кооперации, экономической интеграции); показано, что пространственную интеграцию следует исследовать с позиции дуализма «процесс – результат» и диалектики «интеграция – конвергенция», что позволяет перейти к более глубокому пониманию стадийности её развития; развит понятийный аппарат и представлена авторская трактовка пространственной интеграции регионов, отражающая выявленные родовые признаки данной категории. Обосновано, что пространственная интеграция представляет собой высшую стадию коэволюции региональных социально-экономических пространств, характеризующуюся их «сращиванием» в результате совместного использования конкурентных преимуществ регионов и активизации на базе этого не только хозяйственно-производственных, но и иных связей, ведущих к формированию качественно новой системы.

2. Расширено понимание факторов обеспечения пространственной интеграции, а именно выявлено, что углубление интеграционных процессов обеспечивается не столько за счёт эффективного совместного использования регионами в стратегировании их естественных (выгодное экономико-

географическое положение, наличие общего пула «структурирующих» природных объектов и др.), сколько приобретённых конкурентных преимуществ (агломерационный/районный эффекты, развитая инфраструктура, институты координации развития регионов и др.); показано, что возрастает роль неэкономических (культурных, социальных и т.п.) факторов обеспечения «мягких» форм интеграции пространства, отличающихся добровольным характером сотрудничества открытого типа; стратегической интеграционной перспективой; наличием сформировавшихся «снизу» структур для диалога участников.

3. Разработаны и апробированы авторский кумулятивно-конвергентный методологический подход к исследованию и методический инструментарий оценки пространственной интеграции с целью выявления предпосылок, проведения диагностики состояния и стадийности её развития, а именно предложены модели организации социально-экономического пространства, отличающиеся пониманием движущих сил, стратегических приоритетов и инструментов обеспечения интеграции; определены условия идентификации интеграционных процессов в пространстве, описано их содержание; обоснованы этапы расширения и углубления интеграции регионов; выявлены предпосылки и особенности развития пространственной интеграции регионов России.

4. На основе методологии В.Л. Квинта разработаны теоретико-методологический базис и концептуальная схема стратегирования пространственной интеграции регионов с целью поддержки интеграционных процессов во всех сферах социально-экономического пространства за счёт придания им управляемого характера, проактивной роли государства в реализации стратегических приоритетов, использования широкого спектра инструментов и институционального обеспечения. Это способствует раскрытию потенциала, конкурентных преимуществ различных мест и основных стейкхолдеров интеграции. С учётом этого определено место макрорегиональных и субрегиональных стратегий в общей системе стратегий; обоснована специфика территориальных и секторальных аспектов развития пространственной интеграции на внутри- и межрегиональном уровнях, которые необходимо учитывать в

стратегировании; обоснованы направления сопряжения ключевых положений теории и методологии стратегирования В.Л. Квинта и авторского подхода к исследованию пространственной интеграции регионов.

5. По результатам стратегической диагностики и OTSW-анализа выявлены и типологизированы стратегические ограничения (естественные, социальные, экономические, институционально-управленческие), являющиеся рисками реализации стратегических приоритетов пространственной интеграции, что обусловливает необходимость развития институционально-инструментального обеспечения расширения и углубления интеграции на всех уровнях иерархии.

6. Разработан организационно-экономический механизм функционирования Центра проектирования вертикальной (сетевой) интеграции, направленный на обеспечение комплементарности интересов основных стейкхолдеров, эффективную реализацию ими базовых процессов и функций инновационно-инвестиционной деятельности, что позволяет регионам инициировать и эффективно реализовать совместные экономические проекты, ориентированные на капитализацию конкурентных преимуществ территорий для достижения стратегических приоритетов развития и пространственной интеграции.

7. Предложен авторский методический инструментарий, основанный на применении методов пространственной автокорреляции (глобальный и локальный индексы Морана) и в отличие от существующих позволяющий провести анализ социальной, экономической и инфраструктурной «плотности» локальных территорий с учётом их взаимной транспортной связанности, что способствует идентификации в пространственном каркасе различных типов опорных узлов, соразвитие которых в иерархически-полицентрической модели интегрирует социально-экономическое пространство регионов. В этом контексте разработана матрица регионально-отраслевых стратегических приоритетов развития данных узлов, основанная на центр-периферийном и отраслевом подходах и направленная на усиление «центральностей» в пространстве региона с учётом капитализации существующих и формирования новых конкурентных преимуществ, расширения экономико-социальных функций узлов различных типов.

8. Разработаны концептуальные основы развития пространственной интеграции на внутрирегиональном уровне посредством модернизации социально-экономических связей по линии «крупный город – малый город – село», в т.ч. предложена структурно-функциональная модель организации пространства региона с позиции теории центральных мест, что позволяет обосновать функции каждого элемента пространства и направления их взаимосвязанного развития; показана стратегическая роль малых городов в обеспечении интеграции на внутрирегиональном уровне, предложены ключевые направления и приоритетные проекты модернизации их экономики; обоснована роль и разработана концептуальная модель организации межмуниципального сотрудничества с позиции стейкхолдерского подхода, которая позволяет консолидировать интересы участников такого взаимодействия, вовлечь потенциал кооперации бизнес-структур для достижения стратегических приоритетов совместного развития муниципальных образований и пространственной интеграции.

Сформированные теоретико-методологические положения стратегирования пространственной интеграции могут быть использованы федеральными и региональными органами власти, институтами развития, органами местного самоуправления, хозяйствующими субъектами при разработке и реализации стратегий, направленных на использование потенциала межтерриториального взаимодействия, что будет способствовать формированию новых драйверов роста экономики территорий, повышению качества жизни населения.

Перспективы исследования видятся в более глубоком изучении неэкономических факторов интеграции (социальных связей, социальной идентичности населения), в т.ч. в контексте формирования малых промышленных районов, кластеров; разработке научно-методического обеспечения развития таких сетевых форм при реализации стратегических приоритетов макро- и регионального уровней; методологического подхода и инструментария проектирования перспективных специализаций локальных территорий с учётом консолидации их потенциала для реализации совместных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Печатные издания:

1. Абалкин Л.И. Логика экономического роста. М.: ИЭ РАН, 2002. 228 с. ISBN 5-201-03286-9.

2. Абрамов Р.А. Особенности развития северных регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 11 (68). С. 15–21.

3. Аганбегян А.Г. «Кремниевые долины» – зоны инноваций в США, Китае, ЕС, России и других странах // Экономика науки. 2023. № 9 (2). С.8–19. DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-2-8-19.

4. Акбердина В.В. Методология исследования процессов формирования и развития экономико-технологической реальности в промышленности: диссертация ... доктора экономических наук. Екатеринбург, 2010. 331 с.

5. Александров И.Г. Экономическое районирование России. М, 1921. 15 с.

6. Амунц Д.М. Государственно-частное партнёрство. Концессионная модель совместного участия государства и частного сектора в реализации финансовоёмких проектов // Справочник руководителя учреждения культуры. 2005. № 12. С. 16–24.

7. Анимица Е.Г., Благинин В.А. Оценка функционирования транспортно-коммуникационной инфраструктуры региона в рамках пространственно-функционального подхода // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 7 (165). С. 74–84. DOI: https://doi.org/10.26726/10.26726/rppe2024v7oftk.

8. Антипин И.А., Власова Н.Ю., Иванова О.Ю. Стратегическое планирование регионов Российской Федерации: вопросы пространственного развития // Управленец. 2023. Т. 14. № 6. С. 50–62. DOI: 10.29141/2218-50032023-14-6-4.

9. Антипин И.А., Казакова Н.В. Концептуальные основы разработки стратегии пространственного развития в муниципальном образовании // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 8. С. 1011–1026. DOI 10.18334/rp.17.8.35119.

10. Артоболевский С.С. Территориальные проблемы и государство: трансформация или деформация пространства? // ЭКО. 2013. № 1 (463). С. 23–41. EDN: PUILPP.

11. Аушев М. Вертикальная интеграция в зарубежной нефтяной промышленности. Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 11. С. 88–93. DOI: 10.20542/0131-2227-1995-11-88-93.

12. Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра философии. М.: Мысль, 1964. 416 с.

13. Бабурин В.Л., Земцов С.П., Кидяева В.М. Методика оценки потенциала экономико-географического положения городов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2016. № 1. С. 39–45. EDN: WGBHXP.

14. Бакланов П.Я. Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 11–19. EDN: RVPCKJ.

15. Бакланов П.Я. Экономико-географические и геополитические факторы различия интеграционных процессов на Дальнем Востоке России // Дальний Восток России: плюсы и минусы экономической интеграции: матер. междунар. науч. конф. Хабаровск: РИОТИП, 2004. С. 47–52.

16. Бандман М.К., Ларина Н.И. Использование моделей ТПК для оптимизации размещения производства в экономическом районе // Вопросы географии. 1970. Вып. 80: Территориальные производственные комплексы. С. 59–66.

17. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. С. 204–254.

18. Бардаль А.Б. Транспортное обеспечение социально-экономического развития макрорегиона: на примере Дальнего Востока : диссертация ... доктора экономических наук. Хабаровск, 2022. 302 с.

19. Барыгин И.Н. Международное регионоведение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2009. 384 с. ISBN 9785388006882.

20. Бахтизин А.Р. Урбанизация и вопросы пространственного развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 250. № 6. С. 69–88. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-69-88.

21. Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Р. Современные и исторические тенденции пространственного развития России: социально-демографические аспекты // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 26. № 2. С. 63–81. DOI: https://doi.org/10.38085/2308829X-2020-2-63-8.

22. Белицкая А.В. Государственно-частное партнёрство: понятие, содержание, правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юридич. наук: 12.00.03 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2011. 24 с.

23. Белоусова А.В. Интеграционные процессы в межрегиональной торговле Магаданской области // Журнал правовых и экономических исследований. 2013. № 4. С. 157–158. EDN: RNDVNH.

24. Белоусова А.В. Межрегиональные взаимодействия: влияние на экономику региона (Хабаровский край) // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 127–137. EDN: RTDVTP.

25. Белоусова А.В. Методологические аспекты исследования межрегиональной экономической интеграции (на примере ДФО) // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. Т. 1. С. 20–25. EDN: SEJCEH.

26. Белоусова А.В. Оценка эффектов торговой интеграции Хабаровского края с дальневосточными субъектами Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 6 (333). С. 13–19. EDN: RUZCTL.

27. Белоусова А.В. Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве: количественные методы анализа // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 45–49. EDN: XIEXBF

28. Белоусова А.В. Региональный вывоз в экономике Хабаровского края: шоки и эффекты. – Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2011. 128 с. ISBN 978-5-88570-310-9.

29. Беляевская-Плотник Л.А., Сорокина Н.Ю. Подходы к оценке уровня экономической интеграции регионов в системе национальной экономической безопасности // Экономические науки. 2017. № 151. С. 39–42. EDN: ZXQUJB.

30. Березиков С.А. Современное состояние и ключевые проблемы технологического развития ресурсных отраслей экономики Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 3 (50). С. 80–88. EDN: YQDYSJ.

31. Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

32. Бияков О.А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. Томск: КузГТУ, 2004. 151 с. ISBN 5-7511-1832-4.

33. Бияков О.В. Экономическое пространство региона: процессный подход. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 244 с. ISBN 5-202-00715-9.

34. Блануца В.И. Развёртывание информационно-коммуникационной сети как географический процесс (на примере сетевой структуры сибирской почты): дис. … д-ра геогр. наук: 25.00.24; ФГБУН Ин-т географии им. В. Б. Сочавы. Москва, 2015. 42 с.

35. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.

36. Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн.: Кн. 1. / ред. кол.: акад. Л.И. Абалкин и др. / Отделение экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. М.: Экономика, 1989. 304 с.

37. Бодрунов С.Д. Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства // Экономическое возрождение России. 2024. № 2 (80). С. 5–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-5-11.

38. Бодрунов С.Д., Архипова В.В. Построение нооинтеграции на примере БРИКС: теория и практическая реализация // Экономическое возрождение России. 2024. № 4 (82). С. 5–18. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-5-18.

39. Борисова Д.В. Использование инструментарно-функционального потенциала аппарата теории нечётких множеств при оценке уровня межрегиональной экономической интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2018. № 4 (230). С. 59–65.

40. Буданова И.А. «Акторность» еврорегионов // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 57–63. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-3-30-57-63.

41. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с. ISBN 5-89329-761-X.

42. Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма / М.А. Крутоголов, Б.С. Крылов, И.А. Ледях, Е.Ф. Леонюк и др.; отв. ред.: Б.С. Крылов, И.Д. Левин. М.: Наука, 1966. 335 с.

43. Бурнаева Е. Региональная политика Финляндии // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 5. С. 64–73. EDN: HAPCPP.

44. Бутова Т.В., Смирнова А.А., Миловидова Н.А. Межмуниципальное сотрудничество как основа обеспечения устойчивости региона // Управленческие науки. 2014. № 3. С. 4–15. EDN: TUIHNH.

45. Буфетова А.Н. Пространственные аспекты концентрации экономической активности в России // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 38–56. DOI: 10.14530/se.2016.3.038-056.

46. Бухвальд Е. Политика пространственного развития российской экономики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 107–112. EDN: YVOZXX.

47. Бухвальд Е.М. Правовое регулирование стратегического пространственного и территориального планирования // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 131–143. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.10.

48. Бухвальд Е.М. Эволюция основ региональной политики в Российской Федерации // Федерализм. 2017. № 1. С. 7–20. DOI: 10.21686/2073-1051-2017-1-7-20.

49. Бухвальд Е.М., Бессонов И.С. Субрегионы в пространственной организации регионов Российской Федерации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 1. С. 7–27. DOI: 10.52180/2073-6487-2024-1-7-27.

50. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Макрорегионы как новация стратегирования пространственного развития экономики России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 1. С. 18–28. DOI: 10.15688/re.volsu.2019.1.2.

51. Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Актуальные проблемы пространственной интеграции российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 5. С. 7–32. EDN: VEACGL.

52. Бызов Л.Г., Петухов В.В. Постсоветское пространство: культурные и социальные связи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 3 (87). С. 79–92. EDN: NRBHWJ.

53. Важенин С.Г., Важенина И.С. Доверие и сотрудничество территорий в конкурентной экономике // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 336–345. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.8.

54. Варнавский В. Партнёрство государства и частного сектора: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 7. С. 28–37. EDN: SAQOSN.

55. Васильева Е.Э. Теории региональной интеграции: развитие и значение в формировании основ трансграничного сотрудничества // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2009. № 3. С. 72–75.

56. Васильева О.Е., Удовенко В.С. Социально-географический анализ сельских поселений на основе данных социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 6. С. 26–33. EDN: YVUJNB.

57. Вебер А. Теория размещения промышленности. Л.; М.: Книга, 1926. 220 с.

58. Вилисов М.В. Государственно-частное партнёрство: политико-правовой аспект // Власть. 2006. № 7. С. 14–19.

59. Влияние «сетевого феномена» на функционирование хозяйственных структур / А.Н. Демьяненко, В.Н. Украинский, Н.А. Демьяненко, В.В. Еремеев // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 17–25. EDN: LPAEHR.

60. Воробьева Е.А., Логинова А.Д., Нененко Ю.А. Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия как наиболее эффективные формы проведения федеральной региональной политики // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1 (32). Ч. 2. С. 103–105. EDN: TIJJKT.

61. Воронина Т.В. Эволюция теоретических подходов к анализу развития международной экономической интеграции // Terra Economicus. 2010. № 3. С. 208–215. EDN: NCCUZH.

62. Ворошилов Н.В. Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 141–159. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.8.

63. Ворошилов Н.В. Оценка и регулирование внутрирегиональной социально-экономической дифференциации: диссертация ... кандидата экономических наук. Вологда, 2018. 225 с.

64. Гаджиев Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. № 2. С. 45–62. EDN: KNVZHD.

65. Галазова С.С., Панфилова Е.А., Биганова М.А. Сравнительный анализ европейского и российского трансграничного регионализма // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–9. С. 2003–2009. EDN: SZUINP.

66. Гатауллин Р.Ф., Каримов А.Г., Комаров А.Г. Экономическое пространство: содержание, единство и разрывы // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 196–200. EDN: TJHWVV.

67. Геймбух Н.Г. Эволюция финансовых взаимоотношений федерации и земель в современной Германии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 38–44. EDN: OPVJHD.

68. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики: учебник. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1998. 659 с. ISBN 5-8016-0032-9.

69. Глущенко К.П. Долгосрочная динамика интеграции российского рынка // Проблемы прогнозирования. 2021. № 1 (184). С. 119–130. DOI: 10.47711/0868-6351-184-119-130.

70. Глущенко К.П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 4 (16). С. 26–44. EDN: PRYRAB.

71. Глущенко К.П. Моделирование и оценка динамики интегрированности российского рынка // Информация и экономика: теории, модели технологии: сб. научн. тр. / под ред. Е.Ю. Иванова, Р.М. Нижегородцева. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2002. С. 200–206.

72. Глущенко К.П. Пространственная интеграция региональных рынков Сибири // Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века: сб. стат. в 6-ти томах / под редакцией В.И. Клисторина, О.В. Тарасовой; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск, 2018. С. 64–76.

73. Гнездова Ю.В. Мягкое территориальное сотрудничество: принципы и особенности // Цифровое пространство: экономика, управление, социум: сб. науч. стат. IV Всероссийской научной конференции. Смоленск, 2022. С. 36–41.

74. Государственное стратегическое управление / под. общ. ред. проф. Ю.В. Кузнецова. СПб.: Питер, 2014. 320 с. ISBN 978-5-4461-0217-4.

75. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: 2-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 495 с. ISBN 5-7598-0104-X.

76. Гранберг А.Г. Регионы в экономическом пространстве России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 1999. № 2. С. 4–12.

77. Грей К.Ф., Ларсон Э.У. Управление проектами: учебник. М.: ДИС, 2003. 528 с. ISBN 5-8018-0152-9.

78. Гретченко А.И., Горохова И.В. Плановый опыт СССР и проблемы стратегического планирования в современной России // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 11. С. 70–80. EDN: TBQIUP.

79. Гринин Л., Коротаев А., Цирель С. Циклы развития современной Мир-Системы. М.: Либроком, 2011. 248 с. ISBN 978-5-397-02108-1.

80. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3–27. EDN: JTFSGH.

81. Губанов С. Эффект вертикальной интеграции и его исчисление // Экономист. 2017. № 9. С. 3–14.

82. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция (Серия «Сверхдержава»). М.: Книжный мир, 2012. 224 с. ISBN 978-5-8041-0592-2.

83. Губин А.М. Экономическая интеграция региональных систем: состояние и перспективы развития в условиях трансформации мировых экономических связей // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 10. С. 3751–3770. DOI: 10.18334/ce.16.10.116400.

84. Гурова И.П. Измерение глобальной и региональной торговой интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 60–72. EDN: RQPEBV.

85. Гущин В.В., Корпоративное право учебник / В.В. Гущин, Ю.О. Порошкина, Е.Б. Сердюк. Москва: Эксмо, 2006. 635 с.; 22. (Российское юридическое образование); ISBN 5-699-15487-6.

86. Демьяненко А.Н., Минакир П.А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / по ред. В.М. Котлякова. М.: Медиа-Пресс, 2013. Гл. 6. С. 191–198. ISBN 978-5-901003-40-4.

87. Дмитриев А.В. Методика внедрения проектного подхода в управление социальным развитием российских регионов // Науковедение. 2013. № 1 (14). С. 25.

88. Дмитриева Т.Е. Опорный каркас как основа формирования эффективного пространства социального развития северного региона (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 4. С. 34–48. DOI:10.37614/2220-802X.4.2023.82.003.

89. Добринская О.А. Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (3). С. 86–111. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-86-111.

90. Доклад о мировом развитии – 2009. Новый взгляд на экономическую географию / ред. А.В. Бондаренко, О.Н. Зимарин, Т.В. Кирсанова; пер. Н.В. Заборин [и др.]. Москва: Весь Мир. 2009. 404 с.

91. Долгалев О.В. Федеральные округа: правовая природа, проблемы и перспективы // Бизнес в законе. 2010. № 3. С. 17–19. EDN: MWFTTR.

92. Доманьски Р. Экономическая география: динамический аспект: пер. с пол. М.: Новый хронограф, 2010. 376 с. (Серия «Социальное пространство»).

93. Дорошенко С.В. Саморазвитие региона в контексте экономического эволюционизма кризис // Журнал экономической теории. 2009. №3. С. 21–30. EDN: LLZDPT.

94. Дружинин П.В. Миграция населения в московскую агломерацию как ограничение развития регионов ЦФО // Экономика региона. 2025. Т. 21. №2. С. 380-393. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-2-9.

95. Дружинин П. В. Развитие экономики регионов Северо-Западного федерального округа в условиях миграции населения в Санкт-Петербургскую агломерацию // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 3. С. 100-116. DOI: 10.5922/2079-8555-2023-3-6.

96. Дульский И.В. Федерализм и функционализм в теории европейской интеграции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 18 (194). С. 10–14. EDN: MUFAFH.

97. Дунаев И.В. Ключевые принципы политики пространственного развития и модернизации региональных экономик в Евросоюзе // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 2 (8). С. 222–228. EDN: SCAGIP.

98. Евсеев М.К. Научно-образовательный центр мирового уровня «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования» в решении задач развития Арктической зоны Российской Федерации: проблемы и перспективы // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2021. № 2 (6). С. 92–97.

99. Ефимов Н.В. Межсубъектное взаимодействие федеральных земель Германии и надрегиональные органы исполнительной власти как его составная часть // Символ науки. 2016. № 10–1. С. 183–191. EDN: WXDEM.

100. Жихаревич Б.С., Гресь Р.А. 25 лет российского стратегирования (1997-2022): опыт измерения тенденций // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 4 (71). С. 11–22.

101. Журавлев Д.М. Стратегическое исследование условий и оценки готовности экономических систем к цифровой трансформации (на примере

Кемеровской области) // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 1. С. 42–56. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-42-56.

102. Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Моделирование процессов сложной социально-экономической системы при выборе стратегических приоритетов развития // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3. № 1. С. 1–20. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-1-1-20.

103. Журавлев Д.М., Чаадаев В.К. Стратегические инструменты роста промышленного сектора экономики в условиях шестого большого цикла Кондратьева // Экономика промышленности. 2023. № 16 (3). С. 253–262. DOI: 10.17073/2072-1633-2023-3-253-262.

104. Замятина Н.Ю., Яшунский А.Д. Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 117–137. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.07.

105. Захаров А.Н., Серединская К.С. Оценка эффективности региональной политики в Испании с помощью методов сигма- и бета-конвергенции // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 3. С. 29–40. EDN: TLOMPY.

106. Заславская Т.И., Корель Л.В. Миграция населения между городом и селом // Социологические исследования. 1981. № 3. С. 42–52.

107. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 1. С. 117–138. DOI: 10.17059/2016-1-9

108. Зудин А.Ю. Ассоциации – бизнес – государство. «Классические» и современные формы отношений в странах Запада: препринт WP1/2009/05. М.: Гос. уни-т – ВШЭ, 2009. 68 с.

109. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Первый пятилетний план и пространственное стратегирование для России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 6. С. 7–22. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10055.

110. Иванова М.В., Козьменко А.С. Пространственная организация морских коммуникаций Российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 92–104. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.6.

111. Ивлиева О.Д., Яшунский А.Д. О расстояниях, которых не знает дружба // Городские исследования и практики. 2019. Т. 4. № 1 (14). С. 64–76. DOI: 10.17323/usp41201964-76.

112. Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.

113. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. 2013. № 3 С. 123–160. DOI: 10.14530/se.2013.3.123-160.

114. Ильин В. А., Кожевников С.А. Связность пространства Севера России как один из ключевых приоритетов обеспечения национальной безопасности в условиях геополитических трансформаций // II Лавёровские чтения Арктика: актуальные проблемы и вызовы: Сборник научных материалов Всероссийской

конференции с международным участием, Архангельск, 13–17 ноября 2023 года. Архангельск: ООО «Типография № 2», 2023. С. 668–673.

115. Исследования по общей теории систем: сб. переводов / общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

116. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 5–10.

117. Казаченко Л.Д. Теоретический анализ кумулятивного экономического роста экономики региона // Вестник-Экономист ЗАБГУ. 2017. № 15. С. 15–28.

118. Калинина М.Р., Кондратов Н.А. Инновационный вектор конкурентоспособности стран Северной Европы: опыт Швеции // Арктика и Север. 2018. № 33. С. 5–28. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.5.

119. Калужский М.Л. Общая теория систем: учеб. пособие. Омск: Омский гос. тех. ун-т, 2001. 178 с.

120. Каменских М.А. Исследование сущности и особенностей научно-образовательных центров мирового уровня // Экономическое возрождение России. 2020. № 4 (66). С. 136–141. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-4-66-135-141.

121. Караваева Т.И. Межрегиональные инвестиционные проекты: сложности правоприменения, ограничения, вызовы // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т.10. №1. С.57–66. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2022.1.6.

122. Квинт В. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке: монография. М: Бизнес Атлас; 2012. 626 с. ISBN: 978-5-9900421-6-2.

123. Квинт В.Л. К анализу формирования стратегии как науки // Вестник ЦЭМИ РАН. 2018. Т. 1. Вып. 1. С. 3. DOI: 10.33276/S0000121-6-1.

124. Квинт В.Л. Концепция стратегирования: монография. 2-е издание. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. ISBN 978-5-8353-2844-4.

125. Квинт В.Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 6–11. EDN: UBHJLL.

126. Квинт В.Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России // Экономика промышленности. 2020. Т. 13. № 3. С. 290–299. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-290-299.

127. Квинт В.Л. Территория полуприцепов. Нужна ли России стратегия пространственного развития? // Огонёк. № 10 от 18.03.2019. С. 8.

128. Квинт В. Л., Астапов К.Л. Стратегия Кузбасса на 50-летнюю перспективу в книгах Библиотеки «Стратегия Кузбасса» // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2. С. 123–135. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-2-123-135

129. Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. Санкт-Петербург: Ассоциация «Некоммерческое партнёрство по содействию в проведении научных исследований «Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте»», 2021. 351 с. ISBN 978-5-00020-083-4.

130. Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. Трансформация общества: стратегия и ноономика: учебник. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2024. 240 с. ISBN 978-5-00020-125-1.

131. Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимурадов М.К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-11-900-909.

132. Квинт В.Л., Окрепилов В.В. Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 5. С. 412. DOI: 10.7868/S0869587314050107.

133. Квинт В.Л., Середюк И.В. Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области – Кузбасса) // Экономика промышленности. 2025. № 18 (1). С. 7–23. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-1-1435.

134. КНТП: уроки реализации первого этапа и дальнейшие перспективы / Г.В. Шепелев, Н.А. Миронов, М.В. Сергеев, И.М. Сергеев // Инноватика и экспертиза. 2021. Выпуск 2 (32). С. 101–120. DOI: 10.35264/1996-2274-2021-2-101–120.

135. Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г. Промышленная политика России: кто оплатит издержки глобализации. М.: Европа, 2005. 160 с. ISBN 5973900223, 9785973900229.

136. Князев Ю. О конкуренции и сотрудничестве в современной экономике // Общество и экономика. 2018. № 4. С. 31–42. EDN: XNSBGP.

137. Ковалев С.П. Метрики для раннего прогнозирования успешности R&D // Управленческое консультирование. 2016. № 10 (94). С. 61–72. EDN: XEBEEX.

138. Кожевина О.В. Теория управления (в понятиях и категориях). Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2008. 169 с. ISBN 978-5-7904-0804-5.

139. Кожевников С.А. Инновационное развитие Европейского Севера России в контексте интеграции экономического пространства страны // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 123–137. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.7.

140. Кожевников С.А. Институциональные и экономические основы вертикальной интеграции // Проблемы развития территории. 2015. № 4. С. 142–156. EDN: UBMCZT.

141. Кожевников С.А. Институциональные и экономические основы государственно-частного партнёрства // Дискуссия. 2013. № 10. С. 83–88. EDN ROCRXB.

142. Кожевников С.А. Концепция стратегии развития российских городских агломераций с численностью менее 500 тысяч человек // Экономика промышленности. 2025. № 18 (2). С. 182–198. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-2-1410.

143. Кожевников С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 3. С. 150–164. DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010.

144. Кожевников С.А. «Мягкие» факторы обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Регионология. 2023. Т. 31. № 1. С. 87–106. DOI: 10.15507/2413-1407.122.031.202301.087-106.

145. Кожевников С.А. Национальные проекты в решении проблемы обеспечения связности экономического пространства России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 4 (222). С. 30–40. DOI: 10.46554/1993-0453-2023-4-222-30-40.

146. Кожевников С.А. Обеспечение пространственной интеграции экономики // Российская экономика и глобальные вызовы. Победители президентских грантов в поисках решений современных проблем. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. С. 7–32. EDN: RJOTLN.

147. Кожевников С.А. Особенности развития северных территорий СЗФО и проблемы обеспечения интеграции пространства макрорегиона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 23–36. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-23-36.

148. Кожевников С.А. Проблемы обеспечения пространственной интеграции регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 4 (230). С. 339–345. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-339-345.

149. Кожевников С.А. Пространственная интеграция экономики: теоретические концепции и проблемы обеспечения на региональном уровне // ЭКО. 2022. № 3 (573). С. 84–107. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-3-84-107.

150. Кожевников С.А. Развитие методологии стратегирования пространственной интеграции регионов России: монография / С. А. Кожевников; под научной редакцией В. Л. Квинта. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2026. 410 с. (Библиотека стратега).

151. Кожевников С.А. Стратегирование формирования и развития российских городских агломераций «второго эшелона» // Теория и практика стратегирования: сборник избранных научных статей и материалов VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 27–28 февраля 2025 года. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2025. С. 117–122. EDN SYJSYR.

152. Кожевников С.А. Стратегические приоритеты и инструментарий обеспечения пространственной интеграции северных регионов России // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5. № 1 (15). С. 56–74. DOI: 10.21603/2782-2435-2025-5-1-56-74.

153. Кожевников С.А. Стратегические приоритеты развития малых городов как опорных узлов пространственного каркаса страны // Управленческое консультирование. 2025. № 4. С. 9–23. EDN KNUPZS.

154. Кожевников С.А., Ворошилов Н.В., Крюков И.А. Методический подход к исследованию рынка жилья городских агломераций «второго эшелона» // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. Т. 15. № 2. С. 315–330. DOI: 10.18184/2079-4665.2024.15.2.315-330.

155. Кожевников С.А., Патракова С.С. Интеграционные процессы на Европейском Севере в ракурсе межрегиональных миграций населения // Проблемы развития территории. 2020. № 5 (109). С. 134–150. DOI: 10.15838/ptd.2020.5.109.9.

156. Кожевников С.А., Патракова С.С. Особенности и проблемы управления пространственной интеграцией экономики Европейского Севера России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 4. С. 87–98. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-4-87-98.

157. Кожевников С.А., Патракова С.С. Приоритеты и инструменты обеспечения внутрирегиональной интеграции пространства по линии «город – село» // Вопросы управления. 2022. № 2. С. 76–90. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-2-76-90.

158. Кожевников С.А., Патракова С.С., Ворошилов Н.В. Проблемы и подходы к выявлению границ агломераций Севера и Арктики России // Экономика региона. 2024. Т. 20. С. 429–445. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-6.

159. Кожевников С.А., Секушина И.А. Межрегиональное сотрудничество: опыт регионов Европейского Севера России // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 4. С. 56–70. DOI 10.15688/ek.jvolsu.2021.4.5.

160. Козлова О.А., Макарова М.Н. Межмуниципальное сотрудничество как институт стратегического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 132–144. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.9.

161. Козьменко С.Ю. Арктика в системе приоритетов стратегического планирования экономики России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 2 (146). С. 77–82. EDN: XEUYTY.

162. Колодина Е.А. Регулирование межрегиональной экономической интеграции в России: дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. Иркутск, 2004. 316 с.

163. Коломак Е.А. Оценка пространственной связности экономической активности российских регионов // Регион: экономика и социология. 2019. № 4. С. 55–72. DOI: 10.15372/REG20190403.

164. Колосовский Н.Н. Избранные труды. Смоленск: Ойкумена, 2006. 336 с. ISBN 5-93520-015-5.

165. Концептуальное будущее Кузбасса: стратегические контуры приоритетов развития до 2071 г. 50-летняя перспектива / под науч. ред. В. Л. Квинта. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 283 с. ISBN: 978-5-8353-2812-3. DOI: 10.21603/978-5-8353-2812-3.

166. Котов А.В. Модель управления пространственным развитием Германии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 6-2 (76). С. 66–72. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-6-2-66-72.

167. Котов А.В. Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александрова «Экономическое районирование России») //

Пространственная экономика. 2021. Т.17. №1. С.18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034.

168. Кравец Е.О., Вертиль Н.Н. Дефиниция понятий «управление проектами» и «проектное управление» // Вестник Института экономических исследований. 2021. № 3 (23). С. 105–110. EDN: VDRTLF.

169. Краснопольский Б.Х. Северо-арктические территории Дальнего Востока: влияние инфраструктурных факторов на процессы трансформации пространственного развития региона // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 2. С. 556–573. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-14.

170. Красносельская Д.Х. Оценка значимости региональной полицентричности для России переходного периода // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 2. С. 389–401. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-3.

171. Красносельская Д.Х., Тимирьянова В.М. Оценка полицентричности систем расселения: чувствительность к методам, количеству наблюдений и уровню агрегирования данных // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2022. Т. 20. № 4. С. 144–153. DOI: 10.18503/1995-2732-2022-20-4-144-153.

172. Красносельская Д.Х. Полицентризм пространственного развития экономики региона: анализ ключевых подходов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2017. № 3 (21). С. 59–65. EDN: WCJPNJ.

173. Красносельская Д.Х. Систематический обзор термина использованием методологии PRISMA // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XVIII Международной конференции. Екатеринбург, 2023. С. 834–837.

174. Кругман П., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика: пер. с англ.; под. ред. В.П. Колесова, М.В. Кулакова. М.: Экономический факультет МГУ. ЮНИТИ, 1997. 769 с. ISBN 5-85173-062-5.

175. Крюков В.А. О взаимосвязи и взаимодействии экономической, промышленной и научно-технологической политик // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 15–46. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.1.

176. Крюков В.А., Крюков Я.В. Арктика – от активов в пространстве к пространству активов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 233. № 1. С. 32–55. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-233-1-32-55.

177. Крюков В.А., Лавровский Б.Л., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. Сибирский вектор развития: в основе кооперация и взаимодействие // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5 (182). С. 46–59. DOI: 10.1134/S1075700720050111.

178. Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Экономика Сибири: трудный путь к синергии природного и человеческого потенциала, связности пространства и интересов федерального центра и регионов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2022. 124 с.

179. Кудряшев А.Ф. Развитие, эволюция, коэволюция: соотношение понятий // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 1 (I). С. 640–644. EDN: PEGUPT.

180. Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. № 2. С. 48–59. EDN: MVYCJL.

181. Кузнецов С.В., Горин Е.А. Использование научно-промышленного потенциала в Санкт-Петербурге в остановке социально-экономического развития арктических территорий // Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки зрения экономического роста: труды V междун. научн. конф. г. Санкт-Петербург, 07–08 ноября 2019 года. 2019. С. 507–513.

182. Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Лачининский С.С. Пространственные возможности и предполагаемая перспектива российской экономики: пример Северо-Западного макрорегиона // Экономика региона. 2015. № 3. С. 25–38. DOI: 10.17059/2015-3-3.

183. Кузнецов С.В., Свириденко М.В., Шамахов В.А. Стратегические приоритеты муниципального развития на основе выявления интересов стейкхолдеров: методологические подходы и практическая реализация // Управленческое консультирование. 2020. № 11. С. 10–22. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-10-22

184. Кузнецова О. Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // Федерализм. 2019. № 4. С. 112–125. DOI: http://dx.doi.org/10.21686/.

185. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. 392 с. ISBN 9785971014300.

186. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: 10.14530/se.2019.4.107-125.

187. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 308 с. ISBN: 5-8360-0440-4.

188. Кузнецова Т.Е., Никифоров Л.В. О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 2. С. 51–64. EDN: QCHEUF.

189. Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Регионы Сибири в новой геополитической и экономической ситуации и в трансформирующейся системе евразийских взаимодействий // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 9. С. 1488–1496. EDN: SEMWYM

190. Курушина Е.В. Об интеграции и синхронизации экономического развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2015. № 3 (32). С. 145. DOI: 10.15688/jvolsu3.2015.3.15.

191. Курушина Е.В. Управление пространственным развитием на основе межрегиональной экономической интеграции. Тюмень: ТИУ, 2019. 176 с. ISBN 978-5-9961-1928-8.

192. Курушина Е.В. Управление пространственным развитием субъектов Федерации в составе макрорегиона: дис. ... д-ра экон наук. Тюмень, 2021. 440 с.

193. Лаврикова Ю.Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2009. 358 с.

194. Лаженцев В.Н. Арктика и Север в контексте пространственного развития России // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 3. С. 737–754. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021–3-2.

195. Лаженцев В.Н. Геосистемный подход к проблеме социально-экономического развития регионов Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 81–95. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.5.

196. Лаженцев В.Н. Оценка уровней социально-экономического развития регионов (на примере Республики Коми, Архангельской и Вологодской областей) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 6 (18). С. 54–65. EDN: OMTYFP.

197. Лаженцев В.Н. Север и интеграция социально-экономического пространства (на примере Северо-Запада России) // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 48–56. DOI: 10.1134/S1075700720030107.

198. Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2015. 176 с. ISBN 978-5-89606-547-0.

199. Лаженцев В.Н. Территориальная организация населения и хозяйства Европейского Севера России // Регион: экономика и социология. 2015. № 2 (86). С. 3–28. DOI: 10.15372/REG20150601.

200. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. № 5. С. 16–28.

201. Ларичкин Ф.Д., Череповицын А.Е., Фадеев А.М. Модернизация недропользования на основе формирования кластеров конкурентоспособности // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2011. № 2-3 (45). С. 151–163. EDN: UGBEQH.

202. Лебедкина Н.С., Александрова Ю.К., Орлова В.В. Анализ миграционных потоков молодёжи на территории субъектов Российской Федерации // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2 (41). С. 57–72. DOI: 10.18799/26584956/2021/2(41)/1099.

203. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. 5-е изд. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 366 с. ISBN 978-5-397-00799-3.

204. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Организация статистических исследований и системного мониторинга развития макрорегионов // Регион: экономика и социология. 2016. № 3. С. 3–27. DOI: 10.15372/REG20160301.

205. Лёш А. Пространственная организация хозяйства: пер. с нем. М.: Наука, 2007. 663 с. ISBN 978-5-02-035367-1.

206. Либман А.М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ // Проблемы прогнозирования. 2006. № 5. С. 58–72. EDN: HZKOFD.

207. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели региональной интеграции. М.: Экономика, 2011. 332 с. ISBN 978-5-282-03147-8.

208. Линдт М. Как финский городок Оулу стал мировым центром технологий // Эксперт. 2018. № 26 (1080). С. 90–91.

209. Ломовцева О.А., Мордвинцев А.И. Государственно-частное партнёрство как фактор повышения эффективности муниципального управления // Научные ведомости. 2009. № 9 (64). С. 5–10.

210. Ломовцева О.А., Шкромада В.И., Лебедев А.О. Методические аспекты оценки интеграционных возможностей региона // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Информатика, прикладная математика и управление. 2014. Т. 32. № 21–1 (120). С. 12–21. EDN: WAEDUP.

211. Лукин Ю.Ф. Арктические проекты межрегиональной интеграции // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 14–32. EDN: RLTIGN.

212. Лукин Ю.Ф. Гибридность многоликой Арктики в ковидном 2020 году. Архангельск, 2021. 241 с. ISBN 978-5-261-01546-8.

213. Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г. Управление проектами: Учебное пособие / Под общ. ред. И.И. Мазура. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2004. 664 с. ISBN 5-98119-096-5.

214. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Современные инструменты моделирования социально-экономических процессов // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 1 (76). С. 21-32. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-1-21-32.

215. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бекларян Г.Л., Акопов А.С. Имитационное моделирование системы «умный город»: концепция, методы и примеры // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т. 19. № 2. С. 226–250. DOI: 10.24891/ea.19.2.22.

216. Максимова М. Экономическая интеграция: некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. 1969. №5. С. 21.

217. Малиновский А.А. Механизмы формирования целостности систем. СПб., Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 52–62.

218. Малыгин В., Смородинская Н. Сетевой формат в управлении экономическим развитием: европейский макрорегионализм // Экономические стратегии. 2018. № 8. С. 82–87. EDN: YTHDJJ.

219. Манаева И.В. Формирование методологии стратегирования пространственного развития городов России: монография. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 362 с. ISBN 978-5-89781-689-7.

220. Маркин В.В., Силин А.Н., Малинина К.О. Воспроизводство человеческого капитала в арктических регионах России: социокультурный контекст // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 220–243. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.13.

221. Махортов Е.А., Семченков А.С. Государственно-частное партнёрство как форма отношений власти и бизнеса в России // Вестник Московского ун-та. Сер. 12: «Политические науки». 2007. № 6. С. 41−51.

222. Махотаева М.Ю., Бакуменко О.А., Малышев Д.П. Межрегиональное взаимодействие как инструмент развития стратегических приоритетов региона. Псков: Псковский государственный университет, 2017. 120 с. ISBN 978-5-91116-630-4.

223. Межевич Н.М., Шамахов В.А., Хлутков А.Д. Между отраслью и пространством: опыт управления российской экономикой и его имплементация на Западе // Управленческое консультирование. 2023. № 2. С. 56–65. DOI 10.22394/1726-1139-2023-2-56-65.

224. Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. 2017. Т. 47. № 7. С. 5–19. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-7-5-19.

225. Мельникова Т.Б. Модель экономической интеграции субъектов Российской Федерации: структура и критерии эффективности // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 1063–1076. DOI: 10.17059/2019-4-8.

226. Меньчиков Г.П. Фрактальность – всеобщее свойство бытия // Гуманитаные науки. 2008. Т. 150, кн. 4. С. 85.

227. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: Мир, 1973. 344 с.

228. Мильнер Б.З. Теория организации: учебник. 4-е изд., перераб. и доп.: ИНФРА-М, 2004. 648 с. ISBN 5-16-001815-8.

229. Минакир П.А. Институциональные отображения пространственного развития // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 7–12. DOI: 10.14530/se.2016.4.007-012.

230. Минакир П.А. Пространственный анализ в экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1 (17). С. 176–180. EDN: PZEQLN.

231. Минакир П.А. Российское экономическое пространство. Стратегические тупики // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 967–980. DOI: 10.17059/2019-4-1.

232. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике / отв. ред. В.М. Полтерович; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с. ISBN 978-5-906118-09-7.

233. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Пилясов А.Н. Концептуальные основы пространственного подхода: монография // Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / под. ред. В. М. Котлякова. М.: Медиа-Пресс, 2013. Гл. 1. С. 31–43. ISBN 978-5-901003-40-4.

234. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4 (47). С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54.

235. Михеева Н.Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 32–52. DOI: 10.29003/m252.sp_ief_ras2018/32-52.

236. Михеева Н.Н. Региональная экономики и управление. Хабаровск: РИОТИП. 2000. 399 с. ISBN 5-88570-200-4.

237. Могилат А.Н., Сальников В.А. Оценка потенциала взаимной торговли стран Единого экономического пространства при помощи гравитационной модели торговли между регионами России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3 (27). С. 80–108. EDN: UKWDDL

238. Мусаев Р.А., Панкратов А.А. Проблемы реализации федеральной кластерной политики в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 2. С. 265–283. DOI: 10.24891/re.18.2.265.

239. Мусаев Р.А., Урумова И.О. Инвестиционные стратегии регионов России и европейский опыт региональной политики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 4. С. 203–208. EDN: TIVVOV.

240. Мусаев Р.А., Фильцагин К.В. Модель открытых инноваций как стратегический фактор технологического развития компаний нефтегазовой отрасли // Экономическое возрождение России. 2024. № 1 (79). С. 141–149. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-141-149.

241. Муслимова Е.О. Автономизация европейских ультрапериферийных регионов (XX-XXI века) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 414–433. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-414-433.

242. Мясков А.В., Алексеев Г.Ф. Стратегирование преобразований угольной отрасли Кузбасса // Экономика промышленности. 2020. № 13 (3). С. 318–327. DOI: 10.17073/2072-1633-2020-3-318-327.

243. Мясков А.В., Елисеева Е.Н. Устойчивое развитие отечественных промышленных предприятий как фактор эффективности цифровых преобразований // Экономические системы. 2024. Т. 17. № 4. С. 12–27. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-4-12-27.

244. Мясков А.В., Петров И.В., Зайцев В.С., Шмелёв В.С. Системные особенности экологического мониторинга при формировании территориальных проектов Северного морского пути // Мониторинг. Наука и технологии. 2018. № S5. С. 7–14. DOI: 10.25714/MNT.2018.38.001.

245. Наумов И.В., Никулина Н.Л. Оценка и моделирование пространственных взаимовлияний в развитии кадрового потенциала научно-исследовательской деятельности регионов России // Экономика региона. 2023. № 19 (3). С. 782–800. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-13.

246. Наумов И.В., Седельников В.М. Прогноз влияния инвестиций на пространственную неоднородность развития отрасли животноводства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 16 (2). С. 88–111. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.5.

247. Некипелов А.Д. Комментарии по теме «Единое Евразийское экономическое пространство: возможности, ограничения, риски» // Научные труды Вольного экономического общества России. 2016. Т. 202. № 5. С. 186–188. EDN: XHRJPN.

248. Некипелов А.Д. О пространственном измерении общего равновесия // Экономика и математические методы. 2022. Т. 58. № 3. С. 5–18. DOI: 10.31857/S042473880019631-3.

249. Некипелов А.Д. Экономическое развитие в условиях глобальной рыночной системы // Проблемы прогнозирования. 2001. № 4. С. 1–16. EDN: HRTOHF.

250. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138.

251. Никоноров С.М., Кривичев А.И., Максимов Ю.И. Управление социально-экономической политикой в моногородах Республики Коми // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4 (48). С. 123–129. DOI: 10.37124/20799136_2021_4_48_123.

252. Никоноров С.М., Папенов К.В. Стратегии устойчивого развития городов России // Экономика устойчивого развития. 2016. № 3 (27). С. 296–300. EDN WWCWND.

253. Новикова И.В. Основные ошибки применения теории стратегии и методологии стратегирования В.Л. Квинта в научных исследованиях // Теория и практика стратегирования. V Международная научно-практическая конференция. Московский университариум стратега: сборник избранных научных статей: в 2 книгах. Москва, 2022. С. 40–43. EDN: ICKYLO.

254. Новикова И.В. Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // Стратегирование: теория и практика. 2021. № 1. С. 57–65. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65.

255. Новикова И.В., Алимурадов М.К. Инструменты ресурсного обеспечения стратегических приоритетов развития Арктической зоны России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 4. С. 42–52. DOI: 10.37614/2220-802X.4.2024.86.003.

256. Нуреев Р. Теории развития: новые модели экономического роста (вклад человеческого капитала) // Вопросы экономики. 2000. № 9. С. 126–145. EDN: WKHMBR.

257. Нурутдинова И.Н., Борисова Д.В. Нечёткое моделирование оценки межрегиональной экономической интеграции // Kant. 2017. № 4 (25). С. 226–231. EDN: ZXNMIN.

258. Обедков А.П. Малые города как фактор модернизации российского пространства // Россия: тенденции и перспективы развития // Ежегодник. Вып. 6. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 504–508.

259. Одинцова А.В. Опорные населённые пункты – новый приоритет пространственного развития Российской Федерации // Федерализм. 2025. № 30(1). С. 52–70. DOI: 10.21686/2073-1051-2025-1-52-70.

260. Окрепилов В.В., Гресь Р.А. Качество городской среды как составляющая качества жизни в агломерациях Арктической зоны Российской Федерации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. № 4 (79). С. 76–87. DOI: 10.52897/2411-4588-2024-4-76-87.

261. Окрепилов В.В., Коршунов И.В. Достижение стратегических целей социально-экономического развития регионов СЗФО в контексте проблемы качества стратегического планирования // Проблемы прогнозирования. 2024. № 6 (207). С. 128–138. DOI: 10.47711/0868-6351-207-128-138.

262. Павлов Ю.В., Королева Е.Н. Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 95–110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110.

263. Паркер Дж., Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику – как заставить их работать на вас; [пер. с англ.]. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с. ISBN 978-5-00100-723-4.

264. Патракова С.С. Обеспечение сбалансированности развития городских и сельских территорий как ключевой приоритет государственной региональной политики: диссертация ... кандидата экономических наук. Москва, 2023. 149 с.

265. Патракова С.С., Кожевников С.А. Пространственная организация экономики северных регионов: зарубежный опыт // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 2 (68). С. 37–48. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2020.68.004.

266. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1997. 389 с.

267. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения / пер. А.П. Горюнова // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.

268. Петренко К.В., Рыбаковский О.Л. Межрегиональные миграционные связи населения и трудовых ресурсов Тюменской области // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 16–23. EDN: RXBZRL.

269. Петров И.В., Мясков А.В., Попов С.М., Зайцев С.П. Методические основы эколого-экономического обеспечения безотходного природопользования при реализации горнопромышленных проектов развития арктических территорий // Мониторинг. Наука и технологии. 2018. № S5. С. 15–23. DOI: 10.25714/MNT.2018.38.002.

270. Печаткин В.В. Формирование научно-образовательных центров мирового уровня в регионах России как инструмент повышения конкурентоустойчивости территорий // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 4. С. 3075–3086. DOI: 10.18334/eo.9.4.41267.

271. Пилясов А.Н. Новая экономическая география: предпосылки, идейные основы и применимость моделей // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 4. С. 7–17. EDN: OBUKVD.

272. Подкина К. Ю., Андреева Е.Л. Обзор методических подходов к оценке международной экономической интеграции // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 598–605. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.26.

273. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. № 2. Т. 3. С. 62-73. EDN: OYUWOZ.

274. Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия: коллективная монография / под ред. О.В. Толстогузова. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 241 с. ISBN: 978-5-9274-0842-9

275. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова; под рук. Т.В. Усковой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с. ISBN 978-5-93299-224-1.

276. Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности / Рос. акад. Наук. Ин-т философии; редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.) и др. М.: ИФРАН, 2014. 108 с. ISBN 978-5-9540-0262-1.

277. Пьянкова С.Г., Митрофанова И.В., Ергунова О.Т. Интеграция и планирование в стратегиях развития регионов: концептуально-теоретические и прикладные аспекты // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8. С. 128–136. DOI: 10.24158/tipor.2023.8.15.

278. Разу М.Л. Управление проектом. Основы проектного управления: учебник. М.: КНОРУС, 2007. 768 с. ISBN 978-5-85971-841-2.

279. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999. 479 с.

280. Растворцева С., Усманов Д. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России. Белгород: Константа, 2015. 260 с. ISBN 978-5-9786-0373-6.

281. Растворцева С.Н., Бондарева Я.Ю., Лебедев А.О. Методика оценки экономической интеграции: макро- и мезоуровни // Современная экономика: проблемы и решения. 2016. Т. 5. № 77. С. 145–151. DOI: 10.17308/meps.2016.5/1428.

282. Растворцева С.Н., Лебедев А.О. Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции. М.: ЭконИнформ, 2016. 213 с. ISBN 978-5-9909188-5-6.

283. Растворцева С.Н., Манаева И.В. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 110–127. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.6.

284. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / А. В. Кузнецов, О. В. Кузнецова, К. В. Слесарева [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. 137 с. ISBN 978-5-9535-0427-0.

285. Региональная экономика. Федеральные округа России: учебник / Е.Л. Плисецкий, В.Г. Глушкова, И.Н. Ильина [и др.]. Москва: Издательство «КноРус», 2023. 328 с. ISBN 978-5-406-10602-0.

286. Региональное управление и территориальное планирование: учебник и практикум для вузов / под редакцией Ю. Н. Шедько. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 576 с. ISBN 978-5-534-15585-3.

287. Риски глобальной трансформации арктического пространства Республики Карелия: [коллективная монография] / О.В. Толстогузов, Г.В. Гиенко, Л.В. Комарова [и др.]; под научной редакцией О.В. Толстогузова, Г.В. Гиенко. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2025. 74 с. ISBN: 978-5-8021-4256-1.

288. Родионова Л.В., Троцковский А.Я. Миграция населения как механизм формирования интегрированного социально-экономического пространства // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 3. С. 107–114. DOI: 10.14258/epb202244.

289. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети: Очерки теоретической географии. Смоленск, 1999. 256 с.

290. Романова Е.В. Региональные кластеры и конкурентная экономика (на примере Восточной Германии) // Современная Европа. 2008. № 2 (34). С. 90–104. EDN: MVYCKP.

291. Рохчин В.Е. Основные задачи научного обеспечения пространственного экономического развития регионов (отклик на статью П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология») // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 163–167. DOI: 10.14530/se.2010.4.163-167.

292. Рубцов Г.Г., Литвиненко А.Н. Роль межрегионального сотрудничества в системе современной региональной экономики РФ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 1. С. 97–110. DOI: 10.18721/JE.12108.

293. Руководство по проектированию малых городов в системах расселения / ЦНИИП градостроительства. М.: Стройиздат, 1979. 129 с.

294. Рыбаковский О.Л. Методические вопросы анализа межрегиональных миграций // Народонаселение. 2008. № 1. С. 53–61. EDN: ILJDRB.

295. Рыцарев И.А., Кирш Д.В., Куприянов А.В. Кластеризация медиаконтента из социальных сетей с использованием технологии BigData // Компьютерная оптика. 2018. Т. 42. № 5. С. 921–927. DOI: 10.18287/2412-6179-2018-42-5-921-927.

296. Савельева С.Б. Отечественный и зарубежный опыт региональной интеграции // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2005. Вып. 3. С. 70–75. EDN: RTTQE.

297. Самаруха В.И., Краснова Т.Г., Трусова С.В. Модель создания и реализации межрегионального проекта «Енисейская Сибирь» // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 2. С. 324–331. DOI: 10.17150/2500-2759.2019.29(2).324-331.

298. Самылина В.Г., Гительман Е.Б. Современное состояние природных ресурсов Европейского Севера России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 1 (6). С. 175–184. EDN: TTGUOB.

299. Сасаев Н.И. Основы отраслевого стратегирования: учебное пособие / Н.И. Сасаев. Москва: ИНФРА-М, 2023. 212 с. (Высшее образование: Магистратура). ISBN 978-5-16-018473-9. DOI 10.12737/2009662.

300. Сасаев Н.И. Формирование методологии отраслевого стратегирования промышленности России: на материалах приоритетных отраслей: диссертация ... доктора экономических наук. Москва, 2024. 344 с.

301. Сасаев Н.И., Квинт В.Л. Стратегирование промышленного ядра национальной экономики // Экономика промышленности. 2024. № 17 (3). С. 245–260. DOI: 10.17073/2072-1633-2024-3-1349.

302. Саушкин Ю.Г. Лекции по экономическому районированию СССР. М., 1960. 235 с.

303. Сафонова О.Н., Анчихров Е.А. Внедрение проектного управления в исполнительных органах государственной власти как механизм эффективного управления ресурсами // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2015. № 2 (14). С. 58–67. EDN: UHOJLN.

304. Секушина И.А. Пространственно-временной анализ трансформации городской системы расселения Европейского Севера России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 12 (470). Экономические науки. Вып. 79. С. 102–112. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11211.

305. Секушина И.А. Развитие малых и средних городов северного региона : диссертация ... кандидата экономических наук. Апатиты, 2021. 171 с.

306. Секушина И.А. Рынок труда городских агломераций: состояние и проблемы развития // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 4. С. 525–548. DOI: 10.18334/et.11.4.120814.

307. Семак Е.А. Теоретические основы международной экономической интеграции // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. научн. ст. 2009. Вып. 6. С. 117–134.

308. Середюк И.В., Корчагина И.В. Агломерация как стратегический трек развития региона: перспективы и ограничения // Стратегирование: теория и практика. 2023. № 3(4). С. 379–392. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-4-379-392.

309. Сетевые экономические взаимодействия: монография. / Е.В. Попов, В.Л. Макаров (редактор). 2-е изд., пер. и доп. ред. Москва: ЮРАЙТ, 2019. 167 с. ISBN 978-5-534-11270-2.

310. Симарова И.С. Обоснование регионального развития с учётом связанности экономического пространства: дисс. … канд. экон. наук. Тюмень, 2014. 146 с.

311. Скобелев К.Д., Шацкая И.В., Сидоренко В.С. Стратегические преимущества и препятствия экономическому развитию Арктической зоны России // Экономика устойчивого развития. 2024. № 4 (60). С. 154–156. EDN: OSMYMC.

312. Скуфьина Т.П. Многофакторные вызовы развития Арктической зоны Российской Федерации // Экономика и управление. 2019. № 3 (161). С. 17–22. EDN: DUOBDG.

313. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Феномен неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области: специфика, тенденции, прогноз, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 66–82. DOI: 10.15838/ esc/2017.5.53.5.

314. Смирнов И.П., Виноградов Д.М., Алексеев А.И. К Москве или к Санкт-Петербургу? Тяготение населения Тверской области по данным сети «ВКонтакте» // Известия Русского географического общества. 2019. Т. 151. Вып. 6. С. 69–80. DOI: 10.31857/S0869-6071151669-80.

315. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-4-7-19.

316. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / [Вступ. статья и коммент. канд. экон. наук В.С. Афанасьева]. М: Соцэкгиз, 1962. 684 с.

317. Смородинская Н.В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: ИЭ РАН, 2015. 344 с. ISBN 978-5-9940-0536-1.

318. Современная политика сплочения в ЕС: замыслы и итоги / Б.Л. Лавровский, Е.А. Горюшкина, И.В. Позднякова, Е.В. Спиридинова, А.А. Федеров // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 1. С. 96–113. DOI: 10.25205/2542-0429-2018-18-1-96-113.

319. Современная экономическая энциклопедия / Г.С. Вечканов, Г.Р. Вечканова. СПб.: Лань, 2002. 879 с. ISBN: 5-8114-0450-6.

320. Соколовски В. «Вишеградская» стратегия развития Карпатского региона // Современная Европа. 2018. № 7. С. 86–95. DOI: 10.15211/soveurope7201890100.

321. Социально-экономическое пространство регионов Северо-Запада России: состояние и тенденции развития. 1990–2023 гг.: аналитический бюллетень. Вып. 1 / под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. 139 с.

322. Спиридонов А.А., Фадеев А.М. Управление инновациями в нефтегазовой отрасли на примере деятельности АО «Инжиниринговый центр «Кронштадт»» // Арктика и инновации. 2024. Т. 2. № 4. С. 6–16. DOI: 10.21443/3034-1434-2024-2-4-6-16.

323. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 53.

324. Стратегирование экономического и инвестиционного развития Кузбасса: монография / под научной редакцией В.Л. Квинта. – Кемерово: КемГУ, 2021. 364 с. ISBN 978-5-8353-2724-9.: ил. (Библиотека «Стратегия Кузбасса»).

325. Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Р.Ф. Гатауллина. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. 216 с. ISBN 978-5-9908721-8-9.

326. Субетто А.И. Системогенетическая парадигма теории времени и пространства: монография / под научной ред. д.т.н., д.псих.н., д.пед.н., проф. В.В. Лукоянова. Санкт-Петербург: Астерион, 2016. 60 с. ISBN 978-5-00045-388-9.

327. Сулейманова О.А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды Кольского научного центра

РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Вып. 21. Т. 12. № 4. С. 141–153. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.010.

328. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие. К.: МАУП, 2003. 368 с. ISBN 966-608-290-X.

329. Сухих С.В., Белый Е.М., Вершинин Ю.Б. Государственно-частное партнёрство в сфере жилищных услуг: опыт преодоления посткризисных проблем // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 10. С. 413–419.

330. Сювэнь С. Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути в рамках реализации инициативы «Пояс и Путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 5–15. EDN: ZVHMGX.

331. Татаркин А.И., Лаврикова Ю.Г., Высокинский А.Г. Развитие экономического пространства Российской Федерации на основе кластерных принципов // Федерализм. 2012. № 1. С. 45–60. EDN: OVXWSV.

332. Тажитдинов И.А. Субрегион как особое звено территориально-экономической системы: сущность, особенности функционирования и управления // Вестник УГАТУ. 2013. Т. 17. № 1 (54). С. 191–197. EDN: QISWBJ.

333. Теория систем и системный анализ в управлении организациями: справочник: учеб. пособие / под ред. В.Н. Волковой, А.А. Емельянова. М.: Финансы и статистика, 2006. 848 с. ISBN 5-279-02933-5.

334. Тимирьянова В.М. Пространственная организация региональных систем воспроизводства потребительских товаров: диссертация ... доктора экономических наук. Уфа, 2021. 381 с.

335. Тимофеев А.В. Теоретические аспекты и тенденции развития региональной экономической интеграции // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 3 (42). С. 58–63. EDN: PJHUCV.

336. Томаев А., Каукин А., Павлов П. Внутренняя торговля России: применение гравитационной модели // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 5. С. 60–89. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-5-60-89.

337. Транспортная связность Европейского Севера России: оценка и инструменты обеспечения: монография / колл. авторов; под общ. ред. Т.В. Усковой, С.А. Кожевникова; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН, 2025. 174 с. (Проблемы эффективности государственного управления). ISBN 978-5-93299-624-9.

338. Трейвиш А.И. Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. 2016. № 1 (3). С. 52–70. DOI: 10.17323/demreview.v3i1.1763.

339. Троцковский А.Я., Каплинская И.Е., Родионова Л.В. Понятие и подходы к исследованию интеграции территориальных социально-экономических систем: к постановке вопроса // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 2. С. 114–125. DOI: 10.14258/epb202229.

340. Троцковский А.Я., Супонина И.В., Быкова В.А. Возможности и ограничения исследования межрегиональной торговли как механизма

пространственной интеграции // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2021. № 8. С. 239–243. EDN: SLAPTM.

341. Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономии / пер. с нем. А.А. Рыбникова. М.: Экон. жизнь, 1926. Т. 1. 219 с.

342. Ускова Т.В. Пространственные аспекты устойчивого развития региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 1 (64). С. 81–88. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-1-81-88.

343. Устойчивое развитие территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов: коллективная монография / под ред. В.Л. Тамбовцева, М.Ю. Шерешевой. М., 2018. 448 с. ISBN 978-5-978-5-906932-11-2.

344. Фадеев А.М. Обеспечение производства в Арктике: стратегический взгляд // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 1. С. 15–27. DOI: 10.21603/2782-2435-2021-1-1-15-27.

345. Фадеев А.М. Российская Арктика в международной экономической и геополитической повестке // Арктика и инновации. 2024. № 2 (3). С. 6–14. DOI: 10.21443/3034-1434-2024-2-3-6-14.

346. Фадеев А.М., Ильин И.В., Лёвина А.И., Дубгорн А.С., Рукина П.А. Цифровизация как фактор развития целевых арктических субпространств // Арктика и Север. 2025. № 58. С. 84–101. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.58.84.

347. Философский энциклопедический словарь / ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

348. Фролов Д.П., Мирзоев Р.С., Горшкова Н.П. Институционализация межрегиональных взаимодействий в контексте пространственных трансформаций экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 8. С. 28–36. EDN: GOLGQV.

349. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М., Прогресс, 1979. 684 с.

350. Хворостяная А.С. Стратегическая роль центров трансфера технологии в развитии креативных индустрий экономики // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 7. С. 1221–1238. DOI: 10.18334/ce.14.7.110546.

351. Хворостяная А.С., Квинт В.Л. Разработка и реализация региональной стратегии: основные этапы и приоритеты // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 3. С. 25–34. DOI: 10.37614/2220802X.3.2025.89.002.

352. Хекшер Э. Влияние внешней торговли на распределение дохода / Вехи экономической мысли. Международная экономика / Гос. ун-т ВШЭ; сост. и общ. ред. А. П. Киреева. М.: ТЕИС, 2006. С. 154–173.

353. Холодная Н.Д. ГЧП – новый тип отношений в российской экономике // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 2. С. 42–56. EDN: KKNOED.

354. Холявко С.И. Шведская модель пространственного планирования: функции, проблемы и решения // Вестник Балтийского федерального университета

им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2014. № 7. С. 159–168. EDN: SIZKIP.

355. Хорев Б.С. Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР). М.: Мысль. 1975. 428 с.

356. Цивилев С.Е. Процесс стратегирования формирования и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе // Экономика промышленности. 2024. Т. 17. № 3. С. 237–244. DOI: 17073/2072-1633-2024-3-1341.

357. Цивилев С.Е. Стратегические направления достижения агломерационных эффектов // Стратегирование: теория и практика. 2024. Т. 4. № 3. С. 284–297. DOI: 10.21603/2782-2435-2024-4-3-284-297.

358. Цыкалов В.А., Кузьменков К.И. Особенности межмуниципального сотрудничества во Франции // Мир новой экономики. 2016. Т. 10. № 3. С. 131–138. EDN: WMIGNX.

359. Челнокова О.Ю. Взаимосвязь и взаимообусловленность конвергенции и интеграции в экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16. № 2. С. 154–158. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-2-154-158.

360. Шабунова А.А., Кожевников С.А. Социально-экономическое пространство СЗФО: проблемы и приоритеты обеспечения связности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. № 6. С. 49–68. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-49-68.

361. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Глобализация 3.0 или новая регионализация: к вопросу об этапности мирового развития // Управленческое консультирование. 2021. № 3. С. 10–15. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-3-10-15.

362. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Территориальное управление в 2021 году: новые подходы к традиционным решениям // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 10–16. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-7-10-16.

363. Шацкая И.В. Концепция стратегического управления кадровым обеспечением инновационного развития: диссертация ... доктора экономических наук. Москва, 2021. 395 с.

364. Шацкая И.В., Данилина Е.И. Стратегические аспекты повышения эффективности хозяйственной деятельности промышленных предприятий // Экономика промышленности. 2024. № 17 (2). С. 215–222. DOI: 10.17073/2072-1633-2024-2-1288.

365. Шацкая И.В., Шпак А.В., Жданов Э.Р., Харина О.С., Скобелев К.Д. Стратегическая социально-экологическая оценка Арктики и управление развитием её природно-пространственного потенциала (на основе методологии В. Л. Квинта) // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2025. № 1. С. 248–254. EDN: ZGJVLB.

366. Шестопалов П.Л. Выгоды и возможности проектного управления в органах государственной власти. М., 2015. 26 с.

367. Шкуропат А.В. Возможности использования опыта Канады для совершенствования региональной политики // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. С. 107–118. EDN: TCBWLL.

368. Шумилова Ю.А. Методологические аспекты исследования категории «экономическая интеграция» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2014. № 4. С. 77–86. EDN: TFNPMP.

369. Экономическая и финансовая стратегия: учебник / В.Л. Квинт, И.В. Новикова, М.К. Алимурадов, А.И. Аршинова [и др.]; под науч. ред. В.Л. Квинта. Москва: Издательство Московского университета, 2024. 247 с. ISBN 978-5-19-011996-1. [1] с.: ил. (табл., схем.). (Классический университетский учебник).

370. Экономическая интеграция: пространственный аспект / общ. ред. П.А. Минакира. Рос. акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т экон. исследований. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 352 с. ISBN 5-282-02453-5.

371. Экономическое пространство: теория и реалии / ред. кол.: А.И. Татаркин (рук.) и др.; Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т и др. М.: Экономика, 2011. С. 9–11. ISBN 978-5-282-03153-9.

372. Юрьева Т.В. Проектный подход как инструмент реализации стратегических целей // Экономические науки. 2014. № 11 (120). С. 7–10. EDN: TKBQVR.

373. Якутин Ю. Ещё раз к анализу эффективности становящихся российских корпораций // Российский экономический журнал. 1998. № 9. С. 33–42.

374. Яковлева С.И. Каркасные модели в региональных схемах территориального планирования // Псковский регионологический журнал. № 15. 2013. С. 15–25. EDN: QCVMZN.

375. Янжимаева Ю.И., Холодилин К.А. Конвергенция региональной плотности населения в России за 120 лет: препринт; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (1 Мб). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. (Серия WP2 «Количественный анализ в экономике»). 46 с.

376. Adelman M. Integration and the antitrust laws // Harvard Law Review, 1949. Vol. 63. No. 1. P. 27–77.

377. Adolphsson M. Polycentrism, Monocentrism och Regionförstoring: Alternativa och/eller Komplementära Utvecklingsförlopp / M. Adolphsson, M. Johansson, L. Van Well. Stockholm, 2006. 46 p.

378. Akhmedjonov A., Lau C.K. Do energy prices converge across Russian regions? // Economic Modelling. 2012. Vol. 29, no. 5. P. 1623–1631.

379. Andre D. Polycentrism in national spatial plans in Europe: towards a common spatial vision? Paperback. Lambert Academic Publishing, 2010. 68 p.

380. Anthony G.O. Yeh, Jiang Xu Regional Cooperation in the Pan-Pearl River Delta: A Formulaic Aspiration or A New Imagination? // Built Environment. 2008. № 34(4). P. 408–426.

381. Armstrong H.W, Vickerman R.W. Convergence and Divergence Among European Regions. London: Pion. 1995. 232 p.

382. Aron R. Dix-huit leçons sur la société industrielle. Paris: Gallimard. 1941. 375 p.

383. Auer R., Mehrotra A. Trade linkages and the globalisation of inflation in Asia and the Pacific // Journal of International Money and Finance. 2014. № 49. P. 129–151. DOI: 10.1016/j.jimonfin.2014.05.008.

384. Balassa B. The Theory of Economic Integration. London Routledge. 1961. 304 p.

385. Baltagi B.H., Egger P.H., Erhardt K. The Estimation of Gravity Models in International Trade // Advanced Studies in Theoretical and Applied Econometrics. P. 323–348. DOI: 10.1007/978-3-319-60783-2_11.

386. Barro R., Sala-I-Martin X. Convergence // Journal of Political Economy. 1992. № 100. P. 223–251.

387. Baudelle G., Castagnede B. Le polycentrisme en Europe: Editions de l'Aube, DATAR // Revue Géographique de l'Est, 2002, 43, 266 p. DOI:10.4000/rge.1803.

388. Becattini G. Industrial Sectors and Industrial Districts: Tools for Industrial Analysis / European Planning Studies. 2002. Vol. 10. No. 4. P. 483–493. DOI: 10.1080/09654310220130194.

389. Berkowitz D., DeJong D.N. Regional Integration: An Empirical Assessment of Russia // Journal of Urban Economics. 2003. № 53. P. 541–559. DOI: 10.1016/S0094-1190(03)00028-7.

390. Bivand R., Muller W., Reder M. Power calculations for global and local Moran's I // Computational Statistics and Data Analysis. 2009. Vol. 53. No. 8. P. 2859–2872.

391. Boe D., Grasland, C., Healy A. Spatial integration / Study Programme on European Spatial Planning. 1999. 153 p.

392. Borts G.H., Stein J.I. Economic Crowth in a Free Market. New York, London. 1964. 235 p.

393. Boschma R. Proximity and Innovation: A Critical Assessment // Regional Studies. 2005. Vol. 39. Iss. 1. P. 61–74. DOI: 10.1080/0034340052000320887.

394. Boudeville J. Problems of Regional Economic Planning / The University Press; First Edition Edinburg, 1966. 192 p.

395. Budde, R. et al: Innovationsbericht 2006: Zur Leistungsfähigkeit des Landes Nordrhein-Westfalen in Wissenschaft, Forschung und Technologie. Endbericht – Oktober 2006, RWI Projektberichte, Rheinisch-Westfälisches Institut für Wirtschaftsforschung (RWI), Essen. 2006. 685 p.

396. Byee M. Unions douanieres et donnees nationals // Economie appliquée. 1950. Vol. 3. P. 121–157.

397. Capello R. The city network paradigm: measuring urban network externalities // Urban Studies. 2000. № 37(11). P. 1925–1945. DOI: 10.1080/713707232

398. Cassel G. Some Leading Propositions for an International Discussion of the World's Monetary Problem // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1920. Vol. 89. P. 259–267.

399. Chen C., LeGates R., Fang C. From coordinated to integrated urban and rural development in China's megacity regions, Journal of Urban Affairs, 2019. Vol. 41:2. P. 150–169. DOI: 10.1080/07352166.2017.1413285.

400. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland, Fischer, Jena. 1933. 331 p.

401. Cliff A. D., Ord J. K. The problem of spatial autocorrelation // London Papers in Regional Science 1, Studies in Regional Science / ed. by A. J. Scott. London: Poin, 1969. P. 25–55.

402. Comtois C. Spatial Integration and Geographic Modernization: Review of Theories and Synthesis. Cahiers de géographie du Québec. 1986. Vol. 30. No. 79. P. 41–51.

403. Cooper R. Integration and disintegration. The post-cold war world // Journal of democracy. Wash. 1999. Vol. 10. No. 1. P. 8–21.

404. Coase R. The nature of the firm // Economica. New Series. 1937. Vol. 4. No. 16. P. 386–405.

405. De Vries J. The Randstad: in search of a metropolis for Netherlands (Randstad: à la recherche d'une métropole pour les Pays-Bas) // Bulletin de l'Association de géographes français. 2012. No. 89 (4). P. 534–546.

406. Derudder B., Liu X., Wang M., Zhang W., Wu K., Caset F. Measuring polycentric urban development: The importance of accurately determining the "balance" between "centers"// Cities. 2021. Vol. 111. No. 103009.

407. Deutsch M. A theory of Cooperation-Competititon and Beyond. London: Sage Publications Ltd. 2012. Vol. 2. No. 40. P. 275–306. DOI: 10.4135/9781446249222.

408. Dunning J.H. Multinationals, technology, and competitiveness. London; Boston: Unwin Hyman. 1988. 280 p.

409. Dziewoński K. Teoria regionu ekonomicznego // Przegląd Geograficzny. 1967. Vol. 39. No. 1. P. 33–50.

410. Ekelund R.B., Hébert R.F. Cycles in the Development of Spatial Economics. In: Ohta H., Thisse JF. (eds) Does Economic Space Matter? Palgrave Macmillan, London, 1993. P. 21–37.

411. Enright M. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results. Working Paper // Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program University of Hong Kong. 2000. 21 p.

412. Fischer M., Reismunn M. A methodology for neural spatial interaction modeling // Geographical Analysis. 2002. Vol. 34(3). P. 207–228. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2002.tb01085.x.

413. Fisher A. Production, primary, secondary and tertiary // Economic Record 15.1. 1939. P. 24–38.

414. Forbes K., Rigobon R. No contagion, only interdependence: Measuring stock market comovements // J. Finance. 2002. № 57. P. 2223–2260.

415. Fourastié J. Le Grand Espoir du XXe siècle: Progrès technique, progrès économique, progrès social. Paris : Presses Universitaires de France, 1949. 223 p.

416. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press. 1966. 279 p.

417. Gardner B., Brooks K.N. Food Prices and Market Integration in Russia: 1992–1994 // American Journal of Agricultural Economics. 994. № 76. P. 641–666.

418. Gawer A., Cusumano M. Industry platforms and ecosystem innovation // Journal of Product Innovation Management. 2014. Vol. 31. No. 3. P. 417–433.

419. Geza T., Kincses A., Nagy Z. The changing economic spatial structure of Europe // Norsk Geografisk Tidsskrift. 2014. Vol. 65(5). P. 1–9. DOI: 10.1080/00291951.2014.963665.

420. Gluschenko K. Market integration in Russia during the transformation years // Economics of Transition. 2003. Vol. 11. No. 3. P. 411–434.

421. Gorpe P. Regionalpolitiken i praktiken: ett länsperspektiv / P.Gorpe, R.Sigfridson, and J-E. Nilsson. Stockholm: Fritzes, 2000. 197 p.

422. Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Psychology. 1973. Vol. 78, iss. 6. P. 1360–1380.

423. Guihai Yu, Deyan He, Wenlong Lin, Qiuhua Wu, Jianxiong Xiao, Xiaofang Lei, Zhongqun Xie, and Renjie Wu China's Spatial Economic Network and Its Influencing Factors // Hindawi Complexity. 2020. P. 1–13. DOI: 10.1155/2020/6352021.

424. Guo R. China's spatial (dis)integration as a multiethnic paradox: what do the interprovincial data say? // China Finance and Economic Review. 2016. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–21. DOI: 10.1186/s40589-015-0025-4.

425. Hägerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 334 p.

426. Hague Cl. Polycentricity Scoping Study. Edinburgh: School of the Built Environment Heriot-Watt University, 2003. 38 p.

427. Halbzeitbewertung des Ziel 2-Programms des Landes Nordrhein-Westfalen-Abschlussbericht, Gelsenkirchen, Wien und Strathclyde. Zur Leistungsfähigkeit des Landes Nordrhein-Westfalen in Wissenschaft, Forschung und Technologie, IAT, ÖIR, EPRC. Essen. 2003. 35 p.

428. Heller W. Identities and conceptions of border area populations in East-Central and South-East Europe. Thematic aspects and questions of an actual research field. Journal of Urban and Regional Analysis. 2011. Vol. III. No. 1. P. 5–12.

429. Hotelling H. Stability in Competition // The Economic Journal. 1929. No. 39(153). P. 41–57. DOI: 10.2307/2224214.

430. Houtum Van H. An Overview of European Geographical Research on Borders and Border Regions // Journal of Borderlands Studies. 2000. Vol. 15. No. 1. P. 57–83. DOI: 10.1080/08865655.2000.9695542.

431. Humphrey J., Schmitz H. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? // Regional Studies. 2002. No. 36(9). P. 1017–1027. DOI: 10.1080/0034340022000022198.

432. Isard I. Inter-regional and regional input-output analysis: a model of a space economy // The Review of Economics and Statistics. 1951. Vol. 33. No. 4. P. 318–328.

433. Islam N. What Have We Learnt From the Convergency Debate? // Journal of Economic Surveys. 2003. Vol. 17. Issue 3. P. 309–362. DOI: 10.1111/1467-6419.00197.

434. Jauhiainen J., Kalliomäki H. Towards Fluid Territories in European Spatial Development: Regional Development Zones in Finland // Environment and Planning C Government and Policy. 2011. № 29(4). P. 728–744. DOI: 10.1068/c10162r.

435. Johansson M. Urbanisering, storstäder och tillväxt: En kunskapsöversikt kring sambandet mellan städer och ekonomisk tillväxt. ITPS, 2006.

436. Kemp M. The Gain from International Trade and Investment: A Neo-Heckscher-Ohlin Approach // The American Economic Review. 1966. Vol. 56. No. 4. Part 1. P. 788–809.

437. Khan S., Liu G. The China–Pakistan Economic Corridor (CPEC): challenges and prospects // Area Development and Policy. 2019. No. 4 (4). P. 467–474.

438. Kozhevnikov S. Agglomeration processes on the Russian European North: Vologda region experience // Regional Science Inquiry. 2019. Vol. 11. Iss. 1. P. 85–94. EDN SVPMCP.

439. Kozhevnikov S.A. Integration of Economic Space of the Northern Region: Features and Problems of Ensuring // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13. Iss. 6. P. 68–83. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.4.

440. Kozhevnikov S. Integration processes in the economic space of Russia's northern regions // Regional Science Inquiry. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 193–208.

441. Kozhevnikov S.A. Gaining Efficiency of Public Administration – Key Objective for Modern Russia // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. Iss. 3. P. 78–99. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.4.

442. Kozhevnikov S.A. Management of Vertically Integrated Systems Formation and Development in the Russian Economy // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. Vol. 48. Iss. 6. P. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.3.

443. Kozhevnikov S.A. Problems of the European North of Russia and the Possibilities of Its Participation in the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. Iss. 1. P. 87–107. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.5.

444. Kozhevnikov S.A. Spatial and Territorial Development of the European North: Trends and Priorities of Transformation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. Iss. 6. P. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5.

445. Kozhevnikov S. Spatial development of the Russian European North in the post-soviet period // Regional Science Inquiry. 2020. Vol. 12. Iss. 1. P. 229–244. EDN: PWDDVJ.

446. Kozhevnikov S.A. Spatial integration of the economy: theoretical concepts and problems of implementation at the regional level // Regional Research of Russia. 2023. Vol. 13. No. 3. P. 386–396. DOI: 10.1134/s2079970523700818.

447. Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. Agglomeration Processes in Russian Regions: Specifics and Challenges Related to the Intensification of Positive Effects // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. Iss. 1. P. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.5.

448. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. 1980. Vol. 70. No. 5. P. 950–959.

449. Krugman P. Complex Landscapes in Economic Geography. American Economic Association // Papers and Proceeding. 1994. No. 84. P. 412–416.

450. Kunzmann K. The Europeanization of Spatial Planning in Regional development and spatial planning // enlarged European Union (eds N. Adams, J. Alden, and N. Harris.). London: Routledge, 2006. 21 p.

451. Kvint V.L. Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications. New York: Routledge, 2015. 548 p. ISBN 978-1-315-70931-4.

452. Kvint V. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. New York: Routledge, 2009. 488 p. ISBN 978-0-415-98840-7.

453. Launhardt W. Die Bestimmung des zweckmässigsten Standortes einer gewerblichen Anlage. Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure. 1882. Vol. 26 (Mar). P. 106–115.

454. Lee R. Integration. In Gregory, D., Johnston, R., Pratt, G., Watts, M. J., Whatmore, S. (eds). The Diction-nary of Human Geography (ed. Gregory D). Chichester: Wiley-Blackwell. 2009. 1071 p.

455. Li S., Gong J., Deng Q., Zhou T. Impacts of the Qinghai–Tibet Railway on Accessibility and Economic Linkage of the Third Pole // Sustainability. 2018. Vol. 10(11). P. 3982. DOI: 10.3390/su10113982.

456. Lucas R. On the mechanics of economic development // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. Iss. 1. P. 3–42. DOI: 10.1016/0304–3932 (88) 90168–7.

457. Maillat D. Globalização, meio inovador e sistemas territoriais de produção // Revista Internacional de Desenvolvimento Local. 2002. Vol. 3. No. 4. P. 9–16.

458. Marcuse P. Enclaves yes, ghettos no: Segregation and the state. In: Varady, D. P. (Ed.), Desegregating the city: Ghettos, enclaves, and inequality. Albany, NY: State University of New York Press. 2005. P. 15–30.

459. Marcuse P. The enclave, the citadel, and the ghetto: what has changed in the post-Fordist US city. Urban Affairs Review. SAGE Social Scence Collections. 1997. Vol. 33. No. 2. P. 228–264.

460. Marshall A. Principles of Economics. Variorum edition overseen be C. Guillebaud, L.: McMillan Press. 1961. 450 p.

461. Meijers E. Summing Small Cities Does Not Make a Large City: Polycentric Urban Regions and the Provision of Cultural, Leisure and Sports Amenities // Urban Studies. 2008. No. 45(11). P. 2323–2342. DOI: 10.1177/0042098008095870.

462. Meili R., Mayer H. Small and Medium-Sized Towns in Switzerland: Economic Heterogenity, Socioeconomic Performance and Linkages // Erdkunde. 2017. Vol. 71. P. 313–332. DOI: 10.3112/erdkunde.2017.04.04.

463. Miles D. Macroeconomics: understanding the global economy / David Miles, Andrew Scott and Francis Breedon. 3rd ed. Chichester: Wiley, 2012. XIX, 597 p. ISBN 978-1-119-99571-5.

464. Milgram S, Travers J. An Experimental Study of the Small World Problem // Sociometry. 1969. Vol. 32. No. 4. P. 425–443. DOI: 10.2307/2786545

465. Mitrany D. The Functional Theory of Politics, London: Martin Robertson, 1975. 294 p.

466. Myrdal G. Economic Theory and Under-Developed Regions. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 1957. 167 p.

467. Ohlin B. Interregional and International Trade. Cambridge: Harvard University Press, 1933. 617 p.

468. Ostrom E. Governing the Commons. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 280 p.

469. Perru F. Les techniques quantitatives de la piar Economic et societe. Paris: Economic, 1969. 25 p.

470. Phelps E. Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2013. 368 p. ISBN 978-0-691-15898-3.

471. Pinder J. Problems of European Integration. In: G. Denton (eds.) Economic Integration in Europe. London, Weidenfeld and Nicolson. 1969. P. 143-170.

472. Piovani D., Molinero C., Wilson A. Urban retail dynamics: insights from percolation theory and spatial interaction modelling. PLoS One. 2017. Vol. 12(10). P. 1–11. DOI: 10.1371/journal.pone.0185787.

473. Porter M. Clusters and the new economics of competition // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76. No 6. P. 77–90.

474. Porter M. On Competition. Harvard Business School Publishing. 2008. 544 p.

475. Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. Vol. 14. P. 58–132.

476. Ratzel F. Politische Geographie oder Geschichte der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Munchen-Berlin. 1903. 838 p.

477. Reggiani A. Spatial Interaction Models: From the Gravity to the Neural Network Approach // Contributions to Economic Analysis. 2005. Vol. 266. P. 319–346. DOI: 10.1108/S0573-8555(2005)0000266012.

478. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London; Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1992. 211 p.

479. Roepke W. International Order and Economic Integration. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1959. 276 p.

480. Rozenblat C., Cicille P. Les villes Européennes Analyse comparative. La Documentation française – Paris, 2003. 100 p.

481. Rusk D. Inside game/outside game: Winning strategies for saving urban America. Bibliovault OAI Repository, the University of Chicago Press. 1999. 402 p.

482. Scott J.W. European and North American contexts for cross-border regionalism // Regional Studies. 1990. No. 33. P. 605–617.

483. Simon Phil. The Age of the Platform: How Amazon, Apple, Face-book, and Google Have Redefined Business. Paperback, 2011. 312 p.

484. Sohn J.Y. Network city as a new urban growth model: a review on its formation, spatial structure, management, and growth potential // J. Korean Geographical Society. 2011. No. 46 (2). P. 181–196.

485. Stiglitz J. Making globalization work / Joseph E. Stiglitz. – New York: W.W. Norton & Company, 2006. 339 c. ISBN 978-0-393-06122-2.

486. The Role, Specific Situation and Potentials of Urban Areas as Nodes in a Polycentric Development. ESPON Project 1.1., Second interim report, Nordregio, 2003. 610 p.

487. Tinbergen J. Shaping the World Economy: Suggestions for an International Economic Policy. New York: Twentieth Century Fund, 1962. 330 p.

488. Topaloglou L., Kalliora D., Manetos P., Petrakos G. A Border Regions Typology in the Enlarged European Union // Journal of Borderlands Studies. 2005. Vol. 20. No. 2. P. 67–89. DOI: 10.1080/08865655.2005.9695644.

489. Torre A., Rallet A. Proximity and Localization // Regional Studies. 2005. Vol. 39. Iss. 1. P. 47–59. DOI: 10.1080/0034340052000320842.

490. Uskova T.V., Kozhevnikov S.A. Management of the regional economy on the basis of partnership interaction between the authorities and business structures // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2014. Vol. 36. Iss. 6. P. 34–46. DOI: 10.15838/esc/2014.6.36.3.

491. Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Trends in the Spatial Development of Regions in the Northwest of Russia in the 21st Century // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17. Iss. 5. P. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15.

492. Vernon R. International Investment and International Trade in the Product Cycle, // The Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol. 80. Iss. 2. P. 190–207. DOI: 10.2307/1880689.

493. Viner J. The Customs Union Issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. 221 p. DOI: 10.1017/S0003055400060755.

494. Vocational Education and Smart Specialisation Strategies Report from the joint JRC – DG EMPL workshop. Brussels. 2020. 23 p. DOI: 10.2760/682438.

495. Volgmann K., Rusche K. The Geography of Borrowing Size: Exploring Spatial Distributions for German Urban Regions // Tijdschr. Voor Econ. En Soc. Geogr. 2020. Vol. 111. P. 60–79. DOI: 10.1111/tesg.12362.

496. Walker R., Storper M. Capital and Industrial Location. Progressive Human Geography. 1981. P. 473–509.

497. Wallerstein I. The Rise and Future Demise of the of the World-Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis // Comparative Studies in Society and History. 1974. Vol. 16. No. 4. P. 387–415.

498. Waterhout B. Polycentric development. What is behind it? In European Spatial Planning (ed. Faludi A.), Cambridge, Mass: Lincoln Institute of Land Policy, 2002. P. 83–103.

499. Widgren M., Alho K., Kotilainen M., Nikula N., Kaitila V. Avau-tuva talous ja aluekehitys – suhteellinen et uja kasautumisvoimat tuotannon sijoittumisen ohjaajina Suomessa // ETLA Keskusteluaiheita. 2007. 1113 p.

500. Williamson O. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. N.Y.: Free Press, 1975. 286 p.

501. Wilson A.G. Some new forms of spatial interaction model: a review // Transportation Research. 1975. Vol. 9(2–3), P. 167–179. DOI: 10.1016/0041-1647(75)90054-4.

502. Yang W.L., Du D.B., Liu C.L., Ma Y.H. Study on the spatial-temporal evolution and internal mechanism of geo-economic connections of China // Acta Geographica Sinica. 2016. Vol. 71(6). P. 956–969. DOI: 10.11821/dlxb201606005.

503. Yeung, Yu. Emergence of the Pan-Pearl River Delta. Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2005. 87. P. 75–79. DOI: 10.1111/j.0435-3684.2005.00179.x.

504. Yi Li, Fulong Wu Understanding city-regionalism in China: regional cooperation in the Yangtze River Delta // Regional Studies. 2017. No. 52(3). P. 1–12. DOI: 10.1080/00343404.2017.1307953.

505. Yoffie D., Cusumano M. Strategy rules: Five timeless lessons from Bill Gates, Andry Grove and Steve Jobs. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. 2016. 272 p.

506. Yu Y., Han Q., Tang W., Yuan Y., Tong Y. Exploration of the Industrial Spatial Linkages in Urban Agglomerations: A Case of Urban Agglomeration in the Middle Reaches of the Yangtze River, China // Sustainability. 2018. Vol. 10(5). P. 1469. DOI: 10.3390/su10051469.

507. Zablodska I., Sieriebriak K., Kolomytseva O., Dzhumageldiyeva G., Rohozian Y. Interregional Partnership as a Back-ground for the Sustainable Development: European Facet // European Journal of Sustainable Develop-ment. 2019. No. 8(2). P. 365–378. DOI: 10.14207/ejsd.2019.v8n2p365.

508. Zonneveld W. Discursive aspects of strategic planning: a deconstruction of the ‘balanced competitiveness’ concept in European spatial planning // The Revival of Strategic Planning. / (eds W Salet and A. Faludi). Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2000. P. 267−280.

Электронные ресурсы:

509. Академик усомнился в способности инжиниринговых центров РФ создавать прорывные технологии // ТАСС. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/10972455 (дата обращения: 12.08.2025).

510. Архангельский ЛПК резко увеличил экспорт продукции в страны Африки и Азии // Правда Севера. URL: https://pravdasevera.ru/2023/01/16/63c51c27d1d3f53209491202.html (дата обращения: 14.04.2025).

511. Бикмурзин Р. Проектное управление – что это такое в реальности? // HP – портал. URL: http://hr-portal.ru/blog/proektnoe-upravlenie-chto-eto-takoe-v-realnosti-chast-1-prakticheskiy-smysl (дата обращения: 12.04.2025).

512. Генеральная схема расселения на территории Российской Федерации (основные положения) (одобрена Правительством РФ, протокол от 15 декабря 1994 года № 31) // Гарант. URL: https://base.garant.ru/71229664/?ysclid=ma6h2vyypy107466923 (дата обращения: 02.05.2025).

513. Государственная автоматизированная информационная система «Управление» [Электронный источник]. URL: https://gasu.gov.ru/stratdocuments (дата обращения: 12.11.2024).

514. Долгосрочный план социально-экономического развития Екатеринбургской агломерации до 2030 года (утв. 27 декабря 2023 №: 108пр) // Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. URL: https://economy.midural.ru/documents/active/16703/?ysclid=mkjhwldg323437115 (дата обращения: 20.05.2025)

515. Древаль А.Н. Методы исследований в МЕН / Томский политехнический университет. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/d/DREVAL/forstudents/Methods/2.2._Lecture_Module_SYSTEMS.pdf (дата обращения: 31.03.2025).

516. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: https://rosstat.gov.ru/emiss (дата обращения: 05.11.2024).

517. Единый перечень опорных населённых пунктов Российской Федерации (утв. президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от 16 декабря 2024 г. № 143пр)) / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/ (дата обращения: 02.05.2025).

518. Единый план по достижению национальных целей развития РФ до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. // Официальный сайт Правительства России. URL: http://government.ru/news/53927/ (дата обращения: 16.05.2025).

519. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ (ред. от 23.12.2020 № 163-ОЗ) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/571049329?marker=64U0IK (дата обращения: 16.11.2025).

520. Интеграционный бизнес-барометр ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/iblock/85a/EDB_2022_Report-1_Integration-Business-Barometer_rus.pdf (дата обращения: 10.07.2024)

521. Кожевников С.А. Особенности развития государственно-частного партнёрства в регионах России // Вопросы территориального развития. 2015. № 9 (29). URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/1645 (дата обращения: 16.05.2025).

522. Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/2037/full?_lang=ru (дата обращения: 16.05.2025).

523. Кожевников С.А. Формирование технологических цепочек добавленной стоимости в форме вертикальной интеграции // Вопросы территориального развития. 2016. № 3. URL: http://vtr.vscc.ac.ru/article/1885. (дата обращения: 16.05.2025).

524. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konceptciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

525. Координационный совет по приграничному и межрегиональному сотрудничеству Северо-Западного федерального округа // Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе. URL: http://szfo.gov.ru/sovet/org7/ (дата обращения: 01.11.2024).

526. Лексин В.Н. Стратегия пространственного развития страны: дискуссия о приоритетах // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-strany-diskussiya-o-prioritetah (дата обращения: 18.08.2025).

527. Марат Хуснуллин: Перечень опорных населённых пунктов более чем наполовину состоит из малых городов и сел // Сайт Правительства России. URL: http://government.ru/news/54893/ (дата обращения: 13.05.2025).

528. Научно-образовательный центр «Российская Арктика: новые материалы, технологии и методы исследования». URL: https://secarctic.ru/#cookies=yes (дата обращения: 04.08.2024).

529. Национальные проекты России. URL: https://национальныепроекты.рф (дата обращения: 28.04.2025).

530. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29874 (дата обращения: 10.10.2025).

531. Орлов С.Л., Строев П.В. Стратегическое значение макрорегионов в пространственном развитии экономики России // Вестник экономики, права и социологии. 2023. №2. С. 63-68. URL: https://vestnykeps.ru/0223/13.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

532. Отчёт о научно-исследовательской работе «Принципы формирования Екатеринбургской агломерации» // ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор». URL: https://old-minstroy.midural.ru/uploads/3%20этап_Книга1_Аналитический%20отчет.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

533. Отчёт о разработке концепции социально-экономического и пространственно-территориального развития агломерации «Томск – Северск – Томский район» // Zaki.ru законы и право. URL: https://tomsk.gov.ru/files/front/download?id=139372 (дата обращения: 20.05.2025).

534. Официальный сайт АНО «Стратегическое партнёрство “Северо-Запад”». URL: https://vk.com/partnerstvo.szfo (дата обращения: 20.05.2025).

535. Официальный сайт Министерства экономического развития и промышленности Республики Карелия. URL: https://economy.gov.karelia.ru/about/4165/ (дата обращения: 20.09.2021).

536. Паспорт комплексного плана «Транспортная часть комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024

года» // Минтранс РФ. URL: https://mintrans.gov.ru/documents/9/12721?type= (дата обращения: 01.05.2025).

537. Перечень опорных населённых пунктов более чем наполовину состоит из малых городов и сел / Фонд развития территорий. 28 апреля 2025. URL: https://xn--p1aee.xn--p1ai/news/perechen-opornykh-naselennykh-punktov-bolee-chem-napolovinu-sostoit-iz-malykh-gorodov-i-sel/ (дата обращения: 02.05.2025).

538. Полярный индекс. Регионы – 2025. URL: https://polarindex.ru/ratings/polar-index-regions/2025/ (дата обращения: 06.01.2026).

539. Постановление Правительства Архангельской области от 29 августа 2017 г. № 345-пп «Об утверждении Концепции развития межрегиональных связей Архангельской области на период до 2020 года» // Гарант: URL: https://base.garant.ru/42976842/?ysclid=ma6wim4t4308731986 (дата обращения: 03.04.2024).

540. Постановление Правительства Мурманской области от 25 декабря 2013 года №768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» // Электронный фонд правовых и научно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/465602093 (дата обращения: 18.08.2025).

541. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 7 сентября 2022 года №516 «О Стратегии социально-экономического развития Зауралья Республики Башкортостан до 2030 года и плане мероприятий по её реализации» // Электронный фонд правовых и научно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/406979332 (дата обращения: 18.08.2025).

542. Постановление Правительства Республики Коми от 11.04.2019 № 185 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/1100201904160001?index=200 (дата обращения: 18.08.2025).

543. Постановление Правительства РФ от 07.03.2000 № 198 «О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26438/ (дата обращения: 18.08.2025).

544. Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР» // Гарант: URL: https://base.garant.ru/403069486/ (дата обращения: 03.04.2024).

545. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской

Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (дата обращения: 18.08.2025).

546. Постановление Правительства Свердловской области от 30.01.2025 № 37-ПП «Об утверждении Порядка принятия решения о разработке, формирования, утверждения и реализации стратегий социально-экономического развития части территории Свердловской области» // КонсультантПлюс Свердловская область. URL: https://giod.inelt.com/files/230994 (дата обращения: 18.08.2025).

547. Постановление Правительства Челябинской области от 20 апреля 2016 г. № 172-П «О схеме территориального планирования части территории Челябинской области применительно к главному планировочному узлу города Челябинска (территория Челябинской агломерации)» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/19793620/ (дата обращения: 15.05.2025).

548. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства». 20 июля 1934 г. Печатается по тексту документа, хранящегося в ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 949, л. 72-81. (Впервые опубликовано в изложении в газете «Правда», 1934, 3 августа, № 212) // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/445995-postanovlenie-snk-sssr-i-tsk-vkp-b-o-meropriyatiyah-po-razvitiyu-severnogo-morskogo-puti-i-severnogo-hozyaystva-20-iyulya-1934-g#mode/inspect/page/2/zoom/4 (дата обращения: 02.05.2025).

549. Преодоление пространственного неравенства. Как снова собрать советский «пазл» в условиях рыночной экономики // Всемирный банк. [Электронный источник]. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/rolling-back-russias-spatial-disparities (дата обращения: 20.10.2025).

550. Проект Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный источник] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/konceptciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

551. Проектное управление в системе государственного управления. URL: https://pm.center/projectmanagement/proektnoe-upravlenie-v-sisteme-gosudarstvennogo-upravleniya/ (дата обращения: 13.04.2024).

552. Проскурнин С.Д. Формирование саморазвивающихся инновационных экосистем в инновационных центрах – пространственных точках роста научно-технологического лидерства страны и регионов // Региональная экономика и управление: электрон. науч. ж-л. 2022. № 1(69). Номер статьи: 6908. DOI: 10.24412/1999-2645-2022-169-8. URL: https://eee-region.ru/article/6908/ (дата обращения: 16.11.2024).

553. Распоряжение Правительства Республики Карелия от 29 декабря 2018 года № 899р-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года» // URL: https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW904&n=58645#Ds4gDuUC8OvdA3u61 (дата обращения: 18.08.2025).

554. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года» // КонсультантПлюс.
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123118/ (дата обращения: 18.08.2025).

555. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438649/ (дата обращения: 18.08.2025).

556. Распоряжение Правительства РФ от 06 сентября 2010 г. № 1485-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105643/ (дата обращения: 18.08.2025).

557. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 18.08.2025).

558. Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/ (дата обращения: 18.08.2025).

559. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2019 № 3227-р (ред. от 09.11.2023) «Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342452/ (дата обращения: 18.08.2025).

560. Распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2023 г. № 3377-р «Об утверждении перечня опорных населённых пунктов (муниципальных образований) Арктической зоны РФ, в том числе выполняющих функции по обеспечению национальной безопасности и (или) функции базы для развития минерально-сырьевых центров, реализации экономических и (или) инфраструктурных проектов в Арктике» // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408019009/ (дата обращения: 16.01.2025).

561. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/ (дата обращения: 18.08.2025).

562. Распоряжение Правительства РФ от 3 декабря 2020 г. № 3182-р «Перечень победителей конкурсного отбора 2020 года для последующего предоставления государственной поддержки научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции образовательных организаций высшего образования и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики». URL: http://static.government.ru/media/files/H2swwqOZwPLjD8x2yRAVsko0sADMqyTt.pdf (дата обращения: 04.08.2024).

563. Российский опыт создания ИНТЦ: сквозь тернии к звёздам. URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/rossiiskii-opyt-sozdaniya-intc-skvoz-ternii-k-zvezdam (дата обращения: 16.11.2024).

564. Рост экспорта, бум в туризме, развитие Арктики. Как пережила экономика Карелии трудный 2022-й // Официальный сайт Фонда развития промышленности Республики Карелия. URL: https://karelia.news/analitika/10081009/rost-yeksporta-bum-v-turizme-razvitie-arktiki-kak-perezhila-yekonomika-karelii-trudnyy-2022-y/ (дата обращения: 12.04.2024).

565. Сайт НОЦ.РФ. URL: https://ноц.рф/centers/nauchno-obrazovatelnii-centr-mirovogo-urovnya-rossiiskaya-arktika-novie-materiali-tehnologii-i-metodi-issledovaniya (дата обращения: 04.08.2024)

566. Система индикаторов евразийской интеграции II. ЦИИ ЕАБР, 2014. 110 с.. URL: https://eabr.org/upload/iblock/410/edb-centre_report-22_siei-ii_rus_1.pdf (дата обращения: 15.06.2024).

567. Справочно-информационная система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 13.05.2025).

568. Стратегия Саратовской агломерации. Ключевые положения // ГКУ СО «Центр развития Саратовской агломерации и индустриальных парков». URL: https://xn----7sbabamcq2a1alxhweou9d2j.xn--p1ai/news/sobytiya/prinyata-strategiya-prostranstvennogo-i-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-saratovskoy-aglomeratsii/?ysclid=maw4oxnr75609974941 (дата обращения: 20.05.2025).

569. Территориальный состав, ЭГП и природно-ресурсный потенциал Европейского Севера // КиберПедия. URL: https://cyberpedia.su/16x469a.html (дата обращения: 05.11.2024).

570. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/408992634/#block_11 (дата обращения: 18.08.2025).

571. Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/ (дата обращения: 18.08.2025).

572. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 18.08.2025).

573. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 18.08.2025).

574. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/71587690/ (дата обращения: 17.08.2025).

575. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/74810556/ (дата обращения: 01.05.2025).

576. Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/1548326/ (дата обращения: 17.08.2025).

577. Фаузер В.В., Назарова И.Г. Формирование населения и человеческих ресурсов: опыт северных стран. URL: https://koet.syktsu.ru/vestnik/2010/2010-3/10/10.htm (дата обращения: 02.08.2025).

578. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 18.08.2025).

579. Федеральный закон от 17.12.1999 № 211-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25312/ (дата обращения: 31.05.2024).

580. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/70684666/ (дата обращения: 17.08.2025).

581. Цыденов: «Белкомур» может быть реализован после стабилизации мировой экономики // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/23357555 (дата обращения: 11.07.2025).

582. Экономическая интеграция регионов за рубежом: государственная политика и академические рекомендации. URL: http://kapital-

rus.ru/articles/article/ekonomicheskaya_integraciya_regionov_za_rubezhom_gosudarstvennaya_politika_/ (дата обращения: 01.09.2024).

583. A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide) // Fifth Edition. URL: http://www.pmi.org (date of access: 16.06.2024).

584. Asean economic community scorecard. URL: https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/documents/scorecard_final.pdf (date of access: 29.06.2024).

585. Best Practices for Industry-University Collaboration. URL: https://dspace.mit.edu/bitstream/handle/1721.1/38662/163578646-MIT.pdf?sequence=2&isAllowed=y (date of access: 04.08.2024).

586. Connelly S. Bradley K. Spatial justice, European spatial policy and the case of polycentric development // Paper for the ECPR Workshop on "European Spatial Politics or Spatial Policy for Europe?" Sweden, Uppsala, 2004. URL: https://relocal.eu/wp-content/uploads/2017/01/acf96714-7941-4f8c-a6a4-4680370473d3.pdf. (date of access: 20.01.2025).

587. Context of integrated territorial development strategies in Poland / ECP Poland, 2011.. URL: www.espon-interstrat.eu/admin/attachments/20110526141146_POLAND_FIN.pdf. (date of access: 31.05.2024).

588. ESPON ACTAREA: Thinking and planning in areas of territorial cooperation European Atlas of Soft Territorial Cooperation / Final Report. URL: https://www.researchgate.net/publication/332354299_ESPON_ACTAREA_Thinking_and_planning_in_areas_of_territorial_cooperation_European_Atlas_of_Soft_Territorial_Cooperation_Final_Report/link/5cafdac8299bf120975f7b38/download (date of access: 18.06.2024).

589. EUROPE 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/?uri=celex%3A52010DC2020 (date of access: 02.06.2024).

590. European regional policy: a source of inspiration for countries that are not part of the EU? URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/presenta/international/external_ru.pdf (date of access: 23.06.2024).

591. European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sumen.pdf (date of access: 23.06.2024).

592. Input-Output Accounts Data // Bureau of Economic Analysis. Available at http://bea.gov/industry/io_annual.htm (date of access: 12.07.2023).

593. JESSICA 2014-2020. MultiRegion Study for Italy (Marche, Emilia-Romagna, Lazio, Veneto) / The European Investment Bank. Final Report. 2013. URL: http://www.eib.org/attachments/documents/jessica_italy_multi_region_en.pdf. (date of access: 31.05.2024).

594. Kaukin A., Idrisov G. Spatial Gravity Model of Foreign Trade. 2013. URL: https://ssrn.com/abstract=2273162. DOI: 10.2139/ssrn.2273162 (date of access: 28.01.2025).

595. Li Xia 8 western Chinese provinces cooperate to build new int'l land-sea trade corridor / Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-01/07/c_137726678.htm (date of access: 31.05.2023).

596. Meijers E., Waterhout B., Zonneveld W. Closing the Gap: Territorial cohesion through polycentric development // European Journal of Spatial Development. 2007. №24. URL: https://journals.polito.it/index.php/EJSD/article/view/179 (date of access: 28.01.2025).

597. Öhman J. Den planeringsinriktade kulturgeografin i Sverige in Traditioner i Nordisk kulturgeografi, (ed. J. Öhman), Stockholm, 1994. URL: https://kansalliskirjasto.finna.fi/Record/vaari.1569666 (date of access: 28.01.2025).

598. Russia Sanctions Dashboard. URL: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard (date of access: 05.11.2024).

599. 17 Goals to Transform Our World. Available at: https:// www.un.org/sustainabledevelopment/ (date of access: 18.10.2025).

600. Single Market Scoreboard / European Commission. URL: https://single-market-scoreboard.ec.europa.eu/competitiveness/integration_en (date of access: 29.06.2024).

601. SOU 1974: 1 Orter i regional samverkan. URL: https://lagen.nu/sou/1974:1 (date of access: 24.01.2025).

602. Spotlight on Shenzhen // Nature. 2007. 27 September. URL: https://www.nature.com/articles/nj0181 (date of access: 04.08.2024).

603. The Case of the TopTechnology Region/ Eindhoven-Leuven-AachenTriangle (TTR-ELAt) – Regions and Innovation: Collaborating Across Borders», 2013. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2013/12/the-case-of-the-top-technology-region-eindhoven-leuven-aachen-triangle-ttr-elat-regions-and-innovation-collaborating-across-borders_g17a238f/5k3xv0lg3hf5-en.pdf (date of access: 11.02.2023).

604. WTO Regional Trade Agreements Gateway. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (date of access: 27.02.2024).

605. Zhou N. Partner assistance among China’s provinces (i): an overview / Singapore: East Asian Institute, National University of Singapore, 2019. URL: https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2019/02/BB1431.pdf (date of access: 31.05.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ

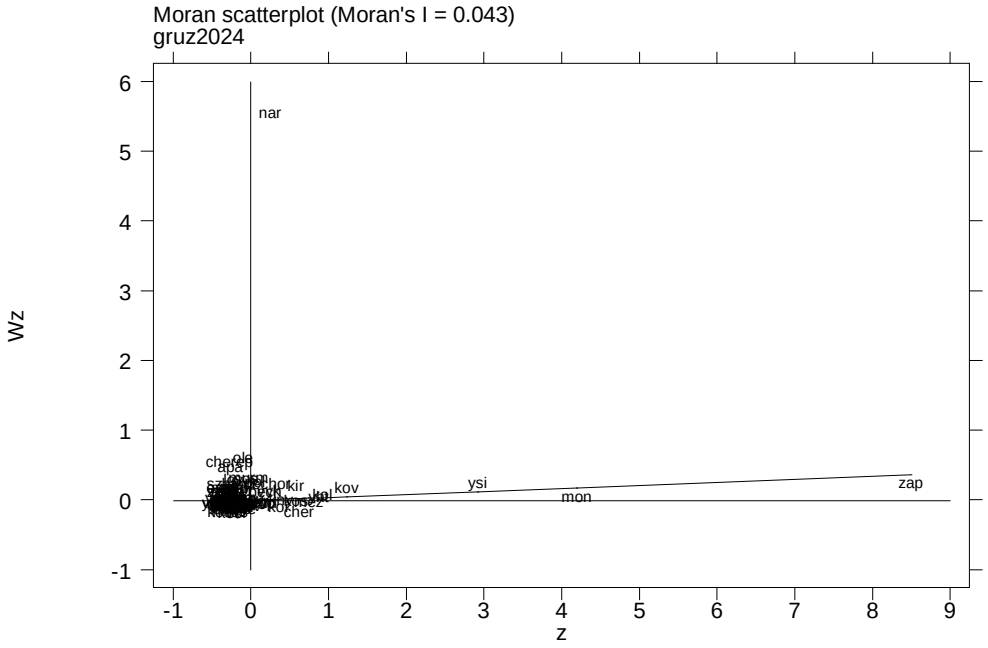

Рисунок 1. Диаграмма рассеяния Морана по показателю «Объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) на душу населения» (2024 г.).

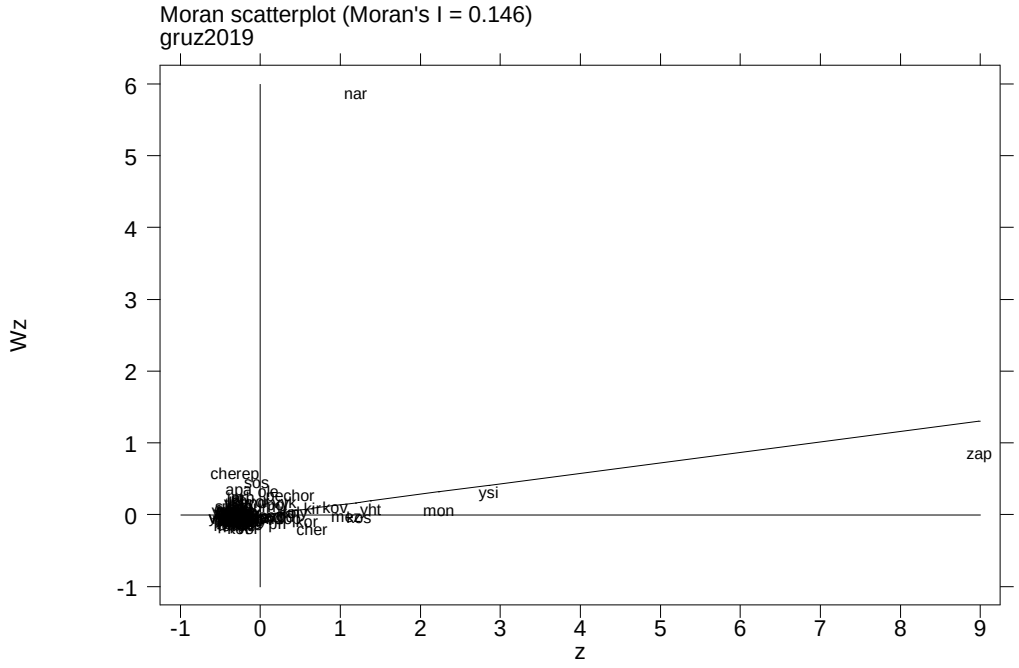

Рисунок 2. Диаграмма рассеяния Морана по показателю «Объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) на душу населения» (2019 г.).

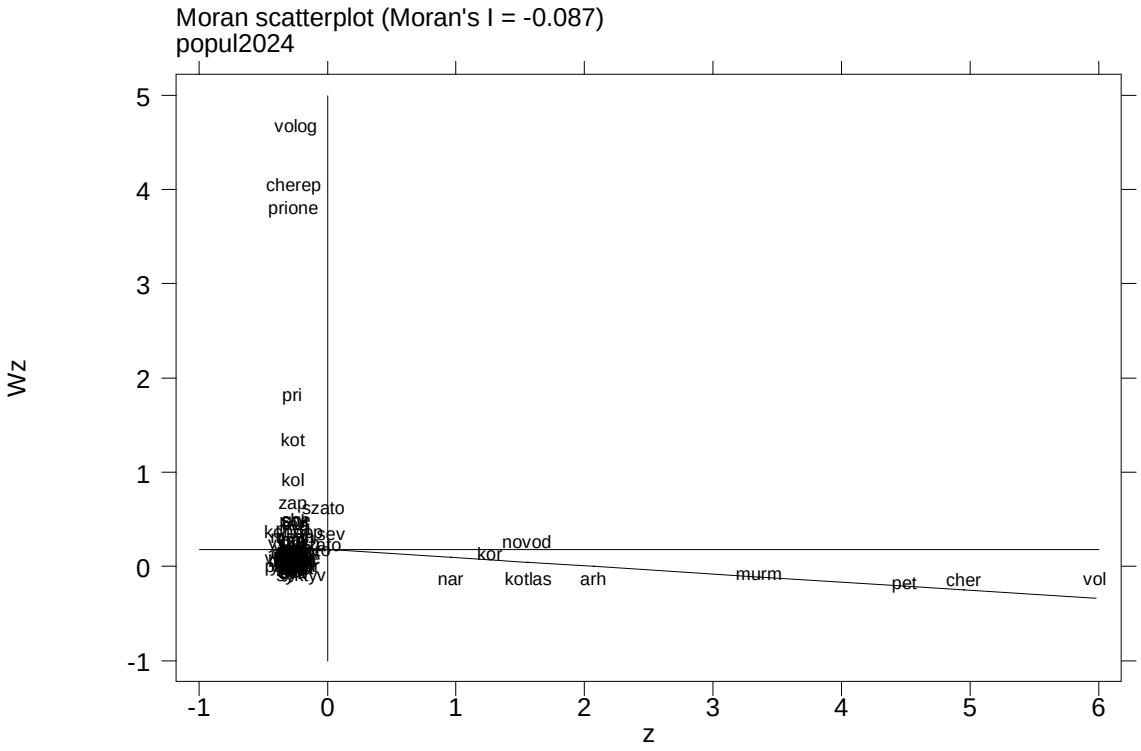

Рисунок 3. Диаграмма рассеяния Морана по показателю «Плотность населения» (2024 г.).

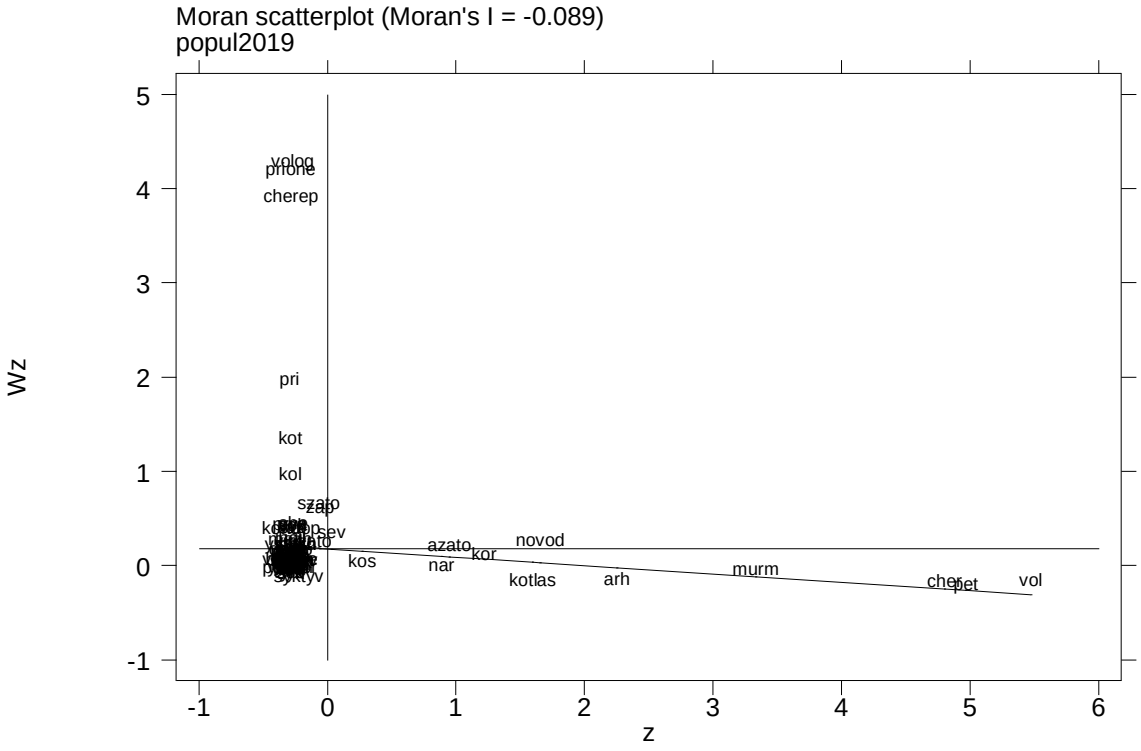

Рисунок 4. Диаграмма рассеяния Морана по показателю «Плотность населения» (2019 г.).

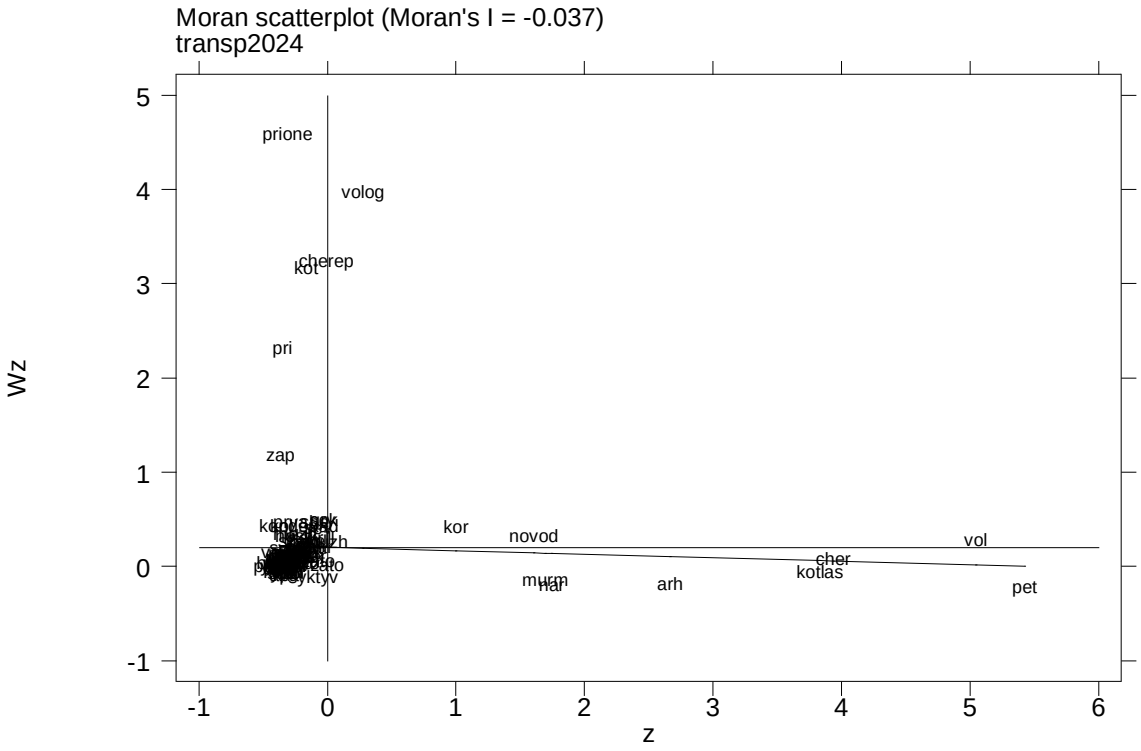

Рисунок 5. Диаграмма рассеяния Морана по показателю «Плотность автодорог общего пользования местного значения, находящихся в собственности муниципалитета» (2024 г.).

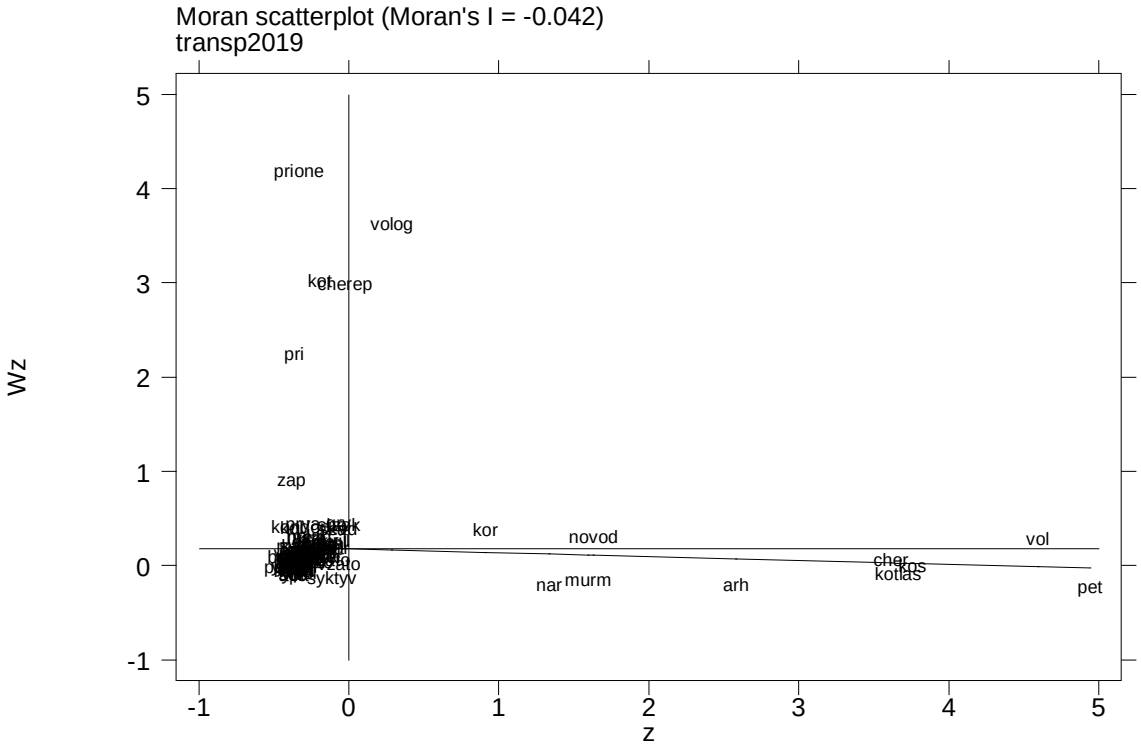

Рисунок 6. Диаграмма рассеяния Морана по показателю «Плотность автодорог общего пользования местного значения, находящихся в собственности муниципалитета» (2019 г.).